НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ СКАЗКИ.

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ СКАЗКИ.

А. Н. АѲАНАСЬЕВА.

ВЫПУСКИ I и II.

Изданіе 3-е, дополненное, К. Солдатенкова.

ЦѢНА 1 р. сер.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

DR. BARANOV ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ КНИГИ

Дозволено цензурой. Москва, 30 іюня 1863 года.

Печатано съ изданія 1858 г. съ перемѣнами.

ВЫПУСКЪ ПЕРВОЙ.

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, причитаніями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимаютъ *сказки*. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанію, со всѣми другими памятниками народнаго слова и исполненныя древнихъ преданій, онѣ представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Важное значеніе народныхъ сказокъ, какъ обильнаго матеріала для исторіи словесности, филологіи и этнографіи, давно сознано и утверждено даровитѣйшими изъ германскихъ ученыхъ. Они не только поспѣшили собрать свои народныя сказки и легенды, но еще усвоили нѣмецкой литературѣ въ прекрасныхъ переводахъ почти все, что было издано по этому предмету у другихъ народовъ. Конечно, нигдѣ не обращено такого серьёзнаго вниманія на памятники народной словесности, какъ въ Германіи, и въ этомъ отношеніи заслуга нѣмецкихъ ученыхъ дѣйствительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный трудъ, подъятый ими на пользу народности, послужилъ и намъ благимъ примѣромъ. Пора наконецъ и намъ дѣльнѣй и строже заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ простонародныхъ сказокъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ поэтическаго и ученаго достоинствъ подобнаго сборника, онъ можетъ съ

пользою послужить для первоначальнаго воспитанія, представляя занимательные разсказы для дѣтскаго чтенія. Разумѣется, предпринимая изданіе съ этою послѣднею цѣлью, необходимо допустить строгій выборъ, но такой выборъ легко будетъ сдѣлать. Увлекаясь простодушною фантазіею народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкнетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій, и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно-вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ: Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавая ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій, подъ конецъ своей жизни, думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о себѣ: „вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!"

Цѣль настоящаго изданія объяснить сходство сказокъ и легендъ у различныхъ народовъ, указать на ученое и поэтическое ихъ значеніе, и представить образцы русскихъ народныхъ сказокъ.

Мы не разъ уже говорили о доисторическомъ сродствѣ преданій и повѣрій у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени. Такое сродство условливалось: во первыхъ, одинаковостью первоначальныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ въ человѣкѣ видимою природою, обожаніе которой легло въ основу его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, въ эпоху младенчества народовъ; во вторыхъ, единствомъ древнѣйшаго происхожденія нынѣ столько разъединенныхъ народовъ. Раздѣляясь отъ еди-

наго корня на отдѣльныя вѣтви, они вынесли изъ прошлой своей жизни множество одинаковыхъ преданій, и доказательства своего изначальнаго родства затаили въ звукахъ роднаго слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался языкъ, создавались и народныя вѣрованія и вѣрная ихъ представительница — народная поэзія; образованіе слова и миѳа шло одновременно, и взаимное воздѣйствіе языка на созданіе миѳическихъ представленій и миѳа на рожденіе слова не подлежитъ сомнѣнію. Теперь, если мы припомнимъ, что народныя сказки древнѣйшей первичной формаціи сохранили въ себѣ много указаній и намековъ на сѣдую старину доисторическаго періода, что онѣ суть обломки древнѣйшаго поэтическаго слова — эпоса, который былъ для народа хранилищемъ его вѣрованій и подвиговъ, — для насъ будетъ понятно и то удивительное съ перваго взгляда сходство, какое замѣчается между сказками различныхъ народовъ, живущихъ на столь отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ и столь разною историческою жизнію. Особенно такое сходство замѣчается между сказками народовъ, состоящихъ въ наиболѣе близкомъ племенномъ родствѣ, наприм. между сказками славянскими, литовскими и нѣмецкими. Читатели убѣдятся въ этихъ высказанныхъ нами мнѣніяхъ изъ подробнаго сличенія народныхъ сказокъ, на которомъ мы, съ надеждою пояснить многія старинныя преданія, основываемъ примѣчанія къ нашему изданію.

Народныя русскія сказки раскрываютъ предъ нами обширный міръ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ славянскихъ племенъ; олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и при-

мѣты — все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный своею младенческою наивностью, теплою любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго. Могучія силы и поразительныя явленія природы, признанныя въ эпоху язычества за боговъ, вслѣдствіе обычнаго развитія древнихъ вѣрованій воплощались не только въ птицъ и звѣрей, но и въ антропоморфическіе образы, и сблизившись мало-по-малу съ человѣческими формами и свойствами, снизошли наконецъ съ своей недосягаемой высоты на степень *героевъ*, доступныхъ людскимъ страстямъ и житейскимъ тревогамъ, и породили богатырскія сказанія, повѣствующія о ихъ чудесныхъ подвигахъ. Таковы всѣ герои финской поэмы Ка́левалы и греческіе полубоги; таковъ нашъ змѣй-горынычъ, который въ „былинахъ" является уже богатыремъ, хотя и сохраняетъ всѣ атрибуты огненнаго змѣя (молніеносной тучи); таковы въ народныхъ сказкахъ великаны и богатыри, удержавшіе даже свои стихійныя названія: *Вихорь*, *Громъ*, *Градъ*. Эти сказочные герои усвоили себѣ то страшное могущество, какое принадлежитъ силамъ природы, и получили громадные, соотвѣтственные этому могуществу размѣры; самое слово *богатырь* (отъ слова *богъ* чрезъ прилагательное *богатъ*; сравни латинск. *deus*, *dives*, *divus* отъ корня *div* — блистать, свѣтить, откуда и наши баснословные *дивы*) означаетъ существо, надѣленное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и ихъ битвы съ великанами и зміями суть только о́бразныя, поэтическія изображенія естественныхъ явленій, такъ могущественно вліяющихъ на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, въ народныхъ сказкахъ представляется златокудрою дѣвою неописанной красоты, похи-

щаемою зміемъ, который уноситъ ее въ свои неприступныя горы и ограждаетъ крѣпкими затворами; освободителемъ красной дѣвицы является богатырь, владѣтель чудодѣйственнаго меча-саморуба т. е. самъ Перунъ, божество грозы и молніи: онъ проникаетъ въ мрачныя подземелья, выпиваетъ тамъ всю сильную воду и поражаетъ змія, или говоря простымъ, обыкновеннымъ языкомъ, онъ разбиваетъ тучи молніей, проливаетъ на землю дождь и выводитъ изъ зміиныхъ пещеръ дѣву-солнце. Другой рядъ народныхъ сказокъ въ такихъ-же пластическихъ образахъ изображаетъ годовое обращеніе этого свѣтила. Невѣста-земля, въ полномъ цвѣтѣ и роскоши своихъ лѣтнихъ уборовъ, вдругъ подъ вліяніемъ чаръ злой колдуньи-зимы превращается въ камень и засыпаетъ долгимъ непробуднымъ сномъ; во всемъ ея царствѣ жизнь пріостанавливается и какъ-бы застываетъ до тѣхъ поръ, пока жаркой поцѣлуй молодаго царевича — весенняго солнца ни разбудитъ красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невѣста вступаетъ въ бракъ съ свѣтозарнымъ царевичемъ, и земля начинаетъ свои роды.

Позднѣе сказка, вѣрная народной жизни, отразила въ своихъ богатырскихъ повѣстяхъ черты изъ эпохи великой борьбы христіанскихъ идей съ языческими; многія изъ древнихъ преданій были подновлены, согласно съ вновь-возникшими взглядами и убѣжденіями, и нѣкоторыя эпическія сказанія получили легендарную обстановку, хотя впрочемъ изъ-за этихъ подновленій до сихъ поръ еще сквозитъ дохристіанская старина. Сильномогучіе богатыри, побѣдители сказочныхъ великановъ и многоглавыхъ зміевъ, въ „былинахъ“ уже сражаются противъ какого-то Идолища и невѣрныхъ народовъ; на своихъ крѣпкихъ плечахъ они выносятъ безпрестанныя и

безпощадныя битвы съ *погаными* азіятскими кочевниками и отстаивають независимость и государственныя основы родной земли, тогда какъ великаны и зміи выставляются защитниками басурманства. Еще позднѣе — и народная сказка, свидѣтельствуя намъ о нѣкоторыхъ чертахъ древняго новгородскаго быта (см. Русс. нар. сказки Сахарова), вводитъ читателя въ міръ дѣйствительныхъ событій и чрезъ то сближаетъ его съ чисто-историческимъ эпосомъ Слова о полку, малороссійскихъ думъ и народныхъ пѣсенъ о Грозномъ, Петрѣ Великомъ и другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ.

Составляя вмѣстѣ съ „былинами" отрывки стариннаго эпоса, сказки уже по тому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія народъ необходимо является поэтомъ. Обоготворяя природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ созерцаніе ея торжественныхъ явленій и таинственныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденія воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой поэмѣ, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзіи: тотъ-же свѣтлый и спокойный тонъ; то-же неподражаемое искусство живописать всякой предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, ими производимому на душу человѣка; та-же обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ. Разъ сказанное мѣтко и обрисованное удачно и наглядно уже не передѣлывается, а какъ будто застываетъ въ этой формѣ и посто-

янно повторяется тамъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ по ходу сказочнаго дѣйствія. Отъ того, не смотря на неподдѣльную красоту языка, народныя сказки поражаютъ однообразностью, тѣмъ болѣе, что и темы разсказовъ, и дѣйствующія лица, и чудесное — въ бо́льшей части подобныхъ произведеній повторяются, съ небольшими отступленіями. Народъ не выдумывалъ; онъ разсказывалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потому даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ — съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ остановился на повтореніяхъ, а не отважился дать своей фантазіи произволъ, легко переходящій должныя границы и увлекающій въ область странныхъ, чудовищныхъ представленій.

При всемъ однообразіи, замѣчаемомъ въ народныхъ сказаніяхъ, въ нихъ столько истинной поэзіи и столько трогательныхъ сценъ! Съ какой поэтической простотой, напримѣръ, передана въ сказкѣ встрѣча Ѳедора Тугарина съ Анастасіей Прекрасною.

Поѣхалъ Ѳедоръ странствовать. Ѣдетъ, ѣдетъ, и на пути видитъ: лежатъ три рати-силы побитыя. „Кто здѣсь живой?“ окликаетъ странствующій герой; „скажи: кто побилъ эти рати?“ Въ отвѣтъ ему слышится голосъ: „подай воды напиться.“ Подаетъ Тугаринъ воды раненому, и узнаетъ отъ него, что побѣдила всѣ три рати Анастасія Прекрасная, а сама отдыхаетъ теперь въ шатрѣ. Пріѣхалъ Тугаринъ къ шатру Анастасіи Прекрасной, привязалъ своего коня, вошелъ въ палатку, легъ съ боку дѣвицы и заснулъ. Анастасія Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваннаго гостя и сказала: „а что — станемъ биться или мириться?“ Отвѣчалъ ей Тугаринъ: „коли наши кони станутъ биться, тогда и мы́ попробуемъ силы!“—и спустили они своихъ коней. Кони обнюхались,

стали лизать другъ друга и пошли дружно пастись вмѣстѣ. Тогда Анастасія Прекрасная сказала Ѳедору Тугарину: „будь ты мнѣ мужемъ, я тебѣ — женою!“

Какъ ото всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотою и искренностію; съ дѣтскою наивностію и простотою, подъ-часъ грубою, онѣ соединяютъ честную откровенность, и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. (См. сказки о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.) Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Напечатанная въ первомъ выпускѣ сказка *о правдѣ и кривдѣ* задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить — правдою или кривдою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждый держится противуположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а въ послѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полнаго торжества правды — и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ разсчетовъ.

На такомъ нравственномъ началѣ создалась бо́льшая часть сказочныхъ интригъ.

Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю, зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачихи, обрисованный народными сказками, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чуждой для нея семьи. Мачиха, по народнымъ сказкамъ, завидуетъ и красотѣ, и дарованіямъ, и успѣхамъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, особенно если сравненіе съ этими послѣдними ея собственныхъ дѣтей, безобразныхъ и лѣнивыхъ, заставляетъ ее внутренно сознаваться въ томъ, чему такъ неохотно вѣритъ материнское сердце. Мачиха начинаетъ преслѣдовать бѣдныхъ сиротъ, задаетъ имъ трудныя, невыполнимыя работы, сердится, когда они удачно выполняютъ ея приказанія, и всячески старается извести ихъ, чтобы не имѣть передъ глазами постояннаго и живаго укора. Но несчастія только воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви ко всѣмъ страждущимъ и состраданіе ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больнаго дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго!... Нравственная сила спасаетъ сироту отъ

всѣхъ козней; напротивъ, зависть и злоба мачихи подвергаютъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовью, и потому гордыхъ, жестокосердыхъ и мстительныхъ.

Съ этой точки зрѣнія особенно интересною представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ. Бо̀льшая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два—умные, а третій—*дурень*. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякой думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ; а младшій — глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости: онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадателенъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Согласно съ этимъ слова̀: *хитрый* и *злой* въ областныхъ говорахъ значатъ: ловкій, искусный, умный, острый [1]). Народная сказка однако всегда на сторонѣ нравственной правды, и по ея твердому убѣжденію выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностію меньшаго брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно-разумнымъ признаетъ одно добро, а зло, хотя и слыветъ таковымъ между людьми, но вводитъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели; слѣдовательно, оно-то и есть истинно-неразумное. Въ сказкѣ: „Норка-звѣрь" три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаружи-

---

[1]) Отеч. Записки 1852 г., ноябрь, критика, стр. 16.

ваютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ, но когда третій братъ смѣлостью преодолѣваетъ всѣ опасности — они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ уже подняться на Русь по нарочно-опущенному канату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердцѣ бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря, заблистала молнія, загремѣлъ громъ и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ, а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одёжу и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и какъ увидала своихъ дѣтей накрытыми — спросила: „кто покрылъ моихъ пташекъ? Это — ты! спасибо тебѣ: проси отъ меня, чего хочешь!" — и по просьбѣ бѣдняка выноситъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней найдется многое, что̀ не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взоръ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ тѣ чистѣйшія побужденія,

какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ той-ли теплою любовью и не съ тѣми-ль освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній?

А. А.

1

ЛИСА.

а. Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой.» Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлой возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу.»—Гдѣ? «Тамъ на возу — и рыба, и воротникъ.» Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «ахъ ты, старой хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ

себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: «здравствуй, кумушка!» —Здравствуй, куманекъ! «Дай мнѣ рыбки!» — Налови самъ, да и ѣшь. «Я не умѣю.» — Эка, вить я-же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубь — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ пролубь: дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!» Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужь я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей на встрѣчу: «такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!»—Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь. «И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужь идти; садись на меня, я тебя довезу.» Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понёсъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!» — Что ты, кумушка, говоришь? «Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ.»—Такъ, кумушка, такъ! [1])

---

[1]) *Варіантъ 1-й:* Ѣхалъ лѣсомъ мужичокъ со снятками. Лисица покрала сняточковъ у мужика, склала въ кувшинчикъ, да и сѣла подъ стогъ пообѣдать. Бѣжитъ голодный волкъ. «Кума, кума, что ты ѣшь?» говоритъ онъ, увидавъ лису.—Сняточки, отвѣчаетъ она. «Дай-ко мнѣ!» — Самъ налови. «Да я не умѣю», го-

—Давай, куманекъ! построимъ себѣ хатки. «Давай, кумушка!»—Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку — ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и разстаяла. — А, кумушка! говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: «прыгай! если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть.» Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!» — и сама ушла.

ворить волкъ. — А вотъ кувшинъ, надѣнь на хвостъ, да и пусти въ пролубь. Послушался волкъ, а лисица говоритъ про себя: «ясни, ясни на небѣ звѣзды, мерзни волчій хвостъ!» Сама побѣжала въ деревню, попалась въ одной избѣ въ квашню головой и подняла тревогу. Бѣжитъ лисица изъ деревни прямо на волка, а за лисицей народъ. Волкъ отъ страху ну рваться, а хвостъ-отъ примерзъ; насилу полхвоста оторвалъ. Нагоняетъ волкъ лисицу въ лѣсу, а та прикинулась хворой: «ахъ, кумъ! говоритъ, всю головушку избили, мочи нѣтъ идти.» — Такъ садись, кума, на меня, говоритъ волкъ. Вотъ и ѣдетъ лисица наволкѣ, сама по пѣваетъ: «битой небитаго везетъ!»—Что ты, кума, говоришь? спрашиваетъ волкъ. «Брежу, куманекъ!» отвѣчаетъ лисица, а сама воровка допѣваетъ: у битаго гузка болитъ! Вотъ те сказка, а мнѣ кринка масла. (Записана въ переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ.)

Варіантъ 2-й: Вотъ въ одной деревнѣ на задворьи стояли зимой стога сѣна и на одинъ изъ нихъ взобралась лисица; она промыслила гдѣ-то рыбки и кушала себѣ. Тутъ-же случилось проходить ночью волку. Онъ увидалъ лису и сказалъ ей: «здорово, кумушка!»—Здравствуй, куманекъ! отвѣчала она. «Что ты ѣшь?» — Рыбку. «Да гдѣ ты взяла?» — Наловила въ прудѣ. «Какимъ-бы-то способомъ?» — Коли хочешь, научу. «Спасибо скажу.»—Ну, пойдемъ. И повела кума къ пролуби: «вотъ садись и хвостъ опусти въ воду, а рыбка и всползетъ на него грѣться.» Кумъ сѣлъ и хвостъ опустилъ въ пролубь, а кума ворчитъ: ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ! «Да что ты, кума, говоришь?» — И, батько, скликаю рыбку-то тебѣ. «Ну, спасибо!» Когда лиса увидѣла, что пролубь замерзла, она сказала: «побѣгу въ деревню за медомъ.» Побѣжала и слѣдъ ея простылъ. А обманутаго волка съ примерз-

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ, и просится къ мужичку въ избу: «пусти лисичку-сестричку переночевать.»—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку.» Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: «гдѣ же моя скалочка? я за нее и гусочку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ другому мужику.—Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.»—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку.» Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя гусочка? я за нее индюшечку не возьму!» Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

лымъ хвостомъ увидали на прудѣ мужики и убили его. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло. (Записана во Владимірѣ.)

Сказка *о лисѣ и волкѣ* въ тамбовской губерніи оканчивается нѣсколько иначе: встрѣчается избитый волкъ съ лисою. «Бирюшка, бирюшка! (бирюкъ—волкъ) а гдѣ же ты хвостъ-то потерялъ?» спрашиваетъ лиса. — Да вотъ я отъ твоей науки принялъ такой муки, что и хвостъ-то потерялъ! «Цц! бирюшка! съ кѣмъ бѣда не живётъ; посмотри-ка мнѣ и головушку-то всю испробили.» Волкъ сажаетъ лису на себя и везётъ, она припѣваетъ: «битый небитаго везётъ.» Волкъ услышалъ припѣвъ лисы, увидѣлъ, что она смѣётся надъ нимъ, и растерзалъ ее.

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ третьему мужику.—Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.»—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку.» Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя индюшечка? я за нее не возьму и невѣсточку!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку невѣсточку; лисичка посадила ее въ мѣшокъ, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку,
За индюшечку—невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ четвертому мужику.—Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.»—У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку.» Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ: «невѣсточка, пой пѣсни!» а собака какъ зарычитъ. Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою, да бѣжать [1]).

---

[1]) См. вып. III, № 3, и вып. IV, № 1.

Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ: «пѣтушокъ, пѣтушокъ! слѣзь сюда, я тебя исповѣдаю: у тебя семьдесятъ жонъ, ты завсегда грѣшонъ.» Пѣтухъ слѣзъ; она хвать его и скушала [1]).

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи.)

b. Жили-были кумъ съ кумой — волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ кума съ кумомъ въ избушкѣ, да украдкою постукиваетъ хвостикомъ. — Кума, кума! говоритъ волкъ, кто-то стучитъ. «А, знать, меня на повой [2]) зовутъ!» бормочетъ лиса.—Такъ поди, сходи, говоритъ волкъ. Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ волкъ.—*Початочекъ*, отвѣчаетъ лисица. Въ другой разъ опять лежитъ кума, да постукиваетъ хвостикомъ. «Кума! кто-то стучится», говоритъ волкъ.—На повой, знать, зовутъ! «Такъ сходи.» Пошла лисица, да опять къ меду, нализалась дóсыта: медку только на дёнышкѣ осталось. Приходитъ къ волку. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ онъ.—*Середышекъ*. Въ третій разъ опять также обманула лисица волка, и долизала ужь весь медокъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ ее волкъ.—*Поскребышекъ*.

Долго ли, коротко ли—прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки. «Кума, кума! кричитъ волкъ, вѣдь—медъ съѣденъ.»—Какъ съѣденъ? кто-же съѣлъ? кому окромѣ тебя! погоняетъ лисица. Волкъ и кстится, и божится. «Ну, хорошо! говоритъ лисица: давай ляжемъ на солнышкѣ, у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ.» Пошли, легли. Лисицѣ не спится, а сѣрой волкъ храпитъ во всю

---

[1]) См. вып. III, № 21; вып. IV, № 2; вып. VI, № 40 — [2]) Пріемъ новорожденнаго; *повивать*, *повивальная бабка*.

пасть. Глядь-поглядь—у кумы-то и показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка. «Кумъ, кумъ! толкаетъ волка: это что? вотъ кто съѣлъ!» И волкъ, нечего дѣлать, повинился. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла [1]).

(Записана въ переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ.)

c. Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избёнка ледяная, а у зайчика лубяная: пришла весна красна—у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорòгой зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу собаки: тяфъ, тяфъ, тяфъ! про *ш*то, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать? была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Не плачь, зайчикъ! говорятъ собаки, мы ее выгонимъ. «Нѣтъ, не выгоните!»—Нѣтъ, выгонимъ! Подошли къ избёнкѣ: «тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!» А она имъ съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему на встрѣчу медвѣдь: о чемъ, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстань, медвѣдь! какъ мнѣ не плакать? была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» —Не плачь, зайчикъ! говоритъ медвѣдь, я выгоню ее. «Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали—не выгнали, и ты не выгонишь.» —Нѣтъ, выгоню! Пошли гнать: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу быкъ: про *ш*то, зайчикъ, плачешь? «Отстань, быкъ! какъ мнѣ не

---

[1]) См. вып. IV, № 1, e—h.

плакать? была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Пойдемъ, я ее выгоню. «Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь.» —Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избёнкѣ: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу пѣтухъ съ косой: ку(а)ку(а)реку! о чемъ, зайчикъ, плачешь? «Отстань, пѣтухъ! какъ мнѣ не плакать? была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.» — Пойдемъ, я выгоню. «Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, быкъ гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь.» — Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избёнкѣ: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она услыхала, испугалась, говоритъ: одѣваюсь... Пѣтухъ опять: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она говоритъ: шубу надѣваю. Пѣтухъ въ третій разъ: «кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» Лисица выбѣжала; онъ ее и зарубилъ косой-то, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать [1]). Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла [2]).

(Записана также г. Бодровымъ.)

---

[1]) Въ архангельской губерніи есть побасенка:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ лису посѣчи
По самыя плечи.
Вонъ лиса, вонъ кума!
— Вотъ я тебя, пѣтушища,
По колѣнамъ-то полѣномъ!

[2]) Сличи вып. II, № 32.

d. Живалъ-бывалъ старикъ да старушка. Старушка померла; старику стало очень жалко, пошелъ онъ искать плачеи [1]). Идетъ, а на встрѣчу ему медвѣдь: «куда, старикъ, пошелъ?» — Плачеи искать; старуха померла. «Возьми меня въ плачеи.» Старикъ спрашиваетъ: умѣешь ли плакать? Онъ заплакалъ: *м-е*! Старикъ говоритъ: «не умѣешь, не надобно, голосъ не хорошъ!» Пошелъ впередъ; лисича бѣжитъ: «куда, старикъ, пошелъ?» спрашиваетъ его.—Плачеи искать; старуха померла. «Возьми-ко меня.» — Умѣешь ли плакать? поплачь ко. Она заплакала: «у—кресть-я-ни-на—бы-ла—ста-руш-ка—по-у-тру—ра-но—вста-ва-ла—боль-ше—прост-ня [2])—пря-ла—щи—ка-шу—ва-ри-ла—ста-ри-ка—кор-ми-ла.» [3]) Старикъ сказалъ *лисичѣ*: «ступай, ты мастерича плакать!» и привелъ ее домой, старухѣ въ ноги посадилъ — та стала плакать — а самъ пошелъ гробъ строить. Пока старикъ ходилъ да воротился, а въ избѣ нѣтъ ни старухи, ни лисичи: все лисича съѣла и сама ушла. Поплакалъ, поплакалъ старикъ и сталъ жить одинъ [4]).

(Записана въ кольскомъ уѣздѣ И. Спарихинымъ.)

е. Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая. Медвѣт(д)ь мужику сказалъ: «твои коренья, а мои верхушки.» Мужикъ *у*сю зиму ѣлъ, а медвѣть съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣть сказалъ мужику: «давай сѣять пшеницу.» Пшеница родилась добрая. — Теперь ты бери верхушки, сказалъ медвѣть мужику, а мои коренья. Мужикъ *у*сю зиму ѣлъ, а медвѣть едва съ голоду не померъ.

---

[1]) *Плачея* — женщина, оплакивающая по обычаю покойника, съ разными причитаньями. — [2]) *Прдстень* — количество льна, выпрядаемое на одно веретено (смотри Опытъ обл. вел слов., Спб., 1852). — [3]) *Вар*. «Ахъ, какая была умная-разумная, бѣломошка, тонкопрялюшка!» — [4]) См. вып. IV, № 9.

На третій годъ мужикъ одинъ пашетъ. Медвѣть къ нему пришелъ и гутаритъ ему: «я тебя, мужикъ, съѣмъ (за то), что ты меня обманываешь.» А мужикъ сказалъ ему: «погоди, пашню допашу.» Медвѣть и легъ подъ мужичью телегу. У ту пору бѣжитъ лиса къ мужику и говоритъ: «мужикъ, я тебя отъ смерти отведу; что ты мнѣ за работу дашь?» Мужикъ сказалъ: куръ мѣшокъ. «Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя подъ телегою лежитъ?» А медвѣть мужику говоритъ: скажи, что калода. Лиса говоритъ: «кабы была калода, она бы на телегѣ была увязана.» У ту пору лиса убѣжала прочь въ кустьи, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику: «что у тебя на телегѣ лежитъ?» Мужикъ сказалъ: калода. «А кабы калода, у ней бы тапоръ былъ ваткнутъ.» Медвѣть сказалъ мужику: воткни въ меня тапоръ. Мужикъ и ваткнулъ тапоръ медвѣдю въ спину, отчего медвѣть кончился [1]). Лиса говоритъ мужику: «вывези же обѣщанной мѣшокъ куръ.» На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и барзую сабаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику: «что привёзъ куръ?» —Привёзъ. «Ну, ты же пущай по одной, а не всѣхъ вдругъ.» Мужикъ выпустилъ курицу и другую, потомъ сабаку. Сабака за лисой, лиса отъ сабаки побѣжала въ нору. Сабака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: «ноги, что вы дѣлали? — Мы бѣжали. А вы, глазки? — Мы глядѣли. А вы, уши?—Мы слушали. А ты, хвостъ?—Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала.» У ту пору лиса асердилась на хвостъ, и высунула его изъ норы: на, сабака, ѣшь хвостъ! Сабака ухватила лису за хвостъ, вытащила ее и разорвала [2]).

(Записана въ астраханской губерніи священникомъ Михаиломъ Фіалкинымъ.)

---

[1]) Кончаться — погибать, пропадать (Опыт. обл. велик. слов., стр. 89), умирать. — [2]) См. вып. II, № 33; вып. III, № 4.

2.

БАЙКА О ЩУКѢ ЗУБАСТОЙ.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши — всѣ собрались глазѣть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой въ Шекснѣ всколыхалася; шелъ паромъ черезъ рѣку да чуть не затопился, а красныя дѣвки гуляли по берегу да всѣ поразсыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она рости не по днямъ, а по часамъ: что день, то на вершокъ прибавится; и стала щука зубастая въ Шекснѣ похаживать, да лещей, окуней полавливать: издали увидитъ леща да и хвать его зубами—леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась въ Шекснѣ! *Ш*то дѣлать лещамъ да окунямъ? тошно приходитъ: щука всѣхъ прiѣстъ, прикарнаетъ [1]). Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать, какъ перевести щуку зубастую да такую тороватую. На совѣтъ пришелъ и Ершъ Ершовичъ и такъ наскоро взголцылъ [2]): «полноте думу думать да голову ломать, полноте мозгъ портить; а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всѣмъ тепере въ Шекснѣ; щука зубастая проходу не даетъ, всякую рыбу на зубъ беретъ! Не житье намъ въ Шекснѣ, переберемтесь-ка лучше въ мелкія рѣчки жить—въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить припѣваючи да дѣтокъ наживаючи.» И поднялись всѣ ерши, лещи, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному да Славенку. По дорогѣ, какъ шли, хитрый рыбарь многихъ изъ

[1]) Погубитъ, изведетъ. — [2]) Гѣлчить — говорить, кричать (Опыт. обл. вел. слов., стр. 39).

ихней братьи изловилъ на удочку и сварилъ забубённую ушицу, да тѣмъ, кажись, и заговѣлся. Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбарь удочку въ воду, да ничего не вытащитъ; когда-нѣкогда попадется стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ! Вотъ вамъ и вся байка о щукѣ зубастой, да такой торовастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шекснѣ, да послѣ и сама не сдобровала; какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячковъ, и попалась сама на крючокъ. Рыбарь сварилъ уху, хлебалъ да хвалилъ: такая была жирная! Я тамъ былъ, вмѣстѣ уху хлебалъ, по усу текло, въ ротъ не попало.

(Записана въ череповскомъ уѣздѣ новгородской губерніи И. Черемшанымъ.)

3.

БАБА-ЯГА.

а. Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думалъ, думалъ нашъ мужикъ, и повёзъ свою дочь въ лѣсъ. Ѣдетъ лѣсомъ — глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ!» говоритъ яга. Мужикъ кланяется: «баба-яга, костяная нога! я тебѣ дочку привёзъ въ услуженье.» — Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говоритъ яга дѣвушкѣ; я тебя за это награжу. Отецъ простился и поѣхалъ домой.

А баба-яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «дѣвица, дѣвица! что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки. — А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретёнцо по ниточкѣ напряди. Пришла баба-яга: «ну что, говоритъ, все ли ты припасла?» А у дѣвушки все готово. «Ну, теперь поди-вымой меня въ банѣ.» Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды [1]). Опять яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: «что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь? дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять пришодчи ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а собачка дома такъ и рвётся: хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ! Мачиха выбѣжала да скалкой собачку: «врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!» А собачка все свое. Пріѣхали. Мачиха такъ и гонитъ мужа—и ея дочь туда-же отвезти. Отвёзъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвётся съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши: «дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?» А она не дала имъ выговорить, то тоё скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять тоже; яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ

[1]) Срада — нарядное платье (Опытъ обл. велик. слов., стр. 214).

отецъ, и повёзъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки везутъ! Мачиха бѣжитъ со скалкой: «врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ!» А собачка все свое: «хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки гремятъ!» Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла! Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Записана въ переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Н. Бодровымъ.)

ь. Жилъ себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачиха ее не полюбила, била ее и думала, какъ-бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачиха и говоритъ дѣвочкѣ: «поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку—тебѣ рубашку сшить.» А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! зачѣмъ пришла? «Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить.» Та ее и научаетъ: «тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать—ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть—ты ему ве(т)чины дай.» Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ, и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, и ткётъ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить.»—Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ дѣвочка сѣла за краснѣ; а баба-яга вышла и говоритъ своей работницѣ: «ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать.» Дѣвочка сидитъ-ни жи-

ва, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «родимая моя! ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи» — и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?» — Тку, тетушка! тку, милая! Баба-яга и отошла, а дѣвочка дала коту ве(т)чинки и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйдти отсюдова? «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, говоритъ котъ, возьми ихъ и убѣ*жи*; за тобою будетъ гнаться баба-яга, ты преклони ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сдѣлается широкая, широкая рѣка; если-жъ баба-яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять преклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — сдѣлается дремучій, дремучій лѣсъ: сквозь него она ужь не проберется!»

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала: собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за красна и ткётъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?» — Тку, тетка! тку, милая! отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза. «Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, ты мнѣ косточки не дала; а она мнѣ ве(т)чинки дала.» Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила; а она намъ хлѣбца дала.» Ворота говорятъ: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы

подъ пяточки не подлила; а она намъ маслица подлила.» Березка говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала; а она меня ленточкой перевязала.» Работница говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила; а она мнѣ платочекъ подарила.»

Баба-яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится и ужь близко, взяла да-й бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку до̀чиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась—не могла прогрызть, и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: «гдѣ же моя дочка?»—Она пошла къ тетушкѣ, говоритъ мачиха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой; «гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ.— Ахъ, батюшка! говоритъ она, такъ и такъ — меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой мнѣ рубашку шить, а тетка—баба-яга, меня съѣсть хотѣла. «Какъ-же ты ушла, дочка?»—Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и разстрѣ*лялъ* ее; а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ: по усамъ текло, въ ротъ не попало.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи.)

4.

а. ВѢДЬМА.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ былъ одинъ сыночекъ Ивашечко; они его такъ-то ужь любили, что и сказать нельзя! Вотъ проситъ Ивашечко у отца и матери: «пустите меня, я поѣду рыбку ловить.»—Куда тебѣ! ты еще малъ, пожалуй утонешь, чего добраго! «Нѣтъ, не утону; я буду вамъ рыбку ловить; пустите!» Баба надѣла на него бѣлую рубашечку, краснымъ поясомъ подпоясала и отпустила Ивашечка. Вотъ онъ сѣлъ въ лодку и говоритъ:

Човникъ, човникъ, плыви дальшенько!
Човникъ, човникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на берегъ и зоветъ своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

А Ивашко говоритъ:

Човникъ, човникъ, плыви къ бережку:
То меня матинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, перемѣнила ему рубашечку и поясокъ, и отпустила опять ловить рыбку. Вотъ онъ сѣлъ въ лодочку и говоритъ:

Човникъ, човникъ, плыви дальшенько!
Човникъ, човникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дѣдъ на берегъ и зоветъ сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесъ.

А Ивашко:

Чȯвникъ, чȯвникъ, плыви къ бережку:
То меня батинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; дѣдъ забралъ рыбу, накормилъ-напоилъ сынка, перемѣнилъ ему рубашечку и поясокъ, и отпустилъ опять ловить рыбку.

Вѣдьма [1]) слышала, какъ дѣдъ и баба призывали Ивашку, и захотѣлось ей овладѣть мальчикомъ. Вотъ приходитъ она на берегъ и кричитъ хриплымъ голосомъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко слышитъ, что это голосъ не его матери, а голосъ вѣдьмы, и поетъ:

Чȯвникъ, чȯвникъ, плыви дальшенько,
Чȯвникъ, чȯвникъ, плыви дальшенько:
То меня не мать зоветъ, то меня вѣдьма зоветъ!

Вѣдьма увидѣла, что надобно звать Ивашку тѣмъ-же голосомъ, какимъ его мать зоветъ, побѣжала къ кузнецу и проситъ его: «ковалику [2]), ковалику! скуй мнѣ такой тонесенькой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери; а то я тебя съѣмъ.»

---

[1]) Нѣкоторые сказочники замѣняютъ въ этой сказкѣ слово «вѣдьма» — словомъ «змѣя».

[2]) Коваль—кузнецъ; ковать, подкова.

Коваль сковалъ ей такой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери. Вотъ вѣдьма пришла ночью на бережокъ и поетъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ;
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко приплылъ; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла къ себѣ. Пришла домой и заставляетъ свою дочь Аленку: «истопи печь пожарче, да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей - моихъ пріятелей.» Вотъ Аленка истопила печь жарко, жарко, и говоритъ Ивашкѣ: «ступай, садись на лопату!»—Я еще малъ и глупъ, отвѣчаетъ Ивашко; я ничего еще не умѣю - не разумѣю; поучи меня, какъ надо сѣсть на лопату. «Хорошо, говоритъ Аленка, поучить не долго!» — и только сѣла она на лопату, Ивашко такъ и барахнулъ ее въ печь и закрылъ заслонкой, а самъ вышелъ изъ хаты, заперъ двери и влѣзъ на высокой - высокой дубъ.

Вѣдьма приходитъ съ гостями и стучится въ хату; никто не отворяетъ ей дверей. «Ахъ, проклятая Аленка! вѣрно ушла куда-нибудь играть.» Влѣзла вѣдьма въ окно, отворила двери и впустила гостей; всѣ усѣлись за столъ, а вѣдьма открыла заслонку, достала жареную Аленку — и на столъ: ѣли - ѣли, пили-пили, и вышли на дворъ и стали валяться по травѣ. «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись! кричитъ вѣдьма; покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись!» А Ивашко переговариваетъ ее съ верху дуба: «покатися, повалися, Аленкина мясца наѣвшись!»—Мнѣ что-то послышалось, говоритъ вѣдьма.—Это листья шумятъ! Опять вѣдьма говоритъ: «покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись!» а Ивашко свое: «покатися, повалися, Аленкина мясца наѣвшись!» Вѣдьма посмотрѣла вверхъ и увидѣла Ивашку; бросилась она грызть дубъ—тотъ самый, гдѣ сидѣлъ Ивашко, грызла, грызла, грызла — два переднихъ зуба выломала, и побѣжала въ

кузню. Прибѣжала и говоритъ: «ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не-то я тебя съѣмъ.» Коваль сковалъ ей два желѣзныхъ зуба.

Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ; грызла, грызла, и только-что перегрызла, какъ Ивашко взялъ да и перескочилъ на другой сосѣдній дубъ, а тотъ, что вѣдьма перегрызла, рухнулъ на̀земь. Вѣдьма видитъ, что Ивашко сидитъ уже на другомъ дубѣ, заскрипѣла отъ злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла — два нижнихъ зуба выломала, и побѣжала въ кузню. Прибѣжала и говоритъ: «ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не-то я тебя съѣмъ.» Коваль сковалъ ей еще два желѣзныхъ зуба. Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ. Ивашко не знаетъ, что ему и дѣлать теперь; смотритъ: летятъ гуси-лебеди; онъ и проситъ ихъ:

Гуси мои-лебедята!
Возьмить меня на крылята,
Понесить меня до батиньки, до матиньки:
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

— Пущай тебя середніе во̀зьмутъ, говорятъ птицы. Ивашко ждетъ; летитъ другое стадо, онъ опять проситъ:

Гуси мои-лебедята!
Возьмить меня на крылята,
Понесить меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

— Пущай тебя задніе во̀зьмутъ. Ивашко опять ждетъ; летитъ третье стадо, онъ проситъ:

Гуси мои-лебедята!
Возьмить меня на крылята,
Понесить меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетѣли къ хатѣ и посадили Ивашку на чердакъ.

Рано поутру баба собралась печь блины, печетъ, а сама вспоминаетъ сынка: «гдѣ-то мой Ивашечко? хоть бы во снѣ его увидать!» А дѣдъ говоритъ: «мнѣ снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своихъ крыльяхъ.» Напекла баба блиновъ и говоритъ: «ну, старикъ, давай дѣлить блины: это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ; это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ...» —А мнѣ *нима*! [1]) отзывается Ивашко. «Это—тебѣ, дѣдъ! это —мнѣ....»—А мнѣ *нима!* «А ну, старикъ! говоритъ баба, посмотри, *щось тамв такé?*» Дѣдъ полѣзъ на чердакъ и досталъ оттуда Ивашку. Дѣдъ и баба обрадовались, распросили сынка обо всемъ-обо всемъ, и стали вмѣстѣ жить да поживать да добра наживать.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи.)

b. ТЕЛЬПУШОКЪ [2]).

Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, да у ихъ не было дятей. Вò баба и кàжа дѣду: «иди, дѣду, у лѣсъ, да вырубай тельпушокъ, да зраби калисочку [3]); я буду того тельпушка калыхать [4]), чи не буде чаго?» Дѣдъ зрабивъ такъ, якъ казала баба. Во баба калыша тельпушокъ, да й припѣвая:

Люли, люли, тельпешику!
Зварю табѣ кулешику,
И ячнага, и смачнага,
Явсянага, прасянага.

---

[1]) Нѣтъ. — [2]) Чурбанъ. — [3]) Люлька; смотри: колиска (Опыт. обл. вел. слов.. стр. 87). — [4]) Качать.

Глядить баба, ажъ у тельпушка ноги јость; баба зрадовалась да давай изнова пѣть, и спѣва̀ до тыхъ поръ, покуль изъ таго тельпушка зрабилось дитя. Рады были баба и дѣдъ, што давъ имъ Богъ радасть на старасть, и не знали, што рабить свайму дитяти.

Расте той сынъ да расте; уже начавъ рыбку лавить и памагать батьку. Во и кажа: «тату! [1]) зраби мини сребный чавнокъ да залате веселечко.» Батько зрабивъ; сынъ начавъ лавить рыбу, и якъ паѣдя, такъ цѣлый день ловя. Во матка принясе яму̀ абѣдать, або вечерять [2]), да и кличе:

> Иванька-сынокъ,
> Серебный чавнокъ,
> Залате веселечко,
> Ѣдь ко мнѣ, мае сердечко!

Пачувши маткинъ голасъ, сынъ прiѣзжая къ берегу, бяре яду̀ [3]), аддае маткѣ рыбу, а самъ изнова ѣдя.

Ти [4]) мала, ти багата [5]) ета такъ было—вѣдьма, што жила въ сасѣднемъ селѣ и знакома была съ Иванькиными радителями, пазавидавала и задумала загубить бабинага сына: пригатовила абѣдать, ти вячерять, да и пашла на ряку, и давай гукать [6]) такъ, якъ Иванькина матка гукала яго. Иванька, пачувши яе голасъ, бо бывъ грубый, а у матки яго тоненькiй, да и кажа: «ета не матка мене заве, а вѣдьма!» Вѣдьма разсярдилась, пашла да кавалям, да и загадала зрабить такiй язычокъ, якъ у Иванькинай матки; приходя знова на ряку, да и давай звать яго. Iонъ думавъ, што то матка, приплывъ къ берягу. Яна яго ухватила да и панесла дамовъ; а јонъ не разглѣдавъ, якъ падъѣзжавъ, бо было тёмна.

---

[1]) Отецъ. — [2]) Ужинать (Опыт. обл. вел. слов., стр. 24). — [3]) Ѣда.— [4]) Вмѣсто «чи»—частица, соотвѣтствующая *ли*, *или*: «много ли, мало ли.»— [5]) Много. — [6]) Звать (Опыт. обл. слов., стр. 43).

Вѣдьма принясла Иваньку дамовъ, да и кажа сваей дацчѣ [1]) Алёнцѣ: «дачушечка мая! вазьми сяго хлопчика, абмый да вытапивши печь укинь, и якъ јонъ зжарицца, парѣжъ и паставъ на сталѣ, а я пайду да пазаву кумачекъ сваихъ; придемъ да и будемъ гулять.» Иванька ета все чувъ. Вѣдьма пашла. Дачка зраби, якъ казала матка, да взятши лапату, што хлѣбъ сажають, и кажа: «Ивашка, ляжь па лапату, я тябе пакалишу! [2])» Иванька легъ да паперекъ; Алёнка хатѣла укинуть яго у печь, да бача што јонъ легъ не такъ, кажа: «сядь удовжъ!» [3]) Іонъ кажа: «пакажи мнѣ; я не знаю, якъ треба [4]) лечь.» Алёнка здура(у) да и лягла, а Ивашка бурхеть [5]) яе у печь! Во яна тамъ и апреглась [6]). Ивашка вынявъ яе, зрабивъ такъ, якъ матка вялѣла зрабить зъ имъ, а самъ пашовъ за горадъ да и сѣвъ на яваръ, да и сядить. Вѣдьма, сабравши сваихъ кумакъ, пришла да и давай пить да гулять, да тымъ мясамъ закусувать. Яна и не думала, штобъ ета была Алёнина; яна думала, што дачка пригатовила кушання, да пашла гулять да падружакъ.

Паѣдавши харашенька таго мяса и правадивши кумачекъ сваихъ, вѣдьма пашла на тоя мѣста, гдѣ стаявъ яваръ, што сядѣвъ Иванька, да давай качацца да пригаваривать: «пакачуся, павалюся, Иванькинага мяса наѣвшись!» А јонъ и кажа: «а трясцы [7])—Алёнкинага!» Яна, якъ пабачила яго, дагадалась, пабѣгла дамовъ, взяла тапоръ, да прибѣгши давай рубать яваръ; тапоръ переламився. Во яна пабѣгла да каваля, да и приказала зрабить два возы тапаровъ. Іонъ зрабивъ. Яна привезла ихъ туда, да давай рубать яваръ; рубая да рубая, а тапары все ламаюцца, бо яваръ бывъ грубый; адиакъ яваръ начавъ

---

[1]) Дочери. — [2]) Покачаю. — [3]) Вдоль. — [4]) Надо. — [5]) Вкинулъ, вбросилъ быстро. — [6]) Опрягать—жарить (Опытъ обл. вел. слов., стр. 143).— [7]) А чтобъ тебя лихоманка!

шатацца на корнѣ и якъ [1]) не упаде. Глядить Иванька, ажъ лятить стада гусей; во јонъ и начавъ прасить ихъ:

Гуси, гуси, лебедята!
Вазьметь мене на крылята,
Панесеть мене къ ацпу-къ маткѣ;
Буди вамъ ѣсти и пити
И харашо хадити!

Во тые гуси и гаворють: «нехай [2]) тябе другiи вѣзьмутъ!» Лятять другiи, јонъ начавъ прасить; яны сказали, штобъ яго третьи взали. Лятать и третьи; тые сказали, штобъ яго гусакъ узявъ, што лятить адзаду [3]). Лятить той гусакъ. Іонъ начавъ прасить; той гусакъ ухвативъ и панесъ яго. Яваръ упавъ, а вѣдьма адъ злости, што не папала въ сваи руки Иваньку, стала рвацца, метацца, плакать, да асталась *св тѣкимв*. А гусакъ панесъ Иваньку въ тоя сяло, гдѣ яго радитили; прине(с)ши сѣвъ зъ имъ на крышу. Во Иванька и ставъ прислухацца на у коменъ [4]), што у хати дѣлаецца. Въ ета время Ивашкины радитили абѣдали и плакали на јонъ; во јонъ и кажа: «не плачьте, батюшка и матушка! я тутъ.» Яны, пачувши голасъ яго, выбягли на дворъ, зняли съ крыши и вельми были рады, што нашли сына свайго. Іонъ разказавъ имъ все, што было. Гусака таго яны стали харашо кармить и паить; стали жить да паживать, да добры мысли жать. Ти мала, ти багата паживши, радитили Иванькины памерли, а јонъ и тяперь живе, да хлѣбъ жуе, рыбку ловя да добрыхъ людей кормя; и гусакъ тей зъ нимъ. Я самъ у Ивашки — надовѣсь [5]) јонъ свадьбу гулявъ — я на той свадьбѣ скакавъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не было, а па барадѣ тякло [6]).

(Записана въ городѣ Пагарѣ, черниговской губерніи, учителемъ Н. Матросовымъ.)

---

[1]) Чуть. — [2]) Пускай. — [3]) Назади. — [4]) Коменъ — передняя часть печи для выхода дыму (Опытъ област. вел. слов., стр. 88). — [5]) Намедни. — [6]) См. вып. II, № 34; вып. VI, №№ 17 — 20.

5.

СКАЗКА О ТРЕХЪ ЦАРСТВАХЪ: МѢДНОМЪ, СЕРЕБРЕНОМЪ И ЗОЛОТОМЪ. [1]

Бывало да живало—жили-были старикъ да старушка; у нихъ было три сына: первой—Егорушко Залётъ, второй — Миша Косолапой, третій—Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большаго сына присматривать невѣсту, и онъ шелъ да шелъ — много времени; гдѣ ни посмотритъ на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, все не глянутся [2]). Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался, а змѣй говоритъ ему: «куда, доброй человѣкъ, направился?» Егорушко говоритъ: «пошелъ свататься, да не могу невѣсты пріискать.» Змѣй говоритъ: «пойдемъ со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невѣсту?» Вотъ шли да шли, дошли до большаго камня. Змѣй говоритъ: «отворотя камень; тамъ чего желаешь, то и получишь.» Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему: «дакъ нѣтъ же тебѣ невѣсты!» И Егорушко воротился домой, сказалъ, отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали середняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ тоже самое случилось. Вотъ старикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивашка Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечный сталъ самъ проситься посмотрѣть змѣя; отецъ и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шелъ да шелъ, и встрѣтилъ змѣя о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: «куда направился, доброй чело-

---

[1]) См. вып. VII, № 9, вып. VIII, № 7. — [2]) Т. е. не нравятся.

вѣкъ?» Онъ сказалъ: «братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ черёдъ выпалъ.»—Пожалуй, пойдемъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту? Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того-же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ сказалась дыра въ землю и близь нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: «Ивашко! садись на ремни; я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ.»

Ивашко спустился и пошелъ; шелъ да шелъ, и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: «добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто [1]) видишь; да скажись, откуда идешь и куда?»—Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Ивашко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ; Ивашко выпилъ и поѣлъ, и сталъ разсказывать, что иду де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ — прошу выйтить за меня. «Нѣтъ, доброй человѣкъ, сказала дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебренаго царства: тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!» — и подарила ему серебреной перстень. Вотъ доброй молодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ-за соль, распростился и пошелъ; шелъ да шелъ, и дошелъ до серебренаго царства; зашелъ сюда и увидѣлъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: «здорово, красная дѣвица!» Она отвѣчала: «добро пожаловать, прохожій молодецъ! садись да хвастай: чей да откуль, и какими дѣлами сюда зашелъ?» — Ахъ, прекрасная дѣвица! сказалъ Ивашко, не напоила, не накормила, да

---

[1]) Т. е. пусто, незанято.

стала вѣсти спрашивать. Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ разсказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себя. Она сказала ему: «ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!» — и подарила ему золотой перстень. Ивашко распростился и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и дошелъ до золотаго царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолился, и какъ слѣдуетъ, поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идетъ? «Ахъ, красная дѣвица! сказалъ онъ, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать.» Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо, и сталъ разсказывать: «иду я, себѣ невѣсты ищу; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною.» Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вмѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебренаго царства—тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли, и дошли до мѣднаго царства—и тутъ взяли дѣвицу, и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзать, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ь туда же искать Ивашку.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и затрясъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебренаго царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотаго царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это—Ивашко, подумали: «пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!» и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ.

Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ-поплакалъ и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ-самъ съ четверть, а борода съ локоть, и разсказалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его идти дальше: «дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинной мужичина изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ выдти на Русь.» Вотъ Ивашко шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки, зашелъ туда и сказалъ: «сильной Идолищо! не погуби меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?» — Фу, фу! проговорилъ Идолищо, русскую коску [1]) никто не звалъ, сама пришла. Ну, пойди-же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орелъ-птица, и она тебя вынесетъ.» Вотъ доброй молодецъ шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: «фу, фу, фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?» Тогда Ивашко сказалъ: «а вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильнаго Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь.» — Иди же ты, сказала ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери — тогда орелъ встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собой говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса. Ивашко сдѣлалъ все по приказанью егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ, летѣлъ, орелъ оглянулся — Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ, летѣлъ, и часто давалъ орлу мяса, ужь скормилъ все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, съѣлъ, и вытащилъ его въ ту-же дыру на Русь.

---

[1]) Т. е. костку, кость.

Когда сошелъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему приложить къ холкѣ. Ивашко приложилъ, и холка заросла. Пришелъ Ивашко домой, взялъ у братьей дѣвицу изъ золотаго царства, и стали они жить да быть, и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана въ пинежскомъ уѣздѣ архангельской губерніи.)

6.

НОРКА-ЗВѢРЬ.

Живъ сабѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у каторамъ множества(о) было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився великій звѣрь — Норка яго звали — и багата рабйвъ шкоды [1]): каждаю ночь поѣдавъ звѣрей. Царь чаго не рабивъ — не могъ истребить яго; во упасли сзывая сваихъ сыновъ, да и кажа: «хто истребить Норку-звѣря, дамъ тому палавину царства.» Во старшій и памався [2]): якъ толька наступила ночь, јонъ взявъ аружіе и пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ, и тамъ прагулявъ цѣлаю ночь. Схамянувся [3]), якъ разсвяло, да поздно. Стыдно яму было передъ аццомъ, да нечага рабить. На другій день и средній братъ зрабивъ такжа; батько лаявъ-лаявъ ихъ, да и переставъ.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ зъ яго, бо бувъ дурный, и яны думали, што јонъ ничего не зробя; а

---

[1]) Убытокъ, вредъ (Опыт. област. велик. слов., стр. 266.) — [2]) Т. е. взялся (по-ималcя). — [3]) Очнулся, опомнился.

јонъ, узявши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ надъ дерномъ, штобъ — якъ толька начне засыпать — яны яго кальнули, јонъ(бы) и проснувся. Ужо зварнуло съ павночи. Во застагнала земля: то Норка-звѣрь бяжить и прямо черезъ аграду въ звѣринецъ, бо такій бывъ вяликій. Царевичъ схамянувся, уставъ, перекрестився и пашовъ прямо на звѣря; јонъ назадъ, царевичъ за имъ, а далѣ ба́ча [1]), што не даго́ня пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самага лучшага жеребца да у пагоню: дагнавъ таго звѣря, да и давай бицца. Бились яны, бились. Царевичъ давъ звѣрю три раны. Во у(о)бое выбились изъ мочи; да и лягли аддыхать. Якъ толька царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да й на утёки [2]). Конь бу́дя царевича; јонъ схапився, да у пагоню; дагнавши, изнова зачали бицца. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли аддыхать. Звѣрь утёкъ; царевичъ, дагнавши, знова зрабивъ три раны; а далѣ, якъ у чатвертый разъ ставъ даганять, звѣрь дабѣгъ да великага бѣлага камня, паднявъ яго и пашовъ на тей свѣтъ, сказавши царевичу: «тагда мене пабѣдишъ, якъ сюда придешъ.»

Царевичъ паѣхавъ и разсказавъ аццу свайму все, и прасивъ яго, штобъ јонъ вялѣвъ звить кожанный канатъ такій довгій, штобъ доставъ да таго свѣту. Атецъ вялѣвъ. Якъ зрабили канатъ, царевичъ, забравши сваихъ братовъ, набравши слугъ и всяго, што треба было на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ падъ камень. Пріѣхавши, яны пастроили тамъ дварецъ и стали жить. Пригатовились; мѐньшій братъ и кажа старшимъ: «ну братцы! хто падымя сей камень?» Ни адинъ и зъ мѣста не двинувъ, а јонъ якъ хвативъ, дакъ камень далеко палетѣвъ, а бувъ вяликій, вяликій — зъ гору. Кинувши камень, јонъ изнова и кажа брата́мъ: «а хто

---

[1]) Видитъ. — [2]) Да и бѣжать.

памдя на тей свѣтъ пабивать Норку-звѣря?» Не аднинъ не взявсь. Іонъ, насмѣявшись надъ ими, што яны трусы, гаворя: «ну, братцы! прощайтя; апускайтя мене на тей свѣтъ, а самы не атходтя адъ сяго мѣста, и якъ толька закалишицца канатъ — тащитя.» Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтѣ, падъ землею, царевичъ пашовъ; ишовъ да ишовъ; дивицца [1]), ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и кажа яму: «а зрастуй (здравствуй), Иванъ царевичъ; долга я дожидавъ тебе!» Іонъ сѣвъ на таго коня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, глядить, ажъ станть мѣдный дварецъ. Іонъ въѣхавъ на дворъ, привязавъ каня, да и пашовъ у комнаты. Тамъ нагатована обѣдать; іонъ сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню: тамъ пастель, и іонъ легъ аддыхать. Во приходя панночка, да такая красивая, што не здумать, не згадать, только въ казцѣ [2]) сказать, да и кажа: «хто въ моемъ домѣ — азавися: кали старый — будешъ батюшка, кали среднихъ лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный; а кали женщина (да) старая — будешъ бабушка, среднихъ лѣтъ — матушка, а кали маладая — сястра родная.» Іонъ вышавъ. Яна, якъ пабачила яго, взрадавалась, да и кажа: «чаго, Иванъ-царевичъ (мужъ мой ты будешъ любезный), чаго суда пріѣхавъ?» Іонъ разсказавъ ёй што и якъ. Яна и кажа: «тей звѣрь, што ты хочешъ пабѣдить, — мой братъ. Іонъ тяперь у средняй сястры, што живе недалеко атсуда въ серебряномъ дварцѣ; я яму залячила три раны, што ты зрабивъ.»

Во упасли [3]) сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали [4]); а далѣ царевичъ, папращавшись, паѣхавъ да другой сястры, што въ серебряномъ дварцѣ, и въ той также пагастивъ. Яна сказала яму, што братъ яё Норка тяперь у мѣньшай сястры. Іонъ паѣхавъ да меньшай, што жила въ залатомъ дварцѣ. Ета сказала яму, што братъ яё тяперь спить на синёмъ морѣ, а

[1]) Смотритъ. — [2]) Сказкѣ. — [3]) Послѣ. — [4]) Т. е. имали (брали).

далѣ дала яму напицца сильнай вады, дала мечъ-кладенецъ, и сказала, штобъ јонъ рубавъ галаву брату адъ разу. Іонъ, выслухавши ета, паѣхавъ. Пріѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивицца — ажъ спить Норка на камнѣ, па серединѣ моря, и якъ храп(н)è—атъ таго на семь вёрстъ ажъ вална бье. Іонъ перекрястився, падъѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ па галавѣ. Галава адскочила, да и кажа: «ну таперь-жа я прапавъ!» а далѣ и павалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ варнувся, пабравъ всѣхъ трехъ састеръ съ сабою, штобъ вывести ихъ на етагъ свѣтъ; бо всѣ яго любили и не хатѣли зъ имъ растацца. Кажная изъ ихъ изъ свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дварецъ и наабаротъ, — аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ треба было падымацца на сей свѣтъ. Якъ пришли яны къ канату, царевичъ пасадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; јонъ закалѣхався, браты патащили. Якъ вытащили да пабачили [1]) диковинныхъ красавицъ, аташли адъ ихъ, да и кажуть: «пустимъ канатъ, падымемъ брата, канатъ перярѣжимъ; нехай убьецца, а то јонъ намъ не дасть сихъ красавицъ замужъ.» Во, сгаварившись, пустили канатъ; братъ бывъ не промахъ, дагадався, што братья думають, узявъ да и палаживъ камень, дерганувъ; братья падняли яго высóка, да и перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Іонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ, ишовъ царевичъ. Во якъ паднялась буря, заблискала маланья́, загремѣвъ громъ, полився дождь. Іонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца [2]) падъ имъ; глядить, ажъ на томъ дерявѣ маленькія птушки [3]) савсѣмъ измокли; јонъ изнявъ съ себе адёжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятить птица, да такая валикая, што и свѣтъ

---

[1]) Увидѣли. — [2]) Спрятаться. — [3]) Пташки.

затмився: то было тёмна, а то яще патямнѣло. То — матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши тая птица, якъ пабачила, што яё дятёнашы адѣты, и кажа: «хто накутавъ маихъ птушакъ?» а далѣ, пабачивши царевича, и кажа: «ета ты зрабивъ? спасиба тябѣ. Чаго хочешъ, праси адъ мене за ета; все сдѣлаю для тябе!» Іонъ кажа: «выняси мене на тей свѣтъ.» Яна гавбря: «зраби-жъ ты вяликій засѣкъ, налави всякай дичи, да накидай туда, а въ другую палавину налій вады, штобъ было чимъ мене кармить.»—Царевичъ все зрабивъ. Тая птица, взятши етатъ засѣкъ на сябе, а царевичъ сѣвъ у серядинѣ, — палятѣла. Лятѣвши чи багата, чи мала — вынесла яго, папращалась и палятѣла; а јонъ пашовъ да и приставъ къ аднаму партному у хлопцы: такій јонъ бывъ абодранный, такъ перемѣнився, што и не въ даметъ [1]), што царскій сынъ. Ставши у таго хазяина за работника, царевичъ начавъ распрашувать, што у ихъ царствѣ и якъ? Той хазяинъ и кажа: «наши два царевича (бо третій прапавъ) привязли съ таго свѣта невѣстъ и хочуть жаницца, да тыя невѣсты упирують [2]); хочуть, штобъ имъ къ вянцу нашить всякага платья, такога, якъ у ихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царь звавъ всихъ мастяровъ, да не адинъ не бярецца.» Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: «иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты нашіешъ все па твайму ремяслу.» Хазяинъ и кажа: «чи мини-жъ брацца за такое платье? я шію на простонародья.» Царевичъ кажа: «иди, хазяинъ! я отвѣчаю за все.» Той хазяинъ пашовъ. Царь бывъ радъ, што нашовся хоть адинъ мастяръ; давъ яму денегъ, сколько јонъ хатѣвъ. Хазяинъ той, справившись, прихбдя дамовъ [3]). Царевичъ и гавбря яму: «ну, мались Богу да лажись спать; завтра все будя гатова.» Іонъ паслухавъ свайго паробка, легъ спать.

[1]) Не въ домёкъ. — [2]) Упираются. — [3]) Домой.

Зварнуло-съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за горадъ — на поле, вынявъ изъ кармана тыя янчки, што дали яму невѣсты, и якъ научили яго, здѣлавъ изъ ихъ три дварцы; вашовъ, пабравъ у каждомъ ихъ платья, вышавъ, зварнувъ тые дварцы въ янчки и пашовъ дамовъ. Пришовши, развѣшавъ платья на стянѣ, да и легъ спать. Рано праснувся хазяинъ, глядь—ажъ висить такоя платья, што јонъ и не видавъ! все сьяе [1]) златомъ да серебромъ да камнями самоцвѣтными. Іонъ зрадовавсь, взявъ-панёсъ тоя платья къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платья, што у ихъ на томъ свѣтѣ, дагадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, переглянулись да и замовкли. Хазяинъ тей, аддавши платья, пашовъ дамовъ, да не заставъ уже свайго дарагога работника. Іонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго паславъ къ царю, и той зарабивъ; толька абхадивъ јонъ всихъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што наживились чрезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всихъ мастяровъ, царевны палучили сваё желанье: у ихъ все платья было такоя, акъ на томъ свѣтѣ; только яны горько плакали, што царевичъ не прихóдя, а наравить [2]) было нельзя, нада бы́ла вянчацца. Якъ сабрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: «пазвольте мнѣ, батюшка, пайти самой падарить нищихъ!» Іонъ пазволивъ. Яна пашла и начала дарить да приглядацца. Падхóдя къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на томъ свѣтѣ, и кольца сястёръ сваихъ (бо то бывъ јонъ!)—хватила яго за руку и привяла яго въ комнату, и кажа царю: «во той, што насъ вывявъ изъ таго свѣту! Братья, кажа, запрятили гаварить намъ, што јонъ живъ, и обѣщали пабить насъ, кали мы скажемъ.» Царь на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ, якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли

---

[1]) Сіяетъ. — [2]) Норовить (норовъ) — противиться.

три свадьбы, и я тамъ бывъ, медъ вино пивъ, въ ротѣ не было, а толька па барадѣ тякло.

(Записана въ городѣ Погарѣ, черниговской губерніи, учителемъ Н. Матросовымъ.)

7.

ВАСИЛИСА-ПОПОВНА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Василій попъ. У него была дочь Василиса Васильевна. Одѣвалась она въ мужское платье, ѣздила верхомъ на лошади, стрѣляла изъ ружья, и все дѣлала совсѣмъ не по дѣвичьи, такъ что очень немногіе знали, что она—дѣвушка, а думали, что она—мущина, и звали ее Василіемъ Васильевичемъ; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки, а это, знашь, дѣвушкамъ совсѣмъ не къ лицу. Вотъ единова царь Бархатъ (такъ звали царя той стороны) поѣхалъ поохотиться за дичинкой, и ему на встрѣчу попалась Василиса Васильевна. Ѣхала она верхомъ въ мужской одёжѣ тоже *за* охотой. Царь Бархатъ, увидавъ ее, спрашиваетъ у своихъ слугъ: «кто это такой молодой человѣкъ?» Одинъ слуга ему и отвѣчаетъ: «это вѣдь, царь, не мущина, а дѣвушка; мнѣ довѣдома извѣстно, что это дочь попа Василія и что зовутъ ее Василисой Васильевной.»

Лишь только царь Бархатъ воротился до двора, тотчасъ написалъ къ попу Василію граматку, чтобы онъ своего сына Василія Васильевича отпустилъ къ нему въ гости отвѣдать царскаго стола. А между тѣмъ самъ пошелъ къ бабушкѣ-задворинкѣ-ягинишнѣ, и давай ее выпытывать, какъ-бы узнать,

что Василій Васильевичъ точно дѣвушка. Бабушка-задворинка-ягинишна и говоритъ ему: «ты по праву-то руку въ палатѣ своей повѣсь пяла [1]), а по лѣву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то когда взойдетъ въ палату —прежде всего хватится за пяла, а если—Василій Васильевичъ, то за оружія.» Царь Бархатъ послушался бабушку-задворинку-ягинишну и велѣлъ своимъ слугамъ поставить въ палату пяла и развѣсить ружья. Какъ только граматка царская дошла до отца Василія, и онъ показалъ ее своей дочери, тотчасъ Василиса Васильевна пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухъ къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она по учтивому Богу молится, по писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ, съ царемъ Бархатомъ ласково здоровается, и входитъ съ нимъ въ царскія палаты. Ся(ѣ)ли вмѣстѣ за столъ и давай пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда Василиса Васильевна стала съ царемъ Бархатомъ по палатамъ разгуливаться, и какъ только увидала пяла, то и учала царя Бархата осужать: «что это, говоритъ, такое у тебя, царь Бархатъ, за дрянь? У моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичьё шелепетьё въ палатахъ вѣсится!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка.

Эдакъ дня черезъ два, не больше, царь Бархатъ посылаетъ опять къ попу Василію граматку и проситъ его отпустить къ нему своего сына Василія Васильевича. Тотчасъ, какъ только Василиса Васильевна услыхала объ этомъ, пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-

---

[1]) Пяльцы.

сивогриваго, и пахнула прямо къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ. Она съ нимъ ласково здоровается, по учтивому Богу молится, по писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ. Царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ къ ужину сварить кашу и начинить ее жемчугомъ; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчугъ будетъ въ горсточку класть, а если — Василій Васильевичъ, то подъ столъ кидать. Вотъ подошло время и ужинать. Царь сѣлъ за столъ, а Василису Васильевну посадилъ по праву руку, и стали они пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ всего подали кашу, и какъ только Василиса Васильевна ее хлебнула и попалась ей жемчужина, она швыркъ ее подъ столъ вмѣстѣ съ кашею, и учала царя Бархата осужать: «что это, говоритъ, за дрянь такая въ кашѣ накладена? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичьё шелепетьё въ кушанье кладутъ!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь опять не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка; а вить это больно ему хотѣлось.

Дня черезъ два царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ истопить баню; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то въ баню вмѣстѣ съ царемъ не пойдетъ. Истопили баню.

Опять царь Бархатъ пиши(е)тъ къ попу Василію граматку, чтобы онъ своего сына Василія Васильевича въ гости къ нему отпустилъ. Какъ только Василиса Васильевна узнала объ этомъ, тотчасъ пошла на конюшій дворъ, осѣдлала своего коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухнула къ царю Бархату на дворъ. Царь ее встрѣчаетъ на парадномъ крыльчикѣ. Она съ нимъ ласково здоровается и входитъ по

бархатному коврику въ палаты: взошедъ въ оныя, по учтивому Богу помолилась, по писанному перекрестилась, на всѣ четыре сторонушки низехонько поклонилась; сѣла съ царемъ Бархатомъ за столъ, и стала съ нимъ пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда царь и говоритъ: «не въ угоду ли, Василій Васильевичъ, со мной въ баньку сходить?» — Извольте, ваше царское величество! отвѣчаетъ Василиса Васильевна; я давнымъ-давно въ банѣ не бывалъ, и больно охочь париться. Вотъ они и пошли вмѣстѣ въ баню. Покѣлесь царь Бархатъ разоблакался въ передбанкѣ, она въ ту пору успѣла искупаться, да и была такова! Царь не могъ и въ банѣ ее захватить. Василиса Васильевна, вышедъ изъ бани, писала межъ тѣмъ къ царю писульку и велѣла слугамъ отдать ему, когда онъ самъ выдетъ изъ бани. А въ этой писулькѣ было написано: «ахъ ты — ворона, ворона, царь Бархатъ! не умѣла ты, ворона, сокола въ саду споймать! а я вѣдь не Василій Васильевичъ, а Василиса Васильевна.» Вотъ нашъ царь Бархатъ и остался на бобахъ [1]): вишь какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лѣпообразная!

(Записана штатнымъ смотрителемъ ирбитскаго уѣзднаго училища Н. Тихановымъ.)

8.

РАЗБОЙНИКИ.

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ была дочка Аленушка. Вотъ этого попа позвали на свадьбу; онъ собрался ѣхать

---

[1]) Въ рукописи г. Тиханова: «и остался на бобахъ-на голубыхъ щекахъ.»

съ женою, а дочь оставляетъ домосѣдкою.—Матушка! я боюсь оставаться одна, говоритъ Аленушка матери. «А ты собери подружекъ на посидѣлки, и будешь не одна.» Попъ и попадья уѣхали, а Аленушка собрала подружекъ; много сошлось ихъ съ работою: кто вяжетъ, кто плететъ, а кто и прядетъ. Одна дѣвица уронила невзначай веретено; оно покатилось и упало въ трещину, прямо въ погребъ. Вотъ она полѣзла за веретеномъ въ погребъ, сошла туда, смотритъ, а тамъ за кадушкою сидитъ разбойникъ и грозитъ ей пальцемъ. «Смотри, говоритъ онъ, не разсказывай никому, что я здѣсь, а то не быть тебѣ живой!» Вотъ вылѣзла она изъ погреба блѣдная блѣдная, разсказала все шопотомъ одной подружкѣ, та другой, а эта третьей, и всѣ перепуганныя стали собираться домой. «Куда вы? уговариваетъ ихъ Аленушка, постойте, еще рано.» Кто говоритъ, что ей надо по̀ воду идти; кто говоритъ, что ей надо отнести къ сосѣду холстъ,—и всѣ ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойникъ услыхалъ, что все приутихло, вышелъ изъ погреба и говоритъ ей: «здравствуй, красная дѣвица, пирожная мастерица!»—Здравствуй! отвѣчаетъ Аленушка. Разбойникъ осмотрѣлъ все въ избѣ, и вышелъ посмотрѣть еще на дворѣ, а Аленушка тѣмъ временемъ поскорѣй двери заперла и огонь потушила. Разбойникъ стучится въ избу: «пусти меня, а то я тебя зарѣжу!»—Не пущу; коли хочешь, полѣзай въ окно!—а сама приготовила топоръ. Только разбойникъ просунулъ въ окно голову, она тотчасъ ударила топоромъ и отрубила ему голову, а сама думаетъ: скоро пріѣдутъ другіе разбойники, его товарищи; что мнѣ дѣлать? Взяла отрубленную голову и завязала въ мѣшокъ; послѣ притащила убитаго разбойника, разрубила его на куски и поклала ихъ въ разные мѣшки и горшки. Прошло ни много-ни мало, пріѣхали разбойники и спрашиваютъ: «справился ли?» — они думали, что то-

варищъ ихъ живъ. «Справился, говоритъ Аленушка голосомъ разбойника; вотъ два мѣшка денегъ, вотъ крынка масла, вотъ ветчина!» — и подаетъ приготовленные мѣшки и горшки въ окно. Разбойники забрали все это, да на возъ. «Ну, поѣдемъ!» говорятъ они. — Поѣзжайте, говоритъ Аленушка, а я посмотрю, нѣтъ ли еще чего. Тѣ и уѣхали.

Развѣло. Попъ съ попадьей воротились со свадьбы. Она и разсказала имъ все какъ было: «такъ и такъ, сама разбойниковъ побѣдила.» А разбойники пріѣхали домой, да какъ поглядѣли въ мѣшки и въ горшки, такъ и ахнули: «ахъ она такая-сякая! хорошо же, мы ее сгубимъ!» Вотъ нарядились они хорошо-хорошо, и пріѣхали къ попу свататься за Аленушку, а въ женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка смѣтила ихъ по голосу и говоритъ отцу: «батюшка! это не сваты, это тѣже разбойники, что прежде пріѣзжали.» — Что ты врешь? говоритъ попъ, они такіе нарядные! — а самъ-то радъ, что такіе хорошіе люди пріѣхали свататься за его дочь, и приданаго не берутъ. Аленушка плакать — ничего не помогаетъ. «Мы тебя изъ дому прогонимъ, коли не пойдешь теперь замужъ!» говоритъ попъ съ попадьею. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку къ себѣ, и только въѣхали въ лѣсъ — и говорятъ: «что-жъ здѣсь станемъ ее казнить?» А дурачекъ и говоритъ: «хочь бы она денечекъ прожила, я бы на нее поглядѣлъ.» — Ну, что тебѣ дураку смотрѣть! «Пожалуста, братцы!» Разбойники согласились, поѣхали и привезли Аленушку къ себѣ, пили-пили, гуляли-гуляли; потомъ и говорятъ: «что-жъ, теперь пора ее сказнить!» А дурачекъ: «хочь бы мнѣ одну ноченьку съ нею переночевать.» — Ну, дуракъ, она пожалуй еще уйдетъ! «Пожалуста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу, и оставили ихъ въ осо-

бой клѣти. Вотъ Аленушка и говоритъ мужу: «пусти меня на дворъ — я простужусь [1]).» — А ну какъ наши-то услышатъ? «Я потихонечку; пусти хочь въ окошко.» — Я бы пустилъ, а ну какъ ты уйдешь? «Да ты привяжи меня; у меня есть славной холстъ, отъ матушки достался: обвяжи меня холстомъ и выпусти, а когда потянешь — я опять влѣзу въ окно.» Дурачекъ обвязалъ ее холстомъ. Вотъ она это спустилась, поскорѣй отвязалась, а замѣсто себя привязала за рога козу, и немного погодя говоритъ: «тащи меня!» — а сама убѣжала. Дурачекъ потащилъ, а коза — *мекеке*, *мекеке!* Что ни потянетъ, коза все — *мекеке* да *мекеке!* «Что ты мекéкаешь? говоритъ молодой, наши услышатъ, и сейчасъ же тебя изгубятъ.» Притащилъ, хвать — а за холстъ привязана коза. Дурачекъ испугался и не знаетъ, что дѣлать: «ахъ, она проклятая! вить обманула.» Поутру входятъ къ нему разбойники. «Гдѣ твоя молодая?» спрашиваютъ его.—Ушла. «Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! вить мы-жъ тебѣ говорили, такъ нѣтъ!»

Сѣли верхами и поскакали нагонять Аленушку; ѣдутъ съ собаками, хлопаютъ да свищутъ — такая страсть! Аленушка услыхала погоню и влѣзла въ дупло сухаго дуба, и сидитъ тамъ ни жива, ни мертва, а вокругъ этого дуба собаки такъ и вьются. «Нѣтъ ли тамъ ее? говоритъ одинъ разбойникъ другому; ткни-ка, братъ, туда ножемъ.» Тотъ ткнулъ ножемъ въ дупло и попалъ Аленушкѣ въ колѣнку. Только Аленушка была догадлива, схватила платокъ и обтерла ножъ. Посмотрѣлъ разбойникъ на свой ножъ и говоритъ: «нѣтъ ничего не видать!» И опять они поскакали въ разныя стороны, засвистали и захлопали.

Когда все стихло, Аленушка вылѣзла изъ дупла и побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ,

[1]) Простудиться—прохладиться, подышать свѣжимъ воздухомъ (Опытъ обл. великор. слов., стр. 181).

видитъ она, ѣдетъ мужикъ съ корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня подъ корыто!» проситъ она. — Эка, ты какая нарядная! ты вся вымараешься. «Пожалуста, спрячь! за мной разбойники гонются.» Мужикъ раскидалъ корыта, положилъ ее подъ самое нижнее, и опять сложилъ. Только что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — Не видалъ, родимые! «Врешь! сваливай корыта.» Вотъ онъ сталъ сбрасывать корыта и посбросалъ ужъ всѣ, кромѣ послѣдняго. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали разбойники, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда все стихло, Аленушка и проситъ: «дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ — везетъ кожи. «Дяденька, молитъ она, спрячь меня подъ кожи! за мной разбойники гонются.» — Эка, вишь ты какая нарядная! подъ кожами ты вся вымараешься. «Ничего, только спрячь!» Мужикъ раскидалъ кожи, положилъ ее подъ самую нижнюю, и опять сложилъ все по прежнему. Только что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?»—Не видалъ, родимые! «Врешь! сваливай кожи.» — Да зачѣмъ, родимые, стану я разбрасывать свое добро? Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, всѣ кожи; только двѣ-три оставалось. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали они, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, она и проситъ: «дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и пришла домой въ полночь, да и легла въ стогъ сѣна, закопалась туда вся и заснула. Разсвѣло. Попъ пошелъ давать коровамъ сѣна, и только

воткнулъ вилами въ стогъ—Аленушка и схватилась руками за вилы. Попъ оробѣлъ, крестится и говоритъ: «съ нами крестная сила! Господи помилуй!» Потомъ ужь спросилъ: «кто тамъ?» Аленушка узнала отца и вылѣзла изъ сѣна. «Какъ ты сюда попала?» — Такъ и такъ, вы отдали меня разбойникамъ; они хотѣли меня убить, да я убѣжала — и разсказываетъ всѣ страсти. Немножко погодя, пріѣзжаютъ къ попу разбойники, а онъ Аленушку спряталъ. Попъ спрашиваетъ: «жива ли здорова дочка моя?» — Слава Богу! она осталась дома хозяйничать, говорятъ разбойники, и сѣли они какъ-бы въ гостяхъ; а попъ тѣмъ временемъ собралъ солдатъ, потомъ вывелъ дочь и говоритъ: «а это кто?» Тутъ разбойниковъ похватали, связали, да въ тюрьму.

(Записана въ воронежской губерніи, въ бобровскомъ уѣздѣ.)

9.

СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНѢ [1]).

Зла жона худо съ мужомъ жила, ничево мужа не слушала. Велитъ мужъ ране встать, такъ ёна трои сутки спитъ; велитъ мужъ спать, а ёна николько не спитъ. Велитъ мужъ блины печи, а ёна гытъ [2]): «не стоишь, воръ, блиновъ!» Мужъ гытъ: «не пеки, жона, блиновъ, коли не стою»; а ёна выпечетъ кринку въ два вёдра, и гытъ: «ѣшь, воръ, чтобъ съѣдено было!» — Ну, гытъ, жона, не стряпай и на сѣнокосъ не ходи; мнѣ тебя жаль! А ёна гытъ: «нѣтъ, воръ, я пойду, и ты ступай за мною!» Только онъ побился съ ней, помаялся, по-

---

[1]) См. вып. III, № 26, а; вып. V, № 14; вып. VI, № 16.

[2]) Говоритъ.

шолъ съ горя въ лѣсъ по ягоды и нашолъ кустъ смородины, и увидѣлъ въ эвтомъ кусту бездонную яму; поглазѣлъ онъ и смекнулъ: что я живу со злой жоной, маюся? не могу ли я ее въ эвту яму засадить, не могу ли я ее проучить? Пришолъ въ избу и гытъ: «не ходи, жона, въ лѣсъ за ягодами!» — Нѣтъ, шишморникъ [1]), пойду! «Я нашолъ кустъ смородины, не бери!» —Нѣтъ, сама пойду, оберу, тебѣ не дамъ смородины! Мужъ пошолъ, жона съ нимъ; пришолъ къ кусту - къ смородинѣ, а жона вскочила въ кустъ и матомъ кричитъ: «не ходи, воръ, въ кустъ, убью!» и сама полѣзла въ средину, да въ яму-то и хлопъ бездонную.

Мужъ съ радостей въ избу пошолъ и прожилъ трои сутки, на четвертые пошолъ провѣдывать; взялъ бичеву длинную, пустилъ въ ямищу и вытащилъ оттуда чертенка; испугавшись, и хочетъ чертенка въ яму опустить. Закричалъ тотъ матомъ, замолился и гытъ: «христіанинъ! [2]) не обрати назадъ, пусти на свѣтъ; пришла злая жона, всѣхъ насъ пріѣла, прикусала, прищипала — тошно намъ! я тебѣ добро сдѣлаю!» Христіанинъ и отпустилъ его на божью волю—на святую Русь. Чертенокъ и гытъ: «ну, христіанинъ! пойдемъ со мною во градъ Вологду; я стану людей морить, а ты — лѣчить.» Ну вотъ пошолъ чертенокъ по купеческимъ жонамъ и по купеческимъ дочерямъ; сталъ онъ въ нихъ входить, стали онѣ дурѣть, стали онѣ болѣть. Вотъ этотъ христіанинъ — гдѣ заболѣютъ— придетъ въ домъ, а непріятель-то вонъ, въ дому благодать будетъ, и смѣкаютъ всѣ, что этотъ христіанинъ —лѣкарь, деньги даютъ, да и пирогами кормятъ. И набралъ христіанинъ денегъ несмѣтную сумму себѣ. Вотъ чертенокъ и гытъ: «полно, христіанинъ, съ тебя; доволенъ ли ты? Тепере я пойду въ боярскую дочь; мотри [3]), не ходи ее лѣчить; не то съѣмъ тебя!» Боярышня заболѣла и такъ задурѣла, што требуетъ лю-

[1]) Бранное слово; шишимора. — [2]) Крестьянинъ. — [3]) Смотри.

дей ѣсти. Приказалъ бояринъ христіанина найдти — таковато лѣкаря отыскать. Онъ приходитъ въ хоромы и велитъ боярину, чтобъ всѣ горожане и кареты съ кучерами стояли въ эвтой улицѣ противу дому боярскаго; потомъ даетъ приказъ, штобъ всѣ кучера щолкали въ арапельники [1]) и матомъ кричали: «злая жона пришла, злая жона пришла!» — и самъ пошолъ въ комнаты. Пришолъ онъ въ комнаты; чертенокъ *возлился* на него и гытъ: «што ты, русской, зачѣмъ пришолъ? я тебя съѣмъ!» Онъ гытъ: «што ты! я пришолъ тебя не выживать, а пришолъ тебя жаля [2]) сказать: зла-то жона сюда пришла!» Чортъ на окошко вскочилъ, вытаращилъ зѣнки [3]) да и чуѐтъ: [4]) всѣ однимъ матомъ ор*ю*тъ: [5]) «злая жона!» — Христіанинъ! заговорилъ чортъ, мнѣ-то куды дѣваться? «Ступай опять въ ямищу; она туды больше не пойдетъ.» Чортъ туды и ушолъ къ злой женѣ. За это бояринъ пожаловалъ милость, дочку (за крестьянина) замужъ отдалъ, полъимѣнья подарилъ, а злая жона и тепере въ ямѣ сидитъ въ тартарары [6]).

(Записана въ череповскомъ уѣздѣ новгородской губерніи Н. Чернышевымъ.)

10.

СКАЗКА О ПРАВДѢ И КРИВДѢ [7]).

Вотъ было какое дѣло, скажу тваему здаровью! Вотъ, знашь, не ва гнѣвъ тваѣй милости къ рѣчи сказать, какъ мы

---

[1]) Арапники. — [2]) Жалѣя. — [3]) Зѣнки — глаза (Опытъ обл. велик. слов., стр. 72). — [4]) Слышитъ. — [5]) О(а)рать — кричать. — [6]) Это слово часто встрѣчается въ заговорахъ: «такъ бы черная немочь бѣжала въ таръ-тарары, во тьму кромечную». (Сахар. Сказ. рус. нар. т. I, стр. 31.)— [7]) См. вып. V, № 13; вып. VI, № 15.

таперича съ табой, раскалякались [1]) прамежъ себя двоя нашей братьи мужичковъ, бяднѣющіе, пребяднѣющіе. Адинъ-атъ жилъ каё-какъ, калатился всѣми неправдами; гараздъ былъ на абманы, и приворнуть ево было дѣло, а другой-атъ шолъ па правдѣ, кабы, знашъ, трудами вѣкъ пражить. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та ани и заспорили. Адинъ-атъ гаваритъ: лутча [2]) жить кривдай, а другой-атъ гаваритъ: кривдай вѣкъ пражить не сможишъ; лутча жить, какъ на-есть, ды правдай. Вотъ спорили ани, спорили; нихто, слышъ, не переспорилъ. Вотъ и пашли ани, братецъ мой, на дарогу; пашли на дарогу и рѣшили спрасить да трехъ разъ, хто имъ на встрѣчу пападетъ и што на эвто скажитъ. Вотъ ани шли, шли, братецъ мой, и увидали: барскай мужичокъ пашитъ. Вотъ, знашъ, и падашли къ няму, падашли и гаварятъ: «Богъ нà помочь тебѣ, знакомай! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лутча жить на бѣламъ свѣти — правдай али кривдай?» — Нѣтъ, братцы! правдай вѣкъ пражить не сможишъ; кривдай жить вальготняй [3]). Вотъ и наше дѣло: безперечь у насъ гаспада дни атнимаютъ, работáть на себя некогда; изъ-за неволи прикинишься, бытто што папритчилась [4]) — хворь [5]), знашъ, нашла, а самъ межъ эвтимъ времямъ-та въ лѣсишка съѣздишъ па дравицы, не днемъ, тыкъ ночью — коли есть запретъ. «Ну, слышъ, мая правда!» гаваритъ кривадушнай-ятъ правдиваму-та.

Вотъ пашли апять па дароги, знашъ, што скажитъ имъ другой. Шли, шли, и видютъ: ѣдитъ на парѣ въ павоски съ кибиткай купецъ. Вотъ падашли ани къ няму, падашли и спрашиваютъ: «астанавись-ка, слышъ, на часикъ, не ва гнѣвъ тваёй милости, а чомъ мы тебя спросимъ. Рѣши, слышъ, нашъ споръ: какъ лутча жить на свѣти — правдай али кривдай?»

---

[1]) Калякать — разговаривать. — [2]) Или: луча — лучше. — [3]) Выгоднѣй, легче (Опытъ обл. велик. слов., стр. 20). — [4]) Попритчиться — заболѣть съ глазу, съ уроковъ (ibidem, стр. 171). — [5]) Болѣзнь.

—Нѣтъ, рабята! Правдай мудряно жить, лутча кривдай. Насъ абманываютъ, и мы абманываемъ. «Ну, слышъ, иая правда!» гаваритъ апять кривадушнай-ятъ правдиваму-та.

Вотъ пашли ани апять па дароги, што скажитъ третяй. Шли, шли, вотъ и видютъ: ѣдитъ прикащикъ на встрѣчу. Вотъ ани падашли къ няму, падашли къ няму и спрашиваютъ: «астанавись-ка на часочикъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутча жить на свѣти — правдай, али кривдай?» — Вотъ, слышъ, нашли а чомъ спрашивать! знама дѣла, што кривдай. Какая ноньча правда? За правду въ Сибирь угадишъ, скажутъ—кляузникъ... «Ну, слышъ! гаваритъ кривадушнай-ятъ правдиваму-та, вотъ всѣ гаварятъ, што кривдай лутча жить.» — Нѣтъ, слышъ! нада жить па божью, какъ, знашъ, Богъ велитъ: што будитъ, то и будитъ, а кривдай жить не хачу! гаваритъ правдивай-ятъ кривадушнаму-та.

Вотъ пашли апять дарогай вмѣсти. Шли, шли; кривадушнай-ятъ всяка, знашъ, съумѣитъ ка всѣмъ прилаживаться; вездѣ его кормютъ, и калачи у нево есть; а правдивай-ятъ гдѣ вадицы изапьетъ, гдѣ парабатáитъ, ево за эвто пакормютъ. А тотъ, знашъ, кривадушнай-ятъ все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивай-ятъ папрасилъ кусочикъ хлѣпца у кривадушнава-та: «дай мнѣ кусочикъ хлѣпца.» — А што за нево мнѣ дашъ? гаваритъ кривадушный-ятъ. «Што хошъ возьми, што у меня есть, гаваритъ правдивай-ятъ.» — Дай, слышъ, глазъ я тебѣ выкалю? «Ну, выкали!» знашъ, онъ ему гаваритъ. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та кривадушнай-ятъ и выкалалъ правдиваму-та глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца. Тотъ, слышъ, стерпѣлъ, взялъ кусочикъ хлѣпца, съѣлъ, и пашли апять па дароги. Шли, шли; апять правдивай-ятъ у кривадушнава-та сталъ прасить хлѣпца кусочикъ. Вотъ тотъ апять рáзна сталъ надъ нимъ насмѣхаться: «дай

другой глазъ я тебѣ выкалю, ну тада [1]) дамъ кусочикъ.»
—Ахъ, братецъ, пажалѣй, я слѣпой буду! — знашъ, правдивай-ятъ упрашивалъ ево. «Нѣтъ, слышъ, за то ты правдивай, а я живу кривдай!» кривадушнай-ятъ ему гаварилъ. Што дѣлать? ну такъ таму дѣлу и быть. «На, выкали и другой, кали грѣха не боишся!» правдивай-ятъ, знашъ, гаварить кривадушнаму-та. Вотъ, братецъ мой, выкалалъ ему и другой-ятъ глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца; далъ хлѣпца и аставилъ ево на дороги: «вотъ стану я тебя вадить!»

Ну што дѣлать? слѣпой съѣлъ кусочикъ хлѣпца, и пашолъ патихоньку ощупью съ палачкай. Шолъ, шолъ каё-какъ, и сбился съ дароги и не знатъ, куды ему итти. Вотъ и пачалъ онъ прасить Бога: «Господи! не аставь меня грѣшнава раба тваево!» Малился, малился; вотъ и услыхалъ онъ голасъ, хто-та, слышъ, ему гаваритъ: «иди ты направо! какъ пайдешъ направо, придешъ къ лѣсу; придешъ къ лѣсу, найди ты ощупью трапинку; найдешъ трапинку, пади ты па той трапинки; пайдешъ па трапинки, придешъ на гремячай ключъ; какъ придешъ ты къ гремячему ключу — умойся, слышъ, изъ нево вадою, напей той вады и намочи ею глаза: ты, слышъ, празрѣишъ! Какъ празрѣишъ, пади ты вверхъ па ключу таму и увидишъ бальшой дупъ [2]); увидишъ дупъ, падайди къ няму и залѣсь [3]) на нево; какъ залѣзишъ на нево, даждись ночи; даждешся ты ночи, слушай, што будутъ гаварить патъ [4]) эвтимъ дубомъ нечистые духи: ани, слышъ, тутъ слятаются на таковище.» Вотъ онъ каё-какъ дабрёлъ да лѣса; дабрёлъ да лѣса, палозилъ-палозилъ па немъ, напалъ каё-какъ на трапинку; пашолъ па той трапинки, дашолъ да гремячава ключа; дашолъ да ключа, умылся вадою; умылся вадою, испилъ и примачилъ глаза; примачилъ глаза, и вдругъ

[1]) Тогда. — [2]) Дубъ. — [3]) Влѣзь. — [4]) Подъ.

увидѣлъ апять свѣтъ божей — знашъ, празрѣлъ! Вотъ какъ празрѣлъ, и пашолъ вверхъ па таму ключу; шолъ, шолъ па немъ, вотъ и видитъ бальшой дупъ—падъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ влѣс(з)ъ на тотъ дупъ, влѣсъ и дваждался ночи. Начали пат тотъ дупъ слятаться са всѣхъ старонъ бѣсы; слятались, слятались, вотъ и начали разсказывать, гдѣ, знашъ, хто былъ. Вотъ адинъ бѣсъ и гаваритъ: «я былъ у такой-та царевны; десять гадо̀въ ее мучаю. Веяка меня выганяютъ изъ неё: никто, слышъ, меня не сможетъ выгнать, а выганитъ тотъ, хто вотъ у такова-та багатава купца дастанитъ образъ Смаленскай Божей Матери, што у нево на варотахъ въ куотѣ [1]) удѣланъ.» Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлятѣлись, правдивай-ятъ слѣсъ съ дуба, слѣсъ съ дуба и пашолъ искать таво купца. Искалъ, искалъ, каё-какъ нашолъ ево; нашолъ и просится рабата̀ть на нево: «хать готъ [2]) прарабата́ю, ништо мнѣ не нада, толька дай мнѣ образъ Божей Матери съ варотъ.» Купецъ сагласился, принялъ ево къ себѣ въ работники. Вотъ рабата̀лъ онъ у нево, што ни есть мочи, круглый готъ. Прарабата́вши готъ, онъ и проситъ тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышъ: «ну, братецъ! даволенъ я тваёй работай, толька жаль мнѣ образа; вазьми лутча деньги.» —Нѣтъ, не нада денихъ, а дай мнѣ ево па угавору. «Нѣтъ, не дамъ образъ! Прарабата́й и(е)що готъ, ну — такъ и быть — тада отдамъ тебѣ ево.» Вотъ эвтимъ дѣламъ-та правдивай-ятъ мужичокъ рабата̀лъ ище готъ; ни дня, ни ночи не зналъ, все рабата̀лъ, такой старательнай былъ! Вотъ прарабата̀лъ готъ, апять, знашъ, сталъ прасить образъ Божей Матери съ варотъ. Купцу апять жаль и ево атпустить, и образъ атдать: «нѣтъ, лутча я тебя казною награжу; а коли хочишъ, то парабата́й ищо готъ — ну, такъ атдамъ тебѣ образъ.» Вотъ такъ таму дѣлу

---

[1]) Кіотѣ. — [2]) Годъ.

и быть, апять сталъ рабатать готъ. Рабаталъ ищо пуще таво: всѣмъ на диво — какой былъ рабатящай! Вотъ прарабаталъ и третій готъ; прарабаталъ, и апять проситъ образъ. Купецъ — дѣлать нечаво — снялъ образъ съ варотъ и отдалъ ему: «на, слышъ, вазьми образъ и ступай съ Богомъ!» Напаилъ, накармилъ ево, и деньгами наградилъ малую талику.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та взялъ онъ образъ Смаленскай Божей Матери, взялъ ево и павѣсилъ на себя; павѣсилъ на себя и пашолъ, слышъ, къ таму царю царевну лѣчить, у катора бѣсъ-атъ мучитель сидитъ. Шолъ, шолъ, и пришолъ къ таму царю. Пришолъ къ царю и гаваритъ: «я де вашу царевну излѣчить смагу.» Вотъ, знашъ, эвтимъ дѣламъ-та впустили ево въ харомы царскіе, впустили и паказали ему ту скарбящую царевну. Паказали царевну; вотъ онъ спрасилъ вады. Падали вады. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ паклона палажилъ — знашъ, пamaлился Богу; памалился Богу, и снялъ съ себя образъ Божей Матери, снялъ ево и съ малитваю три раза въ воду апустилъ; апустилъ, знашъ, и надѣлъ ево на царевну; надѣлъ на царевну, и велѣлъ ей тою вадою умываться. Вотъ какъ ана матушка надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою вадою, вдругъ изъ-за неё недугъ-атъ, знашъ — вражья-та нечистая сила, клубомъ вылятѣлъ вонъ; вылятѣлъ вонъ, и ана стала здарова па прежнему. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та не вѣсть какъ всѣ абрадывались, абрадывались и не знали чѣмъ наградить эвтова мужичка: и землю давали, и вотчину сулили, и жалаванье бальшое клали.—Нѣтъ, слышъ, ничаво не нада! Вотъ царевна-та и гаваритъ царю: «я замуш(ж)ъ за нево иду.» — Ладна! царь атъ сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и павѣнчались; павѣнчались, и сталъ нашъ мужичокъ хадить, знашъ, въ адѣ-

жё царской, жить въ царскихъ харомахъ, пить-ѣсть все нá все за одно съ ними. Жилъ, жилъ, и принатарѣлъ [1]) къ нимъ.

Вотъ какъ принатарѣлъ онъ къ нимъ — и гаваритъ: «пустите меня на родину; у меня есть мáть старушка бѣдная.» —Ладна! царевна, знашъ—жена-та ево, сказала: паѣдимъ виѣсти. Вотъ и паѣхали ани виѣсти, вдваёмъ съ царевнай. Лошади-та, адёжа, каляска, збруя — все царская. Ѣхали, ѣхали, и падъѣзжаютъ ани къ ево родинѣ; падъѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и пападается на встрѣчу имъ тотъ кривадушнай, штò, знашъ, спорилъ-та съ нимъ, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай. Идетъ на встрѣчу; вотъ правдивай-ятъ, царской сынъ, и гаваритъ: «здраствуй, братецъ мой!» — называетъ ёво па имяни. Тому, знашъ, въ диковину, што въ каляски — такой знатнай баринъ ево знатъ, и не узналъ ево. «Помнишъ, ты спорилъ са мною, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай, и выкалалъ мнѣ глаза? Эвто я самой!» Вотъ, знашъ, онъ арабѣлъ и не зналъ, што дѣлать. «Нѣтъ, не бойся! я на тебя не сержусь, а жи(е)лаю и тебѣ такова-жъ счастья. Вотъ пади ты въ такой-та лѣсъ — знашъ, научáтъ ево, какъ ево Богъ научилъ; въ томъ лѣси увидишъ ты трапинку, пади па той трапинки—придешъ ты къ гремячему ключу, напейся изъ таво ключа вады и умойся; какъ умоишся, пади ты вверхъ па ключу—увидишъ тамъ ты бальшой дупъ, влѣсь на нево и прасиди всю ночь на немъ. Падъ нимъ, слышъ, таковище нечистыхъ духовъ, и ты слушай, и услышишъ сваё счастье!

Вотъ, знашъ, кривадушнай-ятъ па ево слову, какъ па писанному, все эвто здѣлалъ: нашолъ лѣсъ и ту трапинку; пашолъ па трапинки, и пришолъ къ гремячему ключу, напился и умылся; умылся и пашолъ, знашъ, вверхъ па немъ; пашолъ вверхъ, и увидѣлъ бальшой дупъ—падъ нимъ все утоптана.

---

[1]) Т. е. приноровился къ ихъ пріемамъ и обычаямъ.

Вотъ онъ залѣсъ на эвтотъ дупъ, залѣсъ на дупъ и даждался ночи; даждался ночи и слышитъ, знашъ, какъ са всѣхъ старонъ сlяталисъ на таковище нечистые духи. Вотъ какъ слятѣлись, и услыхали по духу ево на дубу; услыхали по духу и растерзали ево на мелкія части. Такъ тѣйъ эвто дѣло и пакончилось, што правдивай-ятъ сталъ царскимъ сыномъ, а кривадушнава-та загрызли черти.

(Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.)

11.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВИЧЪ.

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ, живучи Буславъ переставился [1]). Остается его любима молода жена Ван(м)ильфа Тимоѳеевна, остается у неё младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ малыми ребатками поигрывати: у кого руку оторветъ, у кого голову росколетъ. Отдала Ван(м)ильфа Тимоѳеевна своего сына любимаго старику (старишшу) Угру(ю)мищу учить — во листы писать; а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать. Вотъ однажды у старика (старишши) Угру(ю)мища сдѣлались пиръ и бесѣда; онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича. Пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ-на бесѣду, изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни черным вязомъ. Старшá Угру(ю)мища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему: «ты не сѣкчи, молодой сѣктунъ! тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду(а) людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь

---

1) Т. е. представился, умеръ.

изъ граду(а) людей—вотъ тебѣ пятьсотъ рублей!» Пришелъ нашъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говоритъ: «ахъ, матушка родимая! я въ молодыхъ лѣтахъ разхвастался, съ старшо́мъ Угру(ю)мищей рассорился.» Мать взяла его-пьянаго напоила и въ тёмную тёмницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ въ тёмницѣ спитъ да спитъ, ничего не знатъ. Женщина по̀ воду ходила, и ему въ окошко закричала: «что, говоритъ, Василій Буславичъ! спишь, ничего не знашъ; я, говоритъ, по̀ воду ходила, сколько людей коромысломъ прибила!» Василій Буславичъ, услыхавъ эти (таки) слова, вышибъ каменную стѣну у тёмницы и пошелъ народъ-силу бить. Старша́ Угру(ю)мища и возмо́лилси ему: «гой ли (еси) ты, Василій Буславичъ! уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пятьсотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!» Вотъ Василій Буславичъ смиловался, и пошелъ къ своей матери: «ахъ, говоритъ, матушка родимая! я сегодня много крови пролилъ, много народу побилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабь(корабль), набрала людей, и отправила по̀ морю; сказала ему, чтобъ ѣхалъ онъ, куда(ы) хочетъ, и рукой въ слѣдъ (ему) махнула. Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга. Тутъ лежитъ морская пучина — вокруго́мъ глаза. Онъ вокругъ неё похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ; а она ему и говоритъ: «Василій Буславичъ! не пинай меня, и самъ тутъ будешь.» Вотъ послѣ этого рабочіе его разшутились межъ собой и стали (давай) скакать черезъ морскую пучину. Всѣ перескочили, а онъ скокнулъ напослѣдкѣ и задѣлъ ее (за нее) только пальцемъ правой ноги, да тутъ и померъ.

(Записана въ пермской губерніи тайн. совѣтник. Огаревымъ и штатнымъ смотрителемъ ирбитскаго училища Тихановымъ.)

12.

а. ИСТОРІЯ О СЛАВНОМЪ И ХРАБРОМЪ БОГАТЫРѢ ИЛЬѢ-МУРОМЦѢ И О СОЛОВЬѢ-РАЗБОЙНИКѢ.

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ — жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳѣевичъ. У него было любимое дѣтище Илья-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ збрую ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходитъ къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: «государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славной градъ Кіевъ Богу помолиться, а князю кіевскому поклониться.» Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, кладутъ на него заклятіе великое и говорятъ такія рѣчи: «поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской.» Илья-Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, Богу молится, съ отцемъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничи; и тѣ разбойники увидѣли Илью-Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человѣкъ. И стали на Илью-Муромца напущать человѣкъ по десяти [1]) и по двадцати; и сталъ Илья-Муромецъ остановлять [2]) коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ

[1]) *Варіантъ*: по пяти. — [2]) *Вар.* останавливать.

калену стрѣлу по-надъ землею, калена стрѣла стала рвать на косую сажѐнь. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: «государь ты нашъ батюшка, удалъ доброй мѡлодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтнаго, и табуны лошадей, сколько угодно.» Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: «некуды мнѣ дѣвать!... а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважтесь!» и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ онъ ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ Черниговомъ стоятъ войска басурманскія, что̀ и смѣты нѣтъ, и Черниговъ-градъ осадили, и хотятъ его вырубить и божіи церкви на дымъ пустить, а самого князя и воеводу черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья-Муромецъ ужаснулся; однако положился на волю Создателя своего Господа Бога и вздумалъ положить главу свою за вѣру христіанскую. И сталъ Илья-Муромецъ побивать силу басурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу поганую побилъ, и царевича басурманскаго въ полонъ взялъ и ведетъ во градъ Черниговъ. Встрѣчаютъ его изъ града Чернигова граждане съ честію, идетъ самъ князь и воевода черниговской, принимаютъ добраго мѡлодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь прислалъ нечаянно граду очищеніе и нѐ далъ всѣмъ напрасно погибнути отъ такой силы басурманскія; взяли его въ палаты свои и сотвори*ша* велій пиръ, и отпусти*ша* его въ путь.

Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорѡгою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ свистомъ разбойничимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брян-

скіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ [1]). Соловей-разбойникъ послышалъ себѣ кончину и безсчастіе великое, и не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не устрашилось. И не допуская еще за̀ десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильею-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илью-Муромца убить до̀ смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Соловьиное, и попалъ ему въ правой глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гнѣзда, что̀ овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья-разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты

[1]) *Вар.* Смородинѣ.

Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окны были растворены, и въ тѣ окны смотрѣли разбойничи три дочери, — увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: «вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго.» А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: «это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамо-какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку.» И закричали онѣ мужьямъ своимъ: «мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ.» Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторусскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копья острыя, и хотятъ они Илью на копьяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: «зятья мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина.» По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобъ его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копіемъ и ушибъ до̀ смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ-градъ, въѣзжаетъ прямо на княженецкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменныя, Богу молится и князю кланяется. Князь кіевской спрашиваетъ: «скажи, доброй мо̀лодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты уроженецъ?» Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: «меня, государь, зовутъ Ильюшкою, а по отечеству Ивановъ, уроженецъ города Мурома, села Карачарова.» Князь спрашиваетъ: «которою дорогою ѣхалъ ты изъ Мурома?» — На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что̀ и смѣты нѣтъ, и очистилъ

Черниговъ-градъ; и оттуда поѣхалъ прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго. Князь, осердясь, сказалъ: «что ты обманываешь!» Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть, и увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару [1]) зелена вина доброму молодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболью, и поставя [2]) ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

Илья-Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями. И осѣдлали они своихъ добрыхъ коней и поѣхали въ чистыя поля гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ супротивника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ: идетъ калечище [3]) прохожiй; гуня [4]) на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, костыль въ десять сажонъ. Илья-Муромецъ сталъ на него коня напущать, и хочетъ отвѣдать съ нимъ своей силы богатырскiя. И увѣдалъ калечище прохожiй Илью-Муромца и говоритъ: «ой ты еси, Илья-Муромецъ! помнишь ли мы съ тобою въ одной школѣ грамотѣ учились, а нынѣ ты на меня такова калику напускаешь коня, какъ на нѣкоего непрiятеля; а того ты не вѣдаешь, что во славномъ городѣ Кiевѣ великая невзгодушка учинилась: прiѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой, голова у него съ пивной котелъ, а въ плечахъ сажень, промежъ бровьми пядь, промежъ ушей калена стрѣла, а ѣстъ онъ по

---

[1]) *Вар.* кубокъ. — [2]) *Вар.* подхватя. — [3]) Калика—нищiй, просящiй милостыню пѣнiемъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней (Опыт. обл. вел. слов., стр. 78). — [4]) Гуня—худая одежда, рубище; поддёвка, иногда рубашка (ibid., стр. 44).

быку, а пьетъ онъ по котлу; и князь кіевской вельми о тебѣ соболѣзнуетъ, что ты его въ эдакой печали оставилъ.» Нарядясь въ калечищино платье, ѣдетъ Илья-Муромецъ прямо на княженецкой дворъ, и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «ой еси ты, князь кіевской! сошли мнѣ, калечищу прохожему, милостыню.» И увидѣлъ его князь и говоритъ такову рѣчь: «поди ко мнѣ въ палаты, калечищ*а*! я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дамъ.» И вошелъ калечище въ палаты и сталъ у печи — поглядываетъ. Идолищ*а* проситъ ѣсть. Принесли ему быка цѣлаго жаренаго [1]), а онъ его и съ костьми съѣлъ. Идолищ*а* проситъ пить. Принесли котёлъ пива, а несли двадцать [2]) человѣкъ; и онъ взялъ его за уши и выпилъ весь. Илья-Муромецъ говоритъ: «была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!» Идолищ*а* не утерпѣлъ и говоритъ: «ой еси ты, калечищ*а* прохожій! что ты меня замаешь [3])? Мнѣ тебя нечего и въ руки взять! Ни то, что ты, — каковъ былъ у васъ Илья-Муромецъ? я бы и съ тѣмъ стычку далъ.» — Да вотъ каковъ онъ! сказалъ Илья-Муромецъ, и схватилъ съ себя шляпу и ударилъ его въ голову тихонько — только прошибъ стѣну палатъ, и взялъ туловище (Идолищино) — туда-жъ выкинулъ. И за то князь Илья-Муромца почтилъ великими похвалами и причолъ въ сильные могучіе богатыри.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

ь. ГИСТОРІЯ О ИЛЬѢ-МУРОМЦѢ И О СОЛОВЬѢ-РАЗБОЙНИКѢ.

Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья-Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву, ко слав-

[1]) *Вар.* жирнаго. — [2]) *Вар.* двѣнадцать, или: двадцать семь. — [3]) Замать — трогать (Опытъ обл. велик. слов., стр. 64).

ному князю Владимеру (В)сеславьевичу, а завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножен)ъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поѣхалъ Илья-Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ ними триста тысячъ и хотятъ они Себежъ-градъ за щитомъ взять, а самого царя себежскаго въ полонъ взять.

И тако поѣхалъ Илья-Муромецъ въ сугонь [1]) за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичей въ полонъ взялъ, и возвратился во градъ Себежъ. И увидѣли его граждана и возвѣстили о нёмъ царю себежскому.

И потомъ себежской царь приказалъ отворять врата градскія, и принимаетъ Илью-Муромца за руки бѣлыя, а самъ говоритъ: «гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя и коего ты граду?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «зовутъ меня Ильею, по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома.» Потомъ рече себежской царь: «откуда твоя дорога лучилась?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «ѣду я на мосты калиновы.» А Илья-Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Кіеву. И рече ему себежской царь: «прямая у насъ дорога лежитъ на мосты калиновы, только та у насъ дорога залегла давно: тридцать лѣтъ отъ Соловья никакой человѣкъ не прохаживалъ и птица никакая не пролётала.»

И тутъ поѣхалъ Илья-Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту калиновомъ, и тамъ увидѣлъ его Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. Въ то время подъ Ильею-Муромцемъ доброй его конь спотыкнулся. И вынулъ Илья-Муромецъ свой крѣпкой лукъ и наложилъ калену стрѣлу, и по-

[1]) Погоня (Опытъ обл. вел. слов., стр. 219).

палъ Соловья въ правой глазъ; въ то время упалъ Соловей съ девяти дубовъ, что̀ овсяной снопъ. А Илья-Муромецъ слѣзъ съ своего добраго коня и хочетъ ретиво сердце вынуть. И возмолится ему Соловей: «гой еси ты, доброй мо̀лодецъ! оставь душу мою хотя на покаяніе.» И говоритъ ему Илья-Муромецъ: «гдѣ твоя лежитъ злата казна?» Отвѣщаетъ Соловей: «лежитъ моя злата казна въ моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гоняютъ (туда) по два мѣсяца, а скоро-на̀скоро мѣсяцъ.»

И тутъ поѣхалъ Илья-Муромецъ тою доро̀гою. Какъ будетъ онъ подъ селомъ Кутузовымъ, и увидѣли Соловья его двѣнадцать сыновъ, и надѣваютъ на себя збрую богатырскую и хотятъ съ Ильей-Муромцемъ битися. И говоритъ Соловей: «свѣты мои дѣти малые! зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду сладкаго...»

(Въ рукописи пропускъ.)

... Потомъ вшелъ Илья-Муромецъ въ ту палату каменную ко князю Владимеру, и молится онъ чуднымъ образамъ, и князю Владимеру поклоняется, а послѣ на всѣ четыре стороны. И въ то время у князя Владимера было пированье великое. Потомъ князь Владимеръ принимаетъ Илью-Муромца за руки бѣлыя, а самъ говоритъ: «гой еси ты, доброй мо̀лодецъ! какъ твое имя и коего ты граду?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «зовутъ меня Ильею, по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома.» Потомъ рече князь Владимеръ: «когда ты, Илья-Муромецъ, выѣхалъ изъ Мурома?» Отвѣщаетъ Илья-Муромецъ: «поѣхалъ я изъ града Мурома, слушавши заутреню воскресную; какъ я *будучи* подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ ними триста тысячъ, и хотѣли они Себежъ-градъ за щитомъ взять, а самого царя себежскаго въ полонъ взять. Вторая причина: какъ

я будучи на мосту калиновомъ, и тамъ увидѣлъ (меня) Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ; въ то время подо мною конь спотыкнулся. И я его изъ лука попалъ въ правой глазъ, и привелъ его съ собою, и теперь онъ стоитъ у моего добраго коня.» И выглянулъ Илья-Муромецъ во оконце, и велѣлъ Соловью засвистать. И Соловей сталъ свистать; въ то время у князя Владимера кресла подломилися, и у палаты своды потряслися, и всѣ богатыри на землю попадали, а ветхіе хоромы и совсѣмъ повалились. И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: «послужи ты мнѣ, Илья-Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую!»

(Напечатана съ рукописи XVIII столѣт., принадлежащей И. Е. Забѣлину.)

13.

МАРКО БОГАТОЙ И ВАСИЛІЙ БЕЗСЧАСТНОЙ [1]).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатѣйшій купецъ; у него была одна дочь Анастасія Прекрасная, и было ей всего лѣтъ пять отъ роду. Купца звали Марко, по прозванію Богатой. Марко терпѣть не могъ нищихъ: только подойдутъ къ окошку, сейчасъ велитъ слугамъ своимъ гнать ихъ и травить собаками.

Въ одно время подходятъ къ окошку два сѣденькихъ старичка. Марко увидалъ и велѣлъ ихъ травить собаками. Услыхала то Анастасія Прекрасная и стала просить: «родимой мой

---

[1]) См. вып. II, № 35; съ этимъ варіантомъ г. Буслаевъ сближаетъ повѣсть, заимствованную Пфейферомъ изъ рукописнаго сборника XV вѣка и изданную въ журналѣ «Германія» (1858 г., № 4).

батюшка! хоть для меня пусти ихъ въ скотную избу.» Отецъ согласился, и велѣлъ пустить нищихъ въ скотную избу. Вотъ какъ всѣ въ домѣ заснули, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядитъ на нищихъ... Одинъ изъ старичковъ и говоритъ: «въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему велимъ нарещи имя и какимъ надѣлимъ счастіемъ?» А другой сказалъ: «имя нарещи ему — Василій, прозваніе — Безсчас(т)ной, а наградимъ его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго мы ночуемъ.» Анастасія все это слышала. Разсвѣло. Старички одѣлись и вышли изъ избы. Анастасія пришла къ отцу и сказываетъ ему все, что въ скотной видѣла и слышала.

Отецъ усумнился, какъ-бы не сбылось сказанное, и захотѣлъ испытать: точно ли родился на селѣ младенецъ, велѣлъ запречь карету и поѣхалъ туда; пріѣхалъ прямо къ священнику и спросилъ: «родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?» — Родился, сказалъ священникъ, у самаго бѣднаго крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчасным, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья не йдетъ. Марко вызвался быть крёснымъ, попадью попросилъ быть кумою, и велѣлъ изготовить богатой столъ; принесли младенца, окрестили и пировали, какъ имъ было угодно. На другой день Марко Богатой призвалъ къ себѣ бѣдняка-крестьянина, обласкалъ его, и сталъ ему говорить: «куманёкъ! ты человѣкъ бѣдной, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его, я его выведу въ люди, а тебѣ на прожитіе дамъ тысячу рублей.» Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко наградилъ кума, взялъ ребенка, окуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатой велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему прикащику и приказалъ: «возьми его за̀ ноги и выбрось въ оврагъ!» Прикащикъ взялъ и

бросилъ его въ крутой оврагъ. А Марко сказалъ: «вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!»

На третій день по той-же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ; везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячъ рублей долгу; поровнялись купцы противъ оврага, и послышался имъ дѣтской плачъ. Остановились, стали вслушиваться, и послали прикащика узнать, что тамъ такое? Прикащикъ сошелъ въ оврагъ, видитъ тамъ зеленой лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ и играетъ цвѣтами. Прикащикъ разсказалъ про все хозяину; хозяинъ вышелъ самъ, взялъ ребенка, завернулъ въ шубу, сѣлъ въ повозку, и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ Марку Богатому. Вотъ Марко ихъ и спрашиваетъ, гдѣ они взяли этого ребенка? Купцы разсказали, и онъ тотчасъ догадался, что это Василій Безсчасной, его крестникъ; взялъ его на̀ руки, подержалъ и отдалъ дочери: «вотъ тебѣ, дочка, няньчай!» — а самъ сталъ угощать купцовъ разными напитками, и проситъ, чтобъ они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались; да какъ Марко сказалъ: «я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!» — то отдали ему ребенка и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что сейчасъ нашла люльку [1]), повѣсила занавѣсы и стала ухаживать за мальчикомъ, и не разставалась съ нимъ ни день, ни ночь. Прошелъ день, и другой; на третій Марко воротился домой попозже, когда Анастасія спала, взялъ младенца, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ да плылъ, и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Послышался ему дѣтской крикъ; осмотрѣлся онъ и увидалъ боченокъ; тотчасъ сѣлъ въ лодку, поймалъ боченокъ, разбилъ его, а въ боченкѣ — дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь къ игумну.

---

[1]) Колыбель

Игуменъ назвалъ ребенка Васильемъ и прозвалъ Безчасныиъ; съ тѣхъ поръ Василій Безчасной жилъ въ монастырѣ шестьнадцать лѣтъ, и выучился грамотѣ — читать и писать. Игуменъ его полюбилъ и сдѣлалъ ключаремъ.

Марку Богатому случилось ѣхать въ иное государство за полученіемъ долговъ — на годичное время, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь его встрѣтили, какъ человѣка богатаго. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ церковь; ключарь идетъ, зажигаетъ свѣчи, поетъ и читаетъ. Марко Богатой спрашиваетъ игумна: «давно ли онъ поступилъ къ вамъ въ монастырь?» Игуменъ разсказалъ все, какъ вынули его изъ боченка, и сколько тому лѣтъ назадъ. Марко разсчелъ и узналъ, что это его крестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумну: «какъ-бы у меня былъ такой расторопной человѣкъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ прикащикомъ, и всю казну поручилъ бы ему подъ смотрѣнье; нельзя ли вамъ отдать его мнѣ?» Игуменъ долго отговаривался. Марко посулилъ за него монастырю двадцать пять тысячъ рублей. Игуменъ посовѣтовался съ братіей; удумали и согласились отпустить Василья Безчаснаго.

Марко послалъ Василія домой и написалъ съ нимъ къ женѣ такое письмо: «жена! какъ получишь мое письмо, сейчасъ же отправься съ этимъ посланнымъ на мыльной заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большаго кипучаго котла, толкни его туда; да непремѣнно исполни! а не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малой — мнѣ злодѣй!» Василій получилъ письмо и пошелъ путемъ-дорогою; попадается ему на встрѣчу старичокъ и сказалъ: «куда ты, Василій Безчасной, идешь?» Василій сказалъ: «въ домъ Марка Богатаго къ женѣ съ письмомъ.» — Покажи письмо. Василій вынулъ письмо и далъ старичку; старичокъ сломилъ печать, далъ Василью прочитать; Василій прочиталъ и прослезился: «что я этому человѣку

сдѣлалъ, что послалъ меня на погубленіе!» Старичокъ ему сказалъ: «не печалься, Богъ тебя не оставитъ!»—дунулъ на письмо, печать и письмо сдѣлались такія-жъ, какъ и были. «Ступай теперь и отдай письмо женѣ Марка Богатаго.»

Василій пришелъ въ домъ Марка Богатаго, отдалъ письмо его женѣ. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасію и прочитала ей отцово письмо, а въ письмѣ написано: «жена! какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да непремѣнно исполни! а не исполнишь, будешь мнѣ отвѣчать.» У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ хорошее платье, показали Анастасіи, и Василій ей полюбился. Вотъ и обвѣнчали ихъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправилась встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, разсердился и говоритъ своей женѣ: «какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?» — По твоему приказанію, отвѣчала жена. Марко спросилъ свое письмо, прочиталъ и увѣрился, что точно онъ самъ то написалъ.

Пожилъ Марко съ зятемъ мѣсяцъ, другой и третій; въ одинъ день позвалъ онъ зятя къ себѣ, и говоритъ ему: «вотъ тебѣ письмо, иди съ нимъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, къ другу моему царю-Змію, получи отъ него дань за двѣнадцать лѣтъ за то, что построилъ онъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василій взялъ письмо, пошелъ къ женѣ своей и разсказалъ все, что ему Марко приказывалъ. Анастасія горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла.

Василій поутру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ

котомочку сухариков и пошелъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою, долго ли—коротко ли, близко ли—далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: «Василій Безсчасной, куда ты идешь?» Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ: «кто меня кличетъ [1])?» — Я — дубъ тебя спрашиваю, куда ты идешь? «Я иду къ царю-Змію за двѣнадцать лѣтъ взять съ него дань.» Дубъ сказалъ: «какъ будешь во времени — обо мнѣ вспомяни: что̀ стоитъ дубъ триста лѣтъ, долго ли еще ему стоять?» Василій выслушалъ и отправился въ путь-дорогу. Пришелъ Василій къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевощикъ. Василій сѣлъ на паромъ, перевощикъ его спрашиваетъ: «куда ты, мой другъ, идешь?» Василій ему отвѣчалъ тоже, что и дубу. И перевощикъ проситъ его напомянуть царю, что «перевозитъ онъ тридцать лѣтъ; долго ли еще ему перевозить?» — Хорошо, сказалъ Василій, скажу! — и пошелъ. Приходитъ къ морю, черезъ море лежитъ китъ-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ пошелъ по ней Василій, китъ-рыба заговорила: «Василій Безсчасной, куда ты идешь?» Василій сказалъ ей тоже, что и перевощику, и китъ его проситъ: «когда будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что̀ лежитъ китъ-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до рёберъ; долго ли ей еще лежать?»

Василій обѣщался, и пошелъ. Приходитъ онъ на зеленой лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій вошелъ во дворецъ, ходитъ по комнатамъ; комната комнаты лучше убрана. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: на постелѣ сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Какъ увидала Василья, встала она, подошла къ нему и спрашиваетъ: «что ты за человѣкъ и какъ зашелъ въ эдакое проклятое мѣсто?» Василій показалъ ей письмо, и сказалъ, что Марко Богатой

---

[1]) Зоветъ.

велѣлъ взять съ царя-Змія дань за двѣнадцать лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала: «ты ни за данью сюда присланъ, а Змію на съѣденіе. Да какими путями ты шелъ? не случилось ли тебѣ дорогою что видѣть и слышать?» Василій разсказалъ ей про дубъ, перевощика и китъ-рыбу. Только успѣли они переговорить, затряслась земля и дворецъ; дѣвица тотчасъ заперла Василія въ сундукъ подъ кроватью и сказала ему: «слушай-же, что мы съ Зміемъ будемъ говорить.»

А сама стала встрѣчать Змія. Какъ взошелъ онъ въ комнату, сказалъ: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» Дѣвица отвѣчала: «какъ сюда можетъ зайдти русской духъ? ты по Руси леталъ, русскаго духу наймался!» [1]) Змій сказалъ: «я сильно усталъ, поищи-ка у меня въ головѣ!» и легъ на постелю. Дѣвица сказала ему: «царь, какой я безъ тебя сонъ видѣла! будто я иду по дорогѣ, кричитъ мнѣ дубъ: скажи царю-та, долго ли мнѣ еще стоять?» — Ему стоять до тѣхъ поръ, сказалъ царь: какъ подойдетъ къ нему кто да толкнетъ его ногою, тогда онъ выворотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ злата и серебра многое множество — столько нѣтъ у Марка Богатаго! «А еще пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевощикъ; онъ спрашивалъ, долго ли ему перевозить?»— Пусть онъ перваго, кто прійдетъ къ нему, посадитъ на паромъ и толкнетъ паромъ отъ берегу — тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдетъ домой. «Еще будто я шла по морю черезъ китъ-рыбу, и она мнѣ говорила, долго ли ей лежать?» — Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ двѣнадцать кораблей Марка Богатаго: тогда пойдетъ въ воду и тѣло ея наростетъ. Сказалъ царь-Змій и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

---

[1]) Набрался.

Дѣвица выпустила изъ сундука Василія Безсчаснаго и дала ему наставленіе: «по эту сторону китъ-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула двѣнадцать кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. Равнó придешь къ перевощику, на этой сторонѣ не говори ему того, что слышалъ; а къ дубу придешь — толкни его ногою на восходъ, и тутъ увидишь несчетное богатство.» Василій Безсчасной поблагодарилъ дѣвицу и пошелъ.

Приходитъ къ киту-рыбѣ; она его спрашиваетъ: «говорилъ ли обо мнѣ?» — Говорилъ; вотъ перейду и скажу. Какъ перешелъ и сказалъ: «вырыгни двѣнадцать кораблей Марка Богатаго.» Китъ-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусахъ, ни въ чемъ невредимы; а Василій Безсчасной очутился отъ того въ водѣ по колѣна. Пришелъ Василій къ перевощику. Перевощикъ спрашиваетъ: «говорилъ ли царю-Змію обо мнѣ?» — Говорилъ, сказалъ ему Василій; напередъ перевези меня. Какъ переѣхалъ на другой берегъ, и сказалъ перевощику: «кто къ тебѣ придетъ первой, посади его на паромъ и толкни паромъ отъ берегу; тотъ вѣчно и будетъ перевозить, а ты отправляйся въ свой домъ.» Пришелъ Василій Безсчасной къ дубу, толкнулъ его ногою, дубъ свалился; подъ нимъ злата и сребра и каменья драгоцѣннаго, чтó ни есть числа! Оглянулся Василій назадъ, видитъ — плывутъ прямо къ берегу двѣнадцать кораблей, чтó вырыгнула китъ-рыба. Кораблями управлялъ тотъ самой старичокъ, чтó попался Василію на встрѣчу, когда онъ шелъ къ женѣ Марка Богатаго съ письмомъ. Старичокъ сказалъ Василью: «вотъ, Василій, чѣмъ тебя Господь благословилъ!» — а самъ сошелъ съ корабля и пошелъ своей дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли, и какъ совсѣмъ исправились — пустились въ путь, а съ ними и Василій Безсчасной. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его

вить съ двѣнадцатью кораблями и что наградилъ его царь-Змій несчетнымъ богатствомъ.

Марко разсердился, что не сбылось по его желанію, велѣлъ запречь повозку, и поѣхалъ самъ къ царю-Змію попѣнять ему. Пріѣхалъ къ перевощику, сѣлъ на паромъ; перевощикъ отпихнулъ паромъ — и Марко остался вѣчно перевозить. А Василій Безсчасной прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить и кормить, — и завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

(Записана въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи — въ селѣ Гавриловѣ, Никольское тожъ, В. Яшеровымъ.)

14.

ѲЕДОРЪ ТУГАРИНЪ И АНАСТАСІЯ ПРЕКРАСНАЯ [1]).

Живъ сабѣ царь да царица, и бывъ у ихъ адинъ сынъ па имени Ѳедаръ, па празванію Тугаринъ, и три дачкѝ. Ти мала, ти багата яны жили, вó и умираютъ, да и приказуютъ сыну свайму, штобъ јонъ паадавáвъ састёръ сваихъ замужъ за первыхъ жаниховъ. Прашóвъ годъ, якъ царь да царица памерли. Вó въ адинъ день схватилась буря, завѣявъ Вѣтаръ — такъ што Боже сохрани! Якъ тольки Вѣтаръ далятѣвъ да крыльца, и затихло все. Вó Вѣтаръ и кажа Ѳедару Тугарину: «аддай за мене старшаю сваю сястру, а якъ не аддашъ, я тваю хату переварну и тебе убью!» Іонъ вывевъ сястру на

[1]) См. вып. VIII, № 8.

крыльцо: якъ ухватило яё, якъ заревло да загуло—не знать, куда яна и дѣлась! На третій годъ Өедаръ аддавъ такжа среднюю сваю сястру въ замужство Граду, а на четвертый и меньшую — Грому.

Пааддава́вши замужъ сястёръ, Өедаръ Тугаринъ пашовъ странствавать. Ишовъ, ишовъ, ажъ гладить: ляжить рать-сила набитая. Іонъ и спрашивая: «а хто тутатчка есть живый, скажи, хто пабивъ сюю рать?» Вѝ абазва́вся адинъ голасъ и кажа: «падай вады напицца.» јонъ падавъ; той раненый и гавора: «иди папитай [1]) у другой рати.» Іонъ пашовъ и убачивъ другую рать-силу пабитую, спрасивъ у той: хто яё пабивъ? Тутъ голасъ сказавъ, штобъ јонъ ишовъ дальше и спрасивъ у третьей. Якъ дайшовъ јонъ да етай рати и спрасивъ, тутъ голасъ сказавъ яму̀, што усѣ три рати пабѣдила Анастасія Прекрасная, а сама яна тяперь въ шатрѣ аддыха́я. Өедаръ паѣхавъ. Пріѣхавши да шатра, привязавъ каня, и вашедши въ палату, легъ съ боку. Анастасія Прекрасная праснулась, и разбудивши Тугарина — кажа: «а што, ти [2]) будимъ бицца, ти мирицца?» Іонъ кажа: «кали наши кони станутъ бицца, тагда и мы будимъ.» Вѝ яны спустили сваихъ каней. Кони панюхались и стали лизать адинъ другога, а воупасли [3]) начали пастись. Дакъ [4]) Анастасія Прекрасная и кажа Өедару Тугарину: «будь ты мнѣ мужъ, а я табѣ жана.» И пасѣдавши на каней, паѣхали домовъ. Живутъ сабѣ да паживаютъ Өедаръ и Анастасія, якъ галубки.

Вѝ разъ Анастасія захатѣлась паѣхать на ахоту; сабравшись, яна кажа мужу свайму: «усюды [5]) хади па майму дому, толька не иди туда, гдѣ лычкомъ завязана и глиною залѣплена!» Тамъ висѣвъ Змѣй, якій хатѣвъ силаю взять за себе за-

---

[1]) Попытай, спроси. — [2]) Вмѣсто: чи. — [3]) Послѣ. — [4]) Итакъ. — [5]) Всюду.

мужъ Анастасію; ана ягò пабѣдила и павѣсила за рабро. Якъ паѣхала Анастасія на ахоту, Ѳедаръ усюды хадивъ, усё разглядавъ, а далѣ не втерпѣвъ и пашовъ, куда яму̀ не вялѣла жана яго. Глядить, ажъ тамъ висить Змѣй на-дномъ [1]) рабрѣ. Убачивши Ѳедара, јонъ кажа: «а здрастуй, храбрый Ѳедаръ Тугаринѣ! пасаби мини трошки [2]).» Іонъ пасабивъ. «Ящё!» — јонъ и ящё; «ящё!» — јонъ и ящё.Вò Змѣй знявся съ крюка, палятѣвъ, да й кажа: «спасиба-жъ табѣ! я табѣ въ великой пригодѣ знадоблюсь.» Пустивши Змѣя на волю, Ѳедаръ адумавсь, да и кажа: «разсердицца на мене тапер жана!» Падумавши такъ, јонъ узявъ да и пашовъ изъ жаниннага дому.

Ишовъ Ѳедаръ да ишовъ, глядить, яжъ станть домъ. Іонъ падашовши къ таму дому, приходя къ дверямъ, да и кажа: «Господи Іисусе Христе, сыне Божій, памилуй насъ грѣшныхъ!» Женскій голасъ изъ свѣтлицы яму̀ атвѣчая: «кали добрый — явися, а кали ледач(щ)ій—прахомъ вазьмися!» Ѳедаръ входя въ свѣтлицу, глядить, ажъ тамъ ягò сястра. Убачивши брата, яна яму̀ кажа: «чаго ты, братику, пришовъ? Мой мужъ—Вѣтаръ; будя бѣда!» А далѣ взяла ягò, да и схавала. [3]) Вò лятить Вѣтаръ; улятѣвши въ хату, кажа: «фу! Русь-кость пахня!» Жонка яму̀ гавòря: «вы летали па Руси и набралась рускага духу!» А далѣ: «што, каже, якъ бы мой братъ пріѣхавъ?»—А што-жъ, кажа Вѣтяръ, мы-бъ пили, ѣли да гуляли! Яна кажа: «я вамъ ягò преставлю», пашла и вывела брата. Вѣтаръ, пабачивши Тугарина, ставъ радъ; стали пить да гулять, да добры мысли мать; гуляли усю недѣлю. А далѣ Ѳедаръ, папращавшись, пашовъ да другой сястры, што була замужемъ за Градомъ. Ѳедаръ разскáзувавъ зятямъ сваимъ и сястрамъ, якъ јонъ нажывъ сабѣ жану, да безуміемъ патерявъ.

[1]) На одномъ. — [2]) Немножко. — [3]) Спрятала.

Іонъ знавъ, што Змѣй, якъ јонъ атпустивъ яго̀, схватилъ изненацку [1]) Анастасію и унёсъ у сваю берлогу.

Пабывши у двухъ сястёръ, Тугаринъ ишовъ да третьей. На дарогѣ яго̀ застигла ночь, а јонъ ящё не вышавъ изъ дремучага лѣсу, па якому яму̀ треба было итти. Іонъ падумавъ, падумавъ, да и аставсь начевать въ лѣсу подлѣ крыницы. На другій день јонъ толька што праснувся, ажъ иде Анастасія Прекрасная па ваду̀ въ крыницу. Якъ пабачили яны адинъ другога—возрадувались. Яна разсказала яму̀, што Змѣй ухвативъ яё на ахотѣ и принёсъ яё въ етатъ лѣсъ, и што тутъ яны живуть. Пагаваривши, яны сѣли на каней, да и давай утякать [2]). Якъ ета все тварилась, Змѣй, мужъ Анастасіи, бывъ на ахотѣ; конь падъ нимъ спаткнувся. Іонъ спрашивая яго̀: «чаго ты спаткнувся, коню мой милый?»—Якъ-жа мини не спатыкацца, кажа конь: Анастасія утякла съ Ѳедаромъ Тугариномъ, «Што-жъ, ти можемъ мы ихъ дагнать?» гаво̀ря Змѣй. Конь кажа: «можемъ пшеницы нажать, намалатить, паѣсть—и дагнать.» Ета все сдѣлавши, паѣхали яны даганять Ѳедара и Анастасію. Якъ толька Змѣй пабачивъ ихъ, ставъ кричать, штобъ стали; а яны все сабѣ ѣдуть. Змѣй разсердився, да якъ припудя [3]) каня, и дагнавъ бѣгляцовъ, да и кажа Ѳедару: «я тябѣ кричавъ, штобъ ты астанавився; я-бъ тябѣ праститвъ. Ты мене не послухавъ, такъ о̀тъ [4]) тябѣ!» Взявъ да и убивъ Тугарина, и взявши Анастасію, паѣхавъ дамовъ.

Зятья Ѳедаравы, узнавши, што Змѣй яго̀ убивъ, палятѣли, дастали цялющей и живущей вады, и прилятѣвши исцялили и аживили Тугарина. Аживши, Ѳедаръ кажа зятямъ сваимъ: «фу! якъ я заснувъ!» Яны кажуть яму̀: «заснувъ бы на вѣки,

---

[1]) Невзначай (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 176). — [2]) Убѣгать. (Опытъ обл. вел. слов., стр. 241). — [3]) Пудить — гнать (ibidem, стр. 183). — [4]) Вотъ.

кали-бъ не мы.» Іонъ ихъ паблагадаривъ, да и пашовъ изновъ да крыницы, гдѣ бачивъ Анастасію. Глядить, ажъ яна иде па ваду; якъ убачила Ѳедара, возрадувалась. Вó іонъ и ставъ прасить яё, штобъ яна выпитала у Змѣя: гдѣ можно дастать такога каня, штобъ адъ ягó утекти, и гдѣ ягó смерть? Анастасія абѣщала яму ета, и набравши вады, пашла да дому; а Змѣй бывъ на ахотѣ. Анастасія пашла дамовъ, пагаваривши съ Ѳедарамъ; а іонъ астався у крыницы дажидацца, што яму скажа ягó любезная.

Вó ѣде Змѣй зъ ахоты. Анастасія вышла яму на встрѣчу, взяла каня за узду и увела въ канюшню, и пришедши въ хату—стала цѣлавать и милавать Змѣя, а далѣ и кажа: «якій у васъ конь скорый! ти можна гдѣ-нибудь дастать такога другога каня, штобъ адъ вашего утёкъ?» Змѣй разнѣжився адъ ласакъ Анастасіи, бо яна ягó никали не ласкала, савсѣмъ забывся да и признався на сваю бѣду. «Есть, гавóря, адна баба, у каторай двѣнадцать кабылицъ, и якъ дастать адъ тыхъ кабылицъ каня, то той майго перегоня; толька трудна дастать у той бабы, бо яна таго, хто сяго хоча, нанимая на три дни стерегти кабылицъ, и якъ толька сторажъ засне (бо баба дае всякаму сонмае зелье)—кабылицы утякуть. Вó баба сама ихъ найдя, а сторажу здяре зъ спины паласу, да и прагоня.» Анастасія, приласкавшись, гавóря Змѣю: «а гдѣ твая смерть?» Іонъ кажа: «есть на астравѣ камень, а въ томъ каминѣ заяцъ, а въ томъ зайцѣ вутка, а въ той вуткѣ яйцо, въ томъ яйцѣ жавтокъ, а въ томъ жавткѣ каменёкъ: то мая смерть!» Выпитавши все ета, Анастасія пересказала Ѳедару. Іонъ разсказавъ зятамъ; вó яны палятѣли шукать [1]) таго камня, а самъ Тугаринъ пашовъ да бабы даставать каня.

Иде да иде Ѳедаръ, ажъ вавки [2]) бюцца за кости. Іонъ имъ падяливъ; яны яму паблагадарили и сказали, што будуть яму

[1]) Искать (Опытъ обл. вел. слов., стр. 268). — [2]) Волки.

въ великой пригодѣ. Иде Ѳедаръ да иде, ажъ пчолы бюцца за медъ. Іонъ имъ падяливъ; яны яго́ паблагадарили и абѣщали тожъ. Далѣ јонъ убачивъ, што раки бюцца за икру. Іонъ имъ падяливъ; яны яму̂ абѣщали тожъ, што вавки и пчолы. Ишовши ти мала, ти багата, Ѳедаръ прихо́дя къ хатѣ, а въ той хатѣ жила баба, у якой были двѣнадцать кабылицъ. Вашо́вши у хату и паздаровавшись зъ бабою, Тугаринъ ставъ яё прасить, штобъ яна приняла яго́ старечь кабылицъ. Баба и кажа яму̂: «што-жъ ты вазьмешъ зъ мене?» Іонъ ка́жа: «аднаго жеребчика.» Баба кажа: «кали устережешъ три дни, то до́бре!» Онъ сагласився.

На другій день Ѳедаръ уставъ, умывся, Богу памалився, да и пагнавъ кабылицъ на лугъ. Баба дала яму на снѣданье пиражокъ, а въ томъ пиражку сонное зельё. Тугаринъ, пригнавши кабылицъ на лугъ, разпустивъ ихъ пастись, а самъ ставъ ѣсти пиражокъ, што̀ дала яму баба. Якъ паѣдавъ јонъ таго пиражка, и заснувъ, и спавъ два дни, а кабылицы далеко параходились. На третій день Ѳедара штось [1]) начало кусать; јонъ праснувся, глядить, ажъ то тые раки, што јонъ имъ икру падяливъ. Во̀ яны и кажуть яму̂: «вставай да шукай кабылицъ, а то приде баба, буде тябѣ бѣда!» Іонъ стрепянувся, да и хатѣвъ шукать кабылицъ; глядить, ажъ тые вавки, што јонъ имъ падяливъ кости, и тыя пчолы, што јонъ падяливъ имъ медъ, женуть [2]) кабылицъ. Тугаринъ, пабачивши ихъ, возрадувався, паблагадаривъ раковъ, пчолъ и вавко́въ, да и пагнавъ кабылицъ да дому. Баба, убачивши, што Ѳедаръ жане кабылицъ, вышла яму̂ на встрѣчу, да и кажа: «счасливъжа ты, што устерегъ, а то была-бъ тябѣ бѣда!» А далѣ привяла яго́ у хату, дала яму̂ ѣсть, а сама пашла у канюшню да кабылицъ. Ѳедаръ ти ѣвъ, ти не ѣвъ, вставъ да и пашовъ, и пришовши

---

[1]) Что-то. — [2]) Гонятъ.

да канюшни, такъ што баба яго не бачила, ставъ падслухать, што баба будя рабить. Яна взяла жалѣзный прутъ, стала бить кабылицъ, приказывать, штобъ усѣ яны дазавтра [1]) привяли па жеребёнку, а самая лучшая штобъ привяла каростливага, штобъ Тугаринъ не узнавъ, гдѣ лучшій. Іонъ, выслушавши все ета, пашовъ у хату и лёгъ спать.

Уставши на завтра рана, Ѳедаръ ставъ требавать у бабы платы; яна павяла яго въ канюшню и паказывая жеребятъ, што ночью привяли кабылицы, да и кажа: «выбирай любога!» Ѳедаръ, узявши таго канька, павёвъ [2]); во јонъ и кажа Тугарину человѣческимъ голасамъ: «дай мини три зари попастись на расѣ, тагда павидишъ!» Ѳедаръ сагласився. Якъ папасся той канёкъ день, ставъ насить въ пол-дерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па паднебесью, да такій ставъ красивый, што и узнать нельзя. Сѣвши на таго каня, Ѳедаръ паѣхавъ да затьёвъ. Яны яму дали каменёкъ, што дастали на астравѣ.

Взявши яго, јонъ паѣхавъ въ той лѣсъ, гдѣ жила Анастасія. Пріѣхавши въ лѣсъ, јонъ паѣхавъ и ставъ дажидацца яё у крыницы. Ти мала, ти багата ждавши, глядить, ажъ Анастасія бяжитъ па ваду. Іонъ яё узявъ, пасадивъ на каня, и якъ ударить яго па крутымъ бедрамъ; конь панёсъ паверхъ дерева. Змѣй, бывши на ахотѣ, убачивъ, што Анастасія утякая, ударивъ и свайго каня и палятѣвъ даганять; яго конь лятить паверхъ дерева, да и кажа: «дагнать мы дагонимъ, бо у Тугарина мой меньшій братъ, да Анастасіи не атнимешъ!» Якъ толька Змѣй ставъ даганять Тугарина, јонъ кинувъ каменёкъ и папавъ яму въ лобъ. Змѣй упавъ и прапавъ; а Ѳедаръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная даѣхали благопалучна да свайго двара, стали жить да пажывать, да добры

---

[1]) До-завтрева. — [2]) Повелъ.

мысли мать, да и тяперь сабѣ живуть. Я у гостяхъ у ихъ бывъ, медъ-вино пивъ; у роти не было̀, а толька па ба̀радѣ тякло.

(Записана въ городѣ Погарѣ, черниговской губерніи, учителемъ Н. Матросовымъ.)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

ЛИСА.

Сказки о лисѣ, волкѣ, козѣ и другихъ звѣряхъ (Thiermärchen) составляютъ отрывки стариннаго животнаго эпоса. И въ другихъ народныхъ сказкахъ, повѣствующихъ намъ чудесныя похожденія и подвиги богатырей, являются дѣйствующими лицами звѣри, которымъ присвояются: умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя свойства; но тамъ болѣе или менѣе являются они для услугъ человѣка, поставляемаго на первомъ планѣ, хотя нерѣдко превосходятъ его догадливостью и смѣлостью. Напротивъ въ мелкихъ басняхъ, на которыя раздробился животный эпосъ, главный интересъ сосредоточивается на звѣряхъ: въ этихъ басняхъ являются они не только дѣйствующими лицами, но героями — каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ. Вообще въ народныхъ памятникахъ вся природа представляется исполненною разумной жизни, надѣленною умомъ, чувствомъ и даромъ слова; у ней свои радости и страданія, которыя она нерѣдко раздѣляетъ съ человѣкомъ. Такой поэтически-живой взглядъ на природу условливается характеромъ доисторическаго развитія

народовъ; ибо въ основу этого развитія легло обожаніе таинственныхъ силъ природы и наивное преклоненіе предъ ея грозными и торжественными явленіями. По народнымъ преданіямъ, сохранившимися донынѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали, какъ люди; поселяне вѣрятъ, что наканунѣ новаго года домашній скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ, что дятелъ стучитъ въ дерево съ отчаянья, и т. п. Въ пѣсняхъ и сказкахъ цвѣты, деревья, насѣкомыя, птицы и звѣри ведутъ между собой разговоры, предлагаютъ человѣку вопросы и даютъ ему отвѣты. Въ шумѣ древесныхъ листьевъ, свистѣ вѣтра, плескѣ волнъ, жужжаніи насѣкомыхъ, крикѣ и пѣніи птицъ, ревѣ и мычаньи животныхъ — въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ природѣ, поселяне думаютъ слышать таинственный разговоръ, доступный только чародѣйному вѣдѣнію колдуна [1]).

Народныя басни о *лисѣ*, въ теперешнемъ ихъ видѣ, представляютъ разрозненныя части одного древняго эпическаго сказанія, въ которомъ въ забавныхъ сценахъ показывается перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, даже при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабоуміемъ, хотя бы эти послѣднія качества восполнялись огромною силою и крѣпостью тѣла. Сказаніе о лисѣ извѣстно почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и есть общее ихъ наслѣдіе, доставшееся имъ отъ эпохи доисторической. Переработанное въ средніе вѣка, оно дошло до насъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ спискахъ XII вѣка; другіе списки относятся къ XIII вѣку (на франкскомъ и нидерландскомъ нарѣчіяхъ) и къ XV (на нижнесаксонскомъ). Во всѣхъ редакціяхъ поэма эта содержитъ въ себѣ

[1]) Москвит. 1846 г., № 11 и 12, стр. 153; Костомар. Славянск. Миѳол., стр. 60.

много нарѣчій и подробностей, напоминающихъ наши народныя сказки. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ: «Kinder- und Hausmärchen» помѣщено нѣсколько сказокъ о лисѣ (т. I, № 32, 72, 73, 75 и 86; т. 2, № 132). Русская сказка о томъ, какъ небитая лиса ѣхала на битомъ волкѣ, сходна съ нѣмецкою: «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» (Грим., т. I, № 74); «Лиса на повоѣ» тождественна съ сказкою: «Katze und Maus in Gesellschaft» (ibid., № 2), въ которой роль лисы заступаетъ кошка; «Лиса и заяцъ» сходна съ окончаніемъ сказки, напечатанной въ собраніи братьевъ Гриммовъ подъ № 36 (т. I, стр. 223). Есть еще норвежская сказка (Norwegische Volksmärchen, ч. 1, № 17) о медвѣдѣ и лисѣ и сербская: «Лисица се освѣтила вуку» (Српске народне приповиjетке, № 50), сходныя съ нашею сказкою о «Лисѣ и волкѣ». Въ норвежской — медвѣдь ловитъ хвостомъ рыбу, подвергается одинаковому несчастію съ волкомъ нашей сказки, и оттого навсегда остается куцымъ; въ сербской разсказывается, какъ лиса стащила съ воза три сыра и какой разговоръ повела она при встрѣчѣ съ волкомъ. «Откуда ты добыла сыръ?» спрашиваетъ волкъ. — Изъ воды вытащила. «Гдѣ-жъ эта вода?» — Пойдемъ, я тебѣ покажу. Дѣло происходило ночью, небо было ясно и въ высотѣ блистала луна. Лиса подвела волка къ источнику, показала ему на отраженіе мѣсяца въ водѣ и сказала: «вонъ видишь, какой сыръ въ водѣ! локáй воду, коли хочешь его вытащить.» Волкъ локалъ, локалъ, пока не ударилась вода изъ него назадъ ртомъ, носомъ и ушами. — Съ напечатанною въ нашемъ изданіи сказкою: «Мужикъ, медвѣдь и лиса» сходны: a) польская о томъ, какъ мужикъ вмѣстѣ съ чортомъ варилъ пиво и сѣялъ рѣпу, а какъ дошло до дѣлежа — отдалъ ему отъ рѣпы верхушки, а отъ пива подонки или гущу (Боричевск. Слав. нар. разсказы, стр. 195), и b) чувашская (Чувашск. разговоры и сказки, составлен. Спир. Ми-

хайловымъ, Казань, 1853, стр. 50—56) о черемисинѣ, который вмѣстѣ съ медвѣдемъ сѣялъ ячмень и рѣпу, и тоже обманулъ его при дѣлежѣ, отдавъ отъ ячменя корни, а отъ рѣпы верхушки (зелень).

Извѣстно, какъ мастерски съумѣлъ воспользоваться знаменитый Гёте средневѣковою поэмою о хитростяхъ лисы: см. его «Reineke Fuchs», перевед. на русской языкъ г. Достоевскимъ. У насъ г. Даль старался передать въ литературной формѣ сказанія о похожденіяхъ лисы (см. Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго, Спб., 1846, ч. IV, стр. 237). По свидѣтельству г. Даля, сказка о лисѣ и волкѣ извѣстна на Украйнѣ подъ названіемъ: «Лисичка-сестричка та волкъ-панебратъ», а въ великорусскихъ губерніяхъ подъ названіемъ: «Лисы Патрикѣевны.» О похожденіяхъ Лисы Патрикѣевны, какъ она заставляла волка ловить рыбу, а потомъ, назвавшись лѣкаркою, съѣла у медвѣдя весь припасенный медъ, напечатана сказка въ «Подснѣжникѣ» 1860 года, № 1; въ окончаніи сказки прибавлено: «Идетъ лиса по̀ лѣсу, а хвостъ несетъ по вѣтру; вдругъ слышитъ жаренымъ что-то запахло. Побѣжала на запахъ и попала въ капканъ. Испугалась Лиса Патрикѣевна, начала голосить, кумовьевъ на помощь звать — анъ пришелъ мужикъ, у котораго она рыбу повытаскала; перерѣзалъ ей горло, шкурку содралъ и на базаръ понёсъ. Послѣ набѣжалъ на лису волкъ; увидѣлъ, что кума безъ шубки лежитъ, поплакалъ-потужилъ, да и скушалъ куму.» У бѣлоруссовъ есть пословица, очевидно намекающая на какой-то народной эпической разсказъ о лисѣ: «лисица отъ дожджу и подъ борону ховалась: не веякая, казала, капля ка́нець» (Архивъ историко-юридич. свѣд. о Россіи, изд. Калачова, 2-я половина II-го тома, статья г. Буслаева, стр. 172—4). Въ IV-мъ выпускѣ (№№ 10 и 11) напечатаны сказки о Бухтанѣ Бухтановичѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ, въ которыхъ лиса

играетъ роль хитрой свахи и женитъ Бухтана и Кузьму на царевнахъ.

Сборникъ хорутанскихъ сказокъ Валявца (Narodne pripovjedke skupio u i oko Varaždina Matija Kračmanov Valjavec, u Varaždinu, 1858) предлагаетъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ животнаго эпоса; сказка: «Zakaj nema zajec celoga repa» (стр. 281—2) совершенно сходна съ нашею о лисѣ-повитухѣ (подъ буквою *b*), только здѣсь вмѣсто двухъ лицъ выведено три: волкъ, лиса и заяцъ; на послѣдняго лиса и сваливаетъ свой грѣхъ. Когда изъ кумушки повыступилъ медъ, она легла позади зайца, обтерлась объ его шкурку, воротилась на свое мѣсто и стала будить волка: «вставай! изъ зайца медъ выступилъ.» Заяцъ испугался и кинулся бѣжать, а волкъ за нимъ въ погоню, ухватилъ его за хвостъ и оторвалъ. Отъ того-то у зайца такой куцой хвостъ. — Въ томъ-же сборникѣ находимъ слѣдующій своеобразный варіантъ сказки о томъ, какъ лиса избавила человѣка отъ медвѣдя, напечатанной нами подъ буквою *e* (стр. 274—6): Недалеко отъ заячьей норки была медвѣжья берлога. Заяцъ сталъ ходить туда, насмѣхался надъ медвѣжатами и плевалъ на нихъ. Вотъ когда старой медвѣдь пришелъ домой, дѣти нажаловались ему на зайца. Старой разсердился: «подождите, говоритъ, я его изловлю!» Взялъ да и спрятался, и какъ только пришелъ заяцъ, онъ тотчасъ и выскочилъ. Заяцъ — гу! и бросился въ лѣсъ, а медвѣдь за нимъ. Гнался-гнался; гдѣ заяцъ проскочитъ, тамъ медвѣдь завязнетъ, и таки застрялъ въ расколотомъ деревѣ. Случилось мимо идти мужику. Медвѣдь и молитъ: «освободи меня; я тебѣ покажу за то цѣлую борть меда. Только смотри, никому не сказывай, какъ надо мной насмѣялся малой зайчишка!» Мужикъ обѣщалъ никому про то не разсказывать, взялъ топоръ, обрубилъ одну часть дерева и освободилъ медвѣдя. Медвѣдь показалъ ему борть съ ме-

домъ. Вотъ мужикъ поскорѣй домой, запрёгъ воловъ въ повозку, поѣхалъ въ лѣсъ, наклалъ меду и воротился назадъ. А медвѣдь тихонько подкрался къ его избушкѣ и сталъ подслушивать. Мужикъ складываетъ медъ съ воза; дѣти увидали и спрашиваютъ: «батька, гдѣ набралъ столько меду?» — Нашелъ въ лѣсу. Тутъ и жена пристала: «кто же тебѣ помогъ найдти?» — Да одинъ старой медвѣдь; гналъ онъ за зайцемъ да завязъ въ деревѣ, я его выпустилъ, онъ мнѣ и показалъ за то. Небось не станетъ теперь старой дурачина гоняться за зайцами! «Постой, думаетъ медвѣдь, отплачу я тебѣ эту насмѣшку!» На другое утро запрёгъ мужикъ воловъ, положилъ на повозку мѣшокъ пшеницы, привязалъ сзади плугъ и поѣхалъ въ поле. Началъ было пахать, а медвѣдь тутъ какъ есть: «стой, обманщикъ! какъ-же ты обѣщался никому не разсказывать, какъ меня прищемило въ деревѣ, а добрался до дому и тотчасъ все женѣ и дѣтямъ разболталъ?» — Что ты, пріятель! я никому не разсказывалъ. «Да я самъ слышалъ, самъ стоялъ у твоей избы; а чтобъ ты больше не обманывалъ, я тебя задеру.» Услыхала то лисица и начала махать хвостомъ изъ чащи лѣса, а сама приговариваетъ: «человѣче! умъ у тебя въ головѣ, а дубина въ рукѣ.» Мужикъ вздумалъ попробовать, высыпалъ изъ мѣшка пшеницу и сказалъ медвѣдю: «я не приготовился къ смерти — ни исповѣди, ни эпитимьи не исполнилъ; полѣзай-ка ты, медвѣдь, въ этотъ мѣшокъ, и замѣсто эпитимьи я понесу тебя по̀ полю; обнесу раза два-три, тогда и дѣлай со мной что̀ хочешь.» Медвѣдь подумалъ: «э, какой я важной господинъ! человѣкъ меня на плечахъ носить будетъ.» Влѣзъ въ мѣшокъ, а мужикъ тотчасъ завязалъ его покрѣпче и такъ ударилъ по головѣ дубиною, что медвѣдь тутъ-же околѣлъ. Прибѣжала лиса: «мужикъ! вѣдь я тебя надоумила; что-жъ ты мнѣ пожалуешь?» — Хочешь утку? «Нѣтъ!» — Ну, пѣтуха? «Нѣтъ!» — Чего-жъ

тебѣ? «Давай отгрызу твой носъ.» Мужикъ растерялся, «od straha velikoga prdne jenkrat. Lesica posluša, pak veli: oho, kaj je to? Pak človek i drugi put, pak i trejti put prdne. Lesica veli: kaj je to? Človek veli: ej, nikaj; včera sem pojel devet lovnih psov, pak vezda se 'sum silum očeju iti vun.» Лиса ударилась въ бѣгъ, а мужикъ остался съ цѣлымъ носомъ. (См. также Литовск. сказки, стр. 8.) Въ русской сказкѣ лиса, спрятавшись отъ собакъ въ нору, вступаетъ въ разговоръ сама съ собою и погибаетъ отъ вражды къ своему собственному хвосту. Тотъ-же комической эпизодъ встрѣчаемъ въ хорутанской сказкѣ: «Птица лиса и песъ» (стр. 273 — 4). Птица свела себѣ гнѣздо и стала нести яйца. Лиса изъявляетъ желаніе полакомиться этими яйцами. «Ахъ, какъже ты глупа! говоритъ птица, развѣ ты наѣшься ими досыта? Подожди, вотъ я выведу дѣтокъ, выкормлю ихъ; тогда пожалуй приходи, скушай и дѣтей и меня.» Лисица согласилась съ радостью. Тѣмъ временемъ птица подговорила гончаго пса, который спрятался за кусты. Приходитъ лиса, птица ей и говоритъ: «ну, теперь я могу тебѣ дать что обѣщала; позволь только мнѣ спѣть послѣднюю пѣсню.» А это былъ условный знакъ у ней съ собакою, и какъ только птица запѣла, песъ выскочилъ и кинулся на лису, а та бѣжать и прямо въ нору. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстный разговоръ лисы съ своими ногами, ушами, глазами и хвостомъ.

Сказка о козѣ лупленой (вып. II, № 32), сходная съ напечатанною нами подъ буквою *с* — о лисѣ и зайцѣ, въ Малороссіи разсказывается полнѣе (см. Lud Ukraiński przez Antoniego Nowosielskiego (Марцинковскаго), Вильно, 1857, стр. 243; Малорусскій литерат. сборникъ Д. Мордовцева, стр. 361—6: «Коза-дереза»):

Бувъ соби дидъ та баба; у дида дочка, у баби дочка. Накупивъ дидъ кизъ та-й нославъ бабину дочку пасти. А вона

насла-насла, та-й гоне до дому. А дидъ сивъ на воритцяхъ въ червонихъ чобитцяхъ, та-й каже: «кози мои люби, кози мои мили! чи ви јили, чи пили?» А коза ёго и каже: ни, дидусю!

Якъ бигли черезъ мисточикъ,
Ухватили кленовій листочикъ;
Якъ бигли черезъ гребельку,
Ухватили води капельку—
Тилько пили и јили.

Отъ дидъ взявъ та-й убивъ бабину дочку, и одряжае свою дочку: «гони-жъ ти!» (И съ нею, и съ бабою было тоже самое, что случилось съ бабиной дочкою; погналъ козъ дѣдъ.) Накормивъ и напоивъ, та-й пишовъ поперед до дому, та-й сивъ на воритцяхъ. (Спрашиваетъ козъ: «чи ви пили, чи ви јили?» Коза отвѣчаетъ тоже, что и прежде.) Отъ винъ тоди јіи черкъ за рôги та-й повисивъ драть; отъ дравъ-дравъ, та ножикъ и притупивъ, та-й пишовъ до коваля, щобъ ножикъ поточить. А коза одорвалась (съ ободраннымъ бокомъ), та-й утекла у лисиччину хатку. А лисиця бигала дѣсь на промисло, та якъ прійшла, а хтось у јіи хатци; отъ вона и пита: «хто, хто, въ мојій хатци?»

— Я коза-дереза,
Пивъ-бока луплена,
За три копи куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Хвостикомъ вымету,
Ножками на двиръ вынесу!

Отъ лисичка пишла та-й сила пидъ березку, та-й плаче. (Вызываются помочь ей разные звѣри: волкъ, медвѣдь, левъ, зайчикъ, и ничего не могутъ сдѣлать; наконецъ приходитъ кочетъ и выгоняетъ козу. Въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 285—6) мѣсто козы заступаетъ баранъ; волкъ взялся было выгнать его изъ лисицыной норки, да какъ услы-

халъ окрикъ барана: «pel me odrtine, pel me kosmate!» такъ и струсилъ: «тамъ, тетка, сказалъ онъ лисѣ, кто-то чудной!» Выгналъ барана ёжъ; онъ вкатился въ нору клубкомъ, и давай колоть его въ ободранный бокъ острыми иглами. Баранъ выскочилъ, и волкъ съ лисою скушали его. Вылѣзъ ёжъ: «что-жъ вы мнѣ оставили?» — Да ничего! Ёжъ разсердился: «пойдемте, говоритъ, на судъ.» Привелъ волка къ капкану, стукнулъ легонько заднею лапкою и сказалъ: «gospon sudec! stante se.» —Дай-ка я разбужу его! сказалъ волкъ, ударилъ по желѣзу сильнѣе и попалъ въ капканъ. Эта послѣдняя подробность напоминаетъ русской разсказъ о томъ, какъ волкъ давалъ лисѣ присягу (вып. III, № 23). Въ другой сказкѣ того-же сборника (стр. 287—8) выведены ёжъ и серна. Они поспорили, кто изъ нихъ скорѣе перебѣжитъ поле. Ёжъ свернулся въ клубокъ и покатился, а серна понеслась съ такой быстротой, что̀ на бѣгу ударилась головой о дерево и ушиблась до смерти. Ёжъ захотѣлъ покушать ея печенокъ, но самъ не въ силахъ былъ разорвать серны, и потому отправился искать мясника. На дорогѣ попадается ему заяцъ, потомъ лиса, и тотъ и другая вызываются быть мясниками; но ёжъ посмотрѣлъ имъ въ зубы и отказалъ. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ волка и беретъ его съ собою. Волкъ разорвалъ серну на четыре части: «первая часть (сказалъ онъ)—моему дядѣ, вторая — моему отцу, третья — моей матери, а эта — мнѣ самому.» — А мнѣ что? спросилъ ёжъ. «А тебѣ все что̀ осталось.» Ёжу такой дѣлёжъ показался несправедливымъ, и онъ сказалъ волку: «пойдемъ судиться!» — Пойдемъ! Ёжъ приводитъ волка къ капкану, послѣ чего слѣдуетъ таже сцена, какую видѣли въ предыдущей сказкѣ; волкъ попадаетъ въ тиски, является мужикъ съ топоромъ и начинаетъ бить его по̀ лбу; за первымъ ударомъ ёжъ закричалъ: «это твоему дядѣ!» за вторымъ: «это твоему отцу!» за третьимъ: «это твоей матери!» а за чет-

мертымъ: «это тебѣ; самъ же ты достанешься мнѣ!» — Къ приведеннымъ варіаціямъ о лупленой козѣ надо прибавить еще венгерскую сказку (Ungarische Volksmärchen. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenem Urschrift, übersetzt von G. Stier, стр. 201—4): вмѣсто ёжа здѣсь туже роль играетъ дикобразъ, и какъ скоро онъ выгналъ козу, то волкъ, серна и заяцъ разорвали ее и съѣли; на долю лисы достались кишки. Волкъ и на то позарился; лиса научаетъ его разорвать собственное брюхо и лакомиться своими внутренностями (сличи съ разсказомъ въ IV-мъ вып., № 1, с, и въ III-мъ вып., № 22).

Коротенькая сказка о лисѣ, исповѣдающей пѣтуха (стр. 24), вѣроятно, послужила темою того сатирическаго стихотворнаго разговора между лисицою и куромъ, который былъ напечатанъ въ «Старичкѣ-весельчакѣ, разсказывающемъ давнія московскія были» и даже попалъ въ лубочное изданіе. (См. Русск. народн. сказки, изд. Сахаровымъ, предисловіе, стр. XXXII: «о курѣ и льстивой лисицѣ».) Разговоръ этотъ подъ заглавіемъ: «Слогъ виршевой о курѣ съ лисицею», встрѣчается въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVII или начала XVIII столѣтія, съ нѣкоторыми дополненіями противъ напечатаннаго въ «Старичкѣ-весельчакѣ». Въ одномъ спискѣ Пчелы, по замѣчанію г. Безсонова, при описаніи разныхъ учителей прибавлено: «не красенъ позоръ — лисица въ куратехъ, того же нестройнѣя учитель неподобенъ.» Этимъ сравненіемъ, вѣроятно, также на основѣ народнаго сказанія, лисица поставлена между курами въ положеніе учителя. Все это доказываетъ, что притча о лисѣ, изъ корыстной цѣли проповѣдующей пѣтуху о пагубѣ грѣховной жизни и суетѣ сего міра, была довольно распространена и составляла любимое народное чтеніе. Таже мысль выражена и въ слѣдующей притчѣ о котѣ:

«Котъ Евстафій! ты постригся?» — Постригся. «И посхимился?»—И посхимился. «Пройдти мимо тебя можно?»—Можно. Мышка побѣжала, а котъ ее цапъ. «Оскоромишься, котъ Евстафій!»—Кому скоромно, а намъ на здоровье! (См. Пословицы *Даля*, стр. 1094.)

При разборѣ народныхъ басней о хитрой лисѣ нельзя не обратить вниманія на хорутанскую сказку про больнаго льва (стр. 280). Захворалъ левъ и залёгъ въ свое логовище. Пришелъ къ нему на поклонъ медвѣдь. Левъ спросилъ его: «не слышишь ли ты, какъ смердитъ въ моей берлогѣ?»—Правда, отвѣчалъ медвѣдь, скверно воняетъ. Левъ озлобился и разорвалъ медвѣдя. Заяцъ это видѣлъ, и когда явился на поклонъ ко льву, то на сдѣланный ему такой-же вопросъ отвѣчалъ: «о нѣтъ, нисколько не воняетъ, а напротивъ прекрасно пахнетъ!» — Лжешь ты! закричалъ левъ, не пахнетъ, а смердитъ! — и тутъ-же разорвалъ зайца. Потомъ явился волкъ, и на вопросъ льва отвѣчалъ: «нѣтъ, не смердитъ и не пахнетъ!»—Лжешь! возразилъ левъ; ни то, ни другое быть не можетъ — и разорвалъ волка. Послѣ всѣхъ пришла на поклонъ лиса. «Что, спросилъ ее левъ, смердитъ или пахнетъ въ моемъ логовищѣ?» Хитрая лиса отвѣчала: «прости меня, свѣтлой царь! у меня теперь насморкъ, и я не могу отвѣчать тебѣ, смердитъ ли здѣсь, или пахнетъ; а лгать не смѣю.» И левъ ее пощадилъ, за то что умна была. Съ приведенной сказкой очень близко сходна чешская о царѣ-хорькѣ (Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mähren und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volkssängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, Лейпцигъ, 1857, стр. 203—5): Когда лягушки выбрали себѣ королемъ долгоногаго аиста, то и куры не захотѣли отстать отъ нихъ, собрались всѣмъ міромъ и стали совѣтъ держать. Такъ какъ никто не хотѣлъ стерпѣть, чтобы другой надъ нимъ властвовалъ; но

всякой самъ добивался власти; то всѣ пѣтухи перебранились и вступили въ битву. Они такъ долбили другъ друга клювами, что гребешки ихъ были въ крови и перья летѣли во всѣ стороны. Наконецъ одинъ старой и мудрой пѣтухъ посовѣтовалъ, что лучше всего взять имъ въ короли хорька; онъ и силёнъ и съ крѣпкими зубами, его всѣ станутъ бояться, и тогда навѣрно будетъ покой и порядокъ. Совѣтъ этотъ понравился, и пѣтухи тотчасъ отправили пословъ съ предложеніемъ къ хорьку. Хорёкъ принялъ ихъ дружелюбно и обѣщалъ защищать своихъ новыхъ подданныхъ отъ ястребовъ, которые хватаютъ цыплятъ, отъ куницъ, которыя выпиваютъ куриныя яйца, и отъ воробьевъ, что̀ прямо у нихъ изъ-подъ носу воруютъ кормъ. Хорёкъ сѣлъ на тронъ, и всѣ пѣтухи и куры были рады, что у нихъ такой могучій и доброй король. Спустя нѣсколько времени захотѣлось хорьку курятинки; не желая вызвать ропотъ открытымъ насиліемъ, онъ рѣшился подъ благовиднымъ предлогомъ предать смерти какого-нибудь пѣтуха и высосать изъ него кровь. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ самаго жирнаго пѣтуха и спросилъ его: «не слышитъ ли онъ какого запаху?» Пѣтухъ былъ чѐстная душа и прямо отвѣчалъ: «извини, король! я слышу отвратительную вонь.» Это былъ обыкновенный непріятной запахъ хорька. «Безстыдная тварь! возразилъ хорёкъ, и ты осмѣлился сказать это въ лицо твоему государю?» Амъ!—и откусилъ пѣтуху голову и выпилъ изъ него кровь. Потомъ приказалъ онъ позвать другаго пѣтуха и предложилъ ему тотъ-же вопросъ. Видя обезглавленный трупъ своего товарища и мордочку хорька, замаранную въ крови, бѣдной пѣтухъ затрёсся и не могъ выговорить ни одного слова. «Что ты дрожишь? спросилъ хорёкъ строго; у тебя, вѣрно, недоброе на умѣ? Отвѣчай сейчасъ!» Пѣтухъ собралъ всѣ свои силы и чистымъ, сладкимъ голосомъ отвѣчалъ: «я чувствую, что здѣсь чудно пахнетъ!»—Коварный лжецъ! закри-

чалъ хорёкъ злобно; ты хочешь собственную негодность прикрасить лестью!» Амъ! — и сорвалъ съ него голову, а кровь высосалъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ позванъ третій пѣтухъ. Тотъ былъ хитёръ, и на вопросъ хорька отвѣчалъ: «извини, король! погода дурна, и у меня сильной насморкъ.» Хорёкъ, видя, какъ онъ умно выпутался изъ разставленной ему петли, засмѣялся и принялъ этого пѣтуха въ свою особенную милость.

Вотъ еще одна записанная нами народная русская сказка, въ которой главную роль играетъ лиса: Шла свинья въ Питеръ Богу молиться. Попадается ей волкъ на встрѣчу: «свинья, свинья! куда идешь?»—Въ Питеръ Богу молиться. «Возьми и меня.» — Пойдемъ, куманёкъ! Шли-шли, попадается лиса на встрѣчу: «свинья, свинья! куда идешь?» — Въ Питеръ Богу молиться. «Возьми и меня.»—Иди, кума! Шли они-шли, попадается имъ заяцъ: «свинья, свинья! куда идешь?»—Въ Питеръ Богу молиться. «Возьми и меня съ собой.» —Ступай, косой! Потомъ вынросилась еще бѣлка, и вотъ они шли-шли... Глядь— на дорогѣ яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала въ яму, а за ней и волкъ, и лиса, и заяцъ, и бѣлка. Долго они сидѣли, сильно проголодались —ѣсть-то нечего. Лиса и придумала: «давайте, говоритъ, тянуть: кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ.» Волкъ затянулъ толстымъ голосомъ: о-о-о! Свинья немного помягче: у-у-у! Лиса и того мягче: э-э-э! а заяцъ съ бѣлкою тонкимъ голоскомъ: и-и-и! Тотчасъ разорвали звѣри зайца да бѣлку и съѣли со всѣми косточками. На другой день лиса опять говоритъ: «кто толще всѣхъ запоетъ, того и скушаемъ.» Волкъ всѣхъ толще затянулъ: о-о-о! ну его и съѣли. Лиса мясо скушала, а кишечки подъ себя спрятала. Дня черезъ три сидитъ да ѣстъ себѣ кишечки; свинья и спрашиваетъ: «что ты, кума, кушаешь? дай-ка мнѣ.»—Эхъ, свинья! вѣдь я свои кишечки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай. Свинья то и сдѣлала, разорвала

свое брюхо и досталась лисѣ на обѣдъ. Осталась лиса одинаодинёхонька въ ямѣ; вылѣзала ль она оттудова, или и теперь тамъ сидитъ? право, не вѣдаю. (Сравни въ Нар. сказкахъ, собран. сельскими учителями, изданіе Эрленвейна, стр. 105—6.)

3.

БАБА-ЯГА.

Баба-яга является дѣйствующимъ лицомъ во многихъ народныхъ русскихъ сказкахъ; см. сказку о трехъ царствахъ мѣдномъ, серебреномъ и золотомъ (№ 5 I-го вып.), лубочное изданіе сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ и многія другія [1]). Вездѣ является она съ одинаковою обстановкою. Преданія представляютъ ее безобразною старухою; именемъ яги, точно также какъ именемъ вѣдьмы, поселяне называютъ въ брань старыхъ и некрасивыхъ бабъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ — баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ или черезъ грядку [2]): подобныя выраженія служатъ насмѣшливымъ указаніемъ на ея уродливость [3]). Наряжаясь на святкахъ бабою-ягою, крестьянки стараются придать себѣ больше безобразія: старое, сморщенное лице и черные зубы — необходимая принадлежность такого ряженья.

---

[1]) Наприм. печатныя сказки: о трехъ королевичахъ (М 1847), о лягушкѣ и богатырѣ (М. 1847), объ Игнатіи-царевичѣ и Суворѣ-невидимкѣ (М. 1838), въ изданіи Русск. нар. сказокъ Бронницына (Спб. 1838) — о Василисѣ-золотой косѣ; о весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ-самогудахъ (Дѣдушк. прогулки М. 1819); объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ (Собр. рус. сказокъ. М. 1830) и проч. — [2]) Или: сидитъ на полу, ноги въ потолокъ. — [3]) Сличи съ выраженіями укорительныхъ пѣсенъ: «а ты самъ шестомъ, голова пестомъ, уши ножницами....» и проч.

Народныя сказки часто упоминают о трехъ сестрахъ: бабахъ-ягахъ, представляя ихъ хотя сварливыми, но услужливыми, готовыми подать добрый и мудрый совѣтъ и оказать помощь тѣми сверхъестественными силами, которыя находятся въ ихъ полномъ распоряженіи. Онѣ предвѣщаютъ сказочному герою, что ожидаетъ его впереди, даютъ ему клубокъ, который катясь указываетъ путь въ таинственныя страны, или чудеснаго коня, сапоги-самоходы и другія диковинки; изъ святочныхъ игръ можно заключать, что баба-яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ темный смыслъ. Яга живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ (?), которая поворачивается по просьбѣ къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ. Она ѣздитъ или летаетъ на шабаши вѣдьмъ и колдуновъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачомъ (клюкою, костылемъ) и заметая помеломъ слѣдъ, точно также — какъ дѣлаютъ вѣдьмы, летающія на кочергахъ и ухватахъ. Бѣлоруссы говорятъ, что яга *погоняетъ огненною метлою воздушныя силы*, которыя приводятъ въ движеніе ея ступу; когда она ѣдетъ — *земля стонетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, нечистая сила реветъ* [1]).

По всѣмъ этимъ признакамъ, баба-яга принадлежитъ къ числу тѣхъ *вѣщихъ* женъ (вѣдьмъ), которыя играли весьма замѣтную роль въ нашей старинѣ. Она присутствуетъ на вѣдовскихъ сборищахъ, даетъ мудрые совѣты, можетъ предвѣщать, разумѣетъ таинственный языкъ загадокъ, распоряжается могучими силами природы, летаетъ съ тѣми-же особен-

[1]) Терещенко: Бытъ рус. нар., ч. VII, стр. 162; Иллюстр., годъ 1, стр. 298; Чтен. Общ. истор. и древн росс., годъ 3, № 3, статья Макарова, стр. 106; Прибавл. въ Жур. мин нар. прос., 1846 г., кн. 1, стр. 19—20; Повѣсти и предан. нар. слав. племени, Боричевскаго, стр. 94; Абевега, стр. 324—5; Русск. преданія Макарова, ч. 1, стр. 60—63; ч. 2, стр. 17—25. О значеніи полетовъ вѣдьмъ смотри въ Отеч. Запис. 1852 г., № 3, стр. 14: «Зооморф. божества у славянъ».

ностями, какъ и вѣдьмы, наконецъ живетъ близь лѣсовъ [1]), религіозное значеніе которыхъ въ эпоху язычества общеизвѣстно.

Кромѣ доброй стороны въ характерѣ бабы-яги (въ первой сказкѣ этого выпуска она награждаетъ простосердечіе и наказываетъ злость), преданія представляютъ ее и злою, враждебною человѣку: подобно вѣдьмѣ, она похищаетъ и поѣдаетъ дѣтей (см. вторую сказку о ягѣ въ настоящемъ выпускѣ), о чемъ подробнѣе сказано въ примѣчаніи къ № 4. — Любопытно бы объяснить филологически значеніе слова: *яга*, но для этого пока не сдѣлано ничего основательнаго [2]).

Тѣ-же преданія о бабѣ-ягѣ находимъ у всѣхъ славянъ. Словаки говорятъ, что она живетъ въ темной пещерѣ въ лѣсу и представляютъ ее безобразною: скулы что̀ два пригорка, носъ съ добрый горшокъ. У одного короля было двѣнадцать сыновей; отправились они искать себѣ невѣстъ, долго ходили и пришли наконецъ къ хаткѣ на курьихъ ножкахъ. Хатка повернулась и къ нимъ вышла баба-яга; она пустила странниковъ переночевать къ себѣ. Ночью младшій королевичъ, проснувшись, увидѣлъ въ печи раскаленную косу, которою яга хотѣла отсѣчь головы всѣмъ двѣнадцати братьямъ. Онъ разбудилъ братьевъ, и захвативъ съ собой башмаки-самоходы, которые могли бѣгать поверхъ воды, скрылся. Бабу-ягу словаки называютъ проклятою и вѣрятъ, что если она захочетъ — то заставитъ своими чарами идти дождь или свѣтить солнце [3]).

---

[1]) Въ одномъ заговорѣ (Сахар. Сказан. рус. нар., т. 1, стр. 26) сказано о вѣдьмѣ кіевской, что она живетъ въ лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору, въ избушкѣ ни шитой, ни крытой. — [2]) Булгаринъ (Россія въ отношеніи историческ. и проч., ч. 2, стр. 232) ищетъ корень этого слова въ эстонскомъ нарѣчіи. — [3]) Боричевск. Повѣсти и преданія народовъ славян. племени, стр. 123—6, 145, 181—2, 185. См. вып. VII, № 30.

При встрѣчѣ съ героями сказокъ или почуя присутствіе скрытаго человѣка, колдуньи и бабы-яги обыкновенно произносятъ эти слова: «фу, фу! доселева *русскаго духа* видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется!» или: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!» [1]) Тѣже слова произносятъ при встрѣчѣ съ сказочными героями и другія миѳическія лица: чудо морское, змѣй и всякая нечистая сила. Въ сказкѣ: «Марко Богатой и Василій Безчастной» (вып. I, № 13) Змій, при входѣ въ свои палаты, почуялъ духъ спрятаннаго Василія и сказалъ: «что здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ?» «Какъ сюда зайдти русскому духу! отвѣчаетъ дѣвица. Ты по Руси леталъ, русскаго духу и набрался!» [2]) Въ нѣмецкихъ сказкахъ подобныя восклицанія замѣняются такимъ выраженіемъ: «у-у-у! я чую: здѣсь пахнетъ *человѣческимъ мясомъ!*» — замѣна весьма знаменательная. Это выраженіе произносятъ при нечаянной встрѣчѣ съ человѣкомъ колдуны, вѣдьмы, драконы, великаны и нечистые, слѣдовательно тѣ лица, которымъ народная сказка приписываетъ пожираніе человѣческаго мяса (Гримм., т. 1, стр. 180; Norweg. Volksmärchen, ч. 1, № 5, 24, 27; ч. 2, № 6), что вѣроятно состоитъ въ связи съ преданіями о кровавыхъ языческихъ жертвоприношеніяхъ (см. примѣчаніе ко № 4). Въ одной изъ напечатанныхъ нами сказокъ о ягѣ она приказываетъ приготовить для себя въ ѣству дѣвочку;

---

[1]) Въ одной сказкѣ это выраженіе замѣнено словами: «фу, фу, фу! *руеская коска*, зачѣмъ сюда пришла?» (сказка о трехъ царствахъ, № 5 настоящаго выпуска; лубочное издан. сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ и мн. др.) Выраженіе: «русской духъ» употребляется здѣсь просто въ смыслѣ *человѣка*, противуполагаемаго нечистой силѣ. «Зачѣмъ ты, *русской*, пришелъ сюда?» говоритъ чортъ крестьянину въ сказкѣ о злой женѣ. Въ старинной малороссійской думѣ (Записки о Южн. Руси, т. I, стр. 177) орелъ, летая надъ кораблями и предвѣщая имъ гибель отъ бури, кричитъ: «пхе, Руська кость пахне!»
[2]) Тоже въ сказкѣ «Ѳедоръ Тугаринъ» (№ 14) произносить Вѣтеръ.

г. Боричевскій (Повѣсти и предан. нар. слав. племени, стр. 181) передаетъ такую же сказку о людоѣдствѣ яги, какая сообщена нами о вѣдьмѣ (№ 4). Въ чувашской сказкѣ (см. Чувашск. разговоры и сказки, стр. 36—37) старая вѣдьма, какъ только взошла въ избу, такъ и закричала: «что это человѣческимъ духомъ пахнетъ?» — Матушка, возражаетъ ей дочь, да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое мясо: такъ какому же другому запаху быть въ нашей избушкѣ! У финновъ бабѣ-ягѣ соотвѣтствуетъ Сіёэтеръ, т. е. пожируха (Записки Импер. Академіи наукъ 1862 г., т. I, кн. 1, стр. 136, статья Шифнера). См. также въ Тысячѣ и одной ночѣ (ч. I, стр. 132—3) разсказъ о бабѣ-людоѣдкѣ.

Обѣ напечатанныя нами сказки о бабѣ-ягѣ, подобно многимъ другимъ сказкамъ, основаны на злобѣ мачихи къ дѣтямъ отъ прежняго брака ея мужа. Эта нелюбовь мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ составляетъ любимый мотивъ, варіируемый народными сказками. Норвежская сказка (Norweg. Volksmärchen, ч. I, № 15): «Дочь мужа и дочь жены» представляетъ первую дѣвочку доброю и прилежною, а послѣднюю злою и лѣнивою. Мачиха заставляетъ падчерицу идти на службу къ вѣдьмѣ (Trollweib), которая задаетъ ей трудныя работы: принесть воды въ рѣшетѣ и т. под.; но добрая дѣвочка, пользуясь наставленіями одной птички, исполняетъ всѣ ея приказанія и возвращается домой съ златомъ-сѣребромъ. Разсчитывая на такое же счастіе, мачиха посылаетъ къ вѣдьмѣ свою родную дочь, но той назначена другая награда: какъ только откроетъ она ротъ, каждый разъ падаютъ оттуда змѣи, жабы и всякая дрянь. Сличи съ сербскою сказкою (Српске нар. приповиjетке, № 35: «Опет маħеха и пасторка)», въ которой вѣщая жена даетъ бѣдной сиротѣ, притѣсняемой мачихою, такой даръ: «Кудгод ходила, сретна била, кад плакала, бисер ти ишао из очиjу место суза, и кад говорила, ружа

ти златна из уста излазила!» а злой мачихиной дочери: «тамо њој крваве сузе из очију летеле кад плакала, а кад говорила, тамо она прскала и балила те тө не могли људи слушати.» Сказка, записанная въ Буковинѣ (см. Zeitschrift für D. M., изд. Вольфа, т. I, стр. 42): Двѣ дочери» передаетъ подобный же разсказъ: дочь мужа, добрая и услужливая, не стерпя преслѣдованій злой дочери мачихиной, идетъ изъ дому искать на чужбинѣ себѣ службы. На пути (согласно съ напечатанною нами сказкою о ягѣ подъ буквою b и съ варіантомъ въ изданіи Эрленвейна, № 9) попалась ей паршивая собаченка—она ее вычистила, дерево въ червяхъ—она его обобрала, колодезь съ жабами и ящерицами—очистила его, развалившаяся печь — собрала ее, и потомъ нанялась въ службу къ Воскресенью (Sonntag), которое поручило ей созывать и купать птицъ со всего міра. Дѣвочка старательно исполняла свое дѣло, и Воскресенье дало ей въ награду ящикъ, который она должна открыть дома. На возвратномъ пути печь предложила ей калачей, колодезь утолилъ ея жажду, дерево дало ей золотыхъ яблокъ, а собака кошелёкъ съ свѣтлыми дукатами; въ ящикѣ оказались драгоцѣнные камни, золото и серебро. Недобрая дочь мачихина, увлекаясь корыстными побужденіями, также отправилась за своимъ счастіемъ, но дорогою была немилосерда, и службу свою у Воскресенья выполняла небрежно: обожгла всѣхъ птицъ горячей водою—и тѣ разлетѣлись въ разныя стороны. Въ награду она получила ящикъ съ жабами и змѣями [1]; а на возвратномъ пути печь не дала ей ѣствы, колодезь — воды, дерево только ударяло ее своими гибкими вѣтвями, собака укусила ее за икры. — Кромѣ вышеуказанной сербской сказки, Караджичъ сообщаетъ и другія,

---

[1]) Сличи съ сербскою сказкою подъ № 36: изъ ящика, даннаго драконовъ злой дочери, выскочили двѣ змѣи, бросились одна на мачиху, другая на ея дочь и выпили у нихъ очи (стр. 181).

содержаніемъ которыхъ послужили отношенія мачихи къ дѣтямъ ея мужа отъ перваго брака; смотри Српске народне приповиjетке, № 33: «Зла маћеха»; № 34: «Маћеха и пасторка»; № 36: «Како су радиле, онако су и прошле»; см. также собраніе сказокъ братьевъ Гриммовъ, т. I, № 21; Walachische Märchen, № 4 («Царевна-гусятница»—въ этой сказкѣ мачиха запираетъ падчерицу на трое сутокъ безъ питья и пищи, а потомъ даетъ ей кусокъ хлѣба и кружку воды, въ которую положила маленькую змѣйку; дѣвочка съ жадностію выпиваетъ эту воду вмѣстѣ съ змѣей); собраніе сказокъ Бронницына, № 4 (объ Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ); Сочиненія Пушкина, изданіе Анненкова, на стр. 437 І-го тома, и слѣдующую сказку, записанную г. Данилевскимъ (Степныя сказки, Спб., 1852):

Былъ себѣ дѣдъ да баба. У дѣда была дочь и у бабы была дочь. Вотъ и говоритъ баба дѣду: «завези да и завези, дѣдъ, свою дочь!» — и везетъ онъ ее въ темный лѣсъ. Пріѣзжаетъ въ лѣсъ, въ лѣсу стоитъ хатка; вотъ и говоритъ дѣдъ своей дочкѣ: «сиди же тутъ, а я пойду дровъ нарублю.» Выходитъ онъ изъ хаты, привязываетъ къ березѣ дощечку и ѣдетъ домой... Ждетъ-пождетъ отца дѣвочка, а дощечка отъ вѣтру: стукъ да стукъ! «Это мой батюшка дрова рубитъ!» думаетъ дѣдова дочка, и снова ждетъ отца. Но день склоняется къ вечеру, солнце заходитъ, а отецъ не возвращается. Настаетъ ночь, и дѣвочка слышитъ: промежъ деревьевъ, стучитъ, бѣжитъ, гремитъ лошадиная голова... Прибѣжала голова къ хаткѣ и говоритъ: «дѣвка, дѣвка, отвори двери!» Дѣвочка отворила. «Дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ!» Она пересадила. «Дѣвка, дѣвка, давай ужинать!» Она подала. «Дѣвка, дѣвка, постели постель!» Она постлала. «Дѣвка, дѣвка, говори мнѣ сказки!» Она стала говорить сказки. «Дѣвка, дѣвка, влѣзай мнѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзай въ правое!» Она влѣзала въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое — и стала красо-

ты неописанной, и сѣла въ золотую карету, съ серебреными лошадьми, и поѣхала въ свои земли... По дорогѣ заѣхала къ отцу, къ матери, одарила ихъ всѣми на свѣтѣ богатствами, и только не одарила своей сестры, бабиной дочки.

Проходитъ годъ. Дѣдъ да баба опять говорятъ между собою, и баба приказываетъ дѣду: «завези да и завези, дѣдъ, мою дочь, куда знаешь! завези туда, куда завозилъ ты и свою дочку!» Беретъ дѣдъ бабину дочку и везетъ ее въ темный лѣсъ. Пріѣзжаетъ въ лѣсъ, въ лѣсу стоитъ хатка; вотъ и говоритъ онъ бабиной дочкѣ: «сиди же тутъ, а я пойду дровъ нарублю.» Дощечка опять качается отъ вѣтра и стучитъ. «Что онъ тамъ засѣлъ, старый индюкъ?» говоритъ со злости бабина дочка, и слышитъ: промежъ деревьевъ стучитъ, бѣжитъ, гремитъ лошадиная голова. Прибѣжала голова къ хаткѣ и говоритъ: «дѣвка, дѣвка, отвори двери!» — Не велика паня! и сама отворишь. Голова отворила двери. «Дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ!» — Не велика паня! и сама переступишь. Голова переступила черезъ порогъ. «Дѣвка, дѣвка, давай ужинать!» — Не велика паня! и сама возьмешь. Голова поужинала. «Дѣвка, дѣвка, постели постель и положи меня спать!» — Не велика паня! и сама ляжешь. Голова легла. «Дѣвка, дѣвка, влѣзай мнѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзай въ правое!» Бабина дочка влѣзла въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое — и стала старою-престарою цыганкой, безъ зубовъ, и съ клюкою, и пошла въ лѣсную трущобу, и съ горя утопилась въ лѣсномъ болотѣ. (Сличи вып. IV, № 41; вып. V, № 15.)

Въ напечатанной нами сказкѣ дѣвочка, слыша за собой погоню бабы-яги, бросаетъ *полотенце* — является *рѣка*, бросаетъ *гребень* — и возникаетъ цѣлый *лѣсъ*. Сходно съ этимъ въ сказкѣ, напечатанной въ «Повѣстяхъ и преданьяхъ нар. слав. плем.» Боричевскаго (стр. 103—6), царевна, спасаясь

бѣгствомъ отъ вѣдьмы, кидаетъ *гребенку* — является *рѣка*, *щетку* — выростаетъ *лѣсъ*: изъ каждаго волоска дерево, золотое *яблоко* — возникаетъ *гора*, *простыню*—показывается цѣлое *море*; въ сказкѣ объ «Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ» *лѣсъ* появляется вслѣдъ за кинутымъ *голикомъ*, а *горы* вслѣдъ за кинутою *щеткою*. Тѣже преданія сохраняются въ нѣмецкихъ сказкахъ, въ которыхъ дѣти, спасаясь бѣгствомъ, бросаютъ *щетку*, *гребень* и *зеркало*—и возникаютъ громадныя горы: Bürstenberg, Kammberg, Spiegelberg (Грим., т. I, стр. 462 «Wassernixe»); королевичъ, убѣжавшій отъ великана, кидаетъ *кусокъ соли* (Salzstein) — и возникаетъ высокая *гора*, выливаетъ изъ фляги одну-двѣ *капли воды* — и рождается *море*; другой сказочный герой, преслѣдуемый троллемъ, бросаетъ *терновую лозу* — и мгновенно выростаетъ густой и дикой *терновникъ*, бросаетъ *камень* — подымается *скала*, брызгаетъ изъ фляги *водою* — и проливается цѣлое *море*; когда онъ принимался за это послѣднее средство, вѣрной конь сказалъ ему: «берегись, не брызгни на меня, чтобъ намъ не потонуть!» (Norweg. Volksmärchen, ч. I, № 14; ч. II, № 16.) Эти чудесныя щетки, гребни и другія вещи похищаются героями сказокъ у вѣдьмъ, великановъ и разныхъ миеическихъ дѣятелей и составляютъ принадлежность чародѣйства. Вѣдьмы, великаны, змѣи огненные могли свободно управлять стихіями: для нихъ довольно (по стариннымъ преданіямъ) капля воды, чтобъ явилось цѣлое море, одной лозы, чтобъ выросъ дремучій лѣсъ, и одного камня, чтобъ поднялись высокія скалы. Изъ волосъ щетки, брошенной бѣглецомъ, выростаетъ лѣсъ: преданіе любопытное, если мы сблизимъ его съ другими старинными повѣрьями. По свидѣтельству азбуковниковъ тѣло человѣческое создано отъ земли, а волоса отъ травы [1]). Народныя загадки метафорически называютъ

[1]) Бусл. О вліян. христ. на сл. яз., стр. 77. 84.

волоса — лѣсомъ, а траву — волосами: «ой на гори гай, пидъ гаемъ мигай, пидъ мигаемъ сопай, пидъ сопаемъ хапай» (значитъ: голова, *волоса*, очи, нось, ротъ); «подъ *лѣсомъ-лѣсомъ* колеса съ повѣсомъ» (знач. подъ спущенными косами висятъ серьги); «летѣла тѣнь на Петровъ день, стала плакать, ажъ *волосы* вянутъ» (знач. трава, которую сносили). [1])

4.

ВѢДЬМА.—ТЕЛЬПУШОКЪ.

О значеніи вѣдьмъ въ древней русской жизни смотри мои статьи: «Вѣдунъ и вѣдьма» (Комета, альманахъ, изд. г. Щепкинымъ) и «Зооморф. божества у славянъ» (Отеч. Записки 1852 г. № 3, стр. 11—17).

Сказка о «вѣдьмѣ» встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ русскаго царства (см. сборникъ Худякова, вып. 2, № 52 и 53; Малорус. литер. сборн. Мордовцева, стр. 366—370; Записки о Южн. Руси, т. 2, стр. 17—20; Черниг. губ. вѣдом. 1855 г., № 17). Записанная нами въ воронежской губерніи, гдѣ великорусское населеніе смѣшано съ малорусскимъ, сказка эта носитъ на себѣ явные слѣды малороссійской редакціи [2]); въ «Маякѣ» (т. XV) помѣщена бѣлорусская ея редакція: здѣсь мѣсто дочери вѣдьмы заступаетъ ея сынъ, который приманиваетъ изъ сосѣднихъ селъ мальчиковъ игрушками и

[1]) Галицк. и малорус. загадки, стр. 9; Москвит. 1852 г., № 23, стр. 100, статья г. Терещенка. — [2]) Малороссійская сказка о вѣдьмѣ и Ивашкѣ передана въ стихахъ въ изданіи «Насьцы украиньскы казкы» — подъ заглавіемъ: «Казка про маленького Ивася, Змію, дочку ін Алесю, та задирхъ гусенятъ.» Таже сказка есть и у болгаръ; сличи съ сербской сказкою—Српске народн. припов. № 35, стр. 174—5.

похищаетъ ихъ. Вѣдьма, покушавши своего собственнаго сынка, катается по землѣ и приговариваетъ: «покатюся-повалюся, наѣвшися *человѣческаго мяса*!»—а смѣлый мальчикъ съ вершины дерева вторитъ ей: «покатись-повались, вѣдьмарскаго мяса наѣвшись!» Вѣдьма принялась грызть дерево; но мальчикъ увидѣлъ, что мимо летятъ гуси, которыхъ онъ пасъ, и сталъ просить: «гусочки, гусочки! *бросьте мнѣ по перу, я съ вами полечу.» Гуси дали ему по перу, и окрыленный мальчикъ обратился въ гуся и улетѣлъ.* Вѣдьма жила въ хатѣ на курьихъ лапкахъ, въ которой пахло запахомъ человѣческаго мяса; дверныя петли были изъ человѣческихъ суставовъ, закрутка изъ руки, а вся хата обтянута человѣчьей кожею (въ отдѣлѣ смѣси, стр. 21—22). Подобная же сказка напечатана въ «Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ слав племени» (стр. 123—6: славакская) и въ «Трудахъ Общества любит. россійск. словесности» (ч. XVII, 1850 г., стр. 127—130: русская), но здѣсь вмѣсто вѣдьмы названа баба-яга. У яги было три дочери. Мать заманила къ себѣ русскаго молодца Фалю и потребовала, чтобъ онъ въ одинъ день, одинъ часъ и одну минуту сдѣлался мужемъ всѣхъ трехъ ея дочерей. Фаля не согласился, и баба-яга приказала его сжарить; но Фаля ухитрился и сжарилъ своихъ невѣстъ. Яга, покушавъ этого жаркаго, *разметала кости и стала по нимъ кататься*, приговаривая: «повалюся-покатюся по Фалеюшкинымъ косточкамъ!» А Фаля: «покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты по дочернинымъ по косточкамъ!» Баба-яга превратила за то Фалю въ осла О поѣданіи ягою человѣческаго мяса смотри сказку настоящаго выпуска подъ № 3. Бѣлоруссы увѣряютъ, что баба-яга показывается, когда не достанетъ человѣческаго мяса, которымъ она питается, и похищаетъ дѣтей; что *Смерть передаетъ умершихъ бабѣ-ягѣ, съ которою она часто разъѣзжаетъ вмѣстѣ*; что яга и подчиненныя

ей вѣдьмы питаются душами людей, и отъ того дѣлаются легкими, какъ души [1]).

Есть еще бѣлорусская сказка: «Три сестры», основою которой послужила страсть вѣдьмы къ пожиранію дѣтей. Въ одной деревнѣ жили три замужнія сестры. Разъ мужья ихъ куда-то уѣхали. Въ это время приходитъ къ старшей сестрѣ вѣдьма попросить заступа, но когда та пошла за заступомъ и воротилась, то не нашла въ избѣ ни вѣдьмы, ни ребенка своего. Побѣжала она по дорогѣ, и спрашиваетъ у рябины: «рябинка, рябинка! не видала-ль ты вѣдьмы съ ребенкомъ?»—Очисти меня, подбери меня, тогда скажу. «Нѣту времени!» съ досадой сказала крестьянка и пустилась дальше. Тоже случилось и при распросахъ, обращенныхъ къ яблонѣ, грушѣ, коровѣ, колодцу и квашнѣ. Яблоня и груша просили очистить ихъ, корова—выдоить ее, колодецъ — накрыть его, квашня — замѣсить въ ней тѣсто; крестьянка всѣмъ отказала и прибѣжала наконецъ къ маленькой избушкѣ; входитъ въ нее, а тамъ сидитъ старая вѣдьма, въ печи на огнѣ кипитъ смола, а на припечкѣ лежитъ ребенокъ. «Зачѣмъ кипитъ смола?» спрашиваетъ несчастная мать. — Хочу сварить твое дитя, отвѣчаетъ вѣдьма. Мать стала молить и просить. «Почеши мнѣ голову», сказала вѣдьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила ей волосы, какъ смола побѣжала черезъ край горшка. «Отставь горшокъ!» говоритъ вѣдьма; мать схватываетъ горшокъ со смолою, бросаетъ его на вѣдьму, потомъ беретъ своего ребенка и убѣгаетъ. Котъ продралъ вѣдьмѣ глаза, и она пустилась въ погоню; квашня, колодецъ, корова, груша, яблоня и рябина указали ей дорогу; вѣдьма догнала и разорвала ребенка на части. На другой день тоже несчастіе постигло среднюю сестру, а на третій день вѣдьма посѣтила младшую сестру-дурочку и похитила у нея

---

[1]) Прибавл. къ Жур. мин. нар. пр. 1846, кн. I, стр. 19—20; кн. IV, стр. 110.

ребенка. Сестра-дурочка исполнила требованія рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни; отъ деревьевъ получила за то плоды, отъ коровы кринку молока, отъ колодца бутыль воды, отъ квашни хлѣбъ. Она залила вѣдьму смолою, но убѣгая бросила коту всѣ полученные ею припасы. «Котъ, продери очи!» кричала вѣдьма.—Постой, съѣмъ хлѣбъ! Съѣлъ хлѣбъ; вѣдьма опять кричитъ: «котъ, продери очи!»—Подожди съѣмъ молоко, и такъ далѣе. Когда онъ собрался продирать вѣдьмѣ очи, мать съ ребенкомъ была уже дома (Маякъ, т. XV, смѣсь, стр. 17—19).

Такъ люди сострадательные и простосердечные постоянно дурачатъ и обманываютъ въ сказкахъ колдуновъ, вѣдьмъ и всякую нечистую, злую силу. Народный эпосъ отдаетъ перевѣсъ нравственнымъ достоинствамъ.

Подобныя сказки встрѣчаемъ у другихъ славянъ (въ изданіи Гаупта и Шмалера: Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, т. II, стр. 172—4; Этногр. сборн., вып. V, стр. 132, въ статьѣ о кашубахъ, гдѣ мѣсто вѣдьмы заступаетъ великанка) и у нѣмцевъ. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ (т. I, № 15) помѣщена сказка «Hänsel und Grethel»: здѣсь сама вѣдьма попадается въ западню хитрой дѣвочки; братъ и сестра спасаются бѣгствомъ, прибѣгаютъ къ водѣ и просятъ утку перевезти ихъ на другую сторону:

Entchen, Entchen!
Da steht Grethel und Hänsel,
Kein Steg und keine Brücke,
Nimm uns auf deinen weissen Rücken.

Утка перевезла ихъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ упоминается о человѣческомъ мясѣ и крови въ домѣ колдуна (т. I, стр. 264). Въ собраніи норвежскихъ сказокъ встрѣтили мы двѣ, весьма близкихъ по своему содержанію съ нашими сказками.

Вотъ содержаніе одной сказки (Norweg. Volksmärchen, ч. I, № 1): Замарашка (Aschenbrödel) похитилъ у тролля [1]) серебреныхъ утокъ, одѣяло съ серебреными и золоты миузорами и золотую арфу, отъ звуковъ которой всякой дѣлался веселъ. Тролль захватилъ вора и сталъ его откармливать, чтобы потомъ съѣсть. Прошло восемь дней. Тролль сказалъ своей дочери: «пойди и отрѣжь у вора мизинецъ, чтобы я могъ видѣть: жиренъ ли онъ?» Дочь пошла; «дай свой пальчикъ!» сказала она заключенному бѣдняку. Замарашка протянулъ ей деревянный колокъ (гвоздь). «Ахъ, сказала дочь тролля; не годится для ѣды, онъ еще жостокъ, какъ бревно!» Тоже было и въ другой разъ, но въ третій Замарашка протянулъ ей свѣчной огарокъ. «Теперь пора!» сказала она. Замарашка взялся помогать ей и сталъ точить на себя ножъ. «Дай-ка я попробую о твою косу, остеръ ли ножъ?» сказалъ онъ. Дочь тролля позволила; Замарашка отрубилъ ей голову, изготовилъ изъ нея кушанье и поставилъ на столъ; а тролль спокойно съѣлъ свою собственную дочь.

Другая норвежская сказка: «Schmierbock» не менѣе любопытна. Была-жила баба, у ней былъ маленькой сынъ, да такой толстой да жирной, что его прозвали: Schmierbock (жирный козелъ). Разъ баба приготовляла хлѣбы; вдругъ собака стала лаять. «Побѣги, Schmierbock, сказала мать, и посмотри, чего она лаетъ?» Мальчикъ сбѣгалъ, и воротясь, сказалъ: «Ахъ, Господи! къ намъ пришла высокая вѣдьма (Trollweib), съ головою подъ мышкой и съ мѣшкомъ на спинѣ.»—Влѣзай въ квашню и спрячься... Вошла вѣдьма. «Доброй день!» сказала она. — Спасибо, отвѣчала баба. «Schmierbock дома?» —Нѣтъ, онъ съ отцемъ въ лѣсу. «Жаль, а я хотѣла подарить ему серебреной ножичекъ.» — Пипъ, пипъ, я здѣсь! сказалъ

---

[1]) Колдуна.

мальчикъ и выползъ изъ квашни. «Я стара, спина у меня не сгибается, сказала вѣдьма; полѣзай самъ въ мѣшокъ и достань ножичекъ.» Мальчикъ полѣзъ. Вѣдьма схватила мѣшокъ вмѣстѣ съ нимъ на спину и ушла. Утомленная она легла на дорогѣ и заснула. Schmierbock прорѣзалъ въ мѣшкѣ дыру и ушелъ домой. Въ другой разъ случилось тоже, но въ третій разъ вѣдьма, не отдыхая на дорогѣ, принесла мальчика въ свой домъ и сказала своей дочери: «вотъ Schmierbock; возьми его, зарѣжь и свари супъ!»—а сама ушла. Дочь хотѣла зарѣзать мальчика, но не знала, какъ это сдѣлать. «Погоди, я тебѣ покажу! сказалъ мальчикъ; положи голову на скамью.» Она положила голову на скамью; Schmierbock схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову, положилъ туловище въ котелъ и сварилъ супъ, а самъ залѣзъ въ трубу. Вѣдьма пришла домой и стала кушать, приговаривая: «вкусенъ супъ изъ Schmierbock'a!» А мальчикъ въ трубѣ переговариваетъ ее: «вкусенъ супъ изъ вѣдьмарской дочери!» Вѣдьма бросилась посмотрѣть, кто сидитъ въ трубѣ, а Schmierbock кинулъ ей въ голову камень и убилъ ее. Послѣ того онъ забралъ все золото и серебро вѣдьмы и воротился домой къ матери (Norwegische Volksmärchen, ч. 2, № 22). См. также Deutsche Volksmärchen in Siebenbürgen, изд. Гальтриха, № 37.

Вѣдьмамъ, по народнымъ преданіямъ, принадлежало совершеніе жертвенныхъ обрядовъ; существованіе человѣческихъ жертвъ у славянъ доказывается несомнѣнными свидѣтельствами старины (см. Изслѣдованіе о языч. богослуженіи древнихъ славянъ, соч. Срезневскаго, стр. 76 и дал.); эти человѣческія жертвы приносились, судя по ихъ мрачному значенію, божествамъ темнымъ, злымъ, во главѣ которыхъ стояла всепожирающая и вѣчноголодная Смерть. Вѣроятно, въ связи съ этими данными, народная сказка приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ пожираніе человѣческаго мяса, а бѣлорусское

повѣрье, поставляя вѣдьмъ въ близкія отношенія съ ненасытною Смертію, утверждаетъ, что онѣ питаются душами умершихъ.

Любопытно начало сказки «Тельпушокъ»: бездѣтные родители берутъ чурбанъ, кладутъ его въ колыбель, начинаютъ качать и причитывать надъ нимъ, какъ надъ ребенкомъ, и вотъ силою припѣва (заговора) они достигаютъ исполненія своего завѣтнаго желанія — изъ обрубка дерева рождается мальчикъ. [1]) Если мы припомнимъ свидѣтельство древней Эдды о первозданныхъ людяхъ-ясени и ольхѣ и остановимъ вниманіе на остроумныхъ выводахъ Куна (Die Herabkunft des feuers, стр. 70—78) о миѳической связи живаго огня, добываемаго треніемъ двухъ полѣньевъ, съ происхожденіемъ перваго человѣка; то необходимо признаемъ и за нашимъ сказочнымъ преданіемъ глубочайшую древность.

5. 6.

СКАЗКА О ТРЕХЪ ЦАРСТВАХЪ — НОРКА-ЗВѢРЪ.

Обѣ названныя сказки представляютъ только разныя редакціи одного и того же разсказа, и обѣ основаны на обычномъ эпическомъ мотивѣ о трехъ братьяхъ: двухъ умныхъ, но злыхъ, и третьемъ—простодушномъ и довѣрчивомъ. На этомъ мотивѣ народная фантазія создала много различныхъ разсказовъ. Укажемъ на сказку о жаръ-птицѣ, встрѣчаемую у разныхъ народовъ [2]); здѣсь также выведены на сцену три брата; меньшой братъ смѣлъ и рѣшителенъ, онъ добываетъ чудесную жаръ-

[1]) Въ другихъ сказкахъ (вып. VI, № 17, b; вып. VIII, № 6, b) ребенокъ рождается изъ полѣна, положеннаго на печь. — [2]) См. Грим. Kinder- und Hausmärchen, Walachische Märchen и лубочное изданіе (вып. VII, № 11).

птицу, коня золотогриваго и прекрасную царевну, а старшіе братья, пользуясь его сномъ, убиваютъ бѣдняка и все добытое имъ присвоиваютъ себѣ. Сказка эта, даже по своему изложенію, въ началѣ весьма сходна со сказкою: «Норка-звѣрь»; только вмѣсто жаръ-птицы, похищающей золотыя яблоки, въ послѣднемъ разсказѣ является чародѣй въ образѣ чудеснаго Норки-звѣря, который когда спитъ, то отъ его храпа бьетъ волна на семь верстъ. Въ другихъ варіантахъ этой сказки, вмѣсто звѣря-Норки, является вѣдьма въ видѣ большаго сокола (Повѣсти и предан. нар. слав. плем., стр. 107—111) или волкъ, захватывающій табуны лошадей (въ издан. Эрленвейна, стр. 164).

Меньшой, третій братъ въ сказкѣ о трехъ царствахъ, названъ Ивашко *Запечный*; тоже прозванье дано въ венгерской сказкѣ меньшому брату, который постоянно сидѣлъ у печки (Повѣсти и предан. нар. славян. племени, стр. 127—9), что̀ напоминаетъ намъ сказочнаго Емелю: тотъ весь вѣкъ свой лежалъ на печи и даже отправился на ней къ царскому двору. Въ одной сказкѣ (вып. II, № 30) третій братъ названъ Иванъ *По̀пяловъ*: «јонъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у по̀пялѣ, вопасля таго вставъ изъ по̀пялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ яго̀ злятѣло шесть пудовъ по̀пялу.» Такое представленіе вполнѣ согласуется съ показаніями сказокъ норвежскихъ и нѣмецкихъ. Въ норвежскихъ (ч. 1, № I, 6, 27; ч. II, № 1, 6, 19, 21) третій, глупой сынъ, на долю котораго подъ конецъ выпадаетъ довольство и счастіе, называется Aschenbrödel, ибо онъ постоянно сидитъ у роднаго очага, возится въ золѣ и ходитъ замарашкою; въ нѣмецкихъ сказкахъ ему придаютъ названіе: Aschenputtel (Грим., т. I, № 21). Сидѣть близь очага, нѣкогда обожаемаго цѣлой семьей, — знакъ, что человѣкъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ, знакъ особенной привязанности къ домашнему кро-

ву, семейной жизни и ея кроткимъ добродѣтелямъ, знакъ полнаго подчиненія семейной власти и принятія на себя хозяйственныхъ заботъ и трудовъ. Подъ замаранною отъ дыму и пепла одеждою таятся чувства набожности, любви, кротости, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои, извѣстные подъ именами: Aschenbrödel и Aschenputtel. По польскимъ и чешскимъ преданіямъ родоначальникомъ и представителемъ славянскаго племени былъ *Попель*.

Въ напечатанной нами сказкѣ три брата отправляются *искать себѣ невѣстъ*. Такое исканіе невѣсты есть тоже обычный мотивъ народныхъ эпическихъ сказаній; оно сопряжено съ преодолѣніемъ многихъ трудностей и опасностей, описаніе которыхъ и наполняетъ содержаніе сказки. На такой основѣ создалась бо́льшая часть народныхъ сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Обыкновенно сказка начинается желаніемъ героя добыть себѣ славную красотой невѣсту или освободить мать, жену, сестеръ, похищенныхъ враждебными силами. На первомъ планѣ народныхъ эпическихъ разсказовъ является поразительная красота женщины, ради которой совершаются многіе трудные подвиги. Вѣрный избранной цѣли, герой сказки отправляется странствовать, дѣлается вольнымъ искателемъ приключеній и подвергается страшнымъ опасностямъ: путь его есть путь постоянныхъ лишеній, долгихъ трудовъ и почти неотразимыхъ препятствій. Онъ знаетъ, что эти препятствія внѣ власти слабыхъ человѣческихъ силъ, но, съ избыткомъ надѣленный чрезвычайною смѣлостію духа и добротою сердца, рѣшается на борьбу съ ними. Чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, какія противупоставляются сказочному герою гигантскими силами природы и чародѣйства, необходимы ему и необычайная крѣпость мышцъ, и сверхъестественная помощь «вѣщихъ» людей и миѳическихъ дѣяте-

лей. Иліада разсказываетъ про героическую борьбу боговъ и витязей, вызванную похищеніемъ прекрасной Елены, жены Менелая. Финская поэма «Калевала» повѣствуетъ о трехъ братьяхъ, одаренныхъ высшими божественными силами, какъ они добываютъ себѣ невѣсту, о красотѣ которой идетъ далекая молва, и какимъ ради ея подвергаются страшнымъ опасностямъ. Въ кельтской сказкѣ: «Кильвхъ и Ольвена» Кильвхъ, сынъ правителя Келиддона Килидда, ищетъ красавицу Ольвену, и чтобы получить ее — долженъ, по условію съ ея отцемъ, совершить многіе трудные подвиги, повѣствованіе о которыхъ и составляетъ содержаніе эпопеи [1]). Сказанія о подвигахъ, совершаемыхъ съ цѣлію добыть красавицу-невѣсту, встрѣчаемъ у славянъ, нѣмцевъ, скандинавовъ, и въ подробностяхъ этихъ сказаній замѣчается большое сходство. Зная характерическія черты первобытныхъ обществъ, въ обычаѣ которыхъ долго удерживались *похищеніе* и *купля женъ*, для насъ понятно, почему такимъ богатымъ мотивомъ народныхъ эпическихъ сказаній послужило добываніе невѣсты. Чтобы добыть невѣсту, славящуюся своей необычайной красотою, необходимы были: доблесть, сила, хитрость (умъ); не удивительно, что искатели обязаны были подчиняться волѣ ея родителей и выполнять много трудныхъ *задачъ*, въ уплату за несказанную красоту невѣсты. А что-же составляетъ содержаніе народнаго эпоса, какъ не доблесть, сила, хитрость и совершеніе трудныхъ и опасныхъ подвиговъ?

Въ сообщенныхъ нами сказкахъ «о трехъ царствахъ» и «Норка-звѣрь» герой, искатель приключеній, спускается въ подземный край чрезъ глубокое отверстіе *(нору)*, которое прикрыто громадною скалою; а въ лубочномъ изданіи сказки «о трехъ царствахъ» герой напротивъ подымается на верши-

[1]) Кельтич. поэзія британскихъ бардовъ — въ Отеч. Записк. 1854 г., № 8, стр. 27—28.

ну крутой и высокой горы. Хотя текстъ лубочнаго изданія и носитъ на себѣ явные слѣды испорченности; но какъ изданіе это представляетъ нѣкоторыя любопытныя подробности, согласныя съ народными преданіями, то мы перепечатываемъ его здѣсь:

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ, СЕРЕБРЯНОМЪ И МѢДНОМЪ ЦАРСТВАХЪ[1]).

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь съ супругою своею, и имѣли они у себя трехъ прекрасныхъ сыновей, изъ которыхъ называли большаго: Василій-царевичъ, а средняго: Ѳедоръ-царевичъ, а меньшаго: Иванъ-царевичъ. Въ одинъ день царь прогуливался въ саду и съ супругою своею. Вдругъ поднялся вихорь и унесъ царицу изъ глазъ его [2]), о чемъ царь весьма былъ печаленъ, долгое время соболѣзнуя о своей супругѣ. Старшіе его два сына испросили у печальнаго отца своего благословеніе и отправилися въ путь свой искать матери своей. Ѣдучи съ своими людьми долгое время, заѣхали они въ дикую степь, раскинули палатки и ожидали, не увидятъ ли кого, кто бы указалъ имъ дорогу; однако чрезъ три года никого не видали, а между тѣмъ подросъ меньшой братъ Иванъ-царевичъ. И тотъ также, испрося у отца своего благословеніе и простясь, отправился въ путь. По долговременномъ путешествіи увидѣлъ онъ вдали палатки и поѣхалъ къ нимъ, и какъ сталъ подъѣзжать ближе, то и узналъ, что это были его братья. Пріѣхавши, сказалъ онъ: «что вы, братцы, въ такой дикой степи остановились? Отпустимте своихъ людей въ наше государство, и поѣдемъ лучше одни искать своей матери.» Братья по его совѣту учи-

---

1) Въ другихъ спискахъ: «Сказка о золотой-горѣ». — 2) Сличи съ подобнымъ же разсказомъ въ лубочномъ и печатномъ изданіяхъ сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ.

нили, и поѣхали въ путь, и ѣхали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дѣло-то нескоро дѣлается, и усмотрѣли вдали дворецъ хрустальной, обнесенъ такою же стѣною вокругъ, и пріѣхали къ оному. Тогда Иванъ-царевичъ, найдя вороты, въѣхалъ на дворъ, и подъѣзжая къ крыльцу, увидѣлъ столбъ, въ которомъ было два кольца: одно золотое, другое серебреное. Продѣвши поводъ въ оба кольца, привязалъ онъ своего коня богатырскаго; потомъ пошелъ на крыльцо. И встрѣчаетъ его самъ король, и по довольномъ разговорѣ король узналъ, что онъ былъ ему племянникъ, и повелъ его въ покои, куда и братьевъ Ивана-царевича пригласилъ. Погостили они недолгое время и получили отъ короля въ подарокъ волшебный шаръ, который покатя передъ собою — доѣхали до высочайшей горы, гдѣ и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлѣсть имъ никакъ было не можно. Послѣ того Иванъ-царевичъ нашелъ скважину, гдѣ попались ему на̀ руки и на̀ ноги желѣзные когти, помощію коихъ взошелъ онъ на самый верхъ горы. Уставши, сѣлъ онъ подъ дубъ для отдохновенія, и лишь только снялъ съ себя когти — вдругъ оные исчезли. Вставши, увидѣлъ онъ вдали палатку, сдѣланную изъ самаго тонкаго батисту, на коемъ изображалось мѣдное государство, а на верху оной палатки поставленъ былъ шаръ мѣдной. При входѣ оной лежали два превеликіе льва, которые не допускали войдти въ палатку. Иванъ-царевичъ, увидя стоявшіе при нихъ тазы пустые, налилъ воды и утолилъ ихъ жажду, и они дали свободный входъ въ палатку. По входѣ въ оную увидѣлъ онъ на софѣ сидящую прекрасную царевну, а въ ногахъ у ней спалъ змѣй треглавой, которому онъ однимъ махомъ всѣ три головы отсѣкъ,—за что царевна его благодарила, и подарила ему яйцо мѣдное, скрывающее въ себѣ мѣдное государство. И такъ царевичъ, простясь съ нею, отправился въ путь, и

шедши долгое время увидѣлъ вдали палатку, сдѣланную изъ самаго тонкаго флеру и привязанную къ кедровымъ деревьямъ серебреными шнурками, у коихъ кисти были изумрудныя, а на палаткѣ изображено серебреное государство и на верху былъ поставленъ серебреной шаръ. При входѣ оной палатки лежали два превеличайшіе тигра, которыхъ жажду отъ солнечнаго зноя утолилъ водою, и сдѣлалъ себѣ свободный входъ въ палатку. И какъ вошелъ туда Иванъ-царевичъ, то увидѣлъ на софѣ сидящую весьма богато-убранную царевну, красотою превосходнѣе первой. У ногъ ея лежалъ шестиглавой змѣй и вдвое противъ прежняго бóльшій, которому онъ за одинъ разъ отрубилъ двѣ головы,—за что царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему серебреное яйцо, сокрывающее въ себѣ серебреное государство. Простясь и съ этой царевной, пошелъ Иванъ-царевичъ далѣе, и достигъ наконецъ до третьей палатки, которая была сдѣлана изъ самаго чистаго каротку (?), на коемъ было вышито золотое государство, а на палаткѣ былъ шаръ изъ самаго чистаго золота; она была прикрѣплена къ лавровымъ деревьямъ золотыми шнурками, у коихъ были привѣшены алмазныя кисти. При входѣ оной лежали два великіе крокодила, которые отъ великаго жару испущали огненное пламя. Царевичъ, видя ихъ жажду, наполнилъ ихъ пустые тазы водою, и тѣмъ учинилъ себѣ свободный входъ въ палатку. И тамъ увидѣлъ царевичъ на софѣ сидящую царевну, красотою превосходнѣе прежнихъ; у ногъ ея лежалъ двѣнадцатиглавой змѣй, которому съ двухъ разъ всѣ головы отрубилъ. Царевна за сіе подарила ему золотое яйцо, содержащее въ себѣ золотое государство, а съ яйцомъ вручила ему свое сердце, и по довольномъ разговорѣ указала ему, гдѣ живетъ его мать, и желала ему счастливо предпріятіе окончать. По довольномъ путешествіи достигъ Иванъ-царевичъ до великолѣпнаго дворца и въ немъ прошелъ многіе

покои, и не нашелъ ни одного человѣка. Напослѣдокъ пришелъ въ пребогато-убранную залу и увидѣлъ мать свою въ царской одеждѣ, сидящую въ креслахъ, и по нѣжныхъ между ими ласкательствахъ и учтивыхъ разговорахъ объявилъ ей, что онъ съ братьями многія лѣта странствовалъ. Вдругъ мать почувствовала Духа и сказала Ивану-царевичу: «спрячься подъ мою одежду, и какъ Вихорь прилетитъ и станетъ меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; онъ подымется на воздухъ—ты не страшися, а какъ опустится на землю и разсыпится на мелкія части—ты все собери и сожги, а пепелъ развей пò полю.» Лишь только мать успѣла сказать и спрятать Ивана-царевича подъ свою одежду, ту минуту Вихорь прилетѣлъ и началъ ласкаться къ царицѣ. Тогда царевичъ, по совѣту матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихрь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потомъ опустился на землю и разсыпался на мелкія части. Царевичъ, всѣ части подобравъ, сжогъ, а пепелъ развѣялъ пò полю, и овладѣлъ волшебною палицею. Взявши мать свою и трехъ царевенъ, Иванъ-царевичъ пришелъ къ дубу, гдѣ всѣхъ по полотну спустилъ внизъ. Братья его, какъ Иванъ-царевичъ одинъ остался на горѣ, обрѣзали полотно и уѣхали съ матерью и царевнами въ свое государство, и велѣли имъ клясться, что отцу скажутъ, будто онѣ найдены старшими царевичами. А Иванъ-царевичъ, оставшись одинъ на горѣ, не смѣлъ спуститься съ оной, видя, что полотны обрѣзаны, и ходилъ по горѣ, перекидывая палицу съ руки нà руку. Какъ вдругъ предсталъ передъ него человѣкъ, который снесъ его съ горы и поставилъ на площади его государства, гдѣ Иванъ-царевичъ и встрѣтился съ однимъ башмашникомъ, у коего нанялся онъ въ работники. Хозяинъ, накупя кожъ довольное число, напился пьянъ и легъ спать. Иванъ-царевичъ, видя, что въ хозяинѣ проку мало, призвалъ Духа, который снесъ его съ

горы, и приказалъ ему къ утру сдѣлать башмаки; Духъ по приказу его все учинилъ. Поутру Иванъ-царевичъ, разбудя хозяина, послалъ съ товаромъ въ городъ, гдѣ тотъ и продалъ башмаки купцу, который рекомендовалъ его знатнымъ господамъ. Наконецъ самъ царь, увидя его работу, приказалъ ему носить къ себѣ во дворецъ; а между тѣмъ находившаяся тутъ золотаго государства царевна, примѣтя, что сія работа золотаго государства Духа, приказала призвать къ себѣ сапожника. А какъ скоро онъ пришелъ, то и приказала ему, чтобы завтрашняго дня поутру предъ симъ дворцомъ поставилъ дворецъ золотаго государства, а отъ него золотой мостъ до самаго царскаго дворца, покрытый зеленымъ бархатомъ — и съ тѣмъ отъ него пошла. Хозяинъ пришелъ домой весьма печаленъ, и сказалъ все то работнику, а самъ съ горя такъ напился пьянъ, что и самъ себя не помнилъ, только и говоритъ: «теперь хотя голову руби, такъ и нужды нѣтъ!» Царевичъ, услыша сіе, приказалъ Духу, чтобъ немедленно къ завтраму поставилъ дворецъ и золотое государство, сокрывающееся въ золотомъ яйцѣ; Духъ по приказанію все исполнилъ, и поутру рано перенесъ туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встрѣчи отца своего и матери, послалъ по нихъ великолѣпныя колесницы, а по братьевъ самыя срамныя телеги, прося притомъ всѣхъ откушать. Царь, услыша, что сынъ его меньшой Иванъ-царевичъ живъ и здравствуетъ, весьма обрадовался, и сѣлъ съ царицею и съ тремя царевнами въ присланную для нихъ пребогато-убранную колесницу, а дѣтей своихъ насильно приказалъ посадить въ срамныя телеги, говоря притомъ, что вы по винѣ своей и того не заслуживаете. Иванъ-царевичъ встрѣтилъ ихъ великолѣпно, и простилъ братьямъ своимъ ихъ вину; потомъ назначилъ Василью-царевичу въ супруги серебренаго государства царевну Елену, а Өедору-царевичу мѣднаго государства царевнуЗемиру, а себѣ взялъ золота-

го государства царевну Плѣниру, и отдалъ братьямъ серебреное и мѣдное яйца, сокрывающія въ себѣ оныя государства. На другой день совершенъ былъ бракъ всѣхъ братьевъ къ великой радости подданныхъ. И такъ обладали они своими подданными и всѣми государствами, которыя были поставлены на одномъ морѣ.

Дорога въ подземный край или на чудную гору сопряжена съ большими затрудненіями; по указанію лубочнаго изданія сказки, въ эти невѣдомыя страны ведетъ волшебной шаръ. Тамъ герой странствуетъ по тремъ царствамъ *мѣдному*, *серебреному* и *золотому* и сражается со змѣями о трехъ, шести и двѣнадцати головахъ. Эти металлическія названія царствъ находятся въ тѣсной связи съ миѳическимъ значеніемъ металловъ и съ преданіями о мѣдной (или золотой) горѣ и огненномъ змѣѣ, который стережетъ злато, серебро и похищаетъ красавицъ. Простолюдины суевѣрно убѣждены, что душа во время обмиранья, руководимая Николою-угодникомъ, странствуетъ въ *подземномъ* царствѣ и видитъ тамъ и адъ, и рай.—Въ славакской сказкѣ одинъ охотникъ ѣздилъ, по указанію бабы-яги, въ адъ, въ который надо было спускаться въ глубокое отверстіе (яму). Его везъ драконъ (огненной змѣй), и когда не хватило взятаго для него охотникомъ мяса — сказочный герой отрѣзалъ кусокъ отъ собственной икры и остался навсегда хромъ (Повѣсти и преданія народ. слав. племени, стр. 153 — 5), что совершенно сходно съ возвращеніемъ героя нашихъ сказокъ съ того свѣта на Русь. Драконъ здѣсь заступаетъ мѣсто той громадной птицы, которая затемняетъ собою дневной свѣтъ и на которой переносятся на Русь искатели приключеній нашихъ сказокъ. Подобные разсказы встрѣчаемъ въ изданіи Боричевскаго (ibid., стр. 107—111) и въ собраніяхъ нѣмецкихъ и норвежскихъ сказокъ. «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени» сообщаютъ

сказку: «Подземный край», но здѣсь выноситъ сказочнаго героя изъ подземнаго царства колдунъ. [1]) Норвежская сказка (ч. I, № 3): «Der Vogel Dam» основана на тѣхъ-же преданіяхъ. Двѣнадцать царевенъ были похищены троллемъ; онѣ, осуждены были сидѣть вокругъ тролля и искать вшей въ его двѣнадцати головахъ. На спасеніе явился царевичъ; онъ отрубилъ троллю всѣ двѣнадцать головъ и кровь изъ него зажурчала цѣлою рѣкою. Отправляясь на корабль, царевны забыли взять свои золотые вѣнцы. Царевичъ возвратился за вѣнцами, но братья его и дядька, не дожидаясь, пустились въ путь. Обманутый царевичъ долго грустилъ. Разъ онъ заснулъ и слышитъ во снѣ голосъ: «приготовь для меня четыре бочки ржи, чтобъ я могла насытиться и укрѣпить свои силы.» Царевичъ проснулся и увидѣлъ близь своей постели огромную птицу «Dam», которая имѣла на затылкѣ перо —столь великое, что оно равнялось наполовину-выросшей ели (Nackenföder). Царевичъ исполнилъ требованіе птицы, потомъ сѣлъ ей на спину, схватился за чудесное перо, и она вынесла его въ родныя страны. Царевны узнали своего избавителя по доставленнымъ золотымъ вѣнцамъ. — Когда уже дѣйствіе близко къ счастливому концу, народная сказка, вѣрная обычному эпическому пріему, умѣетъ нѣсколько продлить его: возвратившійся герой никогда не открывается прямо, а скрываясь въ нищенскихъ лохмотьяхъ или въ скромной одеждѣ простолюдина, заставляетъ узнавать себя по разнымъ вещамъ, съ которыми связано воспоминаніе прошлаго и по которымъ царевны узнаютъ близость своего избавителя.

---

[1]) Сличи съ печатной сказкою объ Ивашкѣ–медвѣжьемъ ушкѣ (Собран. старин. рус. сказокъ, 1830) и съ сказкою объ Иванѣ-царевичѣ и волкѣ-мѣдномъ лбѣ (Москвит. 1852 г., № 21, стр. 28); см. Сочиненія А. Пушкина, т. I, стр. 439 (въ сказкѣ о царѣ Берендеѣ упоминается «подземельное» царство).

О *сильной водѣ* смотри примѣчаніе къ сказкѣ: «Илья-Муромецъ»; *старикъ-самъ съ четверть, борода съ локоть* — одно изъ миѳическихъ лицъ народныхъ сказокъ, о которомъ см. въ примѣчаніи къ вып. VII, № 8.

7.

ВАСИЛИСА ПОПОВНА.

Сходная съ этою сказкою напечатана въ собраніи братьевъ Гриммовъ (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 67: «Die zwölf Jäger»): царевна съ одиннадцатью дѣвицами одѣваются охотниками; для ихъ испытанія употреблены прялки и разсыпанный горохъ: будутъ ли онѣ ступать по гороху твердо, какъ прилично мущинамъ, или станутъ скользить? Сличи также съ валахскою сказкою, № 16.

Старинныя эпическія сказанія запомнили о женщинахъ съ богатырскими свойствами, смѣлостью ловкостью и силою. Такъ Василиса-поповна одѣвалась по мужски, ѣздила верхомъ, стрѣляла изъ ружья, охоча была до вина и отличалась удалью вовсе не-дѣвичью; Анастасія Прекрасная (въ сказкѣ о Ѳедорѣ Тугаринѣ, № 14 настоящаго выпуска) ѣздила на конѣ, охотилась, побѣдила сильнаго змѣя и побила три рати-силы; дѣвка-чернавка (въ сказкѣ: «Василій Буслаевичъ» — въ изданіи Сахарова, стр. 57) прогнала новгородскихъ мужиковъ коромысломъ: «гдѣ разъ махнетъ — тамъ улица, гдѣ два — тамъ съ переулочками, и побила дѣвка тысячу»; Настасья-королевишна давала зарокъ: кто побьетъ ее въ чистомъ полѣ, за того выйдетъ замужъ, и состязалась въ стрѣльбѣ съ богатыремъ Дунаемъ. По жребію досталось стрѣлять изъ тугаго лука Настасьѣ-королевишнѣ, а Дунаю держать на головѣ золотое кольцо.

Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячу,
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо;
Вытягала Настасья калену стрѣлу,
Спѣла-де тетивка у туга лука,
Сшибло съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою;
Князи и бояра тутъ металися,
Усмотрѣли калену стрѣлу,
Что на тѣхъ-то перушкахъ лежитъ то золото кольцо. [1])

Жена Ставра-боярина, нарядившись въ посольское платье, пріѣзжала въ Кіевъ, боролась тамъ съ нарочными, удалыми борцами: одному руку изъ плеча выдернула, другому ногу выломила, а третьяго хватала поперегъ хребта и ушибла до смерти; стрѣляла она изъ лука стрѣлкой булатною,

Угодила въ сыръ кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья ножевыя.

Эта пѣсня о Ставрѣ-бояринѣ, сходно съ сказкою о Василисѣ-поповнѣ, разсказываетъ о томъ, какъ кіевской князь испытывалъ молодую жену Ставра борьбою, стрѣльбой изъ лука и игрою въ шахматы, чтобы разузнать: богатырь она или женщина? (Кирша Дан., стр. 125—131.) Новые варіанты былины о Ставрѣ Годиновичѣ и Василисѣ Микуличнѣ, записанные г. Рыбниковымъ (см. его Пѣсни, ч. I, стр. 243—8 и ч. II, стр. 100) такъ разсказываютъ объ испытаніи, придуманномъ княземъ Владиміромъ: Василиса, наряжаясь грознымъ посломъ, ѣдетъ выручать своего мужа изъ княжей темницы и сватается за любимую дочь князя Владиміра. «Батюшка! говоритъ ему дочь, не выдай дѣвчины за женщину; походочка у посла частенькая, на мѣсто сядетъ — ноги подъ себя жмётъ, а гдѣ на рукахъ были жуковины (перстни)—

[1]) Древн. Росс. стихотворенія, стр. 95, 98—99; сличи съ пѣснею, напечатанною въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи наукъ по II-му отдѣленію 1854 года, стр. 316.

тутъ и мѣсто знать.» Приказываетъ Владиміръ своимъ вѣрнымъ слугамъ: «истопите-ка парную баню; я самъ съ посломъ схожу.» Еще наивнѣе другой способъ: «сведу я посла, говоритъ Владиміръ-князь, на перину пуховую; если онъ сильномогучій богатырь — будетъ яма подъ плечами, если женщина — яма будетъ подъ задомъ.» [1]) Очевидно, сказка о Василисѣ-поповнѣ и былина о Ставровой женѣ Василисѣ Микуличнѣ передаютъ одно и тоже эпическое сказаніе, только въ различныхъ формахъ.—Въ одной пѣснѣ про Илью-Муромца разсказывается, какъ молодая жена его, вмѣсто мужа, котораго на ту пору дома не случилось, одѣвалась въ платье богатырское, брала съ собой тугой лукъ, колчанъ каленыхъ стрѣлъ, саблю острую, выѣзжала подъ именемъ Ильи-Муромца впереди княжеской рати и побѣдила Тугарина и его войско [2]).

Такой сурово-воинственный, но тѣмъ не менѣе поэтической характеръ славяно-русской женщины доисторическаго періода ярко рисуетъ передъ нами тотъ грубый первоначальный бытъ, въ которомъ смѣлость и сила физическая почитались за главныя достоинства, и въ уваженье этой смѣлости и этой силы женщина могла равняться съ мущиною и свободно предаваться удали воинственныхъ забавъ и подвиговъ. Отъ византійскихъ писателей мы узнаемъ, что славяно-русскія жены часто сопровождали мужей на войну. По замѣчанію г. Шульгина, въ преданіи объ Амазонкахъ слышится воспоминаніе о воинственномъ характерѣ древней жен-

[1]) Въ Великорус. сказкахъ Худякова, вып. 2, № 60, есть разсказъ о томъ, какъ дочь пошла за отца въ солдаты и какъ въ одной деревнѣ старались разузнать, впрямь ли она солдатъ, или женщина.

[2]) Извѣст. II-го отдѣл. Акад. наукъ 1854 г. (Приложенія), стр. 257 — 9. Смотри также пѣсню о Василисѣ Даниловой (ibid., 1852 года, стр. 81—86) и хороводную пѣсню о томъ, какъ дѣвица поборола молодца (Сахар. Сказан. рус. нар., т. I, стр. 261); сличи Вѣстн. Геогр. Общ. 1855 г., № 6, стр. 214, 221 (Богатырск. поэмы минусинскихъ татаръ).

щины, отголосокъ чего сохранился въ чешскомъ сказаніи о войнѣ дѣвушекъ съ мущинами и въ русскомъ — о Перепетовомъ курганѣ: близь Кіева жилъ Перепетъ; онъ собралъ дружину и пошелъ противъ непріятеля. Жена его, долго не получая извѣстій, собрала войско, отправилась по слѣдамъ мужа, встрѣтила его съ дружиной и приняла ихъ за непріятеля: она напала на мнимыхъ враговъ съ яростію и въ пылу битвы убила своего мужа (О состояніи женщины въ Россіи до Петра В., Кіевъ, 1850, стр. 67 — 68; Podania i ligendy Семеньскаго, стр. 36).

Сказочный мотивъ о тѣхъ средствахъ, какія придумывались, чтобъ отличить переряженую женщину отъ добрыхъ молодцевъ, проникъ и въ книжную литературу; въ старинныхъ сказаніяхъ о Соломонѣ (Памятники старин. русск. литерат., издав. графомъ Кушелевымъ-Безбородко, вып. 3, стр. 54 и 62) читаемъ: «Се бысть загадка царицы Южской къ Соломону: совокупила бѣаше отроки и дѣвици малы и облече ѧ въ порты едины, и рече царю: по мудрости своей разбери, кое отрокъ и кое дѣвици? Царь же по мудрости своей повеле просыпать овощь (орѣхи), и принесше и просыпаша предъ ними (и повеле имъ грабити, т. е. собирать). Отроци же начаша брать въ припелы, а дѣвици въ рукави. И рече Соломонъ: се отрокъ, а се дѣвици. Она же о семъ подивись хитрости его.»

8.

РАЗБОЙНИКИ.

Подобныхъ преданій о разбойникахъ еще довольно слышится въ простонародьи [1]); не смотря на сказочную обстановку,

[1]) См. сказку объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ (мужицкомъ) сынѣ (Веселая старушка, 1790 г. и друг. изданія).

въ преданіяхъ этихъ нельзя не замѣтить отголоска суровой старины. Въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи сказка эта разсказывается съ слѣдующими измѣненіями:

Узнавши, что попъ уѣхалъ, разбойники вздумали окрасть его; положили въ гробъ одного разбойника, пріѣхали къ попу на дворъ и спрашиваютъ: «дома ли батюшка? надо похоронить покойника.» Поповна говоритъ: «нѣту дома; онъ будетъ дня черезъ три.» —Куда-же дѣвать намъ мертвеца-то? мы поставимъ его у васъ въ избѣ. «А мнѣ что! говоритъ поповна, поставьте.» Разбойники поставили гробъ и уѣхали. Попова дочь стала разсматривать гробъ, замѣтила въ гробу отверстіе, поусомнилась и положила подлѣ себя на̀ ночь саблю. Всѣ подруги ея заснули, а она не спитъ; вотъ разбойникъ, когда все утихло, всталъ изъ гроба и сталъ противъ солнца (*вар.* справа на лѣво) обводить уснувшихъ мертвою рукою, чтобы спали безпробудно; а самъ пошелъ въ чуланъ. Тутъ поповна улучила время и отрубила ему голову. Пріѣхали другіе разбойники; она имъ и выбросила въ окно отрубленную голову. Одинъ изъ разбойниковъ бросился было за нею въ окно; поповна и этому отхватила голову саблею. Разбойники подобрали убитаго и уѣхали. Немного спустя, пріѣхали разбойники къ попу, сосватали его дочь и повезли ее съ собою въ лѣсъ; привезли къ большому каменному дому (а въ домѣ-то вездѣ золото да серебро) и заперли подъ стражу; на другой день положили бросить ее въ горячую смолу. Сторожа ночью заснули; поповна отрубила имъ головы, а сама думаетъ ка́къ бы уйдти. Вотъ увидѣлъ ее одинъ сѣдой старикъ — а этого старика взяли разбойники съ дороги и оставили жить у себя — и говоритъ ей: «бѣги ты глухими дорогами и берегись погони; разбойники ѣздятъ съ собакою, которая по слѣдамъ сыскиваетъ человѣка.» Поповна убѣгаетъ и спасается отъ погони, одинъ разъ взлѣзая на высокое вѣтвистое дерево, а въ другой разъ зака-

пываясь въ возъ сѣна, съ которымъ ѣхалъ мужикъ въ городъ. Сказка оканчивается гибелью разбойниковъ; станъ ихъ былъ разорёнъ, а награбленныя деньги розданы по церквамъ.

(Сообщено учителемъ карельскаго приходскаго училища А. Добровольскимъ.)

Приводимъ еще варіантъ, записанный въ воронежской губерніи: Задумали отецъ съ матерью въ городъ ѣхать, а дочери говорятъ: «останься ты, дочка, здѣсь; нà ночь созови къ себѣ подругъ, тебѣ и нескучно будетъ.» Вечеромъ сидятъ подружки да прядутъ; уронила одна початокъ, початокъ (веретено съ намотанными нитками) покатился да пòдъ полъ. Хозяйка зажгла лучину, подняла доску — а тамъ разбойникъ сидитъ. Дѣвицы испугались, жутко имъ стало и разбѣжались по дворамъ. Тутъ вылѣзъ разбойникъ: «гдѣ, говоритъ, деньги? подавай, не то худо будетъ.» Хозяйка отперла сундукъ, поднѧла крышку и держитъ: «бери!» говоритъ. Разбойникъ нагнулся въ сундукъ, а она хлопъ его крышкою по шеѣ и убила дò смерти. Черезъ нѣсколько дней высватали ее разбойники и увезли съ собой въ густой, дремучій лѣсъ. Тамъ у нихъ домъ былъ выстроенъ. Входитъ дѣвица въ одну горницу — горница вся въ кровавыхъ пятнахъ; входитъ въ другую — тамъ коникъ весь полонъ человѣческими головами. Положили разбойники заживо сварить дѣвицу въ котлѣ, и посылаютъ ее воду носить. Нечего дѣлать—пошла за водой, пришла къ колодцу, сняла съ себя платокъ да платье, надѣла на столбикъ, а сама поскорѣй вонъ бѣжать.[1]) Бѣжитъ пò лѣсу, и пристигла ее ночь

[1]) *Вар.* Привезли разбойники дѣвицу, а у нихъ была мать да малая дѣвочка-сестрица. Увидала эта дѣвочка, бѣжитъ къ матери и говоритъ: «матушка, матушка! братцы привезли дѣвушку да такую пригожую, заперли ее въ хлѣвъ, а сами ножи точатъ, зарѣзать хотятъ!» — Молчи, дитятко! мы ее выпустимъ. Разбойники сѣли пить да гулять, а старуха потихоньку въ хлѣвъ и выпустила дѣвицу: «скорѣе бѣги! будутъ на дорогѣ три колодца — загляни въ нихъ,

темная и непогода страшная, дождь такъ и поливаетъ. Увидала суковатой дубъ, влѣзла на него: «лучше, думаетъ, здѣсь переночую; авось не отыщутъ!» А тѣмъ временемъ женихъ-то ея хватился: «ребята! говоритъ товарищамъ, вѣдь дѣвка бѣжала; надо ее искать.» Поѣхали. Плутали-плутали по лѣсу и наткнулись на суковатой дубъ. «Не здѣсь ли она?» говоритъ одинъ разбойникъ и давай пикой ширять, да все ей въ пятки да въ пятки. Дѣвица молчитъ, а кровь такъ и каплетъ. Разбойникъ думаетъ: это дождь идетъ! На ея счастье такая темь была, что ничего не узнаешь; вотъ разбойники такъ ни съ чѣмъ и домой воротились. Утромъ, только свѣтать стало, она прибѣжала домой и разсказала про все отцу-матери. Заплакали отецъ съ матерью: «ахъ ты, дитятко милое! сгубили было тебя, а все польстились на синіе кафтаны, на красные шелковые кушаки да бархатныя шапки!» А разбойники на томъ положили, что куда ей уйдти, вѣрно въ лѣсу звѣри съѣли, и говорятъ межъ собой: «поѣдемъ къ дѣвкину отцу-къ матери, скажемъ, что ихъ дочь больна, зоветъ провѣдать; привеземъ ихъ сюда да и порѣшимъ всѣхъ, а худоба (платье) и деньги — все наше будетъ!» Осѣдлали коней и поѣхали, только на дворъ — увидала ихъ дѣвица и поскорѣй нарядилась работникомъ. Разбойники взошли въ избу, начали пиръ пировать. «Гдѣ же дочка наша? спрашиваетъ отецъ; что съ собой не взяли?» — Да она захворала, приказала васъ въ гости звать. «Не хотите ли, спрашиваетъ хозяинъ, я позабавлю васъ сказочкой; есть у меня работникъ — большой мастеръ сказки сказывать.» — Что-жъ, это дѣло хорошее! рады послушать. Пришла переодѣтая дочь и стала разсказывать все, что съ нею случилось; разбойники догадались, что это быль, а не сказка; кинулись

узнаешь что дѣлается.» Дѣвица побѣжала, въ одинъ колодецъ заглянула — ничего не видать, въ другой заглянула — и тамъ ничего, а какъ посмотрѣла въ третій — и видитъ, что за ней погоня послана, и влѣзла на дерево.

къ лошадямъ, да не тутъ-то было: тотчасъ ихъ схватили, веревками скрутили и отдали подъ судъ.—Сказка эта извѣстна и между литвинами (Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Веймаръ, 1857, стр. 9—10).

Въ собраніи валахскихъ сказокъ находимъ сходный съ нашимъ разсказъ о хитрости дѣвушки: одинъ царь пожелалъ жениться на собственной своей дочери; царевна долго отговаривалась и придумывала разныя затрудненія; наконецъ когда всѣ ея хитрыя требованія были исполнены, отецъ принудилъ ее и повелъ въ брачную комнату. Царевна стала молить отца, чтобъ позволилъ ей за чѣмъ-то сходить; но отецъ боялся, что она убѣжитъ. Тогда царевна обвязала себя за руку шнуркомъ и подала другой конецъ шнурка отцу, и онъ ее отпустилъ. Когда царевна вышла, она привязала шнурокъ къ рогамъ козы, а сама убѣжала и скрылась (№ 3).

9.

ЗЛАЯ ЖЕНА.

Варіантъ, записанный въ череповскомъ-же уѣздѣ г. Чернышевымъ:

Зла жона худо съ мужомъ жила, ничего мужа не слушала. Велитъ мужъ работать, такъ ёна трои сутки спитъ; велитъ спать, такъ нисколько не спитъ. Велитъ мужъ пироги пѐчи, а ёна вздумаетъ на полати лѐчи; не велитъ мужъ печку топить, а ёна нарочно истопитъ, и выпечетъ оладей цѣлое ведро. Долго мужъ съ ней бился, и пошолъ разъ по смородину, набрался смородины и пришолъ домой. Жонѣ стало завидно, ёна и сама взяла корзинку большую-пребольшую и пошла по

смородину. Мужъ гытъ: «не ходи!» — Нѣтъ, нарочно пойду! Зла жона дошла до смородинника, не успѣла сорвать двухъ ягодъ, какъ провалилась въ яму, гдѣ черти сидѣли да горшки лѣпили. Прошла недѣля. Мужъ гытъ: «дай схожу, посмотрю — что сдѣлалось съ жоной?» Подходитъ къ смородиннику и слышитъ въ ямѣ страшный крикъ и визгъ. Одинъ изъ чертей закричалъ: «христіанинъ! вытащи насъ отсюдова; зла жона пришла, всѣхъ насъ пріѣла, прикусала; вытащи! я самъ те [1]) службу сослужу.» Жалко стало христіанину чорта; онъ спустилъ въ яму верёвку и вытащилъ оттуда чорта. Чортъ съ христіаниномъ заключилъ вотъ какое условіе: пойдутъ они въ большой городъ Вологду; чортъ будетъ селиться въ жоны знатныхъ купцовъ и бояръ, а христіанинъ лѣчитъ. Дошли они до города. Чортъ то въ ту, то въ другую женщину селится, и всякая только примётъ въ себя чорта, такъ и взбѣлинится, точно съ ума сойдётъ. Придётъ христіанинъ и точно водой смоетъ, вылѣчитъ — какъ вылѣчитъ. Христіанину славное житье; вездѣ его принимаютъ, кормятъ пирогами и рогульками [2]): умирать не надо! Чорту стало завидно; поселился онъ въ дочь воеводы и не выходитъ оттуда. Христіанинъ лѣчитъ, а толку нѣтъ; и выдумалъ онъ вотъ какую хитрость: велѣлъ, чтобъ всѣ горожане, лакеи съ кучерами бѣгали по улицѣ и кричали благимъ матомъ: «злая жона пришла! злая жона пришла!» Лишь только велѣлъ это сдѣлать, какъ чортъ на смерть перепугался, выпрыгнулъ изъ дочери воеводской — прыгъ за окошко! Воевода отдалъ дочь за христіанина, а злая жона и теперь сидитъ въ тартарары.

Другіе варіанты смотри въ сборникѣ г. Худакова, вып. 2, № 65, и въ «Основѣ» 1861 года (ноябрь и декабрь, въ от-

---

[1]) Тебѣ. — [2]) Рогулька — лепешка, загнутая съ краевъ; ватрушка (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 191).

дѣлѣ: «З народнихъ устъ», стр. 23—26). Туже сказку встрѣчаемъ у болгаръ (Памятн. нар. быта, изд. Каравелова, кн. I, стр. 158), сербовъ (Српске народне приповиjетке, № 37), и между другими славянскими племенами.

Въ хорутанскомъ сборникѣ Валявца (стр. 260) чортъ спасается отъ своей собственной жены. Старая Магда не могла добыть себѣ мужа и разъ высказала: «еслибъ даже чортъ явился, я бы и за него пошла замужъ!» Чортъ тотчасъ пришелъ и женился на старой дѣвкѣ. Но Магда была такая злая, неугомонная, что и нечистому скоро не въ терпёжъ стало; всякой день долженъ онъ былъ ходить за своей женой въ корчму, гдѣ она пьянствовала, а дома она то и дѣло его колотила. Бросился чортъ къ сосѣду: «какъ-бы, спрашиваетъ, уморить мнѣ бабу?» Вотъ сосѣдъ и научилъ: «выкопай подъ порогомъ большущую яму, утыкай внутри острыми ножами; вечеромъ, какъ прійдетъ она домой изъ корчмы, упадетъ въ яму и наколется; тутъ ты ее и закопай!» Чортъ такъ и сдѣлалъ, и въ благодарность говоритъ сосѣду: «я стану входить въ трехъ королевенъ; изъ двухъ ты меня выгоняй и бери за то съ короля деньги, а изъ третьей не смѣй и подумать!» Но сосѣдъ не послушался, выгналъ его и изъ третьей королевны, напугавши тѣмъ, что старая Магда ожила. У чеховъ сказка о злой женѣ (Westslawischer Märchenschatz, von J. Wenzig, стр. 167—173) передается съ нѣкоторыми особенностями: Злющая и безобразная дѣвка, которую никто не рѣшался взять замужъ, сама навязалась нечистому на шею да такъ крѣпко, что бѣдной чортъ не вѣдалъ, какъ отъ нея и отдѣлаться. Избавитъ его отъ такой бѣды взялся овчаръ. «Послушай, сказалъ онъ дѣвкѣ, вѣшайся лучше на меня!»—и та мигомъ повисла у него на плечахъ. Овчаръ потихоньку спустилъ съ себя овчину, въ которую былъ одѣтъ, и бросилъ ее вмѣстѣ съ дѣвкою въ глубокой прудъ. Въ той сторонѣ жилъ князь; и самъ онъ, и его

намѣстники творили много зла, и потому нечистой явился забрать ихъ въ пекло; но овчаръ прогоняетъ его, стращая злою дѣвкою. См. въ Народн. слав. разсказахъ, изд. Боричевскаго, стр. 9 («Чортова яма») и 99—100 — мазовецкій разсказъ о томъ, какъ чортъ, влюбившись, женился на сварливой бабѣ, и сличи съ подобнымъ-же преданіемъ, записаннымъ въ путешествіи Ковалевскаго во внутренность Африки, и со сказкою въ Тысячѣ и одной ночи.

Народныя поговорки утверждаютъ, что баба хитрѣе чорта, что гдѣ чортъ не осилитъ — туда пошли бабу. Между поселянами ходятъ разныя сказанія о томъ, какъ баба перехитрила дьявола. Засѣялъ мужикъ поле просомъ; просо не уродилось. Глянулъ мужикъ на свою ниву, и плюнулъ: «отъ тоби й насіявъ ни попу, ни дьяволу!» Откуда нѐ взялся — выскочилъ чортъ: «отдай, говоритъ, мнѣ; мнѣ оно годится.» —Бери! Черезъ нѣсколько дней пошелъ мужикъ посмотрѣть, что чортъ съ просомъ сдѣлалъ; глядь, а поле такъ и зеленѣетъ; просо взошло чистое да хорошее! Воротился мужикъ домой и разсказалъ женѣ, какъ обдурилъ его нечистой. Выбранила его баба и послала къ чорту: «скажи, что ты и не думалъ отдавать ему проса, а только пошутилъ.» Видитъ чортъ, что съ мужикомъ добромъ не сдѣлаешься, и пустился на выгадки: «слушай, говоритъ, если угадаешь — на чо̀мъ я пріѣду, то поле — твое; а то и не думай!» — Добре! отвѣчаетъ мужикъ, да вгадуй-же й ти — на чимъ я буду јихать? Чортъ осѣдлалъ козу и ѣдетъ: «отгадывай!» кричитъ мужику. — Дурній ти, чорте! се-жъ и мали дити знають, що чорти завжди на козахъ јиздять. Въ свою очередь сѣлъ мужикъ на жинку верхомъ, «до переду задомъ; роспустивъ јій коси —се-бъ то хвистъ, та-й јиде передъ чортомъ». Смотрѣлъ-смотрѣлъ чортъ: «что за вража мати! на чимъ чоловикъ јиде? Хвистъ е, а голови чортма! на чотирохъ ходить и ноги таки,

що ни въ одного звиря таких не бачивъ.» Думалъ-думалъ, и говоритъ мужику: «хай тоби бисъ! бери поле, тильки скажи, будь ласковъ, на чимъ јидешъ? бо јій Богу не вгадаю.» — На жинци. Чортъ ажъ плюнулъ! («Основа», 1862 г., августъ, стр. 25—26, зъ народнихъ устъ). Такой-же разсказъ находимъ въ народныхъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 261), только въ хорутанской редакціи баба обмазываетъ себя медомъ и валяется въ перьяхъ, а мужикъ спрашиваетъ чорта: «что это за птица?» Чортъ, разумѣется, не узнаетъ.

Шлейхеръ сообщаетъ интересную литовскую сказку о хитрой бабѣ (стр. 50—53): Въ одной деревнѣ поселился хозяинъ съ молодой хозяйкою, и оба они жили такъ согласно, что ни разу не сказали другъ дружкѣ непріятнаго слова; только цѣловались да миловались завсегда. Цѣлые полгода хлопоталъ чортъ, чтобы какъ-нибудь ихъ поссорить, однако не успѣлъ, и сильно-раздраженный неудачею и отплевываясь, пошелъ было въ другую сторону. Тутъ повстрѣчалась ему старая баба, таскавшаяся по міру: «что ты, дядя, отплевываешься?» Чортъ разсказалъ ей свое горе, и баба за пару новыхъ лаптей да за пару башмаковъ вызвалась поссорить согласную чету. Она отправилась къ молодой женѣ въ то самое время, когда мужъ ея работалъ въ полѣ; попросила сначала милостины, и промолвила: «ахъ, мое сердце! какъ ты хороша и добра; твоему муженьку слѣдуетъ отъ души тебя любить. Я знаю, вы оба живете дружно, какъ никто въ цѣломъ свѣтѣ; но, дочка моя, я хочу тебя научить, чтобы вы еще дружнѣй были. На головѣ твоего мужа, у самаго темячка, есть сѣдой волосъ; ты должна его срѣзать, только такъ, чтобы онъ того не примѣтилъ.» — Какъ-же это сдѣлать? «А вотъ, когда понесешь своему мужу обѣдъ, то скажи ему, чтобы прилегъ на твои колѣни отдохнуть, и какъ только онъ заснетъ, ты вынь изъ кармана бритву и срѣжь у него сѣдой волосъ.»

Хозяйка поблагодарила старуху и дала ей подарокъ. Тогда старуха отправилась въ поле и стала предостерегать мужа, что ему бѣда грозитъ, что любимая жена ему измѣнила и собирается послѣ обѣда зарѣзать его, и потомъ выйдти за другаго болѣе богатаго замужъ. Въ полдень пришла жена и послѣ обѣда уложила мужа на свои колѣни; тотъ притворился, что спитъ, и жена вынула бритву, чтобы срѣзать сѣдой волосъ. Въ тотъ-же мигъ озлобленный мужъ вскочилъ нà ноги, ухватилъ ее зà косы и давай бить и ругать. Чортъ все это видѣлъ и глазамъ не вѣрилъ; послѣ взялъ онъ длинный шестъ, нацѣпилъ на одинъ конецъ обѣщанные лапти и пару башмаковъ и подалъ ихъ старухѣ издали: «я ни за что не подойду къ тебѣ ближе, сказалъ нечистой; не то, пожалуй, ты и меня обморочишь; вѣдь ты куда хитрѣй и лукавѣе меня!» Отдалъ ей башмаки и лапти, бросилъ шестъ и быстро исчезъ, словно выстрѣлъ изъ ружья. Разсказъ этотъ извѣстенъ и между нашимъ простонародьемъ (см. у Худякова, вып. 2, № 78 — впрочемъ списокъ, имъ сообщенный, лишенъ настоящихъ своихъ красокъ: вмѣсто чорта выведенъ мужикъ, а роль бабы играетъ жидёнокъ).

Любопытно, что сказка о «злой женѣ», а равно и сказка о «правдѣ и кривдѣ», приписываютъ болѣзни враждебному дѣйствію нечистой силы, что̀ согласно съ древнимъ воззрѣніемъ на болѣзни, которыя олицетворялись въ ужасающихъ образахъ злыхъ духовъ. Въ показаніи шуянъ 1666 г. читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шуи посаду Яковъ Григорьевъ *скорбѣлъ икотою* и внѣ ума былъ весь всячески *отъ нечистаго духа*... а Василій Несмѣяновъ *скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа*» (Описаніе города Шуи, соч. Борисова, стр. 428—9). [1])

[1]) Сличи: «Нападе *бѣсъ* на Святополка и разслабѣша кости его» (Полн. собр. лѣтоп., т. I, стр. 26). Смотри Владим. губ. вѣдом., Прибавл. къ № 53 1844 года; Совр. 1854, № XI, стр. 2, смѣсь; Отеч. Записк. 1830 г., ч.

Филологическое сродство названій нечистой силы съ именами болѣзней до сихъ поръ наглядно сохраняется въ областныхъ нарѣчіяхъ (см. въ Современ. 1852 г., № 10, критика на I томъ исторіи г. Соловьева). Такой взглядъ на болѣзни необходимо вызвалъ тѣ разнообразные обряды религіозныхъ очищеній, которыя донынѣ соблюдаются въ народной медицинѣ, какъ вѣрнѣйшія средства противъ всякой хвори и болѣстей.

10.

ПРАВДА И КРИВДА.

Сказку о «правдѣ и кривдѣ» удалось намъ слышать въ воронежской губерніи (бобровскаго уѣзда) съ нѣкоторыми особенностями:

Были-жили два мужика; у одного было четыре корабля, у другаго — три, и поспорили они, чѣмъ лучше жить: кривдой али правдой? Правдивой-то и проспорилъ своему супротивнику всѣ свои три корабля, и попросилъ онъ его перевезть себя на караблѣ на другой берегъ. Такъ дѣло и сдѣлалось: переѣхалъ онъ на другой берегъ, и пошелъ по пробитой тропинкѣ и пришелъ къ дереву, а подъ деревомъ мѣсто кругомъ было утоптано, отъ того что сюда собиралась нечистая сила. Влѣзъ правдивой на дерево, чтобъ отдохнуть немножко, не боясь звѣря; а за нимъ вслѣдъ собралась туда всякая нечистая сила и стала похваляться своими дѣлами. Вотъ одинъ чортъ и разсказываетъ, какъ онъ испортилъ какую-то царевну: царев-

43, стр. 219 (статья Броневскаго о Киргизахъ), и лубочную картину, изображающую зараженнаго бѣса: если увидитъ онъ (въ домахъ) сосуды непокровенные, то измывается въ нихъ, и отъ того бываютъ разныя тяжкія боли и скорби и трясавицы.

на ослѣпла, оглохла, смутилась разумомъ, вылѣчить ее никто не сможетъ; а вылѣчить ее можно, надо только взять изъ такой-то церкви крестъ, да облить его водою, и тою водою умывать и поить больную царевну, да еще надо изъ-подъ такого-то камня достать лягву (лягушку), вынуть у нея изо рта кусочекъ просвиры, что̀ она утащила, и дать тотъ кусочекъ съѣсть больной царевнѣ. Правдивой подслушалъ все это, добылъ и крестъ и кусочекъ просвирки, и вылѣчилъ царевну. Царь отдалъ ему за то полцарства и въ жены дочь свою, а какъ умеръ царь — правдивой самъ сдѣлался царемъ. А у криводушнаго мужика все пошло прахомъ, богатство все изгибло, и сталъ онъ ходить по̀ мiру и собирать милостину. Вотъ разъ сдѣлалъ царь на нищихъ обѣдъ; пришелъ и криводушной. Царь узналъ его, приказалъ его остановить и позвать къ себѣ, и оставилъ его ночевать во дворцѣ, возлѣ себя. Ночью-то мужику захотѣлось испить, и видитъ онъ: стоитъ въ палатахъ вода, какою царь умывалъ свои ноги. «Ну, думаетъ онъ, ничего, напьюсь и этой; царскія ноги не поганы!» А царь увидѣлъ, что онъ хочетъ испить, и закричалъ: «эй, вѣстовой, дай человѣку напиться!»—и ему тотчасъ принесли чистой воды. На утро царь разсказалъ криводушному все, что съ нимъ сталось, наградилъ его и отпустилъ. Мужику захотѣлось попытать такого-жъ счастья, и пошелъ онъ подъ тоже дерево, гдѣ былъ и правдивой, да нечистая сила почуяла его и разорвала на части. Другіе варіанты см. у Худякова, вып. 2, № 47; въ «Собраніи старин. русск. сказокъ» (въ типогр. Степанова, 1830 г.)—сказку о Климкѣ, стр. 3—12; въ Черниговск. губерн. вѣдомостяхъ 1860 г., № 15—прекрасно-записанный малороссійской варіантъ: Правда, ослѣпленная Неправдою, возвращаетъ себѣ зрѣніе, помазавъ очи цѣлющею *росою съ одного дерева*, и тою-же росою исцѣляетъ потомъ слѣпую царевну.

Эта любопытная сказка, въ основу которой положена высоконравственная идея, повторяется съ нѣкоторыми варіаціями у многихъ народовъ. Въ изданіи «Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder Lausitz», т. II, стр. 181—4, сообщена сказка, весьма близкая къ русской, подъ заглавіемъ: «Правда всегда останется правдою». Прямодушный споритъ съ лукавымъ и поплачивается своими глазами; слѣпой тащится онъ въ городъ, и въ полночь останавливается на дорогѣ, въ надеждѣ, что кто-нибудь поутру доведетъ его до заставы. Вдругъ послышался шелестъ—на то самое мѣсто прилетѣли три духа, которые обыкновенно по ночамъ покидаютъ свои тѣла и творятъ на свѣтѣ великія бѣды [1]). Они стали передавать другъ другу свои дѣянія: одинъ посадилъ жабу въ источникъ, и оттого въ немъ вода изсякла; другой воткнулъ серебреной гвоздь въ кровать королевны, и красота ея поблекла и бѣлое тѣло до костей высохло; третій указалъ на близкой колодецъ, вода котораго можетъ возвратить потерянное зрѣніе. Бѣднякъ подслушалъ эти рѣчи и всѣмъ этимъ воспользовался; а лукавой его соперникъ вскорѣ былъ разорванъ тѣми-же самыми духами. Въ сербской редакціи (Српске народне приповиjетке, № 16: «Правда и кривда», стр. 106) споръ о правдѣ и кривдѣ рѣшаетъ дьяволъ; братъ злой выкалываетъ глаза правдивому и оставляетъ его у того мѣста, гдѣ собираются вилы купаться въ источникѣ; вилы, разговаривая между собой, открываютъ ему цѣлебное свойство воды этого источника, излѣчающей отъ слѣпоты, хромоты и глухоты. Въ валахской сказкѣ (№ 5: «Чародѣйное зеркало») мать, завидуя чрезвычайной красотѣ своей дочери, испекла сильно-посоленой пирогъ, взяла круж-

[1]) Почти у всѣхъ славянъ существуетъ повѣрье, что когда человѣкъ спитъ, то душа его можетъ оставлять тѣло и странствовать по свѣту. Сербы приписываютъ это вѣщимъ женамъ (колдуньямъ), и вылетающія души называютъ *вjештицами*.

жу воды и отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ лѣсъ, завела ее въ пустыню и истомила голодомъ, жаждою и усталостью до того, что дѣвушка не могла идти далѣе. — Ахъ! говорила дочь, я не могу идти дальше; я голодна. «Позволь выколоть себѣ одинъ глазъ, и я отдамъ тебѣ этотъ пирогъ.» Дѣвушка ужаснулась и заплакала. «Ну, пойдемъ дальше; видно, ты еще не голодна!» Дѣлать было нечего — она подчинилась нуждѣ, и жестокая мать выколола ей глазъ. Дѣвушка съѣла пирогъ и почувствовала невыносимую жажду; тогда мать выколола ей другой глазъ за обѣщанную кружку воды, но лишивъ ее зрѣнія, она разбила кружку и сказала: «иди, милое дитя! я поведу тебя туда, гдѣ ты не узнаешь болѣе жажды!» Она поставила бѣдную слѣпую на скалѣ, у подошвы которой бѣжалъ дождевой ручей, а сама ушла домой. Слѣпая стала на колѣни и обратилась съ теплою молитвою къ Богу; явилась скорая заступница несчастныхъ Пресв. Дѣва, повела ее къ источнику и велѣла умыться, и едва она омочила свое лицо — какъ тотчасъ же прозрѣла. Вотъ содержаніе норвежской сказки: «Treu und Untreu (ч. II, № 18): два бѣдняка, родные братья, взяли по мѣшку съѣстныхъ припасовъ и пошли искать счастья. Во время пути покончили они сперва припасы правдиваго; но послѣ, когда правдивой хотѣлъ взять кусокъ изъ братнина мѣшка, криводушной ему отказалъ. «Но, вѣдь ты-же ѣлъ изъ моего мѣшка!» сказалъ обиженный. — Да, а ты зачѣмъ былъ такимъ дуракомъ! «Неправдивымъ (Untreu) ты называешься, таковъ есть и будешь во всю жизнь!» Раздраженной этими словами криводушной братъ выкололъ ему глаза: «теперь ты, слѣпая скотина, не увидишь, кто правдивъ и кто — нѣтъ!» Слѣпой влѣзъ на липу, чтобы тамъ переночевать, не боясь дикихъ звѣрей; подъ это дерево сошлись медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ праздновать Ивановъ день. Медвѣдь разсказалъ, что у такого-то короля плохіе глаза, не видятъ дальше локтя, но если бы

онъ сталъ утромъ подъ этою липою и опрыскалъ свои глаза росой съ ея листьевъ — то видѣлъ бы все отлично. Волкъ замѣтилъ: «у короля есть глухонѣмая дочь; но еслибъ онъ зналъ то, что я знаю, то навѣрно помогъ бы ей: прошлаго года была королевна у причастія и уронила частицу св. хлѣба (Altarbrod), а большая жаба проглотила ее; если найдти подъ церковнымъ поломъ жабу, вытащить изъ ея горла эту частицу и дать ее съѣсть королевнѣ — то она будетъ и слышать и говорить.» Лисица сказала: «въ королевскомъ замкѣ плохая вода, и никто не знаетъ, что среди двора подъ большимъ камнемъ находится чистый колодецъ.» Заяцъ заключилъ: «у короля есть садъ, но плодовъ не приноситъ, потому что вокругъ его зарыта три раза обведенная золотая цѣпь.» — Конецъ сказки сходенъ съ русскою; правдивой женился на королевнѣ, а криводушной обѣднялъ и таскался въ лохмотьяхъ нищаго; узнавши о судьбѣ брата, онъ пошелъ искать счастія къ той-же липѣ, но звѣри его почуяли и разорвали. (Сличи сходную съ этой сказку, напечатанную въ сборникѣ Гримм., т. II, № 107.)

Въ сказку о «правдѣ и кривдѣ» занесено древнее преданіе о *гремячемъ* ключѣ, *вода* котораго возвращаетъ *зрѣніе*. Гремячими ключами называются тѣ, которые по народному повѣрью произошли отъ удара молніи. Въ нѣмецкихъ сказкахъ (Гримм., т. II, стр. 199) говорится о подобномъ же чудесномъ источникѣ: едва двѣ капли воды, взятой изъ этого источника, коснулись глазныхъ впадинъ слѣпаго, какъ онъ прозрѣлъ; тоже свойство другими славянскими и нѣмецкими сказками приписывается *росѣ* (ibid., стр. 123—4; сборники Вольфа, стр. 160, и Гальтриха, стр. 36—37) и *слезамъ* (Гримм., т. I, стр. 78: «едва двѣ слезы упали въ глазныя впадины слѣпаго — въ этихъ впадинахъ вновь заблистали ясныя очи»). Въ русскомъ духовномъ стихѣ «Сорокъ каликъ со каликою» (Пѣс-

ни Рыбникова, ч. I, стр. 240) разсказывается: когда Михайло Потыкъ Ивановичъ былъ оклеветанъ въ покражѣ княжеской чаши, то калики, по напередъ-положенной заповѣди,

> Теменемъ языкъ (у него) повытянули,
> Ясны очушки повыкопали,
> Бросили его въ раздольице-чисто поле.

Михайло-Потыкъ Ивановичъ на четверенькахъ потащился къ сыру *дубу*.

> Прилетала птица райская,
> Садилась на тотъ на сырой дубъ,
> Пѣла она пѣсни царскія:
> «Кто въ эту пору-времячко
> Помоется *росою* съ этой шелковой травы,
> Тотъ здравъ будетъ!»

Михайло догадался, умылся росою, и въ тотъ-же мигъ

> Заростались его раночки кровавыя,
> Сталъ онъ молодецъ здравъ по прежнему.

Въ хорутанской сказкѣ (сборн. Валявца, стр. 36—37) несчастному слѣпцу указываютъ на цѣлебную росу *вилы*: «i došle su vile i spominjale su se, da bi ov človek znal da bi zorjinum rosum (росой на зорѣ) oči namazal, mam bi pregledal.» У насъ до сихъ поръ поселяне собираютъ юрьевскую росу, какъ цѣлебное средство отъ глазныхъ болѣзней, и моютъ ею больные глаза при чтеніи заговора (Кіевск. губернск. вѣдомости 1850 г., № 16). Такое лѣченье глазъ росою состоитъ въ близкой связи съ тѣмъ цѣлебнымъ и священнымъ значеніемъ воды, дождя и росы, какое засвидѣтельствовано весьма многими народными повѣрьями. Лѣчить больныхъ водою (вбрызгиваніемъ, умываньемъ и питьемъ) доселѣ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей народной медицины. Преданіе о водѣ, дающей зрѣніе, есть собственно преданіе о *живой водѣ*, т. е. о весеннемъ дождѣ, оживляющемъ природу послѣ ея зимняго сна. Какъ шумно-пролившійся дождь возвращаетъ

изъ за тучъ ясное солнце, или говоря миеическимъ языкомъ: возвращаетъ способность зрѣнія всесвѣтному глазу-солнцу, и какъ роса, падающая на утренней зарѣ, предвѣщаетъ скорое *пробужденіе* этого свѣтила отъ ночнаго покоя; такъ думали и вѣрили, что весенній дождь и роса могутъ помогать и вообще человѣческому зрѣнію. Въ замѣчательной валахской сказкѣ (№ 10) тоже чудесное свойство придано *молочному* пруду (Milchteiche): доброй молодецъ находитъ слѣпую старуху, которая принимаетъ его къ себѣ: «будь, говоритъ, моимъ сыномъ, стереги моихъ овецъ; но берегись, не подходи къ лѣсному оврагу: тамъ живутъ *злые драконы, которые похитили свѣтъ моихъ глазъ.*» Молодецъ взялъ дудку, пошелъ къ оврагу и началъ насвистывать. Драконы жадно вслушивались въ его игру и просили научить ихъ этому искусству. Онъ согласился, взялъ топоръ, свалилъ дубъ, раскололъ его и вбилъ клинъ; потомъ сказалъ драконамъ, чтобъ они всунули въ щель свои пальцы, что это необходимо нужно и что иначе нельзя хорошо перебирать на дудкѣ пальцами. Какъ только драконы исполнили его желаніе, онъ вытащилъ клинъ, и грозя имъ топоромъ, потребовалъ, чтобъ они немедленно возвратили старухѣ зрѣніе. Драконы сказали, что для этого надобно ей трижды умыть свои глаза въ молочномъ пруду. Молодецъ выслушалъ и убилъ драконовъ; а слѣпая старушка пошла на прудъ и три раза умыла свои глаза; вслѣдъ за каждымъ разомъ она могла видѣть все яснѣй и яснѣе, и послѣ третьяго умыванья глаза ея сдѣлались свѣтлы и зорки, какъ у ребенка. *Драконы* (змѣи), отнимающіе свѣтъ очей, суть олицетворенія тучъ, затемняющихъ небесныя свѣтила, которыя издревле уподоблялись глазамъ; *молочная вода*—дождь, который въ народныхъ преданіяхъ сближается съ молокомъ, потому что самыя тучи обыкновенно представлялись небесными коровами, питающими землю изъ своихъ сосцовъ.

Въ варіантахъ, напечатанныхъ нами въ V выпускѣ, болѣзнь царевны излѣчивается травами и жаръ-цвѣтомъ, который когда цвѣтетъ, то ночь бываетъ яснѣе дня и море колышется, и котораго всѣ черти боятся: это очевидно огненный цвѣтъ папоротника, о которомъ до сихъ поръ живутъ въ народѣ самыя живыя языческія преданія.

Замѣтимъ, что въ сказкахъ о «правдѣ и кривдѣ» упоминается о паденіи цѣлебной росы съ древесныхъ вѣтвей и о сборищѣ нечистой силы подъ *дубомъ*: дерево это въ глубокой языческой древности имѣло священное значеніе (см. примѣчаніе къ № 10, вып. VII).

11.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВИЧЪ.

Напечатанная нами сказка можетъ служить варіантом. помѣщенной у г. Сахарова на стр. 38 — 64 (Рус. наро. сказки, Спб., 1841: «Василій Буслаевичъ»), любопытной і своимъ указаніямъ на нѣкоторыя черты стародавняго новго родскаго быта, на преданія о богатыряхъ и на характеръ братчинъ; сличи также съ былиною, напечатанною въ Древнихъ росс. стихотворен., стр. 72 — 84; имя Василія Буслаевича встрѣчаемъ и въ другой пѣснѣ (ibid., стр. 166). Такъ называемыя «былины» состоятъ въ близкой связи съ народными сказками, ибо и тѣ и другія суть обломки древняго народнаго эпоса. Многія повѣсти, живущія въ народѣ въ прозаической формѣ сказокъ, въ тоже время сохраняютъ и пѣсенной (стихотворной) ладъ и поются на извѣстные старинные голоса. «Былины» указываютъ намъ, что многія произведенія народнаго эпоса первоначально выражались въ пѣсенной формѣ;

но впослѣдствіи форму эту начинаетъ болѣе и болѣе осиливать рѣчь прозаическая, какъ дающая болѣе свободы разсказщику; на тоже указываетъ и замѣчаемый во многихъ простонародныхъ сказкахъ метрическій складъ.

Въ сказкѣ «Василій Буславичъ», помѣщенной въ нашемъ сборникѣ, особенно любопытно окончаніе, которое, по своему характеру, должно принадлежать отдаленной старинѣ. Окончаніе это заключаетъ въ себѣ какое-то загадочно-поэтическое преданіе о смерти богатыря, сила котораго не вѣдала никакихъ препонъ. Василій Буславичъ поплылъ черезъ море, къ зеленымъ лугамъ; тутъ лежала *морская пучина — кругомъ глаза;* сталъ онъ вокругъ ее похаживать, сапожкомъ ее попинывать. «Не пинай меня, говоритъ пучина, и самъ тутъ будешь!» Разшутились тогда рабочіе люди Васильевы и стали скакать черезъ морскую пучину; всѣ перескочили, а Василій прыгнулъ и задѣлъ ее пальцемъ правой ноги — да тутъ и померъ! Былина о Васильѣ Буслаевичѣ, записанная г. Рыбниковымъ (Пѣсни, ч. I, стр. 362—3), замѣняетъ пучину камнемъ-алатыремъ, который въ заговорахъ всегда упоминается вмѣстѣ съ окіанъ-моремъ.

Говоритъ Василій:

Ай же ты, дружина моя хоробрая!
Скачите черезъ бѣлъ-горючъ камень.

Дружина перескочила черезъ тотъ камень три раза; началъ скакать самъ богатырь:

Разъ скочилъ, и другой скочилъ,
А на третій говоритъ дружинѣ хоробрыя:
Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу.
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И задѣла ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буслаевичъ
О жестокъ камень своима плечмы богатырскима.

12.

ИЛЬЯ-МУРОМЕЦЪ.

Сказка объ Ильѣ-Муромцѣ въ полнѣйшемъ спискѣ напечатана въ сборникѣ г. Сахарова, на стр. 65—93; сличи съ былиною, напечатанною въ Древнихъ росс. стихотворен., стр. 352—9, 418—420; другой варіантъ см. въ «Подснѣжникѣ» 1859 г., № I, стр. 92—99. Въ Пермскомъ сборникѣ (т. II, стр. 166—7) г. Зыряновъ помѣстилъ прекрасную сказку о богатырѣ Аксёнкѣ, который подобно Ильѣ-Муромцу истребляетъ разбойниковъ; складъ этой сказки близокъ къ языку былинъ. Имя Ильи-Муромца самое популярное въ русской народной поэзіи; оно встрѣчается весьма часто въ различныхъ пѣсняхъ, которыя приписываютъ ему многіе и разнообразные подвиги.

Илья-Муромецъ извѣстенъ и какъ лицо историческое; онъ жилъ около 1188 года и прославился святостью своей жизни (Опис. кіевопеч. лавры, стр. 87). Согласно съ этимъ и народная сказка представляетъ его твердымъ защитникомъ христіанства и строгимъ исполнителемъ его заповѣдей. Тридцать лѣтъ, отъ самаго рожденія, сидѣлъ онъ сиднемъ, не двигаясь; но онъ былъ милосердъ къ нищей братіи, и за то Господь его помиловалъ и даровалъ силу великую [1]) «По «божьему велѣнью приходили два калика перехожіе, становились подъ окошечко косящатое и просили милостыни. И «говоритъ имъ Илья: «нищіе братія! взойдите ко мнѣ во хра«мину. Есть у насъ всего много, а подать вамъ некому. И го-

---

[1]) Такой религіозный характеръ особенно замѣтенъ въ былинѣ, напечатанной въ I выпускѣ Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, гдѣ вмѣсто каликъ перехожихъ являются къ Ильѣ-Муромцу Спаситель и два апостола.

«ворятъ ему калики перехожіе: встань-ка самъ! — Сижу сиднемъ я тридцать лѣтъ, а вставать не встану: нѣтъ у меня ни «рукъ, ни ногъ!—проговоритъ имъ Илья. И говорятъ калики «перехожіе ему во второй разъ: встань-ка самъ! Илья сидитъ, «силу пробуетъ, а въ отвѣтъ держитъ рѣчь: всталъ бы я, и «сила есть, да нѣтъ ногъ. И говорятъ ему калики перехожіе «въ третій разъ: встань-ка самъ! Илья сидитъ, силу про«буетъ: тронетъ ногу—нога поднимается, тронетъ другую—«другая поднимается. И сталъ вставать Илья на̀ ноги. Вста«етъ Илья, поднимается, посерёдъ пола становится. И гово«рятъ ему калики перехожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой «насъ! И взялъ Илья братину великую, пошелъ во подвалы «глубокіе, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ, и подносилъ «каликамъ перехожіимъ. —Выпей-ка самъ!—въ отвѣтъ мол«вятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Толь«ко и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: сходи-ка «за пивомъ, да напой насъ! И взялъ Илья братину больше «прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, «наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того, и подносилъ «каликамъ перехожіимъ. — Выпей-ка самъ! — въ отвѣтъ «молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. «Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики пе«рехожіе: слышишь ли, Илья, свою силу? И молвитъ Илья: «слышу! И спрошали его, Илью, калики перехожіе: какъ ве«лика твоя сила? И молвитъ Илья: кабы былъ столбъ отъ «земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю! Стали про«межъ себя калики говорить: много дано силы Ильѣ, земля «не снесетъ; поубавимъ силы. И говорятъ ему калики пере«хожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! И взялъ Илья «братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опу«скался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще «того, и подносилъ каликамъ перехожіимъ — Выпей-ка

«сам! — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ «Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали «его, Илью, калики перехожіе: слышишь ли, Илья, свою си«лу? И молвилъ Илья: поубавилось силы кабы на семую «часть! Стали промежъ себя калики говорить: будетъ съ «него! И прощались съ Ильею калики перехожіе.» (Рус. нар. сказки Сахарова, стр. 65—7.)

Приведенному нами разсказу соотвѣтствуютъ нѣкоторыя мѣста норвежскихъ сказокъ; въ одной изъ нихъ читаемъ: королевичъ рѣшился избавить отъ двѣнадцати-главаго тролля похищенныхъ имъ царевенъ; чтобы совершить этотъ подвигъ, онъ долженъ былъ поднять ржавой мечь, висѣвшій на стѣнѣ въ замкѣ тролля, но королевичъ не въ силахъ былъ и повернуть его. «Выпей изъ этой фляги, что̀ виситъ подлѣ, сказала царевна; такъ всегда дѣлаетъ тролль, когда хочетъ поднять мечь.» Королевичъ сдѣлалъ одинъ глотокъ, и могъ уже снять тяжелый мечь со стѣны; за другимъ глоткомъ — могъ его поднять, а за третьимъ — сталъ свободно махать имъ: такъ постепенно за каждымъ глоткомъ прибывала въ немъ сила (ч. I, № 3; также смотри № 9, 27; ч. II, № 1). Если влагою изъ этой чудесной фляги омыть раны, онѣ тотчасъ заживаютъ, а если окропить ею убитаго — члены его мгновенно percтаются и убитый оживаетъ (ibidem, ч. I, № 9 и ч. II, № 5), что̀ прямо намекаетъ на преданіе, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, о *живой водѣ*, которая исцѣляетъ раны, даетъ силу и самую жизнь [1]), и которую называютъ также *богатырскою* (см. собраніе сказокъ Бронницына, стр. 41: сказка о богатырѣ Голѣ Воянскомъ) и *сильною* (см. сказку: «Звѣрь-Норка»—№ 6 настоящаго выпуска). Кто выпьетъ

[1]) О живой водѣ см. Отеч. Записки 1852 г., № 2 (Зоомореч. божества у славянъ). Вѣстн. рус. геогр. общ. 1855 г., № 6, стр. 211, 221—2 (татарскія поэмы).

богатырской воды, у того тотчасъ прибываетъ сила великая; только испивъ такой чудодѣйственной воды, царевичъ смогъ поднять мечь-кладенецъ и убить могучаго звѣря-Норку. Преданіе, разсказывая о сильной, богатырской водѣ, противополагаетъ ей воду *безсильную* [1]). Въ одной норвежской сказкѣ (ч. I, № 14) упоминается въ замкѣ тролля котелъ, въ которомъ кипитъ чудесная вода: стóитъ только искупаться въ ней — и тотчасъ станешь красивымъ, бѣлымъ, румянымъ, словно кровь съ молокомъ, и сильнымъ, что́ вполнѣ согласно съ показаніями и нашихъ народныхъ сказокъ.

Вѣрный своему христіанскому одушевленію, Илья-Муромецъ посвящаетъ свою громадную силу на служеніе родинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ обѣтъ: *не проливать по напрасну человѣческой крови*. Богатырь принимаетъ родительское благословеніе и отправляется на совершеніе трудныхъ подвиговъ. Въ описаніи этихъ подвиговъ донеслись до насъ нѣкоторыя черты отъ перваго времени государственной жизни Руси, когда связь общественная еще достаточно не окрѣпла: внутри государства, среди лѣсовъ и пустынныхъ мѣстъ, легко укрывался разбой, а извнѣ угрожали безпрерывные набѣги дикихъ, азіятскихъ кочевниковъ, и когда языческіе обряды были еще живы въ массѣ и неохотно уступали возвышеннымъ идеямъ христіанства. Илья-Муромецъ усмиряетъ разбойничью шайку, освобождаетъ Черниговъ отъ безчисленныхъ басурманскихъ полчищъ и уничтожаетъ языческіе жертвенные обряды, или слѣдуя наглядному представленію сказки: убиваетъ *нечестиваго Идолища, который ѣстъ за разъ по цѣлому быку жареному со всѣми косточками и*

---

[1]) См. Собран. рус. сказокъ, М., 1830 («Ивашко-медвѣжье ушко»). Сильная и безсильная вода хранится у бабы-яги.

пьетъ по котлу меду (пива), а котелъ такъ великъ, что поднимаютъ его двѣнадцать (или двадцать) человѣкъ (Шевырева: Чтенія объ истор. рус. словесности, преимущественно древней, ч. I, стр. 196). Весьма характерна та насмѣшка, съ какой обращается Илья-Муромецъ къ Идолищу, пожирающему жертвенныя приношенія: «была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!»

Кромѣ того, Илья-Муромецъ совершилъ еще одинъ подвигъ: взялъ въ полонъ Соловья-разбойника, отъ котораго залегла прямоѣзжая дорога къ Кіеву ровно на 30 лѣтъ: никакой человѣкъ по ней не прохаживалъ, звѣрь не прорыскивалъ, птица не пролетывала. Соловей-разбойникъ свилъ себѣ на двѣнадцати (или девяти) дубахъ [1]) гнѣздо, и сидя тамъ свисталъ такъ громко, что побивалъ своимъ свистомъ, какъ-бы ударомъ грома. За десять верстъ раздался его свистъ—и богатырской конь подъ Ильею тотчасъ споткнулся; а во дворѣ князя Владиміра Соловей оглушилъ своимъ свистомъ могучихъ богатырей, такъ что они попадали наземь, и потрясъ самые своды палатъ княжескихъ:

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой *зашипѣлъ* разбойникъ *по змѣиному*,
А въ третьи *зрявкаетъ* онъ *по звѣриному (туриному)*.

Тѣже выраженія употребляетъ народный эпосъ, говоря о вѣщемъ конѣ сивкѣ-буркѣ:

Зрявкаетъ бурко *по туриному*,
Онъ *шипъ пустилъ по змѣиному*...[2])

---

[1]) Въ сказкѣ о Голѣ Воинскомъ (изд. Броницына, стр. 39): «загремѣлъ Змѣянтъ (змѣй), выходя изъ желѣзнаго гнѣзда, а висѣло оно на 12 дубахъ, на 12 цѣпяхъ.» *Дубъ*—дерево, посвященное въ язычествѣ Перуну.

[2]) Сличи съ пѣснею о лютомъ Скименъ-звѣрѣ:

От его было отъ крику *отъ звѣринаго*
Что быстрая рѣка-мать взволновалася;

О значенія этого вѣщаго коня и о связи преданій, касающихся сказочныхъ животныхъ: коня и змѣя, смотри въ Отеч. Зап. 1852 года, № 1 и 2 (Зоомор. божества у славянъ). Въ одномъ заговорѣ сравнивается говоръ змѣя съ шумомъ вѣтра: «что не вѣтеръ шумитъ—Змiуланъ говоритъ!» (Библ. для чтен. 1848 г., т. 90, стр. 57, стат. Гуляева.) Согласно съ показаніемъ сказки о свистѣ Соловья-разбойника, въ одной рукописной повѣсти XVII вѣка читаемъ: «начаше змiй великiй *свистати*; отъ змiева свистанія падоша подъ ними (т. е. послами) кони» (Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, т. II, половина 2-я, стр. 48, стат. Буслаева). Въ образѣ змѣя грубое язычество олицетворяло физическія явленія грозы, грома и бури. У моряковъ до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что свистомъ можно накликать бурю, что вѣтеръ отъ свиста свѣжѣетъ; при стихающемъ попутномъ вѣтрѣ пловцы обыкновенно *свистятъ по вѣтеръ*. Свистать въ жилой избѣ въ простонародьи почитается дурнымъ знакомъ и грѣхомъ; отъ того, кто это дѣлаетъ, по словамъ крестьянъ, отвращается Богородица. [1]) Всѣ эти сближенія наводятъ на мысль, что сказка подъ именемъ Соловья-разбойника разумѣетъ богатыря-кудесника, который по своей волѣ могъ вызывать страшные вихри и грозу, и управлять ими. Свистъ его есть эпическое изображенie грозы.

Отъ его было *отъ свисту отъ соловьинаго*
Что темны лѣса къ сырой землѣ клонилися;
Отъ его было *шипѣнья отъ змѣинаго*
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула.

(Прибавл. къ Изв. Акад. наукъ 1853 года, стр. 173—4.)

[1]) Изба, въ которой свистатъ, опустѣетъ; кто свищетъ въ избѣ, того ночью испугаетъ домовой; кто свиститъ въ ключъ—тотъ потеряетъ память; не должно свистать во время весеннихъ посѣвовъ, и тамъ, гдѣ сидитъ на яйцахъ насѣдка: иначе замрутъ цыплята (Ворон. губ. вѣдом. 1851 года, № 11; Иллюстр., годъ 2, стат. Даля, стр. 171—2; Боричевскаго: Славян. народн. разсказы, стр. 159).

13.

МАРКО БОГАТОЙ И ВАСИЛІЙ БЕЗСЧАСТНОЙ.

Сказка о Маркѣ Богатомъ была напечатана въ альманахѣ: «Денница» (на 1834 годъ, стр. 5 — 21), съ нѣкоторыми любопытными измѣненіями противъ списковъ, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи. Особенно-интересно начало разсказа, созданное въ духѣ христіанскаго ученія о любви къ нищей братіи:

Жилъ-былъ Марко Богатый. Такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непомѣрно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство.

Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Что-жъ, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ это по своему; сталъ готовить богатый обѣдъ, пышно разубралъ домъ свой, настлалъ парчи и бархату отъ воротъ до церкви, и сталъ дожидаться, а самъ ужь ни на кого и не глядитъ. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждётъ. Ужь стало садиться и солнце; Марко не дождался и велѣлъ сбирать парчи и бархаты, разостланные по дорогѣ и по двору.

Въ это время приходитъ на его дворъ сѣденькой старичокъ и проситъ ночлега. «Не до тебя мнѣ!» сказалъ ему съ сердцемъ Марко. «Ради Бога, Марко Богатый! укрой меня отъ темноты ночной.» И Марко, чтобъ отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хворая тетка.

На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это угораздило тебя, тетка?» сказалъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатый! отвѣчала она, знаешь ли что? Видѣла я, будто въ эту ночь Господи Богъ приходилъ въ мою избу [1]), и будто къ нему прилеталъ ангелъ и разсказывалъ, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, другой у крестьянина, а третій у такого-то бѣднаго, и спросилъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь сказалъ: купеческому сыну обладать отцовскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землепашествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ какая еще благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая, какъ самъ видишь! «Это ладно! сказалъ Марко, только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!»

Далѣе содержаніе сходно съ разсказомъ, записаннымъ въ лукояновскомъ уѣздѣ и напечатаннымъ въ первомъ выпускѣ. Слова тетки залегли у Марка на душѣ. Онъ захотѣлъ провѣдать, подлинно ли народился сынъ у бѣдняка? и поѣхалъ къ нему. «Добрый человѣкъ! сказалъ онъ, что вамъ дѣлать съ этимъ мальчишкой, коли и самимъ вамъ нечего ѣсть? отдай его мнѣ!» — Что ты, Марко Богатый! сказала мать, даетъ Богъ дѣтушекъ, дастъ и на дѣтушекъ!» Марко далъ пятьсотъ рублей, и бѣдняки согласились. Онъ взялъ къ себѣ мальчика и на полѣ бросилъ его въ сугробъ снѣгу. Въ тотъ-же день ѣхали по той дорогѣ купцы на ярмарку, и видятъ, что изъ сугроба валитъ паръ. Подошли, а въ сугробѣ проталинка, на проталинкѣ зеленѣетъ трава и цвѣтутъ цвѣты, а въ цвѣтахъ лежитъ мальчишечка, забавляется и улыбается: «Это Богъ

---

[1]) Подобное сказаніе *о нѣкоемъ игуменѣ, его-же искуси Христосъ во образѣ нищаго*, указано профес. Буслаевымъ (см. Историч. очерки рус. нар. словесн., т. I, стр. 444, 448—9).

даетъ намъ благодать!» сказалъ хозяинъ и взялъ мальчика съ собою. Марко выпросилъ его у купцовъ за тысячу рублей, и какъ только разлились рѣки — онъ перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящичекъ и пустилъ за полою водою. Волной прибило ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ убогой монастырь. Монахи взяли мальчика, заживили ему брюшко, и онъ сталъ у нихъ рости такъ скоро, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ подымается [1]). Прошло пятьнадцать лѣтъ, и мальчикъ, названный Иваномъ, сталъ ужъ на возрастѣ. Случилось Марку Богатому заѣхать въ тотъ монастырь; сдѣлалъ онъ богатой вкладъ туда и выпросилъ себѣ Ивана, обласкалъ его и послалъ въ свой домъ съ письмомъ; а въ письмѣ этомъ приказываетъ женѣ, чтобъ она непремѣнно послала гостя въ ту конуру, гдѣ содержатся у него самыя злыя собаки, заперла бы его тамъ и не давала бы собакамъ корму три дня, до его прiѣзда. Иванъ пустился въ путь. На полдорогѣ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ это время ангелъ-хранитель невидимо взялъ у него письмо Марково и положилъ другое, въ которомъ такою-же рукою написано было, что Марко нашелъ жениха своей дочери, и велитъ женѣ поскорѣе обвѣнчать ихъ. Прiѣхалъ Марко, узналъ о свадьбѣ, и посылаетъ своего зятя сходить къ вѣщуну-людоѣду, да справиться у него: какъ велико Марково богатство, и есть ли ему счетъ? Иванъ пошелъ, на дорогѣ встрѣтилъ вѣчнаго перевощика; пошелъ дальше — и видитъ: стоитъ курганъ, на курганѣ колышекъ, а на колышкѣ стоитъ одной ногою мужичокъ и мотается, куда вѣтеръ повѣетъ, и всего его вѣтромъ истрепало, какъ ветошку. «Куда Богъ несётъ?» спросилъ онъ у Ивана. — Къ вѣщуну-людоѣду. «Ахъ, добрый молодецъ! узнай, когда кончится мỳка моя такая, что вотъ уже пятьнадцать лѣтъ стою тутъ и мота-

---

[1]) Сличи съ началомъ стариннаго сказанiя о кровосмѣсителѣ (Памятн. старин. русск. литерат., вып. II, стр. 415).

етъ меня, куда вѣтеръ повѣетъ, и всего изветшалило!» Пришелъ Иванъ къ вѣщуну, а жена его была русская, распросила Ивана обо всёмъ, и говоритъ: «не за тѣмъ прислалъ тебя Марко, прислалъ на съѣденіе!» И всплакался Иванъ. «Не плачь! авось сладимъ дѣло.» Вдругъ заревѣлъ вѣтеръ, закрутилъ вихорь. «Ахти, сказала она, мужъ летитъ! Ну, слушай же хорошенько!» Тутъ она перекинула съ руки на̀ руку иголочку, воткнула въ него: онъ сталъ булавочной головкою, и она приколола его себѣ на̀ голову, а сама стала выспрашивать людоѣда: «есть ли счетъ Маркову богатству?» — Какъ звѣздамъ на́ небѣ, отвѣчалъ людоѣдъ. «А долго-ль мотаться мужичку, что̀ стоитъ на курганѣ на колышкѣ?»—Да коли кто-нибудь догадается ударить его наотмашъ палкою, такъ онъ разсыпится золотомъ да каменьями самоцвѣтными! [1]). Какъ только людоѣдъ улетѣлъ рыскать по свѣту, жена его вынула булавку изъ головы, перекинула съ руки на̀ руку, и булавочная головка стала опять молодцомъ Иваномъ. Распрощались они. Иванъ отправился въ дорогу; ударилъ палкою наотмашъ мужичка на курганѣ (тотъ разсыпался и зазвенѣлъ червонцами и всякими самоцвѣтными каменьями), набралъ, сколько могъ снести, богатства и пошелъ домой. Марко увидѣлъ драгоцѣнности, которыми Иванъ дарилъ молодую свою жену. «Это откуда столько?» спросилъ онъ. — Столько? сказалъ Иванъ, нѣтъ! тамъ на курганѣ и не столько еще осталось, да ужь нести было не подъ силу. «Что-жъ ты, братъ! пойдемъ поскорѣе, пока еще не растаскали!» — Съ меня довольно и этого! Марко пошелъ одинъ, да ужь не возвращался.

---

[1]) По русскому народному повѣрью, кладъ иногда является въ видѣ человѣка; если ударить его наотмашъ, то онъ разсыпится деньгами (Иллюстр., годъ 2-й, стат. Даля, стр. 409; Тульск. губ. вѣдомости, 1852 г., № 27).

Иванъ обладаетъ Марковымъ богатствомъ, а Марко Богатый все возитъ да возитъ черезъ рѣку, и въ вѣкъ не догадается, что̀ ему надо сдѣлать....

Существуютъ народные разсказы, въ которыхъ «купецъ именитый Марко» играетъ ту-же роль, какъ и извѣстный богачъ въ стихѣ о Лазарѣ, и также попадаетъ въ адъ. Въ Бѣлоруссіи есть поговорка: «расходився, якъ *Марко* по пеклу», есть и преданіе, что нѣкто Марко, попавшись въ адъ, распугалъ и разогналъ оттуда всѣхъ чертей. Но какъ въ нѣкоторыхъ стихахъ вмѣсто одного Лазаря народная фантазія создала двухъ: бѣднаго и богатаго; такъ точно и Марко, являясь въ народныхъ разсказахъ немилосердымъ богачомъ, въ одномъ стихѣ смѣшивается съ бѣднякомъ—убогимъ Лазаремъ:

Былъ купецъ
Именитый Марка.
Приснилося ему во снѣ,
Во тёмной во ночи,
Чтобы свое имѣнье
Расточить по нищей братьи
И по бѣднымъ людямъ.
Былъ Марка распростосудительный:
Нищіихъ не забывалъ
И бѣдныхъ ссужалъ,
И насмѣшки народу
Не произношалъ

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе его блаженной кончины, которое заключается тѣмъ, что *Симіёнъ-богупріимецъ* читаетъ рукописанье о важности и видахъ милостыни.

Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на приданный ей христіанскій характеръ, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Въ основу ея положено общераспространенное у арійскихъ народовъ вѣрованіе въ предопредѣленіе судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ всю его будущность, и никакія человѣческія усилія не

въ состоянiи измѣнить такого рѣшенiя. Въ этомъ отношенiи особенно важна хорутанская редакцiя разсматриваемой нами сказки (см. у Валявца, стр. 87—89), гдѣ будущая участь ребенка предрекается при его рожденiи Рожаницами или Судицами (Rojenice, Sojenice — отъ *судъ, судьба)*. Въ норвежской сказкѣ, совершенно сходной съ нашею (ч. I, № 5), вмѣсто Рожаницъ выведены *звѣздочеты*, ради той близкой связи, въ какую средневѣковыя вѣрованiя ставили судьбу человѣка съ расположенiемъ планетъ, при его появленiи на свѣтъ. Впослѣдствiи, подъ влiянiемъ христiанскихъ идей, дѣвы судьбы были вытѣснены и замѣнены народною фантазiею представителями новыхъ вѣрованiй, но и при этомъ основномъ измѣненiи, древнее эпическое сказанiе сохранило многiе слѣды доисторическихъ преданiй. Въ напечатанной нами сказкѣ Василiй Безсчастной идетъ къ царю-змѣю, который такъ часто встрѣчается въ различныхъ народныхъ произведенiяхъ (см. сказку № 14 настоящаго выпуска). Гигантская, чародѣйная сила змѣя послужила мотивомъ, на которомъ фантазiя создала многiя сказочныя интриги. Нѣкогда представитель могучихъ и ужасающихъ силъ природы (см. Отеч. Зап. 1852 г., № 2: Зооморф. божества у слав.), въ народныхъ сказкахъ онъ является богатыремъ, удержавъ впрочемъ за собою типическiя черты первоначальнаго своего значенiя. Въ числѣ другихъ чудесныхъ свойствъ, онъ вѣдаетъ все тайное, почему Василiй Безсчастной обращается къ нему съ тремя *загадками*, и змѣй разрѣшаетъ ихъ. Любопытно, что загадки эти передаются змѣю подъ видомъ *сновъ*, требующихъ объясненiя, что̀ подтверждаетъ древнюю связь загадокъ и сновъ, составляющихъ отдѣльныя части одного эпическаго преданiя. Сновидѣнiямъ въ глубокой языческой древности приписывалось вѣщее значенiе, и пока смыслъ ихъ не былъ объясненъ—они представлялись непонятными загадками, таин-

ственными указаніями на что-то невѣдомое, но уже грядущее. Сказка народная воспользовалась всѣми разнообразными частями эпическаго преданія: и загадками, и сновидѣніями, и примѣтами, и заговорами, какъ своимъ законнымъ достояніемъ. Предлагая загадки змѣю, Василій Безсчастной спрашиваетъ: о дубѣ, который стоитъ 300 лѣтъ — долго ли ему еще стоять? о китѣ-рыбѣ, которая лежитъ черезъ все море, а по ней, какъ пò мосту, переправляются и конные и пѣшіе [1]), и пробили ей тѣло до самыхъ рёбръ—долго ли ей тутъ лежать? о *перевощикѣ* — долго ли ему перевозить черезъ рѣку? Подобныя загадки упоминаются и въ сказкахъ другихъ народовъ: знакъ, что въ нихъ кроются древнія представленія, смысла которыхъ однако нелегко доискаться. Перевощикъ, который переправляетъ черезъ рѣку странниковъ, идущихъ къ царю-змѣю или, по другимъ варіантамъ, въ пекло къ чорту и на край свѣта къ Солнцу, слѣдовательно въ иной, нездѣшній міръ, напоминаетъ собою греческаго Харона [2]). Въ норвежской сказкѣ богатому Петру Кремеру предсказали звѣздочеты, что дочь его выйдетъ замужъ за сына мельника. Недовольный такимъ предсказаніемъ, онъ купилъ у мельника мальчика, посадилъ его въ ящикъ, засмолилъ и бросилъ въ рѣку. [3]) Но судьба распорядилась по своему: мальчика вытащилъ другой мельникъ и взялъ къ себѣ. Когда Петръ узналъ это, онъ въ другой разъ купилъ мельничьяго сына,

[1]) Въ стихѣ о Өедорѣ Тиранинѣ говорится, что, достигнувъ синя моря, онъ пошелъ по китъ-рыбѣ, аки пò мосту, аки пò суху (Калики перехожіе, ч. I, стр. 526). — [2]) Сличи въ Каликахъ перехож., вып. 5, стр. 162:

Да тутъ ѣздитъ Михайло архангелъ-царь,
Перевозитъ онъ души, души праведныя,
Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко пресолнечному.

[3]) Это обычный эпическій пріемъ народныхъ сказокъ; см. сказку объ Емелѣ-дурачкѣ и мн. друг.; Сочин. А. Пушкина, изд. Анненкова, ч. 1, стр. 437.

теперь уже выросшаго, и послалъ его домой съ письмомъ, въ которомъ приказывалъ убить его. Но во время ночлега, на пути, разбойники подмѣнили это письмо другимъ, въ которомъ было сказано, чтобъ подателя этого письма тотчасъ женили на хозяйской дочери. Свадьба была сыграна. Возвратясь домой, Петръ сильно разгнѣвался и послалъ своего новаго зятя добыть ему три пера съ драконова хвоста (von Dübenfahrt). Тотъ отправляется; дорогой просятъ его два короля и королева спросить у дракона: одинъ—отчего нѣтъ въ его колодцѣ чистой воды? другой—куда похищена его дочь? третья: куда затерялся ея золотой ключъ? Наконецъ приходитъ онъ къ перевощику, который поручаетъ спросить: долго ли осталось ему перевозить черезъ рѣку? Сказочный герой является къ дракону, и съ помощію царевны, которая подъ видомъ сновъ задаетъ дракону вышеозначенные вопросы, узнаетъ рѣшеніе всѣхъ загадокъ; потомъ убиваетъ дракона, беретъ у него изъ хвоста три пера, захватываетъ съ собою все золото и серебро, собранное дракономъ, и ворочается домой. На вопросъ: долго ли осталось перевощику переправлять всѣхъ черезъ рѣку? — драконъ отвѣчалъ: чтобъ избавиться отъ этой обязанности, онъ долженъ перваго пришельца оставить среди рѣки и сказать ему: «сиди теперь ты!» Тогда перевощикъ будетъ свободенъ, а пришелецъ заступитъ его мѣсто. Петръ, прельщенный богатствами, какія вывезъ его зять, отправился самъ къ дракону, но попалъ въ вѣчные перевощики.—Таже сказка существуетъ у венгровъ (сборн. Штира, № 17), нѣмцевъ (см. Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 184—197, 312—321; Грим., т. I, № 29: «Der Teufel mit den drei goldenen Haaren», гдѣ мѣсто дракона заступаетъ чортъ), хорутанъ (сборн. Валявца, стр. 157—171), словаковъ (Westslawischer Märchenschatz, стр. 36—40) и сербовъ (Српске народне приповиjетке, стр. 93, 96 — 7: «Усудъ»).

Въ сербской сказкѣ сама Судьба разрѣшаетъ предлагаемыя ей задачи, между которыми любопытна для насъ слѣдующая: сказочный герой, идучи къ Судьбѣ, пришелъ «на једну воду, па почне викати: «о водо! о водо! пренеси ме!» А вода га упита: «куда идеш?» А он јој каже куда иде. Онда га вода пренесе, па му рече: «молим те, брате, питај Усуда *за што ја не мам рода у себи?»* Когда нашелъ онъ Судьбу, то спросилъ и о водѣ: «шта би то било, да она вода нема рода?» А Усуд му одговори: «*за то нема, што није човека никад удавила*; али не шали се, не казуј јој док те не пренесе, јер ако јој кажеш, одмах ће те удавити.» Онда он захвали Усуду, па пође кући. Кад дође на ону воду, вода га запита: «шта је код Усуда?» А он јој одговори: «пренеси ме, пак ћу ти онда казати.» По што га вода пренесе, он потрчи, па кад одмакне подалеко, а он се осврне па повиче: «о водо! о водо! ниси никад човека удавила, за то рода немаш.» *Кад вода то чује, а она се разлије преко обале, па за њим*, а он бежи, те једва утече.» Въ этомъ преданіи нельзя не замѣтить указанія на глубокую языческую старину, когда обоготворенныя рѣки и источники представлялись народной фантазіи въ живыхъ олицетвореніяхъ. Сличи сейчасъ приведенное сербское преданіе съ разсказомъ Гомера о рѣкахъ Ксанѳѣ и Симоисѣ, преслѣдующихъ Ахиллеса (Иліада, пѣснь XXI), и съ русскою пѣснею о рѣкѣ Смородинѣ (Древн. рос. стихотв , стр. 296—8). Въ венгерской и словацкой редакціяхъ сказочный герой отправляется не къ змѣю, а къ Солнцу и спрашиваетъ его: зачѣмъ оно къ полдню подымается все выше да выше и грѣетъ сильнѣй и сильнѣе, а къ вечеру спускается все ниже да ниже и грѣетъ слабѣй и слабѣе? «Эхъ, милой! отвѣчало Солнце; спроси у твоего господина, отчего онъ со дня рожденія все болѣе и болѣе выросталъ и въ тѣлѣ, и въ силахъ, и отчего въ старости ослабѣлъ и пригнулся къ землѣ? Тоже

самое и со мной: моя мать каждое утро рождаетъ меня прекраснымъ ребенкомъ, и каждый вечеръ хоронитъ меня слабымъ старикомъ.»

Въ нашемъ собраніи есть слѣдующая русская сказка: Добрый мо̀лодецъ поступилъ на службу къ царю и заслужилъ его любовь; товарищи ему позавидовали и обнесли передъ царемъ: «онъ де похваляется узнать, отчего красное Солнышко трое сутокъ не свѣтитъ.» Призываетъ мо̀лодца царь: «что жъ ты, говоритъ, другимъ хвастаешься, а мнѣ ничего не скажешь!» Отвѣчаетъ доброй мо̀лодецъ: «знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю!» — Нѣтъ, братъ! у меня коли похвалился, такъ и дѣло сдѣлай; сейчасъ-же отправляйся и узнай, отчего красное Солнышко трое сутокъ не свѣтитъ? Осѣдлалъ доброй мо̀лодецъ коня, сѣлъ и поѣхалъ. Ѣхалъ-ѣхалъ, и добрался до широкаго моря; черезъ море лежитъ щука-рыба великая, и ѣздятъ по ней конные и ходятъ по ней пѣшіе — испробили ей тѣло до самыхъ костей. Говоритъ ему щука: «ѣдешь ты къ красному Солнышку; спроси у него, долго-ль мнѣ эдакъ мучиться?» — Хорошо, спрошу. Переѣхалъ по щукѣ черезъ море широкое, и видитъ — стоитъ въ полѣ домъ, а въ немъ шумъ, крикъ и драка. Кричатъ ему оттудова: «ты ѣдешь къ красному Солнышку; спроси у него, долго ли намъ такъ мучиться?» Ѣдетъ онъ дальше—стоитъ да дорогѣ мужикъ весь запачканной, дуетъ на него вѣтеръ и несетъ ему и въ ротъ и въ носъ страшную пыль. Послѣ того увидалъ добрый мо̀лодецъ двухъ бабъ — стоятъ на дорогѣ да другъ дружку водой поливаютъ; а еще проѣхалъ — увидалъ, какъ двѣ большія коровы мужика на рогахъ носятъ, и всѣ-то его просятъ: «ты ѣдешь къ красному Солнышку; спроси у него, долго-ль намъ мучиться?» Вотъ пріѣхалъ доброй мо̀лодецъ къ красному Солнышку, и началъ его выспрашивать: «скажи, говоритъ, отчего ты, красное

Солнышко, трое сутокъ не свѣтило?»—Оттого, что все это времячко спорило я съ Еленой Прекрасною — кто изъ насъ красотой выше. «Какъ ѣхалъ я къ тебѣ, красное Солнышко, видѣлъ на пути двухъ большихъ коровъ — бѣгаютъ онѣ по полю да мужика на рогахъ носятъ; будетъ ли ему прощеніе?» — Нѣтъ ему прощенія; какъ жилъ онъ на томъ свѣтѣ да былъ пастухомъ, онъ за стадами не смотрѣлъ, на хорошую траву коровъ не гонялъ; вотъ за то теперь и мучается. «Видѣлъ я еще мужика, весь въ пыли стоитъ; будетъ ли ему прощеніе?» — Нѣтъ ему прощенія; зачѣмъ онъ свою избу затыкалъ крѣпко-накрѣпко, чтобъ ни вѣтеръ туда не дулъ, ни солнышко не пекло? «Видѣлъ я еще двухъ бабъ — стоятъ на дорогѣ, да поливаютъ другъ дружку водою.»—Это за то, что онѣ постояльцевъ пущали, имъ молоко продавали, да въ то молоко воды подливали; не видалъ ли еще чего? «Видѣлъ я домъ, а въ домѣ шумъ, крикъ и драка; велѣно у тебя спросить: долго ли такъ мучиться?»—Это за то, сказало красное Солнышко, что люди эти ѣли по постамъ скоромное, дрались и бранились и блудъ творили; не будетъ имъ отъ меня прощенія! «Да ѣхалъ я еще черезъ море, и наказывала мнѣ щука-рыба великая спросить у тебя: долго ли ей мучиться?» —Она проглотила три корабля съ товарами; когда отпуститъ ихъ, тогда и прощенье ей будетъ. Воротился доброй молодецъ къ царю и привелъ съ собой три корабля. Царь полюбилъ его больше прежняго.—Въ изданіи г. Боричевскаго: «Народн. славян. разсказы» находимъ червоноруссккій разсказъ «Трое-сыне»; въ этомъ разсказѣ герой спрашиваетъ у матери Солнца о чудесномъ мостѣ, который не переставая вертится, и о двухъ горахъ, которыя безпрестанно то сходятся вмѣстѣ, то расходятся врозь. Отвѣтъ данъ такой: мостъ остановится, когда утопитъ кого-нибудь, а горы — когда убьютъ человѣка (стр. 111 — 113).

Замѣтимъ, что упоминаемое въ нашихъ народныхъ сказкахъ *разчесыванiе волосъ и исканiе въ головѣ* составляетъ обычный прiемъ въ эпическихъ произведенiяхъ и у другихъ народовъ (см. Norwegische märchen, ч. I, № 3; ч. II, № 1; Грим., т. I, стр. 180; т. II, стр. 36; Српске народне приповиjeтке, № 35, 36).

14.

ѲЕДОРЪ ТУГАРИНЪ И АНАСТАСIЯ ПРЕКРАСНАЯ.

Сказка о Ѳедорѣ Тугаринѣ начинается тѣмъ, что олицетворенныя (нѣкогда боготворимыя) стихiи: Вѣтеръ, Градъ и Громъ берутъ въ замужество за себя трехъ царевенъ. Подобныя олицетворенiя стихiй встрѣчаемъ и въ другихъ сказкахъ. О похищенiяхъ красавицъ громовою тучею (огненнымъ змѣемъ) въ народѣ живутъ многiя поэтическiя сказанiя (см. въ № 2 Отеч. Зап. 1822 года: «Зооморфич. божества у славянъ»); о похищенiяхъ царевенъ Вѣтромъ (Вихремъ) часто упоминаютъ народныя сказки (см. лубочное изданiе сказки объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ; въ собр. сказокъ Броницына о Василисѣ-золотой косѣ; сказку о трехъ царствахъ, стр. 128 нашего изданiя, и др.). По всей Руси, между Днѣстромъ, Прутомъ, Бугомъ, Вислой и Вартой, ходятъ разсказы о людяхъ, захваченныхъ Вихремъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Въ простонародьи есть клятва: «вихорь табе падыми!» (Повѣсти и преданiя народовъ слав. племени, стр. 76, 176; Архивъ историко-юридич. свѣдѣн. о Россiи, т. II, половина 2, статья Буслаева, стр. 170.) Похищенiе дѣвицъ Вихремъ и похищенiе ихъ огненнымъ змѣемъ занимаютъ одинаковое мѣсто въ на-

родномъ эпосѣ, среди другихъ обломковъ языческой старины, опредѣлившихъ его содержаніе и характеръ. Какъ въ природѣ оба явленія: гроза и вихрь сопровождаютъ другъ друга, такъ и въ области миѳа они раздѣляютъ одну судьбу [1]).

Напечатанная нами сказка основана на томъ, что *Змѣй летучій* похищаетъ Анастасію Прекрасную, а мужа ея Ѳедора Тугарина убиваетъ. Но Ѳедору помогаютъ олицетворенныя силы природы: Вихрь, Градъ и Громъ, поженившіеся на его родныхъ сестрахъ. Они приносятъ ему изъ далекихъ таинственныхъ странъ *цѣлющей* и *живущей* (т. е. живой) *воды*. Объ этой водѣ говорится въ сказкахъ различныхъ народовъ; нѣмцы называютъ ее *водою жизни* (das Wasser des Lebens—Грим., т. II, стр. 42, 71, 200 и др.); у насъ обыкновенно называется она *живою и мертвою:* мертвая или цѣлющая вода скрѣпляетъ разрозненныя части тѣла и заживляетъ раны, а живая оживотворяетъ трупъ духомъ жизни [2]). О живой водѣ упоминаютъ и сказки сербскія (№ 12, стр. 87), валахскія (№ 27, стр. 276) и друг. [3]). Эта чудесная вода даетъ силу богатырскую, почему называется она также *сильною*, *богатырскою* (см. примѣчаніе къ № 12); а въ сказкѣ о «Василисѣ-золотой косѣ» (изд. Бронницына, стр. 25) придано ей названіе *змѣиной воды*. Если огненному змѣю приписывалась миѳомъ такая обширная сила *возрожденія*, то понятно почему живая вода получила названіе змѣиной. Змѣй огненный и живая вода, или прямѣе: молніеносная туча и дождь, сопровождающій грозу и животворящій природу,

[1]) Въ сербской сказкѣ (№ 5) царевны, унесенныя вихремъ, найдены потомъ у огненныхъ змѣевъ. — [2]) См. примѣчаніе къ № 10; лубочную сказку объ Иванѣ-царевичѣ и жаръ-птицѣ; Бронницына: «О серебреномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ», стр. 95; сказки: о трехъ королевичахъ, объ Иванушкѣ-дурачкѣ, объ Игнатіи-царевичѣ (Москва, 1847 г.), Суворъ-невидимка (М., 1838).— [3]) См. киргизскую сказку о Баянъ-Сулѣ (въ Отеч. Записк. 1830 г., ч. 43, стр. 252—6).

получили одинаково-чудесное значеніе, тѣсно связанное съ языческимъ обожаніемъ воды. Старинные обряды и дождевой и обыкновенной водѣ приписываютъ цѣлебную силу; припомнимъ лѣченье болѣзней омываніями и взбрызгиваніемъ.

Живую и мертвую воду въ сказкѣ о Өедорѣ Тугаринѣ приносятъ: Громъ, Градъ и Вѣтеръ. Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ могучихъ силъ природы, приносятъ ее птицы: *воронъ* (въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и жаръ-птицѣ; о вoронѣ см. Отеч. Зап. 1852 г., № 1, отд. наукъ), *соколъ* (въ сказкѣ: «Иванъ Кручина», изд. Броницына, стр. 73) и *голубь* (Српске народне приповиjетке, № 12, стр. 87), которымъ изстари было придано священное значеніе. Финская поэма Калевала разсказываетъ о волшебной птичкѣ Мегиляйненъ, которая *летитъ въ области солнца и луны*, и омочивъ въ тамошнихъ источникахъ свои крылья въ *медъ жизни*, приноситъ этотъ напитокъ къ матери Лемминкяйнена, а эта воскрешаетъ имъ къ жизни своего изрѣзаннаго въ куски сына (Библ. для чтенія, 1842 г., № 11, смѣсь, стр. 43).

Оживленный чудесною водою Өедоръ Тугаринъ встаетъ и говоритъ: *„фу, какъ я долгоспалъ!“—Заснулъ бы ты на вѣки*, еслибъ не мы! отвѣчаютъ его могучіе затья. (См. также сказку о жаръ-птицѣ и др.): указаніе на ту древнѣйшую связь понятій смерти и сна, которая такъ ясно засвидѣтельствована въ греческой и римской миѳологіяхъ. Но Өедору Тугарину предстоитъ еще освободить Анастасію Прекрасную, похищенную Змѣемъ. Для того онъ старается добыть себѣ чудеснаго коня, который бы могъ перегнать быстраго коня Змѣя, и добываетъ. Оба эти коня летаютъ по поднебесью [1]) и говорятъ человѣческимъ голосомъ; конь Змѣя спотикнулся въ ту ми-

[1]) См. сербск. сказки, стр. 34.

нуту, какъ Анастасія рѣшилась бѣжать съ своимъ мужемъ, и это послужило его хозяину знакомъ случившейся бѣды, что̀ совершенно согласно съ народною примѣтою о споткнувшейся лошади (см. Отеч. Зап. 1852 г., № 1: Зооморфич. божества у славянъ). Тугаринъ, получивши летучаго коня, долженъ былъ *три зари пасти его на росѣ*, чтобы придать ему чрезъ то бо̀льшую силу и легкость (см. примѣч. къ VIII вып., № 8).

Наконецъ зятья Тугарина: Громъ, Градъ и Вѣтръ берутся достать ему *смерть Змѣя*; «есть *островъ*, на островѣ—камень, въ камнѣ — *заяцъ*, въ зайцѣ *утка*, въ уткѣ — *яйцо*, въ яйцѣ — желтокъ, въ желткѣ — каменёкъ»: это и есть смерть Змѣя: сто̀итъ только бросить имъ въ Змѣя — и тотъ упадетъ мертвымъ. Въ сказкѣ о весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ-самогудахъ (см. Дѣдушкины прогулки, содер. въ себѣ десять рус. сказокъ, Москва, 1819 г., стр. 21) о смерти *Кощея Безсмертнаго* сказано: «на морѣ на океанѣ, *на островѣ на Буянѣ* есть зеленой дубъ, и подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзной, и въ томъ сундукѣ есть коробка, и въ той коробкѣ есть *заяцъ*, и въ томъ зайцѣ есть *утка*, а въ уткѣ *яйцо*: и кто то яйцо достанетъ и раздавитъ — въ ту-жъ минуту и умретъ Кощей.» [1]) Тоже утверждаетъ норвежская сказка—о «великанѣ, въ тѣлѣ котораго не было сердца» (ч II, № 6): два царевича отправились искать себѣ невѣстъ, но великанъ обратилъ ихъ въ камни. Меньшой царевичъ пошелъ искать братьевъ. На дорогѣ попался ему воронъ, который отъ голода и слабости не могъ поднять крыльевъ. «Дай мнѣ немного поѣсть, сказалъ воронъ; я тебѣ пригожусь!» Царевичъ далъ ему поѣсть. Дальше увидѣлъ онъ вы-

---

[1]) Преданіе о Кощеѣ занесено Жуковскимъ въ сказку: «Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ» (Сочин. Жуковскаго, ч. VI); см. Сочин. А. Пушкина, том. I, стр. 122 (примѣчаніе).

прыгнувшую изъ воды семгу, и кинулъ ее въ воду; затѣмъ встрѣтилъ онъ волка, который страдалъ отъ голода, и позволилъ ему съѣсть свою лошадь. Благодарный волкъ привезъ на себѣ царевича къ зáмку великана [1]) и сказалъ: «здѣсь твои братья, превращенные въ камни; ступай туда безъ боязни! ты найдешь царевну, которая научитъ тебя, какъ убить великана.» Царевичъ вошелъ въ зáмокъ. «Господь съ тобою! сказала ему царевна. Твоя смерть неизбѣжна; здѣсь живетъ великанъ, котораго никто не можетъ убить, ибо у него нѣтъ въ тѣлѣ сердца.» — Я хочу попытаться, отвѣчалъ гость. «Полѣзай же подъ эту кровать, сказала ему царевна; лежи тихо и слушай, что станетъ говорить великанъ, какъ я начну его распрашивать.» Вечеромъ легла царевна въ постель съ великаномъ и сказала: «я хочу тебя спросить.» — О чемъ? «Мнѣ хотѣлось бы узнать, гдѣ твое сердце?» — Оно лежитъ подъ этимъ порогомъ. Утромъ великанъ ушелъ въ лѣсъ; царевичъ и царевна стали искать подъ порогомъ, но ничего не нашли. Тогда царевна убрала все это мѣсто прекрасными цвѣтами. Воротившись домой, великанъ спросилъ: «Къ чему эти цвѣты?»—Я тебя столько люблю, отвѣчала царевна, что не могу не украсить мѣста, гдѣ лежитъ твое сердце. «Я тебя обманулъ; оно не здѣсь!» Вечеромъ царевна снова спросила у великана: «гдѣ твое сердце?» Тотъ и въ другой разъ обманулъ ее, но въ третій разъ онъ отвѣчалъ: «мое сердце тамъ, куда тебѣ не дойдти! Weit, weit von hier in einem Wasser liegt eine *Insel;* auf der Insel steht eine Kirche, in der Kirche ist ein Brunnen, in dem Brunnen schwimmt eine *Ente,* in der Ente ist ein *Ei,* und in dem Ei—*da ist mein Herz.*» Волкъ довёзъ царевича въ эту далекую страну; воронъ досталъ ему ключъ отъ церкви, а семга поймала чудесное яйцо, въ которомъ крылось

---

[1]) Ту-же роль играетъ волкъ въ сказкѣ о жаръ-птицѣ.

сердце великана и которое утка выронила въ воду. Когда царевичъ разбилъ это яйцо, великанъ въ ту-жъ минуту жалобно вскрикнулъ и умеръ (сличи съ нѣмецкою сказкою у Гримма, т. II, № 197, стр. 525). Таже сказка есть и у сербовъ («Аждаја и царев син», № 8): «Кад дође *аждаја* (драконъ), стане је баба питати: «та где си за Бога? куда тако далеко идеш? никад не ћеш да ми кажеш куда идеш.» А аждаја јој отговори: «Е моја бако, далеко ја идем.» Онда јој се баба стане умиљавати: «а за што тако далеко идеш? *Кажи ми где је твоја снага* (сила)? Ја да знам где је твоја снага, ја не знам шта бих радила од милине, све бих оно место љубила.» На то се аждаја насмеје, па јој рече: «онде је моја снага у оном огњишту.» Онда баба притисне грлити и љубити огњиште, а аждаја кад то види, удари у смех, па јој рече: «луда жено! није ту моја снага. Моја је снага у оном дрвету пред кућом.» Онда баба опет притисне грлити и љубити дрво, а аждаја опет у смех па јој рече: «прођи се луда жено, није ту моја снага.» Онда баба запита: «да где је?» А аждаја стане казивати: «моја је снага далеко, не можеш ти тамо отићи. Чак у другоме царству код царева града има једно језеро, у оном језеру има једна аждаја, а у аждаји вепар, а у вепру *зец*, а у зецу *голуб*, а у голубу *врабац*, *а у ономе је врапцу моја снага.*» (См. также Westslaw. Märchenschatz, стр. 190; Narodne pripov. Валявца, стр. 155.) Очевидно, что въ этихъ сказаніяхъ кроется темное преданіе, отголосокъ доисторической эпохи; иначе какъ бы могли возникнуть у разныхъ народовъ столь тождественныя сказанія? Замѣтимъ, что по свидѣтельству означенныхъ сказокъ зародышъ жизни таится въ *яйцѣ* [1]), на невѣдомомъ островѣ, и что свидѣтельство это касается ми-

---

[1]) Яйцо, по древнимъ вѣрованіямъ,—символъ возрожденія къ жизни.

еическихъ лицъ: Змѣя, Кощея Безсмертнаго и великана (см. примѣч. къ вып. VII, № 6).

Въ заключеніе укажемъ на тѣ эпическія выраженія, которыми заканчиваются народныя сказки. У насъ сказка заканчивается этими словами: «и стали себѣ жить да поживать, да добра наживать; и я тамъ былъ медъ-пиво пилъ, по усамъ (бородѣ) текло, въ ротъ не попало» (во рту не было) или: «вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла». Подобно тому у южныхъ славянъ сказка оканчивается такъ: «что̀ ни сказывалъ я, то точно такъ и было; гдѣ пировали—я вездѣ былъ, медъ-вино пилъ, по бородѣ текло, въ ротъ не попало» (Боричевск. Повѣсти и пред. народовъ славянск. племени, стр. 157). Одна норвежская сказка заключена такимъ выраженіемъ: «и я былъ съ ними (на свадьбѣ), но никто меня не замѣтилъ; я ничего не получилъ, кромѣ буттерброда, положилъ его на печку: масло растопилось, хлѣбъ сгорѣлъ, а мнѣ послѣ того не дали ни крошки» (ч. II, № 1).

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

1.

КОЧЕТЪ И КУРИЦА.

Жили курычка съ кычаткомъ, и пошли ани въ лѣсъ пы [1]) арѣхи. Пришли къ арѣшни; кычатокъ залѣсъ ны [2]) арѣшню рвать арѣхи, а курычку аставилъ ны зимѣ [3]) подбирать арѣхи: кычатокъ кидаитъ, а курычка подбираитъ. Вотъ кинулъ кычатокъ аришокъ, и папалъ курычкѣ въ глазокъ, и вышибъ глазокъ. Курычка пошла — плачитъ. Вотъ ѣдутъ баяри и спрашиваютъ: «курычка, курычка! що [4]) ты плачишь?»—Мнѣ кычатокъ вышибъ глазокъ. «Кычатокъ, кычатокъ! на що ты курычкѣ вышибъ глазокъ?» — Мнѣ арѣшня партки рыздрала. «Арѣшня, арѣшня! на що ты кычатку партки рыздрала!»—Миня козы пыдгладали. «Козы, козы! на що вы арѣшню пыдгладали?»—Насъ пы(а)стухи ни бирягутъ. «Пыстухи, пыстухи! що вы козъ не биригётя?» — Насъ хазяйка блинами ни кормитъ. «Хазяйка, хазяйка! що ты пыстуховъ блинами ни кормишь?» — У миня свинья апаръ [5]) прылила. «Свинья, свинья! на що ты у хазяйки апаръ прылила?»—У миня волкъ прасёнчика унёсъ. «Волкъ, волкъ! на що ты у свиньѣ(и) прасёнчика унёсъ?» Я јисть зыхатѣлъ, мнѣ Богъ пывилѣлъ.

---

[1]) По. — [2]) На. — [3]) На землѣ (нá-земи.) — [4]) Что. — [5]) Опару.

2.

ВОЛКЪ.

Жилъ старикъ съ старухой; у нихъ была пять авецъ, шастой жирибецъ, сямая [1]) тёлка. Пришолъ къ нимъ волкъ и сталъ пѣть пѣсню:

Жилъ жилецъ,
На кустики дварецъ;
У няво пять авецъ,
Шастой жирибецъ,
Сямая тёлка!

Старуха и гварить стырику: «охъ, какая пѣсня-та славная! Старикъ, дай яму авечку.» Старикъ далъ яму, волкъ съѣлъ и апять пришолъ съ этый-жа пѣснiю, и хадилъ съ нею да тѣхъ поръ, пака ни паѣлъ авецъ, жирибца, тёлку и старуху. Осталси(я) адинъ старикъ; волкъ пришолъ и къ няму съ этый пѣснiю. Старикъ взялъ кычергу и ну ею вазить [2]) волка. Волкъ убѣжалъ, и съ тѣхъ поръ къ старику ни нагой; а старикъ осталси гаремычный адинъ горя мыкать.

3.

КОТЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА [3]).

Жилъ котъ съ кычаткомъ. Котъ идётъ за лыками въ лѣсъ и баитъ кычатку: «если лиса придётъ звать въ гости и станитъ кликать, не высёвывай ей галовычку, а то унисётъ тебя.» Вотъ пришла лиса звать въ гости, стала кликать: «качетунюш-

---

[1]) Седьмая. — [2]) Т. е. бить. — [3]) См. вып. IV, № 3.

ка, качетунюшка! пойдёмъ на гуменьцы [1]) зылаты [2]) яблочки катать.» Онъ глянулъ, ана яво и унясла. Вотъ онъ и сталъ кликать: «котинька, котинька! нисётъ миня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды.» Котъ услыхалъ, пришолъ, избавилъ кычатка отъ лисы. — Котъ апять идётъ за лыками и апять приказываитъ: «если лиса придётъ звать въ гости, не высёвывай галовку, а то апять унисётъ.» Вотъ лиса пришла и по прежниму стала кликать. Кычатокъ глянулъ, ана яво и унясла. Вотъ онъ и сталъ кричать: «катунюшка, катунюшка! нисётъ миня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды.» Котъ услыхалъ, прибижалъ, апять избавилъ кычатка.

Котъ апять скрутился [3]) итить за лыками и гваритъ: «ну, типерь я уйду далёка. Если лиса апять придётъ звать въ гости, не высёвывай галовку, а то унисётъ, и ни услышу—какъ будешь кричать.» Котъ ушолъ; лиса апять пришла и стала апять кликать па прежниму. Кычатокъ глянулъ, лиса апять унясла яво. Кычатокъ сталъ кричать; кричалъ, кричалъ— нѣтъ, ни идётъ котъ. — Лиса принясла кычатка дамò [4]) и крутилась ужь жарить яво. Тутъ прибижалъ котъ, сталъ стучать хвастомъ абъ акно и кликать: «лисынька! живи хырашенька сваимъ падворьемъ: адинъ сынъ — Димеша, другой — Ремеша, адна дочь Чучилка, другая — Пачучилка, третья — Подмети-шестокъ, четвертая — Подай-челнокъ!» Къ кату стали выходить лисынькины дѣти, адинъ за другимъ; онъ ихъ всѣхъ пык(о)латилъ; послѣ вышла сама лиса, онъ и иё убилъ, и избавилъ кычатка отъ смерти. Пришли оба дамò, стали жить ды паживать, ды денешки наживать.

(Всѣ три сказки записаны въ липецкомъ уѣздѣ тамбовской губерніи.)

---

[1]) Гумно. — [2]) Золотыя. — [3]) Крутиться — сбираться что-нибудь дѣлать (см. Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 94). — [4]) Домой.

4.

ВОЛКЪ И КОЗА [1]).

Гдѣ-то когда-то шла брюхатая каза. Подошла она къ ябланѣ и говоритъ: «яблань, яблань! пусти меня окатиться [2]) подъ себя.» Яблань не пустила, сказала: «яблочко отпадётъ, казлёнка ушибётъ; тебѣ-жъ невыгодно будетъ.» Каза подошла къ орѣшнѣ, чтобъ она пустила её окатиться; и орѣшня не пустила, сказала: «орѣхъ упадётъ, казлёнка ушибётъ.» Нечего дѣлать — каза пошла, какъ не сол(о)но щи хлебала. Вотъ шла, шла она, и видитъ — стоитъ избушка, къ лѣсу передомъ, а къ ней задомъ. Тутъ каза сказала: «избушка, избушка! обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ; я войду въ тебя.» Избушка обратилась, и каза вошла въ неё катиться, и окатилась. Тутъ каза расположилась, какъ дома; начала нерѣдко оставлять своихъ казляточекъ въ этой избушкѣ подъ запоромъ, а сама ходить въ лѣсъ—траву ѣсть.

Вотъ однажды — только каза ушла отъ казляточковъ — приходитъ къ дверямъ избушки бирюкъ [3]) и кричитъ толстымъ голосомъ: «казлятушки, ребятушки! отопритеся, отомкнитеся! я — ваша мать пришла, молока принесла; бѣжитъ молоко по вымячку, изъ вымячка въ корытце, изъ корытца въ сыру землю.» Казлятки узнали, что голосъ не ихъ матери, и не отперли двери. «У нашей маменьки, говорятъ они, не такой голосъ; у ней голосокъ тонкой и нѣжной.» Скоро послѣ того, какъ ушолъ бирюкъ, приходитъ къ двери ихъ мать и кричитъ: «ой, дѣтушки! отопритеся, отомкнитеся! я — ваша

---

[1]) См. вып. IV, № 17. — [2]) Разрѣшиться отъ бремени. — [3]) Волкъ (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 10).

мать пришла, молока принесла [1]); я на бору была, скорваду [2]) гладала; молочко течотъ по вымячку, изъ вымячка въ корытце, изъ корытца въ сыру землю.» *Казлятки* отперли ей и начали пить молочко.

Между тѣмъ бирюкъ пришолъ въ кузнецу, и говоритъ ему: «кузнецъ, кузнецъ! сдѣлай ты мнѣ тоненькой язычокъ.» Кузнецъ сдѣлалъ ему. Вотъ какъ наѣлись, напились *казлятки*, *каза* опять въ лѣсъ ушла, строго приказавъ дѣткамъ никого не пускать къ себѣ. Только *каза* ушла, приходитъ къ дверямъ прежній бирюкъ и началъ кричать голосомъ, похожимъ на голосъ ихъ матери: «ой, дѣтушки! отопритеся, отомкнитеся! я — ваша мать пришла, молока принесла; бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ корытце, изъ корытца въ сыру землю.» *Казлятки* не разгадали голоса и отперли бирюку. Бирюкъ почти всѣхъ ихъ поѣлъ (только одинъ маленькой *казлё*н(о)чикъ спрятался подъ печь), поѣлъ, оставилъ одну шорстку да косточки, и ушолъ въ лѣсъ. Пришла *каза*, кричитъ у двери, и *казлё*нчикъ отперъ ей. Тутъ она собрала шорстку, изсушила на печи и смолола, какъ муку; черезъ день затѣяла блины и вздумала позвать къ себѣ въ гости бирюка, а бирюка она видывала у своей кумушки — лисы. Затѣявъ блины, *каза* приходитъ къ кумѣ и проситъ её къ себѣ въ гости съ тѣмъ бирюкомъ. Лиса дала вѣрное ей слово, и *каза* воротилась домой. Вотъ поутру рано, ещё часовъ въ пять, приходитъ къ *казѣ* лиса съ бирюкомъ, а этотъ бирюкъ такой гладышъ [3]) сталъ, что *каза* и не узнала его. Сѣли они за столъ; *каза* подала имъ тарелки, ножи и вилки, масло и сливки, и стали ѣсть блины. Между тѣмъ *каза* полѣзла въ пòдполъ за смятаною, а у самой не то на умѣ: взяла съ собою туда жа-

[1]) Прибавляютъ еще: «творогу-то на рогу, а сметанки на боку»; «молока полны бока.» — [2]) «Скорода—дикой лукъ (Дополн. къ Опыту обл. словаря).— [3]) Гладкій—жирный, тучный (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 36).

ру [1]) и развела огонь, а около огня натыкала много желѣзныхъ тычекъ [2]).

Только гости покушали блиновъ, каза и говоритъ имъ: не угодно ли будетъ имъ поиграть въ её(я) любимую игру. Они согласились. Каза тотчасъ вынула одну доску изъ пола, и не приказывая имъ подходить близко, говоритъ: «вотъ моя игра— прыгать черезъ эту дыру скоро и безъ отдышки.» Лиса съ казою тутъ-же перепрыгнули; за ними сряжается [3]) прыгать толстой бирюкъ. Лишь только прыгнулъ, зацѣпилъ ногою за половицу и упалъ въ дыру, а тамъ на желѣзныя тычки и огонь. Каза съ лисою прикрыли его доскою, и бирюкъ сгорѣлъ! Тутъ каза съ кумою лисою сдѣлали чудесной поминъ по бирюкѣ; наѣлись, напились, вышли на дворъ; каза проводила куму, а сама съ своимъ казлёнкомъ стала жить да поживать, и молочко для казлёнка добывать.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

5.

МИЗГИРЬ. [4])

Въ стары годы, въ старопрежные, въ красну вёсну въ тёплоя лѣта сдѣлалась такая соморота [5]), въ мірѣ тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горе(я)чюю кровь пропускать. Проявился мизгирь, удалой добрый молодецъ, сталъ ношками трясти да мерёшки [6]) плести, ставить на пути-

[1]) Жаръ — горячіе уголья. — [2]) Гвоздей? — [3]) Готовится (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 214). — [4]) Паукъ (ibidem, стр. 113). См. вып. VI, № 39. — [5]) Вмѣсто: соромота (срамота). — [6]) Сѣти (Опытъ обл. великор. слов., стр. 113: «мерёга»).

на дорошки, куда летаютъ комары да мошки. Муха грязна, строка [1]) некошна [2]), полетѣла да чуть не пала, да къ мизгирю въ сѣть попала; то [3]) её мизгирь сталъ бить да губить, да за горло давить. Муха мизгирю возмолилася: «батюшко мизгирь! не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будетъ дѣтей сиротать, по дворамъ ходить и собакъ дразнить.» То её мизгирь о(т)пустилъ; она полетѣла, забунчала [4]), извѣстила всѣмъ комарамъ и мошкамъ: «ой, еси вы, комары и мошки! убирайтесь подъ осиново коришшо [5]): проявился мизгирь, сталъ мошками трясти, мерёшки плести, ставить на пути-на дорошки, куды летаютъ комары да мошки; всѣхъ изловитъ!» Они полетѣли, забились подъ осиново коришшо, лежатъ яко мертвы. Мизгирь пошолъ, нашолъ сверьчка, таракана и клопа: «ты, сверьчокъ, сѣдь на кочокъ [6]) испивать табачокъ; а ты, таракан, ударь въ барабанъ; а ты, клопъ-блинникъ, поди подъ осиново коришшо, проложъ про меня мизгиря борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казанѣ(и) голову отси(ѣ)кли на плахѣ и плаху раскололи.» Сверьчокъ сѣлъ на кочокъ испивать табачокъ, а тараканъ ударилъ въ барабанъ; клопъ блинникъ пошолъ подъ осиново коришшо, говоритъ: «что запали, лежите яко мертвы? Вѣдь мизгиря-борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казанѣ голову отсикли на плахѣ и плаху раскололи.» Они возрадовались и возвеселились, по̀ трою [7]) перекрестились, полетѣли, чуть не пали, да къ мизгирю всѣ въ сѣть попали. Онъ и говоритъ: «что вы очинь мелки! почаще бы ко мнѣ въ гости бывали, пивца винца испивали и намъ бы подавали!»

(Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Далматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

---

[1]) Строка—насѣкомое, похожее на осу (Опытъ обл. великор слов., стр. 217).— [2]) Некошной—злой, непріятной. — [3]) Тутъ, тогда. — [4]) Зажужжала. — [5]) Кореньище. — [6]) На кочку? — [7]) По три раза.

6.

ИВАНЪ-ДУРАКЪ. [1])

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ было три сына; третьяво звали Иванъ-дуракъ. Первые двое женатые, а Иванъ-дуракъ холостой; два брата занимались дѣломъ, управляли домомъ, пахали и сѣяли, третей же ничево не дѣлалъ. Одинъ разъ отецъ и снохи стали Ивана посылать на полё допахать сколько-то лехъ [2]) пашни. Парень поѣхалъ; пріѣхалъ на пашню, запрёгъ лошадь, проѣхалъ съ сохой разъ ли, два ли, видитъ: счоту нѣтъ комаровъ да мошокъ; онъ схватилъ хлыстикъ, стегнулъ пò боку лошадь, убилъ ихъ безъ смѣты; ударилъ по другому, убилъ сорокъ паутовъ [3]), и думаетъ: «вѣдь я на одинъ зáмахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки [4]) смѣты нѣтъ!» Взялъ ихъ всѣхъ — положилъ къ кучу и завалилъ конскимъ каломъ; самъ не сталъ пахать, выпрёгъ лошадь, поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ домой и говоритъ снохамъ и матерѣ(и): «давайте мнѣ пóлокъ [5]) и сѣдло, а ты, батюшко, давай саблю, котора у тебя виситъ — на стѣнѣ заржавѣла. Что я за мужикъ! у меня ничево нѣтъ.» Тѣ посмѣе(я)лись надъ нимъ и дали нà смѣхъ какой-то расколотой тюрикъ [6]) на мѣсто сѣдла; парень нашъ придѣлалъ къ нему подпруги и надѣлъ на худую

---

[1]) См. вып. V, № II; вып. VI, № 13. — [2]) Мѣра земли. — [3]) Паутъ—слѣпень или оводъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 153). — [4]) Т. е. мелкой сошки (отъ слова *соха*). Соха—мѣра земли, съ которой платилась подать въ старину. Выраженье «мелкой сошки» означаетъ здѣсь: низшаго разряда. — [5]) Пологъ — толстая холстина, сшитая въ нѣсколько полосъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 168). — [6]) Тюрикъ — деревянный цилиндръ, на которой сматываютъ пряжу (ibidem, стр. 235).

кобылёнку. Вмѣсто пологу мать дала какой-то старой дубасъ [1]); онъ и то взялъ, да взялъ саблю у отца, пошолъ, выточилъ, собрался и поѣхалъ. Доѣзжаетъ до разстаней [2]) — а былъ еще мало мало грамотной — написалъ на столбѣ: пріѣзжали бы сильные богатыря Илья-Муромецъ и Ѳедоръ Лыжниковъ въ такое-то государство къ сильному и могучому богатырю, которой на одинъ помахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки смѣты нѣтъ, и всѣхъ ихъ камнёмъ привалилъ. Точно послѣ ево пріѣзжаетъ богатырь Илья-Муромецъ, видитъ на столбѣ надпись: «ба! говоритъ, проѣхалъ сильной могучой богатырь; ослушаться не годно.» Поѣхалъ, догонятъ Ванюху; далёко не доѣхалъ, снялъ шапку и кланатся: «здравствуй, сильной могучой богатырь!» А Ванюха не ломатъ шапки, говоритъ: «здорово, Илюха!» Поѣхали вмѣстѣ. Не чрезъ долго времяни къ тому-жо столбу пріѣхалъ Ѳедоръ Лыжниковъ, видитъ на столбѣ написано, ослушаться не годно: Илья-Муромецъ проѣхалъ! — и онъ поѣхалъ туда-жо; также далёко не доѣхалъ до Ванюхи — снимать шапку, говоритъ: «здравствуй, сильной могучой богатырь!» А Ванюха шапки не ломатъ: «здорово, говоритъ, Ѳедюнька!»

Поѣхали вмѣстѣ всѣ трое; пріѣзжають въ одно государство, остановились на царскихъ лугахъ. Богатыри поставили себѣ шатры, а Ванюха распе(я)лилъ дубасъ; коней два богатыря спутали шолковыми путами, а Ванюха сорвалъ прутъ (съ) дерева, свилъ ево и спуталъ свою кобылу. Вотъ и живутъ. Царь изъ своево терему увидалъ, что ево любимые луга травятъ какіе-то люди, тотчасъ отражатъ ближнаво своево спросить, что за люди? Тотъ пріѣхалъ на луга, подошолъ

---

[1]) Родъ одежды, подобной сарафану и названной потому, что ее красятъ въ дубовомъ листу (Слов. Акад. Россійск., ч. II, стр. 267). — [2]) Розстани — мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ, перекрестокъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192).

къ Ильѣ-Муромцу, спрашиватъ, что они за люди и какъ сми(ѣ)ли безъ спросу топтать царскіе луга? Илья-Муромецъ отвѣчалъ: «не наше дѣло! спрашивай вонъ старшова—сильнова могучова богатыря.» Посолъ подошолъ къ Ванюхѣ. Тотъ закричалъ на ево, не далъ слова молвить: «убирайся, докуля живъ, и скажи царю, что на ево луга пріѣхалъ сильной могучой богатырь, которой на одинъ пòмахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой мошки смѣты нѣтъ, и камнёмъ привалилъ, да Илья-Муромецъ и Өедоръ Лыжниковъ (съ нимъ), и требуетъ у царя дочь замужъ.» Тотъ пересказалъ это царю. Царь хватилъ по записямъ: Илья-Муромецъ и Өедоръ Лыжниковъ есть, а третьяво, которой убиватъ на одинъ пòмахъ по сороку богатырей, нѣтъ въ записяхъ. То царь приказалъ собрать рать, захватить трехъ богатырей и привести къ нему. Гдѣ захватить? Ванюха увидялъ, какъ стала подходить ближе рать; онъ крикнулъ: «Илюха! ступай, прогони ихъ, что за люди?» — самъ лежитъ, растянулся, да поглядыватъ, какъ сычъ. Илья-Муромецъ не тово слова соскочилъ на коня, погналъ, не столько руками билъ, сколько конемъ топталъ; всѣхъ прибилъ, оставилъ только одне(и)хъ язычниковъ [1]) царю. Царь услышалъ эту бѣду, тово больше собралъ силы и послалъ поимать богатырей. Иванъ-дуракъ крикнулъ: «Өедюнька! поди-ко, прогони эту сволочь!» Тотъ соскочилъ на коня, всѣхъ прибилъ, оставилъ одне(и)хъ язычниковъ. Чево дѣлать царю? дѣло худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнилъ, что у нево въ царствѣ живетъ сильной богатырь Добрыня. Онъ посылатъ къ нему письмо, проситъ пріѣхать побѣдить трехъ богатырей. Добрыня пріѣхалъ; царь на третьёмъ балх(к)онѣ встрѣтилъ ево, а Добрыня навершной [2]) подъѣхалъ къ балхону

---

[1]) Язычникъ (языкъ) — вѣстникъ. — [2]) Навершной — ѣдущій верхомъ (Опытъ обл великор. словаря, стр. 120).

вровень съ царемъ: вотъ какой былъ! поздоровался, поговорили. Онъ и поѣхалъ на царскіе луга. Илья-Муромецъ и Ѳедоръ Лыжниковъ увидѣли, что къ нимъ ѣдетъ Добрыня, испугались, соскочили на своихъ лошадей, да ступай-ко оттуда — угнали. А Ванюха не успѣлъ. Пока ималъ свою кобылёнку, Добрыня и подъѣхалъ къ нему, да и смѣется, что это за сильной могучой богатырь? маленькой, худенькой! Согнулся головой къ самому Ванюхѣ, смотритъ на нево, да и любуётся. Ванюха да какъ-то не обробѣлъ, выхватилъ свою саблёшку да и сѣкъ ему голову. Царь это увидалъ, перепугался: «охъ, говоритъ, богатырь убилъ Добрыню; бѣда тепера! Ступайте скоряя, зовите богатыря во дворецъ». За Ванюхой пріѣхалъ такой почотъ, что батюшки упаси! кареты самолучшы, люди всѣ нажалованы. Посадили и привезли къ царю. Царь ево угостилъ и отдалъ дочь; обвѣнчались (они), и теперя живутъ, хлѣбъ жуютъ.

Я тутъ былъ, медъ пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ колпакъ, да пòчели толкать; дали мнѣ кафтанъ, я иду домой, а синичька летатъ и говоритъ: «синь да хорошъ»! Я думалъ: «скинь да положъ!» — взялъ скинулъ да и положилъ. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

7.

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. [1]

Жили два брата умныхъ, а третій дуракъ. Вотъ однажды поѣхали они на чащу [2]), и захотѣлось имъ тамъ пообѣдать;

[1]) См. вып. V, № 4; вып. VI, № 2. — [2]) Чаща — лѣсъ, ельникъ (Опытъ обл. велик. слов., стр. 255)

насыпали они круп въ горшокъ, налили воды холодной (такъ командывалъ дуракъ), а огня не знали гдѣ добыть. Неподалёку отъ нихъ былъ пчельникъ. Вотъ большой братъ и говоритъ: «пойдти мнѣ за огнёмъ на пчельникъ». Приходитъ и говоритъ старику: «дѣдушка! дай мнѣ огоньку». А дѣдъ говоритъ: «сыграй прежде пѣсенку мнѣ». — Да я, дѣдушка, не умѣю. «Ну, попляши.» — Я, дѣдушка, не гораздъ. «А, не горазд! такъ нѣтъ тебѣ и огня!» Къ тому-жъ за провинку взялъ-вынулъ у него изъ спины ремень. И приходитъ этотъ большой братъ безъ огня къ своимъ братьямъ. Тутъ среднiй братъ закроптался [1]) на него, говоря: «экой ты, братъ! не принёсъ намъ огню! Да-ка [2]) я пойду» — и пошолъ. Пришолъ на пчельникъ и кричитъ: «дѣдушка! пожалуй мнѣ огоньку?» —Ну-ка, свѣтъ, сыграй мнѣ пѣсенку! «Я не умѣю.»—Ну, сказку скажи. «Да я, дѣдушка, ничего не умѣю.» Старикъ взялъ и у этого брата вырѣзалъ изъ спины ремень. Приходитъ и этотъ безъ огню къ своимъ братьямъ. Вотъ умные братья и поглядываютъ другъ на друга.

Дуракъ все смотрѣлъ на нихъ, и проговорилъ: «эхъ вы — умные братцы! не взяли вы огню!» и пошолъ самъ за огнёмъ. Приходитъ и говоритъ: «дѣдушка! нѣтъ ли у тебя огоньку?» А дѣдъ говоритъ: «попляши прежде!» — Я не умѣю, отвѣчалъ дуракъ. «Ну, сказку скажи.» — Вотъ это такъ мое дѣло! сказалъ дуракъ, присаживаясь на лежачiй плетень; да смотри, продолжаетъ дуракъ, садись-ка нас(у)противъ меня, слушай да не перебивай, а если перебьешь, то изъ спины твоей три ремня. Вотъ старикъ сѣлъ напротивъ его — къ солнцу лысиной, а лысина была большая. Дуракъ откашлялся и началъ сказку: «ну, слушай же, дѣдъ!» — Слушаю, свѣтъ! отвѣчалъ старикъ.

---

[1]) Кроптаться — тужить, сердясь говорить что, ворчать; *кропота, кропотливый* (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 93). — [2]) Дай-ка.

«Была у меня, дѣдушка, пегинькая лошадёнка; я на ней ѣзжалъ въ лѣсъ сѣчь дрова. Вотъ однажды сидѣлъ я на ней верхомъ, а топоръ у меня былъ за поясомъ; лошадь-то бѣжитъ — трюк(х)ъ, трюкъ, а топоръ-то ей по спинѣ — стукъ, стукъ; вотъ стукалъ, стукалъ, да и отсѣкъ ей задъ. Ну, слушай, дѣдъ!» говоритъ дуракъ, а самъ его голицею [1]) по лысинѣ щолкъ! — Слушаю, свѣтъ! «Вотъ я на передкѣ этомъ еще три года ѣздилъ; да потомъ какъ-то нечаянно въ лугахъ увидалъ задокъ моей лошади: ходитъ онъ и траву щипитъ. Я взялъ-поймалъ его и пришилъ къ передку, пришилъ, да еще три года ѣздилъ. Слушай, дѣдъ!» — а самъ опять голицею его по лысинѣ щолкъ! — Слушаю, свѣтъ! «Ѣздилъ, ѣздилъ, пріѣхалъ я въ лѣсъ, и увидалъ тутъ высокой дубъ; началъ по немъ лѣзть и залѣзъ на небо. Вотъ увидалъ я тамъ, что скотина дешева, только камари(ы) да мухи дороги; взялъ и слѣзъ на землю, наловилъ я мухъ и комарей(овъ) два куля, взвалилъ ихъ на спину и в(с)корабкался опять на небо. Сложилъ кули и сталъ раздавать грѣшнымъ людамъ: отдаю я муху съ комарёнкомъ, а беру съ нихъ на обмѣнъ корову съ телёнкомъ, — и набралъ столько скотины, что и смѣты нѣтъ. Вотъ и погналъ я скотину, пригналъ я къ тому мѣсту, гдѣ взлѣзалъ, — хватился: дубъ-то подсѣкли. Тутъ я пригорюнился и думалъ, какъ мнѣ съ неба слѣзть, и вздумалъ наконецъ сдѣлать верёвку до земли: для этого перерѣзалъ я всю скотину, сдѣлалъ долгой ремень, и началъ спускаться. Вотъ спускался, спускался, и не хватило у меня ремнёвъ вышиною поболѣе твоего шалаша, дѣдушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дѣдъ!» — а самъ голицею по лысинѣ его щолкъ. — Слушаю, свѣтъ! «Вотъ, мужикъ на мое счастье вѣетъ овёсъ: полова-то [2]) летитъ

---

[1]) Голица — рукавица (Словарь Акад. Российск., ч. I, стр. 1161). —
[2]) Мякина, шелуха.

вверхъ, а я хватаю, да верёвку мотаю. Вдругъ поднялся сильной вѣтеръ и началъ меня качать туда и сюда, то въ Москву, то въ Питеръ; оторвалась у меня верёвка изъ половы, и забросило меня вѣтромъ въ тину. Весь я ушолъ въ тину, одна голова лишь осталась; вылѣзть мнѣ хочется, а нельзя. На моей головѣ свила утка гнѣздо. Вотъ повадился бирюкъ ходить на болото и ѣсть яйца. Я какъ-нибудь [1]) выти(я)нулъ изъ тины руку и ухватился за хвостъ бирюку, какъ стоялъ онъ подлѣ меня, ухватился и закричалъ громко: тю-лю-лю лю! Онъ меня и вытащилъ изъ тины. Слушаешь, дѣдъ?» — а самъ голицею его пò лбу щолкъ! — Слушаю, свѣтъ!

Видитъ дуракъ, что дѣло-то плохо: сказка вся, а дѣдъ сдержалъ свое слово, не перебивалъ его; чтобы раздразнить старика, началъ дуракъ иную побаску [2]): «Мой дѣдушка на твоемъ дѣдушкѣ верхомъ ѣзжалъ...» — Нѣтъ, мой на твоемъ ѣзжалъ верхомъ! перебилъ сказку старикъ. Дуракъ тому и радъ, того и добивался, свалилъ старика и вырѣзалъ у него изъ спины три ремня; взялъ огня и пришолъ къ своимъ братьямъ. Тутъ разложили они огонь, постановили горшокъ съ крупами на таганъ и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

8.

ЛУТОНЮШКА. [3])

Жилъ былъ старикъ со старухой; былъ у нихъ сынокъ Лутоня. Вотъ однажды старикъ съ Лутонею занялись чѣмъ-

[1]) Кое-какъ. — [2]) Сказку. — [3]) См. вып. V, № 5.

то на дворѣ, а старуха была въ избѣ. Стала она снимать съ грядъ [1]) полѣно, уронила его на загнетку [2]), и тутъ превеликимъ голосомъ закричала и завопила. Вотъ старикъ услыхалъ крикъ, прибѣжалъ поспѣшно въ избу и спрашиваетъ старуху: о чемъ она кричитъ? Старуха сквозь слёзъ стала говорить ему: «да вотъ еслибы мы женили своего Лутонюшку, да еслибы у него былъ сыночикъ, да еслибы онъ тутъ сидѣлъ на загнеткѣ — я бы его, вѣдь, ушибла полѣномъ-то!» Ну, и старикъ началъ вмѣстѣ съ нею кричать о томъ, говоря: «и то, вѣдь, старуха! ты ушибла бы его! . . .» Кричатъ оба что̀ ни есть мочи! Вотъ бѣжитъ со двора Лутоня и спрашиваетъ: «о чемъ вы кричите?» Они сказали о чемъ: «еслибы мы тебя женили, да былъ бы у тебя сынокъ, и еслибъ онъ давича [3]) сидѣлъ вотъ здѣсь, старуха убила бы его полѣномъ: оно упало прямо сюда да таково рѣзко! [4])» — Ну, сказалъ Лутоня, исполать вамъ! Потомъ взялъ свою шапку въ охапку и говоритъ: «прощайте! если я найду (кого) глупѣе васъ, то приду къ вамъ опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушолъ...

Шолъ, шолъ, и видитъ: мужики на избу тащатъ корову. «Зачѣмъ вы тащите корову?» спросилъ Лутоня. Они сказали ему: «да вотъ видишь, сколько выросло тамъ травы-то!» — Ахъ, дураки набитые! сказалъ Лутоня, взялъ-залѣзъ на избу, сорвалъ траву и бросилъ коровѣ. Мужики ужасно [5]) тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы онъ у нихъ пожилъ да поучилъ ихъ. «Нѣтъ, сказалъ Лутоня, у меня такихъ дураковъ еще много по бѣлу свѣту!» — и пошолъ дальше.

Вотъ въ одномъ селѣ увидалъ онъ толпу мужиковъ у избы: привязали они въ воротахъ хомутъ, и палками вгоняютъ въ

---

[1]) Гряда — двѣ перекладины, утвержденныя сверху избы, для сушенія дровъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 43). — [2]) Загнетка — шестокъ у русской печи (ibidem, стр. 61). — [3]) За нѣсколько часовъ (ibidem, стр. 45). — [4]) См. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 195. — [5]) Весьма, очень.

этотъ хомутъ лошадь, умаяли [1]) ее до полусмерти. «Что вы дѣлаете?» спросилъ Лутоня. — Да вотъ, батюшка, хотимъ запречь лошадку. «Ахъ, вы, дураки набитые! пустите-ка я вамъ сдѣлаю.» Взялъ и надѣлъ хомутъ на лошадь. И эти мужики съ дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтобъ остался онъ у нихъ хоть на недѣльку. Нѣтъ, Лутоня пошолъ дальше.

Шолъ, шолъ, усталъ и зашолъ на постоялой дворъ. Тутъ увидалъ онъ: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на столъ своимъ ребятамъ, а сама то и дѣло ходитъ съ ложкою въ погребъ за сметаной. [2]) «Зачѣмъ ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» сказалъ Лутоня.—Какъ зачѣмъ! возразила старуха охриплымъ голосомъ. Ты видишь, батюшка, саламата-то на столѣ, а сметана-то въ погребѣ. «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дѣло пошло бы по масли(е)чку!» — И то, родимой! Принесла въ избу сметану, посадила съ собою Лутоню. Лутоня наѣлся до нéльзя, залѣзъ на полатки [3]) и уснулъ. Когда онъ проснётся, тогда и сказка моя далѣ начнётся, а теперь пока вся.

(Записана тамъ-же.)

9.

СКАЗКА О НАБИТОМЪ ДУРАКѢ. [4])

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитой. И бывало нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого сло-

---

[1]) Утомили. — [2]) *Вар.* за молокомъ. — [3]) Полати. — [4]) См. вып. VI, № 12.

вомъ обидитъ, либо кого прибьётъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ; бывало—куда дуракъ срядится [1]) итти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то! Вотъ однажды пошолъ дуракъ мимо гуменъ и увидалъ—молотятъ горохъ, и закричалъ: «молотить вамъ три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришолъ дуракъ къ матери и вопитъ: «матушка, матушка! нынѣ били хохла [2]), колотили хохла!» — Тебя что-ль, дитятко? «Да.» — За что? «Вотъ я шолъ мимо Доримидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные [3])...» — Ты что-же, дитятко? «Да я имъ прогутарилъ [4]): молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили.»—Охъ дитятко! ты бы сказалъ имъ: возить вамъ—не перевозить, носить—не переносить, таскать — не перетаскать! Обрадовался дуракъ, пошолъ на другой день по селу. Вотъ на встрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликой голосъ: «носить вамъ—не переносить, таскать —не перестать!» Опять отдули [5]) его! Дуракъ воротился къ матери и разсказалъ ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!» Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошолъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдн(е)тъ ему на встрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поровнялась: «канунъ да ладанъ!» Пьяные мужики соскочили съ телеги и прибили его жестоко. Дуракъ пошолъ домой, кричитъ: «охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!» — За что, дитятко? Дуракъ разсказалъ ей, за что прибили. Мать сказала: «ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ.»

---

[1]) Снарядится, приготовится (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 214). — [2]) Этимъ именемъ называютъ малороссіянъ. — [3]) Родные, домашніе. — [4]) Промолвилъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44). — [5]) Т. е. прибили.

— Спасибо тебѣ, матушка моя! И ушолъ опять на село, да взялъ съ собою дудочку. Вотъ на концѣ села занялся[1]) овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина, и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришолъ къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: «ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними.» Чрезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошолъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать заклялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ[2]).

(Записана тамъ-же.)

---

[1]) Загорѣлся. — [2]) *Варіантъ:* Жила себѣ вдова; у ней былъ сынъ дурень. «Матушка! просится онъ, я пойду свататься.» — И, дурачокъ, кто за тебя пойдетъ! «Ужь я знаю: есть на примѣтѣ дѣвка хорошая!» Вотъ это онъ отпросился и пошолъ, приходитъ во дворъ невѣстинъ да такъ-таки тихо, что ни одна собака его не слыхала; влѣзъ въ избу—и Богу не помолился. А дѣвка и говоритъ: «глухъ дворъ, глухая изба!» Поставила она на столъ ѣду̀ и покормила дурня. Вотъ это онъ ѣлъ-ѣлъ: заразъ бралъ куска по три, а какъ понаѣлся — сталъ брать заразъ по два куска, а тамъ и по одному куску; а самъ дурень смотритъ на бревенчатую стѣну и спрашиваетъ у дѣвки: «чай, этого бревна лошадь не довезетъ?» А дѣвка говоритъ: «какъ была одна лошадь голодна— везла и три бревна, а посытѣй стала—и одно возить перестала.»

Ну, эта свадьба не сошлась, и пошолъ дурень дальше; смотритъ по дорогѣ—везутъ мужики хлѣбъ. Онъ и говоритъ имъ: «царство вамъ небесное!» Мужики его били-били.... Пришолъ дурень домой и плачетъ: «меня дурня били, меня колотили, за волоса драли, за усъ подергали.»—За что? спрашиваетъ мать. «Такъ и такъ, матушка!» разсказываетъ дурень.—Экой ты дурень! ты бы сказалъ: дай вамъ, Боже! носить—не переносить, возить не перево-

10.

МѢНА [1]).

Чистилъ мужикъ навозъ и нашолъ овсянное зярно; приходитъ къ жи(е)нѣ, у жинѣ (жены) изба топится. Онъ гваритъ: «ну-ка ты, хазяйка, пывaрачевыйси, зыгрябай-ка ты жаръ, сыпь эта зярно въ печь; выгреби изъ печи, исталки яво и сми(е)ли, кисилю нывари, атлей въ блюда; вотъ я и пайду къ царю, пынясу блюда кисилю: ну, хазяйка, ни пажàлыитъ ли насъ царь чѣмъ-нибудь?»

Вотъ онъ и пришолъ къ царю, принёсъ блюда кисилю; царь яво пажалывалъ зылатой ти(е)терькай. Пышолъ атъ царя дамò; йдитъ поли(е)мъ: бирягутъ табунъ каней. Пастухъ яво спрашвыитъ: «мужичокъ, гдѣ ты былъ?»—Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?»—Зылатой титерькыю. «Прыминяй намъ титерьку ны каня.» Ну, прыминялъ, сѣлъ ны каня и поѣхылъ. Вотъ онъ ѣдитъ: бирягутъ стàда каровъ. Пастухъ гваритъ: «гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — Зылатою титерькыю. «Гдѣ у тибя титерька?» — Я нё(ее) прыминялъ ны каня. «Прыминяй намъ каня ны карову.» Прыминялъ, видётъ каровку зы рага: бирягутъ стàда авецъ. Пастухъ гваритъ: «мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — Зылатою титерькыю. «Гдѣ зыла-

---

зить. «Хорошо, я впередъ такъ и скажу.» Пошолъ дурень, видитъ—несутъ мертваго. Онъ и сказалъ: «дай вамъ, Боже! носить—не переносить, возить—не перевозить.» Опять его ужь били-били!... (Записана въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.) — [1]) См. вып. V, № 12; вып. VI, № 14.

тая титерька?» — Прыминялъ ны каня. «Гдѣ конь?» — Прыминалъ ны каровку. «Прыминяй намъ каровку ны авечку.» Прыминялъ, гонитъ авцу: бирягутъ стада свиней. Пастухъ гваритъ: «гдѣ ты, мужичокъ, былъ?»— Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — Зылатою титерькыю. «Гдѣ зылатая титерька?»—Прыминялъ ны каня. «Гдѣ конь?»—Прыминялъ ны каровку. «Гдѣ каровка?»—Прыминялъ ны авечку. «Прыминяй намъ авечку ны свинью.» Прыминялъ, гонитъ свинью: бирягутъ стада гусей. Пастухъ спрашивыитъ: «гдѣ ты, мужичокъ, былъ?»—Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?»—Зылатою титерькыю. «Гдѣ у тибя зылатая титерька?» — Я прыминялъ ны каня. «Гдѣ конь?» — Я прыминялъ ны каровку. «Гдѣ каровка?»—Я прыминялъ ны авечку. «Гдѣ авечка?» — Я прыминялъ ны свинью. «Прыминяй намъ свинью ны гуська.» Прыминялъ, нисётъ гуська: бирягутъ утыкъ. Пастухъ гваритъ: «мужичокъ, гдѣ ты былъ?»—Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» —Зылатою титерькыю. «Гдѣ зылатая титерька?»—Я прыминялъ ны каня. «Гдѣ конь?»—Я прыминялъ ны каровку. «Гдѣ каровка?» — Я прыминялъ ны авечку. «Гдѣ авечка?» — Я прыминалъ ны свинью. «Гдѣ свинья?» — Я прыминалъ ны гуська. «Прыминяй намъ гуська ны утычку.» Прыминялъ, нисётъ утку: ри(е)бяты играютъ въ клюшки [1]. «Гдѣ ты, мужичокъ былъ?» — Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю. «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?»—Зылатою титерькыю. «Гдѣ зылатая титерька?» — Я прыминялъ ны каня. «Гдѣ конь?» — Я прыминалъ ны каровку. «Гдѣ каровка?» — Я прыминялъ ны авечку. «Гдѣ авечка?» — Я прыминялъ ны свинью.

[1]) Клюшка (клюка)—дубинка, палка съ загнутымъ концомъ, которою дѣти подбиваютъ шаръ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 84). *Вар.* стоятъ нищіе съ клюками.

«Гдѣ свинья?»—Я прыминялъ ны гуська. «Гдѣ гусёкъ?»—Я прыминялъ на утку. «Прыминяй намъ утку на клюшку. Прыминялъ, идётъ; пришолъ дамо̀, клюшку пыставилъ у варотъ, а самъ пышолъ въ избу. Жина стала спрашвыть; онъ разсказалъ все до клюшки. «Гдѣ клюшка?»—У варотъ. Ана пышла, взяла клюшку, ды клюшкой-та вазила-вазила [1]) яво: «ни ми(ѣ)няй, ни миняй, старый чортъ! ты хужъ (хошь, хочь) бы утку принёсъ дамо̀!»

(Записана въ липецкомъ уѣздѣ тамбовской губерніи.)

11.

СКАЗКА О ДЕМЬЯНѢ-МУЖИЧКѢ [2]).

Одинъ мужичокъ охотникъ былъ драться; зазвалъ къ себѣ въ гости мужика, велѣлъ хозе(я)йкѣ собрать на столъ, велитъ гостю садиться за столъ. Тотъ отговариватся: «что ты, Демьянъ Ильичъ, безпокоиш(ь)ся напрасно?» Демьянъ Ильичъ ему плюху [3]) да и по шшокѣ [4]), и говоритъ: «въ чужомъ домѣ хозейна слушай!» Тому нечево дѣлать, сѣлъ за столъ, потчуётъ ево; онъ ѣс(т)ъ. Хозейнъ началъ рушать [5]) хлѣба много. Мужикъ и говоритъ: «куда ты, Демьянъ Ильичъ, столько хлѣба нарушива(е)шъ?» Демьянъ Ильичъ и другу̀ ему чику [6]): «не указывай, говоритъ, въ чужомъ домѣ! дѣлай то, чево хозейнъ велитъ.» Мужикъ не радъ сталъ: ежели потчуётъ — не ѣс(т)ъ, не слушатъ Демьяна. Тотъ ево бьётъ да приговариватъ: «въ чужомъ дому хозейна слушай!»

---

[1]) Т. е. била. — [2]) См. вып. V, № 1, в. — [3]) Затрещину. — [4]) По щекѣ. — [5]) Рѣзать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 194). — [6]) Чикить —бить, ударять (ibidem, стр. 257).

На эту пору неоткуда возмись — другой дѣтина, только не въ взрачной лопотинѣ [1]), а парень бойкой, безъ спросу отворятъ ворота, заѣзжатъ въ ограду; а Демьянъ вышолъ на крыльцо, кланятся: «милости просимъ, милости просимъ!» — охота и этова побить! Дѣтина—неробкой, снимать шапку и говоритъ: «извини, Демьянъ Ильичъ, я не спросился—заѣхалъ.» —Не(и)чево, нечево! милости просимъ въ избу. Дѣтина вошолъ. Хозейнъ и ево садитъ за столъ, женѣ велитъ ставить ѣствовъ, нести хлѣба, такъ и потчуётъ! А дѣтина ѣс(т)ъ да ѣсъ, не перечитъ. Демьянъ сколько не бился — дѣтина ни въ чомъ не перечитъ: не удалось ему ударить. Онъ и пошолъ на продѣлки, вынёсъ хорошо-само лучшо платье, говоритъ дѣтинѣ: «скидай то, надѣвай вотъ это!» Думатъ самъ: ужо де отпираться станётъ, я ево выколочу. Дѣтина не прекословитъ, надѣватъ. Демьянъ то-друго подсунётъ; дѣтина все не споритъ. Вывёлъ хорошу лошадь, обсѣдлалъ въ лучшо сѣдло, надѣлъ добру узду, и говоритъ дѣтинѣ: «садись на мою лошадь; твоя-то худая!»—ужо де не станётъ ли перечить? Дѣтина сѣлъ. Демьянъ велитъ ѣхать; тотъ молчитъ, понужнулъ [2]) лошадь, выѣхалъ изъ ограды, и говоритъ: «прощай, Демьянъ! ни чортъ пе(и)халъ, самъ попалъ!» И уѣхалъ — поминай какъ звали: только и было! Демьянъ посмотрѣлъ вслѣдъ, хлопнулъ руками да и сказалъ: «ну, видно нашла коса на камень! Дуракъ-жо я — хотѣлъ побить, да лошадь и пробилъ!» Можетъ лошадь-та со збруей-та сотъ полуторыхъ стоила.

(Записана въ пермской губерніи шадринскомъ округѣ государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

---

[1]) *Лопотина*—мужская и женская одежда (ibidem, стр. 105). — [2]) Понукать, нудить.

12.

ГОЛОВИХА.

Одна баба бойка была; пришолъ мужъ съ совѣту, она и спрашиватъ ево: «чево вы тамъ судили?» — Чево судили-то! голову выбирали. «А ково выбрали?» — Не ково ишшо [1]). «Выберите меня», баетъ [2]) баба. Дакъ [3]) что мужъ пошолъ на совѣтъ (она зла была; ему хотѣлось ее проучить), сказалъ это старикамъ; тѣ тотчасъ бабу выбрали въ головы. Живётъ баба, судитъ и рядитъ, и вино съ мужиковъ пьётъ и взятки берётъ. Пришло время подушно сбирать. Голова не успѣлъ, не мок(г)ъ собрать во̀ время; пріѣхалъ казакъ, сталъ спрашивать голову, а баба прятат(ь)ся: узнала, что пріѣхалъ казакъ, бѣжитъ скоряй домой. «Да куда-жо я, да куда-жо я спрятаюсь? говоритъ мужу. Завяжи-ко меня, батюш о муженёкъ, въ мѣшокъ, да поставь вонъ къ мѣшкамъ съ хлѣбомъ-то.» Тутъ стояло съ ерицой [4]) мѣшковъ пять. Мужъ завязалъ голову, поставилъ въ серёдку мѣшковъ. Казакъ пр: шолъ да говоритъ: «э! голова-то спрятался!» Давай-ко по мѣшку то плетью хлестать. Баба во все горло заревѣла: «ой, батюшки! не пойду въ голоиы, не пойду въ головы!» Казакъ отхлесталъ, ушолъ, баба полно головить [5]), и стала послѣ тово мужа слушать.

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зырановымъ.)

---

[1]) Еще. — [2]) Говоритъ. — [3]) Только. — [4]) Ярица — яровой хлѣбъ. — [5]) Быть головою.

13.

РУССКОЙ И МОРДВИНЪ [1]).

Въ старые годы, када-та случилось ѣхать па адной дарогѣ русскаму и мардвину вмѣстя. У мардвина была лошадь чорная да харошая, а у русскаго бѣлая клячонка лядащая [2]). Вô и пришлось имъ на полѣ начавать. Мардвинъ и кáжа русскаму: «давай канаться, каму придётся караулить ночью лошадей?» Паканались, и дасталась вперёдъ караулить мардвину, а на другую ночь русскаму. Мардвинъ аткараулилъ свой черёдъ, а кагда русскаму пришолъ черёдъ, то онъ, лажась спать, и кàжа: «мая лошадь бѣлая, що яё караулить? яё и такъ видно даляко; а твая чорная, тваю лошадь ня видать, ана пажалуй уйдё или воръ уведё, и ня увидишъ!» Мардвину дѣлать была нечаго, сталъ и другую ночь караулить. На третій день мардвинъ молвилъ русскаму: «давай мѣнять лошадьми.» Рускай сагласился и придалъ яму̀ ящо толькя тулупъ ня больна гожай [3]), — и кагда стали апять лажиться спать, мардвинъ и кàжа русскаму: «таперь маю лошадь будя видно, а тваю нѣтъ; ты и карауль!» А русскай яму̀ атвѣчая: «тваю лошадь придё воръ и уведё, патаму што яё далёко видно—ана бѣлая; а маю ня увидя—мая чорная.» Мардвину пришлось апять: дѣлать нечаго, сталъ караулить и третію ночь. Поутру, праснувшись, паѣхали ужь дальше; русскай на дарогѣ прадалъ сваю лошадь за шестьдесятъ рублей, а у мардвина акалѣла, патаму що насилу ноги передвигала. Мардвинъ снялъ съ лошади шкуру и панёсъ яё на сабѣ.

---

[1]) См. вып. VI, № 1, bb. — [2]) Дрянная. — [3]) Не очень годной, плохой.

Вò ани и пашли; шли близка ли, далёка ли, и пришли въ адно сяло довольна ужь поздна и выпрасились начавать у тамошняго мужичкя, каторай имъ атвёлъ для евтаго баню. Када взашли въ баню, то мардвинъ палажилъ шкуру на нижній палòкъ, а самъ лёгъ на верхнямъ, а въ потмахъ-та ня даглядѣлъ, що бальшая кадушка стоитъ окала палковъ [1]), а вѣникъ на палкỳ ляжитъ. Вò русскаму и захатѣлась падшутить надъ мардвиномъ, а на ягò счастье сабака и забряхи [2]). Русскай тагды и закричалъ мардвину: «пасматри-ка, воры къ намъ крадутся!» Мардвинъ потянулся и зашумѣлъ вѣникомъ, да и падумалъ, що евта воры тащатъ ягò шкуру; вско́чилъ, да опрометью кинулся прямо съ палкà и папалъ на кадушку, да и упалъ, а кадушка навалилась пряма на ягò и накрыла ягò съ галавы. Вò ужь тутъ-та мардвинъ и савсѣмъ атарапѣлъ, ня смѣя и пикнуть; думая, що евта воры ягò нарокамъ [3]) накрыли. А русскай, видя, що шутка ягò удалась, взялъ тулупъ и шкуру сабѣ на плечи, и былъ таковъ! изъ бани давай уляпётывать ночью падаля отъ сяла, и ушолъ ня знать куда. Мардвинъ-жа апомнился тагды, кады ужь разсвяло бялёшунька [4]); вылѣзъ изъ-подъ кадушки, сейчасъ хватился тулупа и шкуры—ихъ нѣтъ, и слѣдъ прастылъ! Сталъ кликать [5]) русскаго, и ягò какъ ня бывала. Тутъ нашъ мардва пашолъ ня съ чѣмъ на всѣ чатыря старонки искать русскаго и сваёй прапажи.

(Записана въ тамбовской губерніи, вблизи заштатнаго города Кадома.)

---

[1]) Родительный множ. числа отъ слова: полокъ. — [2]) Брехать — лаять. — [3]) Нарочно. — [4]) Бѣлёшенько. — [5]) Звать.

14.

РУССКОЙ И ТАТАРИНЪ [1]).

Русской и татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ; сварили они кашу, поѣли и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У русскаго лошадь была сивая да плохая, у татарина вороная да хорошая. Ночь была тёмная. Русской говоритъ татарину: «мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь; я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою чорную лошадь.» Татарину не хотѣлось караулить; онъ промѣнялъ свою лошадь русскому. Русской взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ татариномъ: «теперь, говоритъ, я вовсе не буду караулить своей чорной лошади; придетъ воръ — моей чорной лошади не найдетъ въ потьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ-же увидитъ и украдетъ.»

Легли они спать. Русской притворился спящимъ и захрапѣлъ, выжидая, что станетъ дѣлать татаринъ; а татаринъ, желая отплатить за обманъ и думая, что русской спитъ, всталъ, отыскалъ его лошадь и загналъ ее въ топкое болото; потомъ лёгъ и заснулъ въ самомъ дѣлѣ. Тогда русской задралъ шкуру у ногъ татариновой лошади по колѣно, вогналъ ее въ тину, а свою вытащилъ, и лёгъ опять на свое мѣсто. Вотъ татаринъ проснулся, разбудилъ русскаго и сталъ разсказывать ему свой сонъ: «охъ, русской! какой дурной я видѣлъ сонъ-то, будто бы кто-то пришолъ и загналъ твою лошадь въ тину!» — Охъ, братъ татаринъ! говоритъ русской, и я сонъ

---

[1]) См. вып. V. № 1, b, e; вып. VI, № 1, bb, kk; Народн. сказки, изд. Эрленвейна, № 36.

видѣлъ не такъ хорошъ, будто бы твоя лошадь ноги подсучила и зашла въ тину.» Татаринъ вскочилъ и побѣжалъ посмотрѣть: приходитъ, а лошадь его уже умерла въ тинѣ. Татаринъ остался пѣшимъ. Разсвѣло, и надо было отправляться въ путь. Русской, чтобъ не приставалъ къ нему татаринъ, продалъ свою лошадь.

Пошли они въ путь и условились: по очереди нести другъ друга на плечахъ, пока тотъ, кому достанется сидѣть на чужихъ плечахъ, заснётъ. Бросили жребій, и напередъ досталось нести русскому. Татаринъ вз(о)брался на плечи русскаго и запѣлъ: талды-булды! пѣлъ-пѣлъ и заснулъ. Русской не пронёсъ татарина и полуверсты, и грянулъ его съ плечъ ѳземь. Затѣмъ русской вз(о)брался на плечи татарина и запѣлъ: тили-тили! пѣлъ-пѣлъ такъ долго, что татаринъ тащилъ его на плечахъ верстъ двадцать, усталъ и спрашиваетъ русскаго: на долго-ли протянется его пѣсня? — Верстъ на десятокъ потянетъ, говоритъ русской. А татаринъ въ отвѣтъ: «охъ, твои тили-тили совсѣмъ меня съ ногъ сбили!» Горюнъ тащилъ русскаго до самой ночи.

Пришло село; татаринъ съ русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстнаго у нихъ была одна только курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ и говоритъ: «давай, русской, спать, и кто увидитъ лучше сонъ, тому и курицу ѣсть.» Вотъ легли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русской съѣлъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго, и спрашиваетъ, что онъ видѣлъ во снѣ? Русской заставилъ впередъ татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: «ахъ, русской, хорошъ сонъ я видѣлъ, будто бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!»—Ну, говоритъ русской, а я видѣлъ, какъ тебя взя-

ли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то. Бѣдный татаринъ остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушолъ отъ него.

(Записана въ тамбовской губерніи моршанскаго уѣзда, въ селѣ Кареляхъ, наставникомъ приходскаго училища Алексѣемъ Добровольскимъ)

15.

О ПОПОВѢ РАБОТНИКѢ.

Въ нѣкатарамъ сялѣ попъ нанялъ сабѣ батрака, и паслалъ ягò на сучонкѣ пахать, и далъ яму̀ мѣлую кавригу хлѣба и гутаря [1]) яму̀: «на, батракъ, бут(д)ь самъ сытъ, и сучонкя щобы была сыта, да щобы и каврига была ца(ѣ)ла.»

Вò батракъ, взявши, паѣхалъ въ пòля, а пріѣхавши зачалъ пахать. Вò пахалъ, пахалъ, ужь время бы, кажись, и червячкя замарить [2]): животики яму̀ такъ и подвяло; да що станяшъ дѣлать съ паповымъ-та приказамъ? Но голадъ ня тётка, ужу-разуму науча. Во и вздумалъ думу батракъ, кажись бы гожа [3])! ну, быть дѣлу такъ. Взялъ верхняю с(ш)корку съ хлѣбушкя тихоханькя снялъ, мякошъ всеё павытаскивалъ, самъ дòсыта наѣлся и сучонкю накармилъ, а скорки апять слажилъ па прежняму, какъ бы̀ла, да и попахивая сабѣ да вечера, какъ будта ня въ чомъ не былъ, горя мàла яму̀! Вò ужь начало смяркаться. Онъ и паѣхалъ дамой. Прія(з)жая, а попъ ягò ужь у варотъ встрѣчая и спрашивая ягó: що-молъ, батракъ, сытъ? Онъ кàжа: «сытъ.» Попъ апять спрашивая: «а сучонкя сыта?» Батракъ кажа: «сыта.» Попъ апять гутаря: «а каври-

[1]) Говоритъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44). — [2]) Заморить червячка—утолить голодъ. — [3]) Годно.

га цала?» Батракъ кажа: «цала! на̀ вотъ, батюшка, цалёхунька.» Во̀ какъ разглядѣлъ попъ атъ да и ра(з)смѣялся, и гутаря: «хитрецъ ты акаянный! какъ на те [1]) пагляжу, изъ тебе прокъ будя. Люблю за абычай и за тваю дагадливасть! ухитрился, маладецъ! аставайся у мене, живи; мнѣ такой и надобя.» И аставилъ яго̀ у себе, прибавя ящо сверхъ дагаворнай цѣны за то, що парень-та папался яму̀ ухарскай и разухабистай да больна [2]) дагадливай. Тутъ-та батраку пашло житьё, що твоя маслина, и умирать ня нада.

(Записана тамбовской губерніи, близъ Кадома.)

16.

ВОРОЖЕЯ [3]).

Въ адномъ сялѣ жила-была старуха старая, а у ней былъ сынъ ня вяликъ и ня малъ, такой що ящо въ полѣ ня сможа харашо рабата̀ть. Вотъ ани дожили да таго, що имъ пришлось— и перякусить нечаго; вотъ тутъ-та задумалась больна старуха, думая сабѣ, гадая крѣпку думушку, какъ имъ быть и на бялу святу̀ жить, да щобы и хлѣбушка былъ.

Думала думала и вздумала думу, да и гутаря свояму мальчугѣ: «сынокъ, пади коть ты, увяди у каго лошадушакъ и привяжи ихъ въ такомъ-та кустѣ, да сѣна дай, а патомъ атвяжи апять и отвяди въ евтакую-та лащину, и тамъ паколь [4]) пусти ихъ.» Малай яё былъ, нечаго сказать, больна праворянъ; какъ услыхалъ, що матушка яму̀ приказывая, во̀ онъ пашолъ,

---

[1]) Тебя — [2]) Очень. — [3]) См. вып. VI, № 22 и 23. — [4]) Покол, покель — пока.

да и свёлъ гдѣ-та лашадушакъ, и сдѣлалъ все такъ, какъ мамушка яму̀ гутарила.

Пра старуху-жа прежъ сяго была малва, що ана таки кой-що зная, и па прозбя(ѣ) кой-кагды бывала варожа.

Какъ хватились хазяева сваихъ лашадушакъ, давай искать, и долга бились ани сярдешныя(е), да нигдѣ ня нашли. Во и гутарятъ: «що дѣлать? надать найти знахаря, щобы паваражить, хошъ [1]) бы и заплатить яму̀ ня больна такъ многа, щобы найти ихъ.» Вд̀ и вспомнили пра старуху, да и гаворя(тъ): «семъ-ка [2]) пайдемъ къ ней, папросимъ паваражить; авось ана и скажа намъ объ нихъ що-нябудь.» Какъ сказана, такъ и сдѣлана. Вд̀ и пришли къ старухѣ, да и баютъ: «бабушка-кармиляца! мы слыхали атъ добрыхъ людей, що ты кой-чѣмъ маракуешъ, умѣешъ гадать па картамъ и па нимъ смякаешъ какъ па писаннаму: паваражи-ка и намъ, радимая! у насъ прапали лашадушки.» Вд̀ бабушка и кажа имъ: «охъ, батюшки маи светы! да у мене и мочушки [3])-та нѣтъ! удушья, радимыя мои, мене замучило.» А ани ей кажутъ: «эка, бабушка! патрудись, жаланная ты наша! евта ня дармà [4]), а мы табѣ за работу заплатимъ.» Вотъ ана, переминаясь и пакашливая, расклала карты, пасматрѣла на нихъ долга, и кàжа имъ (хошъ нячаго ня знала, да дѣлать нечаго; голадъ ня свой братъ, уму-разуму науча): «эка притча! [5]) падумаю. Глядь-ка сюда, маи батюшки! вотъ кажись ваши лашадушки стая въ евтакамъ-та мѣстя(ѣ), въ кустѣ привязаны.» Во хазяева абрадавались, дали старухѣ за работу и пашли сабѣ искать сваихъ живатинушакъ [6]). Пришли къ сказаннаму ку-

---

[1]) Хотя. — [2]) Союзъ предположительный (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 201). — [3]) Уменьшительное отъ слова: мочь (сила). — [4]) Не даромъ.— [5]) Притча — непредвидѣнный, несчастный случай (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 178—9). — [6]) Животъ, животина — лошадь (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 56).

сту, а тамъ ужь ихъ лашадей-та и нѣтъ, хошъ и была замѣтна то мѣста, гдѣ были привязаны лошади, патаму що атрѣзанъ гужъ отъ узды и виситъ на кустѣ, да и сѣна навалена чай ня мала. Вò ани пришли, пасматрѣли, а ихъ и слѣдъ прастылъ; взгарявались бѣдняги и ня знаютъ, що и дѣлать; падумали межъ сабой, и апять атправились къ старухѣ: кали разъ узнала, то и таперя скажа.

Вò пришли апять къ старухѣ, а ана ляжитъ на пячи да ужь такъ-та крекча [1]) да охая, що и ня вѣсть какая бòлѣсть на яё приключилась. Ани стали яё унижениа прасить — ящо имъ паваражить. Ана было апять па прежняму стала атнѣкиваться, гавора: «мочи нѣтъ и старасть-та асилила!» — а все для таго, щобы больша дали ей за труды-та. Ани абѣщали, кали найдутся, нячаго ня жалѣть для ней и таперича дать пакель пабòля. Вò старуха слѣзла съ пячи, пакрехтывая и кашляя, раскинула апять карты, призадумалась, пасматрѣла на нихъ и гутаря: «ступайтя, ищитя ихъ въ евтакай-та лащинѣ: ани тамъ, кажись, ходятъ, тачнёханька ваши!» Хазяева дали ей съ радасти за работу очення давольна, и пашли атъ ней апять искать. Вò пришли ани въ лащину, глядь—а тамъ ихъ лошади хода(тъ) цалёхуньки; ани взяли ихъ и павяли дамой.

Вò и пашла пра старуху вялйкая слава: що молъ такая-та варажая, умѣя варажить — вò какъ! що ня скажа, быть дѣлу такъ! Евта слава распраст(р)анилась далякo, и дашолъ евтатъ слухъ да аднаго баярина, у катораго прапалъ цѣлай сундукъ денагъ — наизвѣстна куды. Вò какъ онъ услыхалъ, да и паслалъ за бабушкай-варажейкяй сваю карету, щобъ яё къ яиму привязли няпрямѣнна, будь она хошъ какъ бальна; а паслалъ двухъ сваихъ людей Самона да Андрюху (ани-то и сдули евти деньги у барина). Вò ани пріѣхали къ бабкѣ, и пачти силомъ [2])

---

[1]) Крехтитъ. — [2]) Насильно.

яё пасадили въ карету и павязали къ баярину. Дарогай бабущка начала таскавать, охать и вздыхать, и гутаря пра себе: «охо... хо... хо... хо... хо! кабы *ня мамонъ* [1]) *да ня брюха*, гдѣ бы евтаму дѣлу збытца, щобы мнѣ варажейкай быть и ѣхать въ карета къ баярину — для таго, щобы онъ мене запряталъ туда, куда воранъ и кастей маихъ не занёсъ. Охъ, плоха дѣла!» Самонъ евта паделухалъ, да и кажа: «чуишъ [2]), Андрюха! старуха о сю пору що-та пра насъ бармоча. Кажись, плоха дѣла будя!» Андрюха ямў гутаря: «що ты такъ срабѣлъ, можа евта такъ табѣ са страстей пачудилась.» А Самонъ ямў бая: «паслухай-кя самъ, во̀ ана апять що-та гутаря.» А старуху самоё берё страхъ и гѝря; во ана, пасидя намнога, апять сваё твярдитъ: «охо... хо... хо... хо... хо! кали-бъ *ня мамонъ да ня брюха*, гдѣ бы евтакай аказіи збытца!» Во̀ ребята давай прислухивать, що старуха бармоча; а ана, пасидя намнога, апять за сваё примитца: «мамонъ да брюха!» и безперечь са страстей [3]) все сваё несё. Какъ ребята евта услыхали, ихъ отарапъ [4]) сильна взялъ: що дѣлать? да и загутарили прамежъ себе, що надать бабушку упрасить, какъ можна, щобы ана ня балтнула евтага баярину, а то старая все твярдитъ: «кабы ня Самонъ да ня Андрюха, гдѣ бы евтакай аказіи збытца!» Ани акаянныи(е) са страстей-та ня разабрали, що старуха гутаря а(о) мамонѣ да а брюхѣ, а ня Самонѣ да Андрюхѣ. Какъ межъ сабой у нихъ сказана, такъ была и сдѣлана. Во̀ ани и начали прасить старуху: «бабушка, жаланная ты наша, кармилица! ня пагуби насъ, а заставь вѣчна за те Бога малить. Ну, що табѣ будя прибыли пагубить насъ и агаварить передъ баяринамъ? лучша ня сказывай на насъ, а такъ какъ-нябудь; а мы-та ужь табѣ за евта що хошъ заплатимъ.»

---

[1]) Деньги. — [2]) Слышишь. — [3]) Со страху. — [4]) Отъ глагола «оторопѣть».

А бабушкя ня дура, сабѣ на умѣ, чуя евти слава̀, схамянулась [1]), и страсть съ няё вся скачила — какъ рукой сняло, да и спрашивая ихъ: «гдѣ-жа вы, дѣтушки, все евта дѣли?» Ани гутарятъ ужь съ плачомъ: «що, радимая! чай насъ самъ акаянныай [2]) саблазнилъ, що грѣхъ такой сдѣлали.» Бабушкя апять спрашивая: «да гдѣ-жъ анѣ?» Во̀ ани и гутарятъ: «да куда-жъ ихъ акромя была спрятать-та, какъ ня на мельницу падъ гать [3]), пакуля прайдё такая нѐпагодь.» Во̀ ани сгутарившись дарогаю, какъ надать, и прiѣхали въ домъ къ баярину. Баяринъ, какъ увидалъ, що привязли старуху, сдѣлался й ня вѣсть какъ радъ! взялъ яё падъ руки къ сабѣ, у харомы [4]), началъ поштавать [5]) всякими евтакими питьями и яствами, чаго яё душаньки угодна, и напоштававши яё дасыта — давай прасить яё, щобъ ана яму̀ пра деньги павараживала. А бабушкя сабѣ на умѣ, сваё насё, що мочи-та нѣтъ и насилу ходя; а баяринъ и кажа: «экая ты бабушкя! ты бут(д)ь у мене, какъ въ сваёмъ даму̀, хошъ сядь, а хошъ ляжъ, есля ужь табѣ ня въ магату сидѣть-та, да толькя паваражи—абъ чомъ я те прашу, и есля узнаишъ: хто взялъ маи деньги, да ящо я найду сваю прапажу, то яя толькя угащу, а ящо и награжу те, чѣмъ душанькѣ тваёй угодна, какъ слѣдуя, беза всякой абиды.» Во̀ старуха, переминаясь, какъ-бы яё и въ самамъ дѣлѣ лихая болѣсть изнимая, взяла карты, разла̀жила, какъ слѣдуя, и до̀лга на нихъ сматрѣла, все пришоптывая що-та губами. Пасматрѣвши, и гутаря: «прапажа твая на мельницѣ падъ гатью ляжить.» Баяринъ, какъ толькя услыхалъ евта, що сказала старуха, сейчасъ и паслалъ Самона да Андрюху, щобы евта всё атыскать и къ няму принесть; онъ ня зналъ, що евта все ани сами справорили. Во̀ тѣ пашли, атыска-

---

[1]) Схаменуться — опомниться, спохватиться (Оп. обл. великор. словаря, стр. 222). — [2]) Нечистый духъ. — [3]) Плотина (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 36). — [4]) Въ комнаты. — [5]) Подчивать.

ли и принясли къ баярину; а баяринъ-та, глядя на сваи деньги, такъ абрадавалса, що и считать ихъ ня сталъ, а далъ старухѣ сейчасъ сто рублей и ящо кое-чаго очення давольна, да ящо и напредки [1]) абѣщалса яё ня аставлять за такую услугу; патомъ, угаста яё харашенька, атаслалъ апять въ карете дамой, наградя ящо на дарогу кое-чѣмъ па дамашнему. Дарòгай Самонъ и Андрюха благадарили старуху, що ана хошъ знала пра ихъ дѣла, да баярину ня сказала, и дали ей ящо денягъ.

Съ евтихъ поръ наша старуха ящо боля праславилась и стала жить сабѣ — ня тужить, и ня толькя що хлѣбушка стала у няё въ волю, но и всякаго прочаго, и всяго ня въ праѣдъ, да и скатинушки развяли очення давольна; и стали съ сваимъ сынкомъ сабѣ жить да паживать, и добра наживать, да бражку и мядокъ папивать. И я тамъ былъ, мёдъ-вино пилъ, толькя въ ротъ ня папала, а па усамъ тякло.

(Записана тамъ-же.)

17.

СКАЗКА О ГОРШЕЧНИКѢ. [2])

Адинъ, слышъ [3]), цàрь велѣлъ сазвать са всево царства всѣхъ, сколь на-есть, баръ [4]), всѣхъ-навсѣхъ къ себѣ, и вотъ евтимъ дѣламъ-та загану̀лъ [5]) имъ загат(д)ку: «нуте-ка хто изъ васъ атганётъ? Загану я вамъ загатку: хто на свѣти лютѣй и злоѣдливѣй (гаваритъ) всѣхъ?» Вотъ ани думали-думали, думали-думали, ганали-ганали [6]), и то думали,

---

[1]) Наперёдъ. — [2]) См. вып. IV, № 48; вып. VI, № 44. — [3]) Слышишь; знашъ — знаешь. — [4]) Бояръ, господъ. — [5]) Загадалъ. — [6]) Гадали.

и сё думали, — всяка [1]) прикидывали, знашъ, кабы атгануть. Нѣтъ, вишь, никто не атганулъ. Вотъ царь ихъ и атпустилъ, атпустилъ и наказалъ: «вотъ тада-та матряйте [2]), вы апять эвтимъ дѣламъ-та ка мнѣ придите.»

Вотъ, знашъ, межъ эвтимъ врéмимъ-та адинъ изъ эвтихъ баръ оченна дóшлай [3]) сталъ вездѣ выспрашивать, хто што ему не евта скажитъ? ужь онъ и къ купцамъ-та, и къ таргашамъ-та, и къ нашаму-та брату всяка прилаживался: ахота, знашъ, узнать какъ на-есть, ды атгануть царску-та загатку. Вотъ адинъ гаршеня [4]), што, знашъ, гаршки прадаётъ, и выискался: «я, слышъ, съумѣю атгануть эвту загатку!» — Ну, скажи, какъ? «Нѣтъ, не скажу, а самаму царю атгану.» Вотъ онъ всяка сталъ къ нему прилаживаться: «вотъ то и то тебѣ, братецъ, дамъ!» — и денигъ-та ему сулилъ [5]), и всяку всячину ему представлялъ. Нѣту, гаршеня стаялъ въ адномъ, да и полна, што самаму царю такъ атгáну, безпремѣнна атгану; апречь [6]) — никаму! Такъ съ тѣмъ и аташолъ атъ нево баринъ, што ни въ жисть [7]), гаваритъ, ни скажу никаму, апречь самаво царя.

Вотъ какъ апять, знашъ, сызнава собрались бары-та къ царю, и никто апять не атганулъ загатку-та. Тутъ баринъ-атъ тотъ и сказалъ: «ваше де царскоё величество! я знаю аднаво гаршеню; онъ гаваритъ — атганётъ вамъ эвту загатку.» Вотъ царь велѣлъ пазвать гаршеню. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пришолъ гаршеня къ царю, гаваритъ: «ваше царскоё величество! лютѣй, гаваритъ, и злоѣдливѣй всево на свѣти казна [8]). Ана оченна всѣмъ завидлива; изъ-за неё пуще [9]) всево всѣ, слышъ, бранятся, дерутся, убиваютъ да смерти другъ друшку; въ иную пору рѣжутъ нажами, а не-то такъ

[1]) Всячески — [2]) Смотрите. — [3]) Дошлой — смышленной, догадливой (Опытъ областн. великорус. слов., стр. 49). — [4]) Горшечникъ. — [5]) Обѣщалъ.— [6]) Опричь, кромѣ. — [7]) Жизнь. — [8]) Деньги. — [9]) Больше.

инымъ дѣламъ. Хать [1]), гаваритъ, съ голаду акалѣвай [2]), ступай пò міру — праси милостыню, ды таво гляди: у нищава-та суму атымутъ, какъ мало-мальски-та пабольше кусочковъ наберёшъ, коимъ грѣхомъ ище [3]) сдобниньких. Ды што и гаварить, ваша царское величество! изъ-за неё и вамъ, слышъ, лихасти [4]) въ волю [5]) дастаётся.» — Такъ, братецъ, такъ! сказалъ царь. Ты атгануль, гаваритъ, загатку; чѣмъ, слышъ, мнѣ тебя наградить? «Ничаво не нада, ваша царское величество!» — Хошъ [6]) ли чаво, крестьянинъ? я тебѣ, слышъ, дамъ. «Не нада, гаваритъ гаршеня. А кали ваша царска миласть будитъ, гаваритъ, сдѣлай запретъ прадавать гаршки вотъ на столька-та вёрстъ атсюдава: нихто бы тутъ, апречь меня, не прадавалъ ихъ.» — Харашо! гаваритъ царь, и указалъ сдѣлать запретъ прадавать тамъ гаршки всѣмъ, апречь ево. Гаршеня вотъ какъ справенъ сталъ атъ гаршковъ, што на диво!

А вотъ какъ царь, знашъ, въ прибыль ему сказалъ, штопъ нихто къ нему не являлся безъ гаршка, то адинъ изъ бар скупой-перескупой сталъ таргавать у нево гаршокъ. Онъ гаваритъ: «гаршокъ стòитъ 50 рублёвъ.» — Што ты, слышъ, въ умѣ ли? гаваритъ баринъ. «Въ умѣ», гаваритъ гаршеня. —Ну, я въ иномъ мѣстѣ куплю, гаваритъ баринъ. Паслѝ [7]) приходитъ: «ну, слышъ, дай мнѣ адинъ гаршокъ.» — Вазьми, давай сто рублёвъ за нево, гаваритъ гаршеня. «Какъ сто рублёвъ! съ ума што ли, гаваритъ, сашолъ?» — Сашолъ, али [8]) нѣтъ; а гаршокъ стòитъ сто рублёвъ. «Ахъ, ты праклятый! аставайся са сваимъ гаршкомъ!» — и ушолъ апять тотъ баринъ. Уш(ж)ь думалъ онъ безъ гаршка схадить къ царю, ды абдумался: «не харашо, слышъ, я приду къ нему адинъ безъ гаршка.» Сызнава варатился: «ну, гаваритъ, давай гаршокъ; вотъ

[1]) Хоть. — [2]) Умирай. — [3]) Еще. — [4]) Вреда. — [5]) Много. — [6]) Хочешь. — [7]) Послѣ. — [8]) Или.

тебѣ стору-блёвъ.»—Нѣтъ, онъ стôитъ таперь палторы сотни рублёвъ, гаваритъ гаршеня. «Ахъ, ты акаянный!» — Нѣтъ, я не акаянный! а меньша не вазьму. «Ну, прадай мнѣ весь завотъ; што вазьмёшъ за нево?» — Ни за какія деньги не прадамъ, а кали хошъ дàрамъ атдамъ тебѣ: давези меня, гаваритъ, на себѣ верхомъ къ царю. Баринъ-атъ былъ оченна скупъ и оченна завидливъ, сагласился на эвта и павёзъ гаршеню на себѣ верхомъ къ царю. У гаршени руки-та въ глинѣ, а ноги-та въ лаптяхъ тарчали клинамъ. Царь увидалъ, засмѣялся: «ха, ха, ха!... Ба! ды эвта ты! (узналъ, слышъ, барина-та, ды и гаршеню-та.) Какъ такъ?» — Ды вотъ то и то, ра(з)сказалъ гаршеня аба всёмъ царю. «Ну, братецъ! снимай, слышъ, все съ себя и надѣвай на барина, а ты (барину-та сказалъ) скидай все сваё платьё и атдай ему; онъ таперь будитъ бариномъ на тваёмъ мѣсти въ вотчинѣ, а ты буть замѣста [1]) ево гаршенею.»

(Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.)

18.

ДВОЕ ИЗЪ СУМЫ.

Жилъ старикъ съ старухой. Вотъ старуха на старика всегда бранится, что ни день—то помяломъ, то рогачомъ [2]) отваляетъ его: старику отъ старухи житья вовсе нѣтъ! и пошолъ онъ въ поле, взялъ съ собою тенёты и постановилъ ихъ. И пумалъ [3]) онъ журавля, и говоритъ ему: «будь мнѣ сыномъ! я тебя отня(е)су своей старухѣ, авось она не будетъ теперь

---

[1]) Вмѣсто. — [2]) Ухватомъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 191). — [3]) Поймалъ.

на меня ворчать.» Журавль ему отвѣчаетъ: «батюшка! пойдемъ со мною въ домъ.» [1]) Вотъ онъ и пошолъ къ нему въ домъ. Пришли; журавль взялъ со стѣны суму и говоритъ: *двое изъ сумы!* [2]) Вотъ сейчасъ вылѣзли изъ сумы два молодца, стали становить столы дубовые, слать скатерти шелковыя, подавать ѣствы и питья разныя. Старикъ видитъ такую сладость, что съ роду никогда не видывалъ, и обрадовался очненно. Журавль и говоритъ ему: «возьми эту суму себѣ и неси своей старухѣ.» Вотъ онъ взялъ и пошолъ; шолъ путемъ дальнимъ и зашолъ къ кумѣ ночевать, у кумѣ(ы) было три дочери. Собрали ему поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Онъ ѣстъ-не ѣстъ и говоритъ кумѣ: «плоха твоя ѣда!» — Какая есть, батюшка! отвѣчала кума. Вотъ онъ и говоритъ: «соби(е)ри свою ѣду-та» — а которая была у него сума, той говоритъ, какъ приказывалъ ему журавль: *двое изъ сумы!* Въ ту-жъ минуту двое изъ сумы вылѣзли, зачали становить столы дубовые, слать скатерти шелковыя, подавать ѣствы и питья разныя. Кума съ дочерьми своими удивилась, задумала унеесть у старика эту суму, и говоритъ дочерямъ: «подите, истопите баньку; можетъ, куманёкъ попарится въ банькѣ-то.» Вотъ только онъ вышелъ въ баню-то, а кума сейчасъ приказала своимъ дочерямъ сшить точно такую-же суму, какая у старика; онѣ сшили—и положили свою сумку старику, а его

---

[1]) Въ «Собраніи старинныхъ русск. сказокъ» это мѣсто изложено обстоятельнѣе: «Старикъ выскочилъ изъ-за куста, и подходя ближе къ тенетамъ, «говорилъ самъ себѣ: ну, слава Богу! теперь старуха на меня не будетъ «ворчать; я ей принесу журавля, котораго убьемъ, наваримъ, нажаримъ и «вмѣстѣ съѣдимъ. Журавль, услыша сіе, возговорилъ старику человѣче-«скимъ голосомъ: почтенный старикъ! не носи ты меня домой и не бей, «но выпусти изъ тенетъ и дай мнѣ свободу; будь ты мнѣ отцемъ, а я тебѣ «буду сынъ.» Старикъ отпустилъ журавля, но старуха расердилась за то на него, прибила и прогнала со двора. Старикъ идетъ къ журавлю и получаетъ суму, и т. дал. — [2]) *Вар.* изъ торбы.

суму себѣ взяли. Старикъ вышелъ изъ бани, взялъ обмѣненную суму и весело пошолъ въ домъ свой къ старухѣ; приходитъ ко двору и кричитъ громкимъ голосомъ: «старуха, старуха! встрѣчай меня съ журавлёмъ-сыномъ.» Старуха глядитъ на него быстро и ворчитъ промежъ себя: «поди-ка ты, старый кобель! я тебя отваляю рочагомъ.» А старикъ свои слова говоритъ: «старуха! встрѣчай меня съ журавлёмъ-сыномъ.» Вшолъ въ избу старикъ, повѣсилъ суму на крючокъ и кричитъ: *двое изъ сумы!* Изъ сумы нѣтъ никого. Вотъ онъ въ другой разъ: *двое изъ сумы!* Изъ сумы опять нѣтъ никого. Старуха видитъ, что онъ говоритъ бознать [1]) что, ухватила помяло мокро, и ну старика гвоздить [2]).

Старикъ испугался, заплакалъ и пошолъ опять въ поле. Отколь не взялси(я) прежній журавль, видитъ его несчастье и говоритъ: «пойдемъ, батюшка! опять ко мнѣ въ домъ.» Вотъ онъ и пошолъ. У журавля опять сума виситъ такая-же. *Двое изъ сумы!* сказалъ журавль. Двое изъ сумы вылѣзли и поставили такой-же обѣдъ, какъ и прежніе. «Возьми себѣ эту суму», говоритъ журавль старику. Вотъ онъ взялъ суму и пошолъ; шолъ-шолъ по дорогѣ, и захотѣлось ему поѣсть, и говоритъ онъ, какъ приказывалъ журавль: *двое изъ сумы!* Двое изъ сумы вылѣзли—такіе молодцы, съ большими калдашами [3]), и начали его бить, приговаривая: «не заходи къ кумѣ, не парься въ банѣ!» — и до тѣхъ поръ били старика, пока онъ не выговорилъ кое-какъ: *двое въ суму!* Какъ только изговорилъ эти слова, двое въ суму и спрятались. Вотъ старикъ взялъ суму и пошолъ; пришолъ къ той-же кумѣ, повѣсилъ суму на крючокъ и говоритъ кумѣ: «истопи мнѣ баньку.» Она истопила. Старикъ пошолъ въ баню: парит-

[1]) Т. е. Богъ знаетъ. — [2]) Крѣпко бить (см. Опытъ обл. великор. словаря: «гвозданутъ», стр. 36). — [3]) Колдай — палка съ шишкою на одномъ концѣ (ibidem, стр. 86).

ся—не парится, только время проводитъ. Кума созвала своихъ дочерей, усадила за столъ — захотѣлось ей поѣсть — и говоритъ: *двое изъ сумы!* Двое изъ сумы вылѣзли съ большими калдашами, и ну ку̀му бить, приговаривая: «отдай старикову суму!» Били, били... вотъ она и говоритъ большой дочери: «поди, кликни ку̀ма изъ бани; скажи, что двое совсѣмъ меня прибили.»—Я ща [1]) не испа̀рился [2]), отвѣчаетъ старикъ. А они всё больше ее бьютъ, приговаривая: «отдай старикову суму!» Вотъ ку̀ма послала другую дочь: «скорѣе вели куманьку идти въ избу.» Онъ отвѣчаетъ: «я ща голову не мылъ.» Она и третью посылаетъ. «Я ща не купался», говоритъ старикъ. Терпѣнья нѣтъ кумѣ! велѣла принесть украденную суму. Вотъ старикъ вышелъ изъ бани, увидалъ свою прежнюю суму и говоритъ: *двое въ суму!* Двое въ суму съ калдашами и ушли.

Вотъ старикъ взялъ обѣ сумы—и сердиту, и хорошу, и пошолъ домой. Подходитъ ко двору и кричитъ старухѣ: «встрѣчай меня съ журавлёмъ-сыномъ.» Она на него быстро глядитъ: «поди-ка ты домой-то, я тебя отваляю!» Взошолъ въ избу старикъ, зовётъ старуху: «садись за столъ», и говоритъ: *двое изъ сумы!* Двое изъ сумы вылѣзли, настановили и пить и ѣсть. Старуха наѣлась-напилась и похвалила старика: «ну, старикъ! я теперь бить тебя не стану.» Старикъ, наѣвшись, вышелъ на дворъ, хорошую суму вынесъ въ клѣть, а сердитую повѣсилъ на крючокъ; а самъ по̀ двору ходитъ—не ходитъ, только время проводитъ. Захотѣлось старухѣ еще выпить, и говоритъ она стариковы слова: *двое изъ сумы!* Вотъ вылѣзли двое изъ сумы съ большими калдашами и начали бить старуху; до тѣхъ поръ били, что у ней мочи не стало! кличетъ старика: «старикъ, старикъ! поди въ избу;

---

[1]) Еще. — [2]) Не выпарился.

меня двое прибили!» А онъ ходитъ — не ходитъ, только посмѣивается да поговариваетъ: «они тебѣ зададутъ!» Двое еще больше бьютъ старуху и приговариваютъ: «не бей старика! не бей старика!» Наконецъ старикъ сжалился надъ старухою, вошолъ въ избу и сказалъ: *двое въ суму!* Двое въ суму и спрятались. Съ тѣхъ поръ старикъ со старухою стали жить такъ хорошо, такъ дружно, что старикъ вездѣ ею похваляется; тѣмъ и сказка кончается.

(Записана въ слободѣ Казачьей, тамбовской губерніи.)

19.

КОНЬ, СКАТЕРТЬ И РОЖОКЪ.

Жила-была старуха, у ней былъ сынъ дуракъ. Вотъ однажды нашолъ дуракъ три гороховыхъ зерна, пошолъ за село и посѣялъ ихъ тамъ. Когда горохъ взошолъ, сталъ онъ его караулить; приходитъ разъ на горохъ, и увидалъ, что сидитъ на немъ журавль и клюетъ. Дуракъ подкрался и поймалъ журавля. «О! говоритъ, я тебя убью!» А журавль говоритъ ему: «нѣтъ, не бей меня; я тебѣ гостинчикъ дамъ.» — Давай! сказалъ дуракъ. — и журавль далъ ему коня, говоря: «если тебѣ захочется денегъ, скажи этому коню: *стой!* а какъ наберешь денегъ, скажи: *но!*» Вотъ дуракъ взялъ коня, сталъ садиться на него и сказалъ: *стой!* Конь и разсыпался въ серебро. Дуракъ захохоталъ; потомъ сказалъ: *но!* и серебро обратилось въ коня. Распростился дуракъ съ журавлёмъ и повёлъ коня домой, ввёлъ на дворъ и прямо привёлъ его къ матери въ избу, привёлъ и даетъ ей строгой приказъ: «матушка! не говори: *стой!* говори: *но!*» — а самъ тутъ-же ушолъ на горохъ.

Мать была долго въ раздумьи: «для чего говорилъ онъ мнѣ такія слова? Дай скажу: *стой!*» и сказала. Вотъ конь и разсыпался въ серебро. У старухи глаза разгорѣлись; поспѣшно начала она собирать деньги въ свою коробью, и какъ удовольствовалась — сказала: *но!*

Межъ тѣмъ дуракъ опять засталъ на своемъ горохѣ журавля, поймалъ его и грозилъ ему смертью. Но журавль сказалъ: «не бей меня! я тебѣ гостинку дамъ» — и далъ ему скатерть: «вотъ какъ захочешь ты ѣсть, скажи: *развернись!* а какъ поѣшь, скажи: *свернись!*» Дуракъ тутъ-же сдѣлалъ опытъ, сказалъ: *развернись!* Скатерть развернулась. Онъ наѣлся-напился и говоритъ: *свернись!* Скатерть свернулась. Онъ взялъ ее и понёсъ домой: «вотъ смотри, матушка, не говори этой скатерти: *развернись!* а говори: *свернись!*» А самъ дуракъ опять пошолъ на горохъ. Мать и съ скатертью сдѣлала тоже, что̀ съ конёмъ; сказала: *развернись!* и начала гулять, ѣсть и пить все, что было на скатерти; потомъ сказала: *свернись!* Скатерть и свернулась.

Дуракъ опять поймалъ на горохѣ журавля, который далъ ему въ гостинецъ рожокъ, и поднимаясь отъ него къ верху, сказалъ: «дуракъ! скажи: *изъ рожка!*» Дуракъ на свою бѣду и сказалъ это самое слово; вдругъ изъ рожка выскочили два молодца съ дубинами и начали утюжить дурака, и до того утюжили, что̀ онъ бѣдной съ ногъ свалился. Журавль сверху закричалъ: *въ рожокъ!* — и молодцы спрятались. Вотъ дуракъ пришолъ къ матери и говоритъ: «матушка! не говори: *изъ рожка!* а говори: *въ рожокъ!*» Мать, какъ вышелъ дуракъ къ сосѣдямъ, заперла дверь на крючокъ и сказала: *изъ рожка!* Сейчасъ выскочили два молодца съ дубинами и начали утюжить старуху; она кричитъ во все горло! Дуракъ услыхалъ крикъ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ, прибѣгъ, хвать — дверь на крючкѣ; онъ и закричалъ: *въ рожокъ! въ рожокъ!*

Старуха, опомнившись отъ побоевъ, отперла дураку дверь. Дуракъ взошелъ и сказалъ: «то-то, матушка! я тебѣ сказывалъ — не говори такъ-то!»

Вотъ дуракъ вздумалъ задать пиръ, и созываетъ господъ и бояръ. Только они собрались и посѣлись, дуракъ и приводитъ въ избу коня и говоритъ: «*стой*, добрый конь!» Конь разсыпался въ серебро. Гости удивились и почали грабить себѣ деньги да прятать по карманамъ. Дуракъ сказалъ: *но!* — и конь опять явился, только безъ хвоста. Видитъ дуракъ, что время гостей подчивать, вынулъ скатерть и сказалъ: *развернись!* Вдругъ развернулась скатерть, и на ней всякихъ закусокъ и напитковъ наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять и веселиться. Какъ всѣ удовольствовались, дуракъ сказалъ: *свернись!* — и скатерть свернулась. Гости стали зѣвать и съ насмѣшкой говорить: «покажи намъ, дуракъ, еще что-нибудь!»—Изволь, сказалъ дуракъ; для васъ можно!—и приноситъ рожокъ. Гости прямо и закричали: *изъ рожка!* Откуда ни взялись два молодца съ дубинками, начали колотить ихъ изо всей мочи, и до того били, что гости принуждены были отдать украденныя деньги, а сами разбѣжались. А дуракъ съ матерью, конёмъ, скатертью и рожкомъ сталъ жить да поживать, да больше добра наживать.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

20.

ЗАГАДКИ.

Жилъ-былъ старикъ; у него было три сына, третей-етъ Иванъ-дуракъ. Какой то былъ тогда царь — это давно ужъ

.о; у нево была дочь. Она и говоритъ отцу: «позволь мнѣ, батюшко, отгадывать загадки; если у ково отгадаю загадки, тому чтобы голову ссѣкли [1]).» Тотчасъ сдѣлали кличъ; многи являлись, всѣхъ казнили: царевна отгадывала загадки. Иванъ-дуракъ говоритъ отцу: «благословляй, батюшко! я пойду къ царю загадывать загадки!» — Куда ты, дуракъ! и лучше-то тебя, да казнятъ! «Благословишь — пойду, и не благословишь пойду!» Отецъ благословилъ. Иванъ-дуракъ поѣхалъ, видитъ: на дорогѣ хлѣбъ, въ хлѣбѣ лошадь; онъ выгналъ ее кнутикомъ, чтобы не отаптывала, и говоритъ: «вотъ загадка есть!» Ѣдетъ дальше, видитъ змѣю, взялъ ее закололъ копьёмъ и думатъ: «вотъ другая загадка!»

Пріѣзжатъ къ царю; ево приняли и велятъ загадывать загадки. Онъ говоритъ: «ѣхалъ я къ вамъ, вижу на дорогѣ добро, въ добрѣ-то добро-жо, я взялъ добро-то, да добромъ изъ добра и выгналъ; добро отъ добра и изъ добра убѣжало.» Царевна хватила книжку, смотритъ: нѣту этой загадки; не знатъ разгадать и говоритъ отцу: «батюшко! у меня севодни головушка болитъ, мысли помѣшались; я завтра разгадаю.» Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Онъ вечеромъ сидитъ, покуриватъ трубочку; а царевна выбрала вѣрную горнишну, посылатъ ее къ Ивану-дураку: «поди, говоритъ, спроси у нево, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чево угодно.» Горнишна приходитъ, стучится; Иванъ-дуракъ отпёръ двери, она вошла и спрашиватъ загадку, сулитъ горы золота и серебра. Иванъ-дуракъ и говоритъ: «на что мнѣ деньги! у меня своихъ много. Пусть царевна простоитъ всю ночь не спавши въ моей горницѣ, дакъ скажу загадку.» Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь — не спала. Иванъ-дуракъ утромъ сказалъ загадку, что выгналъ изъ хлѣ-

---

[1]) Ссѣкли. Опущено: «а не отгадаю—за того пойду замужъ.»

ба лошадь. И царевна разгадала. — Иванъ-дуракъ сталъ другую загадывать: «ѣхалъ я къ вамъ, на дорогѣ вижу зло, взялъ ево да зломъ и ударилъ: зло отъ зла и умерло.» Царевна опять хватила книжку, не можотъ разгадать загадку, и отпросилась до утра. Вечеромъ посылатъ горнишну узнать у Ивана-дурака загадку: «сули, говоритъ, ему денегъ!» — На что мнѣ деньги! у меня своихъ много, отвѣчатъ Иванъ-дуракъ; пусть царевна простоитъ ночь не спавши, тогда скажу загадку. Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иванъ-дуракъ такъ не сталъ загадывать, а велѣлъ собрать всѣхъ сенаторовъ и загадалъ, какъ царевна не умѣла отгадывать тѣ загадки и посылала къ нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять къ нему спрашивать — сулила серебра и золота, сколько угодно, и хотѣла отправить домой на прогонѣ. Не тутъ-то было! опять простояла ночь, не спавши; онъ какъ сказалъ ей о чомъ загадка—ей разгадывать-то нельзя: о ней, значитъ, узнаютъ, какъ и тѣ загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И отвѣтила царевна :«не знаю». Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку: Иванъ-дуракъ женился на ней; стали жить да быть, и теперь живутъ.

(Записана въ пермской губерніи, шадринскомъ округѣ государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

21.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И МАРѲА-ЦАРЕВНА.

У одново царя много лѣтъ содержался мужичокъ-руки желѣзны, голова чи(у)гунна, самъ мѣдной, хитрецъ былъ, важ-

ной человѣкъ! Сынъ царю [1]) Иванъ-царевичъ былъ малинькой, ходилъ мимо тюрьмы. Этотъ старикъ потключкалъ ево къ себѣ и взмолился ему: «дай, пожалуста, Иванъ-царевичъ, напиться!» Иванъ-царевичъ еще ничево не зналъ — былъ малинькой, почерпнулъ воды и подалъ ему: старика съ этово въ тюрьмѣ не стало, ушолъ. Дошла эта ви(ѣ)сть и до царя. Царь приказалъ Ивана-царевича за это дѣло выгнать изъ царства. Царско слово — законъ: Ивана-царевича выгнали изъ царства; пошолъ онъ куда глаза глядятъ.

Шолъ долго; наконецъ приходитъ въ друго царство прямо къ царю, просится въ службу. Царь ево принялъ, приказалъ сдѣлать конюхомъ. Онъ только спитъ на конюшнѣ, а за конями не ходитъ; конюшенной староста не однажды билъ ево. Иванъ-царевичъ все терпѣлъ. Какой-то царь сваталъ царевну у этово царя и не высваталъ; за то объявилъ войну. Этотъ царь ушолъ съ войсками, а царствомъ осталась править дочь ево Марѳа-царевна. Она и прежде замѣчала Ивана-царевича, что онъ не простова роду; за то и послала ево въ какое-то мѣсто губернаторомъ. Иванъ-царевичъ уѣхалъ, живётъ тамъ, правитъ дѣломъ. Одинъ разъ поѣхалъ онъ на охоту; только выѣхалъ за жило [2]) — неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдный: «а, здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Иванъ-царевичъ ему поклонился. Старикъ зовётъ ево: «поѣдемъ, говоритъ, ко мнѣ въ гости.» Поѣхали. Старичокъ ввёлъ ево въ богатой домъ, крикнулъ малой дочерѣ: «эй, давай-ко намъ пить и ись [3]), да и полуведёрную чашу вина!» Закусили; вдрук(г)ъ дочь приноситъ полуведёрную чашу вина и подноситъ Ивану-царевичу. Онъ отказыватся, говоритъ: «мнѣ не выпить!» Старикъ велитъ

---

[1]) Вмѣсто: царской. — [2]) За деревню или городъ, т. е. въ поле. — [3]) Ѣсть.

браться; взялъ чашу и откуда у нево сила взялася—на одинъ духъ такъ и выпилъ это вино! Потомъ старикъ созвалъ ево разгулят(ь)ся; дошли до камня въ 500 пудовъ. Старикъ говоритъ: «поднимай этотъ камень, Иванъ-царевичъ!» Онъ думатъ себѣ: «гдѣ мнѣ поднять такой камень! однако попробую.» Взялъ и лек(г)ко перекинулъ; самъ опять и думатъ: «откуда-жо у меня берётся сила? небось этотъ старикъ въ винѣ ее мнѣ подаётъ.» Походили сколько времени и пошли въ домъ. Приходятъ: старикъ середней дочерѣ крикнулъ ведро вина принести. Иванъ-царевичъ смѣло взялся за чашу вина, выпилъ на одинъ духъ. Опеть пошли разгулят(ь)ся, дошли до камня въ тысячу пудовъ. Старикъ говоритъ Ивану-царевичу: «ну-ко, переметни этотъ камень!» Иванъ-царевичъ тотчасъ схватилъ камень и бросилъ, и думатъ себѣ: «эка сила хочетъ во мнѣ быть!» Воротились опеть въ домъ, и опеть старикъ крикнулъ большой дочерѣ принести полтора ведра чару зелена вина. Иванъ-царевичъ и это выпилъ на одинъ духъ. Пошли со старикомъ разгулят(ь)ся. Иванъ-царевичъ легонько метнулъ камень въ полторы тысячи пудовъ. Тогда старикъ далъ ему скатёртку-самовёртку, и говоритъ: «ну, Иванъ-царевичъ! въ тебѣ теперь много силы: лошадѣ(и) не поднять! крыльцо дома вели передѣлать, тебя оно не станётъ поднимать; стулья надо други-жо [1]); подъ полы можно наставить чашше [2]) подстоекъ [3]). Ступай съ Богомъ!» Всѣ люди засмѣялись, какъ увидѣли, что губернаторъ съ охоты идётъ пѣшкомъ, а лошадь ведётъ въ поводу. Онъ пришолъ домой; подъ пола(ы) велѣлъ наставить стоёкъ, стулья всѣ передѣлали, стряпокъ [4]), горничныхъ прогналъ, одинъ себѣ живётъ какъ пустынникъ. И всѣ дивятся, какъ живётъ онъ голодомъ: никто ему не стряпатъ! даромъ что ево питатъ скатёртка-самовёртка. Въ гости

[1]) Другія же. — [2]) Чаще. — [3]) Подставокъ. — [4]) Стряпка — кухарка; стряпать—готовить кушанье (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 218).

ходить ни къ кому онъ не сталъ, да и какъ ходить? ничево ево не поднимало въ домахъ.

Царь между тѣмъ съ походу воротился, узналъ, что Иванъ-царевичъ живётъ губернаторомъ, приказалъ ево смѣнить и сдѣлать опеть конюхомъ Нечево дѣлать — Иванъ-царевичъ сталъ жить конюхомъ. Одинъ разъ конюшенной староста сталъ ево куда-то наряжать, да и ударилъ; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, какъ схватилъ ево самъ, такъ голову и отшибъ. Дошло дѣло это до царя; привели Ивана-царевича. «Почто ты ушибъ старосту?» спросилъ царь.—Онъ самъ напередъ ударилъ меня; я не шип(б)ко [1]) и отплатилъ ему, да какъ-то по головѣ: голова и отпала. Другіе конюхи сказали тожо — гадѣлъ напередъ староста, а Иванъ-царевичъ ударилъ ево нешипко. Ничево не сдѣлали съ Иваномъ-царевичомъ, только смѣнили изъ конюховъ въ солдаты; онъ и тутъ началъ жить.

Не чрезъ долгое време*ни* приходитъ къ царю мужичокъ-самъ съ нок(г)оть, борода съ локоть, и подаётъ письмо за треня чорными печатями отъ Водянова Царя; тутъ написано: ежели царь въ такой-то день и на такой-то островъ не привезётъ дочь свою Мареу-царевну въ замужъ [2]) за сына Водянова Царя, то онъ людей всѣхъ прибьётъ и все царство огнёмъ сожгётъ; а за Мареой-царевной будетъ трёхглавой змій. Царь прочиталъ это письмо, подалъ отъ себя другой отвѣтъ къ Водяному Царю, что дочь отдать согласёнъ; проводилъ старика и созвалъ сенаторовъ и думныхъ дьяковъ думу думать, какъ отстоять дочь отъ трёхглававо змія? ежели не послать ее на островъ, то всему царству отъ Водянова Царя будетъ смерть. Кликнули кличъ, не выищотся ли такой человѣкъ, которой бы взялся выручать отъ змія Мареу-царевну?

---

[1]) Крѣпко (ibidem, стр. 265). — [2]) Замужство.

за тово ее царь и въ замужъ отдастъ. Нашолся какой-то поддергайко [1]), взялъ роту солдатъ, повёзъ Мароу-царевну; привозитъ на островъ, оставилъ ее въ хижинѣ, а самъ остался дожидаться змія на улицѣ. Между тѣмъ Иванъ-царевичъ узналъ, что Мароу-царевну увезли къ Водяному Царю, собрался и поѣхалъ на островъ; пришолъ въ хижину, Мароа-царевна плачетъ. «Не плачь, царевна! сказалъ онъ ей, Богъ милостивъ!» Самъ лёк(г)ъ на лавку, голову положилъ на колѣна Мароѣ-царевнѣ и уснулъ. Вдрук(г)ъ змій и началъ выходить, воды за нимъ хлынуло на три аршина. Баринъ съ солдатами стоялъ тутъ; какъ начала вода прибывать, онъ и скомандовалъ имъ: маршъ на лѣсъ! Солдаты всѣ сбились на лѣсъ. Змій вышолъ и идётъ прямо въ хижину. Мароа-царевна увидѣла, что змій идётъ за ней, начала Ивана-царевича будить; тотъ соскочилъ, на одинъ разъ отсѣкъ всѣ три головы у змія, а самъ ушолъ. Баринъ повёзъ Мароу-царевну домой къ отцу.

Не чрезъ много времени старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть выходитъ опеть изъ воды и несётъ отъ Водянова Царя письмо за шести(тью) чорными печатями, чтобы царь привёзъ дочь на тотъ-жо островъ шестиглавому змію; а ежели онъ не отдастъ Мароу-царевну, то Водяной Царь грозился все царство потопить. Царь отписалъ опеть, что согласёнъ отдать Мароу-царевну. Малинькой старичонко ушолъ. Царь началъ кликать кличъ; послали вездѣ бумаги: не найдётся ли такой человѣкъ, которой бы избавилъ Мароу-царевну отъ змія? Тотъ-жо баринъ опеть явился, говоритъ: «я, вашо царско величество, избавлю; только дайте роту солдатъ.» — Да больше не надо ли? теперь змій о шести главахъ. «Будетъ! [2])

[1]) Выскочка; поддёргивать — намекать съ укоризною на чей-либо счетъ, обиняками унижать или осмѣивать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 163).—
[2]) Довольно.

мнѣ и этово много.» Собрались всѣ, повезли Марѳу-царевну; а Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѳа-царевна опеть въ напасти, — за добродѣтель ее, что ево сдѣлала губернаторомъ, пошолъ туда-ли, поѣхалъ-ли; также засталъ Марѳу-царевну въ хижинѣ, входитъ къ ней. Она ужь ждётъ ево; только увидѣла — обрадовалась. Онъ лёкъ и уснулъ. Вдрукъ шестиглавый змій и началъ выходить; воды хлынуло на шесть аршинъ. Баринъ съ солдатами вшшо сперва [1]) сидѣлъ на лѣсу. Змій вошолъ въ хижину. Марѳа-царевна разбудила Ивана-царевича; вотъ они и схватились, бились-бились, Иванъ-царевичъ отсѣкъ змію голову, другу, третью и всѣ шесть, и сбросалъ ихъ въ воду, а самъ будто ни въ чомъ не бывалъ — пошолъ. Баринъ съ солдатами слѣзъ съ лѣсу, поѣхалъ домой, доноситъ царю, что Богъ помок(г)ъ отстоять Марѳу-царевну; и ее, видно, настрашшалъ чѣмъ-то этотъ баринъ: она не смѣла сказать, что не онъ отстайвалъ ее. Баринъ сталъ приступать, чтобы сдѣлали свадьбу. Марѳа-царевна велитъ подождать: «дайте, говоритъ, мнѣ поправиться со страху; я и то вонъ какъ напугалась!»

Вдрукъ опять тотъ-жо старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть выходитъ изъ воды и несётъ письмо съ девяти(тью) чорными печатями, чтобы царь немедленно послалъ Марѳу-царевну на такой-то островъ и въ такой-то день къ девятиглавому змію, а ежели не пошлётъ, то все ево царство будётъ потоплено. Царь опеть отписалъ, что согласёнъ; самъ началъ искать такова человѣка, какой бы избавилъ царевну отъ девятиглавова змія. Тотъ-жо баринъ опеть выискался и поѣхалъ съ ротой солдатъ и съ Марѳой-царевной. Иванъ-царевичъ услыхалъ это, собрался и отправился туда жо, а Марѳа-царевна там ждётъ ужь ево. Онъ пришолъ; она обрадо-

---

[1]) Прежде.

валась, стала ево спрашивать, какова онъ роду, кто такой, какъ зовутъ? Онъ ничево не сказалъ, лёкъ и уснулъ. Вотъ девятиглавой змій и началъ выходить, воды поднялъ на себѣ на девять аршинъ. Баринъ опеть скомандовалъ солдатамъ: маршъ на лѣсъ! — залѣзли. Марѳа-царевна будитъ Ивана-царевича, не можотъ разбудить; змій ужь блис(з)ко у порогу! Она слёзно заплакала; Ивана-царевича разбудить все не можотъ. Змій ужь подползатъ, только схватить Ивана-царевича! онъ все спитъ. У Марѳы-царевны былъ ножичокъ перочинной; она имъ и рѣзнула по шшокѣ [1]) Ивана-царевича. Онъ проснулся, соскочилъ, схватился со зміемъ бит(ь)ся, барахтат(ь)ся. Вотъ змій началъ исдолять [2]) Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной, схватилъ змія; отсикли двоймя ему всѣ головы, сбросали въ воду и ушли. Баринъ пуше [3]) тово обрадовался; соскакали съ лѣсу, отправились въ свое царство, и онъ неотступно сталъ просить царя сдѣлать свадьбу. Марѳа-царевна отказывалась: «подождите немного, да дайте мнѣ оправиться; я и то вонъ какъ испугалась!»

Старичокъ-самъ съ нокотокъ, борода съ локотокъ опеть принёсъ письмо. Водяной Царь требуётъ виноватова. Барину и не хотѣлось было ѣхать къ Водяному Царю, да нечево дѣлать —послали. Снарядили корабль и отправились (а Иванъ-царевичъ тутъ на флотѣ служилъ, какъ-то попалъ тутъ-жо на корабль); плывутъ. Вдрукъ на встрѣчю(у) имъ корабль—какъ птица летитъ, только и кричатъ: «виноватова! виноватова!» и пробѣжалъ мимо. Немного отплыли, другой корабль на встрѣчю, и опеть кричатъ: «виноватова! виноватова!» Иванъ-царевичъ указалъ на барина; ужь они ево били-били — до полусмерти! Проѣхали. Вотъ прiѣзжаютъ они къ Водяному Царю. Водяной

[1]) По щекѣ. — [2]) Одолѣвать. — [3]) Пуще — больше, сильнѣй (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 185).

Царь приказалъ натопить до́красна чигунну-ли, желѣзну-ли баню и виноватова посадить туда. Баринъ перепугался, душа въ пятки ушла! смертонька приходитъ! А у Ивана-царевича остался съ тѣхъ кораблей [1]) какой-то человѣкъ, уви́дялъ, что Иванъ-царевичъ не простова роду, и сталъ у нево служить. Иванъ-царевичъ и послалъ ево: «ступай, просиди въ банѣ.» Тотъ сейчасъ сбѣгалъ; ему — дьяволъ-то и есть — ничево тамъ не дѣлатся, прибѣжалъ обратно невредимъ. Виноватова опеть потребовали, теперь ужь къ самому Водяному Царю; барина увели. Ужь ево ругалъ-ругалъ, билъ-билъ Водяной Царь и велѣлъ прогнать. Поѣхали обратно.

Баринъ до́ма пуще ишшо сталъ гордиться, и не отходитъ отъ царя, приступатъ, чтобы сдѣлалъ свадьбу. Царь просваталъ; назначили день, когда быть свадьбѣ. Баринъ — гдѣ поднялся́! рукой не достанёшь! никто близко не подходи! А царевна говоритъ отцу: «батюшко! вели собрать всѣхъ солдатъ; я хочю смотрѣть ихъ.» Тотчасъ солдатъ собрали. Марѳа-царевна и пошла, всѣхъ обошла, и доходитъ до Ивана-царевича, взглянула на шшоку, и видитъ рубецъ, какъ она ножичкомъ ево рѣзнула; берётъ она Ивана-царевича за́ руку и ведётъ къ отцу: «вотъ, батюшко! кто меня избавилъ отъ змiевъ; я не знала — кто онъ, а теперь узнала по рубцу на шшокѣ. Баринъ-отъ сидѣлъ съ солдатами на лѣсу!» Тутъ-жо солдатъ тѣхъ спросили: сидѣли ли они на лѣсу? Они сказали: «правда, вашо царско величество!» Баринъ былъ еле живъ, негодёнъ! Тово разу ево разжаловали и послали въ ссылку; а Иванъ-царевичъ обвѣнчался на Марѳѣ-царевнѣ, сталъ жить да быть и хлѣбъ жовать.

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

---

[1]) Что́ повстрѣчались,—съ кораблей Водяного Царя.

22.

СКАЗКА О ФРОЛКѢ-СИДНѢ.

Жилъ былъ царь, у него было три дочери, да такія красавицы, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: любили онѣ по вечерамъ гулять въ своемъ садѣ, а садъ былъ большой и славной! Вотъ змій черноморской и повадился туда летать. Однажды дочери царскія припоздали въ саду, засмотрѣлись на цвѣты; вдругъ откуда ни взялся змій черноморской и унёсъ ихъ на своихъ огненныхъ крыльяхъ. Царь ждать-пождать — нѣтъ дочерей! послалъ служанокъ искать ихъ въ саду, но все было напрасно: служанки не нашли царевенъ. Утромъ царь сдѣлалъ тревогу; народу собралось множество. Тутъ царь и говоритъ: «кто разыщетъ моихъ дочерей, тому сколько угодно дамъ денегъ.»

Вотъ и избрались трое: солдатъ-пьяница, Фролка-сидня [1]) и Ерёма; уговорились съ царемъ и пустились искать царевенъ. Шли они, шли, и пришли въ дремучій густой лѣсъ. Только взошли въ него, сильной сонъ сталъ одолѣвать ихъ. Фролка-сидня вытащилъ изъ кармана табакерку, постукалъ, открылъ ее и пхнулъ въ носъ охапку табаку; потомъ зашумѣлъ: «эй, братцы! не уснемъ, не воздремлемъ! идите дальше.» Вотъ и пошли; шли-шли и приходятъ наконецъ къ огромному дому, а домъ этотъ былъ пятиглаваго змія. Долго они стучали въ ворота и не могли достучаться. Вотъ Фролка-сидня оттолкнулъ солдата и Ерёму: «пустите-ка, братцы!» Понюхалъ табаку и стукнулъ въ двери такъ сильно, что разшибъ ихъ. Тутъ вошли они на дворъ, сѣли въ кружокъ и со-

---

[1]) Сидень.

бираются закусить, чѣмъ Богъ послалъ. А изъ дома выходитъ дѣвица, собою такая красавица; вышла и говоритъ: «зачѣмъ вы, голубчики, сюда зашли? Вѣдь здѣсь живетъ прелихой змій; онъ васъ съѣстъ! счастливы вы, что его теперь дома нѣтъ.» Фролка отвѣчаетъ ей: «мы сами его съѣдимъ!» Не успѣлъ вымолвить эти слова, вотъ и летитъ змій, летитъ и рычитъ: «кто мое царство разорилъ? Ужель въ свѣтѣ есть мнѣ противники? есть у меня одинъ противникъ, да его и костей сюда воронъ не занесётъ!» — Воронъ меня не занесётъ, сказалъ Фролка, а доброй конь завезётъ! Змій, услыхавъ такія слова, сказалъ: «мириться что-ли, али драться?»—Не мириться я пришелъ, говоритъ Фролка, а драться! Вотъ разошлись они, соступились, и Фролка съ одного маху срубилъ всѣ пять головъ змію, взялъ и положилъ ихъ подъ камень, а туловище зарылъ въ землю. Тутъ дѣвица обрадовалась и говоритъ этимъ молодцамъ: «возьмите меня, голубчики, съ собою.» — Да ты чья? спросили они. Она говоритъ, что царская дочь; Фролка также разсказалъ ей, что было нужно; вотъ и сошлось у нихъ дѣло! Царевна позвала ихъ въ хоромы, накормила, напоила, и проситъ, чтобъ они выручили и другихъ ея сестёръ. Фролка отвѣчалъ: «да мы за этимъ и посланы!» Царевна разсказала, гдѣ живутъ ея сёстры: «у средней сестры еще страшнѣе моего! съ нею живетъ змій семиголовой.» — Нужды нѣтъ! сказалъ Фролка, мы и съ тѣмъ справимся; развѣ долго покопаюсь я съ двѣнадцатиглавымъ зміемъ. Распростились и пошли дальше.

Приходятъ къ средней сестрѣ. Палаты, въ которыхъ она заключена была, огромныя, а вокругъ палатъ ограда высокая, чугунная. Вотъ подошли они и начали искать ворóта; нашли, Фролка что̀ ни есть силы бухнулъ въ ворота, и ворота растворились; вошли они на дворъ и опять по прежнему сѣли позакусить. Вдругъ летитъ семиглавой змій. «Что-то рус-

скимъ духомъ пахнетъ! говоритъ онъ. Ба! это ты, Фролка, сюда зашелъ. Зачѣмъ?» — Я знаю: зачѣмъ! отвѣчалъ Фролка, сразился съ зміемъ и съ одного маху сшибъ ему всѣ семь главъ, положилъ ихъ подъ камень, а туловище зарылъ въ землю. Потомъ вошли они въ палаты; проходятъ комнату, другую и третью, въ четвертой увидали среднюю царскую дочь — сидитъ на диванѣ. Какъ разсказали они ей, какимъ образомъ и для чего сюда пришли, она повеселѣла, начала угощать ихъ и просила выручить отъ двѣнадцатиглаваго змія ея меньшую сестру. Фролка сказалъ: «а какъ-же! мы за этимъ и посланы. Только что-то робитъ [1]) сердце; ну, да авось Богъ! поднеси-ка намъ еще по чарочкѣ.»

Вотъ выпили они и пошли; шли-шли и пришли къ оврагу крутому, раскрутому. На другой сторонѣ оврага стояли вмѣсто воротъ огромные столбы, а къ нимъ прикованы были два страшные льва и рычали такъ громко, что Фролка только одинъ устоялъ на ногахъ, а товарищи его отъ страха попадали на землю. Фролка сказалъ имъ: «я не такія страсти видалъ— и то не робѣлъ, пойдемте за мною!» и пошли дальше. Вдругъ вышелъ изъ палатъ старецъ — примѣтно лѣтъ семидесяти, увидалъ ихъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу и говоритъ: «куда вы идете, мои родимые?»—Да вотъ въ эти палаты, отвѣчалъ Фролка. «И, мои родимые! не на добро вы идете; въ этихъ палатахъ живетъ двѣнадцатиглавой змій. Теперь его нѣтъ дома, а то бы онъ васъ сейчасъ поѣлъ!» — Да намъ его-то и нужно. «Когда такъ, сказалъ старикъ, ступайте; я проведу васъ туда.» Старикъ подошелъ ко львамъ и началъ ихъ гладить; тутъ Фролка пробрался съ своими товарищами на дворъ. Вотъ взошли они и въ палаты; старикъ повелъ ихъ въ ту комнату, гдѣ жила царевна. Увидѣла она ихъ, проворно (в)скочила съ

---

[1]) Робѣетъ.

кровати, подошла и пораспросила: кто они таковы и зачѣмъ пришли? Они разсказали ей. Царевна угостила ихъ, а сама ужь начала сряжаться [1]). Только стали они выходить изъ хоромъ — вдругъ видятъ: въ верстѣ отъ нихъ летитъ змій. Тутъ царская дочь бросилась назадъ въ хоромы, а Фролка съ товарищами пошелъ на встрѣчу и сразился съ зміемъ. Змій сначала очень шибко напалъ на нихъ, но Фролка — парень расторопный! — успѣлъ одержать побѣду, сшибъ ему всѣ двѣнадцать головъ и кинулъ ихъ въ оврагъ. Потомъ вошли назадъ въ хоромы и начали гулять отъ радости пуще прежняго, а послѣ отправились въ путь и зашли за другими царевнами, и всѣ вмѣстѣ прибыли на родину. Царь оченно обрадовался, растворилъ имъ свою царскую казну и сказалъ: «ну, вѣрные мои слуги! берите, сколько угодно, себѣ денегъ за работу.» Фролка былъ тороватъ: принёсъ свою большую шапку треуху; солдатъ принёсъ свой ранецъ, а Ерёма принёсъ куриное лукошко. Вотъ Фролка первый сталъ насыпать, сыпалъ-сыпалъ, треуха и прорвалась, и серебро утонуло въ грязь. Фролка опять началъ сыпать: сыпитъ, а изъ треухи валится! «Нечего дѣлать! сказалъ Фролка, вѣрно вся царская казна за меня пойдетъ.» — А намъ-то что останется? спросили его товарищи. «У царя достанетъ казны и на васъ!» Ерёма давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдатъ ранецъ, насыпали и пошли себѣ домой. А Фролка съ треухою остался подлѣ царской казны, и понынѣ сидитъ да насыпаетъ. Когда насыпитъ треу̀ху, тогда дальше скажу; а теперь нѣтъ мочи и духу.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

[1]) Снаряжаться, приготовляться.

23.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА [1]).

а. Въ стары годы, въ старопрежны у одново царя было три сына — всѣ они на возрастѣ. Царь и говоритъ: «дѣти! сдѣлайте себѣ по самострѣлу и стрѣляйте: кака женщина принесётъ стрѣлу, та и невѣста; ежели никто не принесётъ, тому значитъ не женит(ь)ся.» Большой сынъ стрѣлилъ, принесла стрѣлу княжеска дочь; середней стрѣлилъ, стрѣлу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягуша [2]) въ зубахъ. Тѣ братья были веселы и радостны, а Иванъ-царевичъ призадумался, заплакалъ: «какъ я стану жить съ лягушой? вѣкъ жить — не рѣку перебрести или не полё перейти!» Поплакалъ, поплакалъ, да нечево дѣлать — взялъ въ жоны лягушу. Ихъ всѣхъ обвѣнчали по ихнему тамъ обряду; лягушу держали на блюдѣ.

Вотъ живутъ они. Царь захотѣлъ одиножды посмотрѣть отъ невѣстокъ дары, котора изъ нихъ лучше мастерица? Отдалъ приказъ. Иванъ-царевичъ опеть призадумался, плачотъ: «чево у меня сдѣлатъ лягуша! всѣ станутъ смѣят(ь)ся.» Лягуша ползатъ пò полу, только квакатъ. Какъ уснулъ Иванъ-царевичъ, она вышла на улицу, сбросила кожухъ [3]), сдѣлалась красной дѣвицой и крикнула: «няньки-маньки [4])! сдѣлайте то-то!» Няньки-маньки тотчасъ принесли рубашку самой лучшой работы. Она взяла ее, свернула и положила возлѣ Ивана-царевича, а сама обвернулась опеть лягушой, будто ни въ чомъ не бывала! Иванъ-царевичъ проснулся, обрадовался, взялъ рубашку и понёсъ къ царю. Царь принялъ ее, посмо-

---

[1]) См. вып. VII, № 17. — [2]) Лягушка. — [3]) Кожа, шкурка. — [4]) Мамки.

трѣлъ: «ну вотъ это рубашка — во Христовъ день [1]) надѣвать!» Середней братъ принёсъ рубашку; царь сказалъ: «только въ баню въ ней ходить!» а у большова брата взялъ рубашку и сказалъ: «въ чорной избѣ ее носить!» Разошлись царски дѣти; двое-то и судятъ между собой: «нѣтъ, видно мы напрасно смѣялись надъ женой Ивана-царевича; она не лягуша, а кака-нибудь хитра!» [2])

Царь даётъ опеть приказанье, чтобъ снохи состряпали хлѣбы и принесли ему на показъ, котора лучше стряпатъ? Тѣ невѣстки сперва смѣялись надъ лягушой; а теперь, какъ пришло время, они и послали горнишну подсматривать, какъ она станётъ стряпать. Лягуша смекнула это, взяла-замѣсила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидѣла, побѣжала, сказала своимъ бáронямъ, царскимъ невѣсткамъ, и тѣ также сдѣлали. А лягуша хитрая только ихъ провела, тотчасъ тѣсто изъ печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни въ чомъ не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась изъ кожуха и крикнула: «няньки-маньки! состряпайте сейчасъ же мнѣ хлѣбовъ такихъ, каки мой батюшко по воскресеньямъ да по праздникамъ только ѣлъ.» Няньки-маньки тотчасъ притащили хлѣба. Она взяла ево, положила возлѣ Ивана-царевича, а сама сдѣлалась лягушой. Иванъ-царевичъ проснулся, взялъ хлѣбъ и понёсъ къ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ бóльшихъ брáтовей; ихъ жоны какъ поспускали въ печь хлѣбы также, какъ лягуша,—у нихъ и вышло кули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большова сына, посмотрѣлъ и отослалъ на кухню; отъ середнёва принялъ, тудаже послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; онъ подалъ свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говоритъ: «вотъ

---

[1]) Въ праздникъ. — [2]) Т. е. чародѣйка.

это хлѣбъ — во Христовъ день ись! не такой, какъ у большихъ снохъ съ закалой!»

Послѣ тово вздумалось царю сдѣлать балъ, посмотрѣть своихъ сношокъ, котора лучше пляшотъ? Собрались всѣ гости и снохи, кромѣ Ивана-царевича; онъ задумался: куда я съ лягушой поѣду? и заплакалъ навзрыдъ нашъ Иванъ-царевичъ. Лягуша и говоритъ ему: «не плачь, Иванъ-царевичъ! ступай на балъ. Я черезъ часъ буду.» Иванъ-царевичъ немного обрадовался, какъ услыхалъ, что лягуша баётъ; уѣхалъ, а лягуша пошла-сбросила съ себя кожухъ, одѣлась чудо какъ! Пріѣзжатъ на балъ; Иванъ-царевичъ обрадовался и всѣ руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложотъ коску [1]) да и въ рукавъ, выпьётъ чево — остатки въ другой рукавъ. Тѣ снохи видятъ, чево она дѣлатъ, и онѣ тожо кости кладутъ къ себѣ въ рукава, пьютъ чево—остатки льютъ въ рукава. Дошла очередь танцовать; царь посылатъ большихъ снохъ, а онѣ ссылаются на лягушу. Та тотчасъ подхватила Ивана-царевича и пошла; ужь она плясала-плясала, вертѣлась-вертѣлась — всѣмъ на´диво! махнула правой рукой — стали лѣса и воды, махнула лѣвой — стали летать разны птицы. Всѣ изумились. Отплясала — ничево не стало. Други снохи пошли плясать, также хотѣли: котора правой рукой ни махнётъ, у тыё [2]) кости-та и полетятъ, да въ людей, изъ лѣвова рукава вода разбрыжжотъ тожо въ людей. Царю не понравилось, закричалъ: «будётъ, будётъ!» Снохи перестали. — Балъ былъ на отходѣ. Иванъ-царевичъ поѣхалъ напередъ, нашолъ тамъ гдѣ-то жонинъ кожухъ, взялъ ево да и сожок(г)ъ. Та пріѣзжатъ, хватилась кожуха: нѣтъ! сожжонъ. Легла спать съ Иваномъ-царевичомъ; передъ утромъ и говоритъ ему: «ну, Иванъ-царевичъ! немного

[1]) Кость. — [2]) Той.

ты не потерпѣлъ; твоя бы я была, а теперь Богъ знатъ. Прошшай! ишши [1]) меня за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ.» И не стало царевны.

Вотъ гот(д)ъ прошолъ, Иванъ-царевичъ тоскуётъ о женѣ; на другой готъ собрался, выпросилъ у отца-у матеря благословенье и пошолъ. Идётъ долго ужь, вдрукъ попадатся ему избушка — къ лѣсу передомъ, къ нему задомъ. Онъ и говоритъ: «избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка перевернулась. Вошолъ въ избу; сидитъ старуха и говоритъ: «фу, фу! русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, нынче русска коска сама на дворъ пришла! Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошолъ?» — Прежде, старуха, напой, накорми, потомъ ви(ѣ)сти распроси. Старуха напоила, накормила и спать положила. Иванъ-царевичъ говоритъ ей: «баушка! [2]) вотъ я пошолъ доставать Елену Прекрасну». [3]) — Ой, дитятко, какъ ты долго (не бывалъ)! она съ первыхъ-то годовъ часто тебя поминала, а теперь ужь не помнитъ, да и у меня давно не бывала. Ступай вперёдъ къ середней сестрѣ, та больше знатъ. — Иванъ-царевичъ поутру отправился, дошолъ до избушки и говоритъ: «избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка перевернулась. Онъ вошолъ въ неё, видитъ: сидитъ старуха и говоритъ: «фу, фу! русской коски слыхомъ было не слыхать и видомъ не видать, а нынче русска коска сама на дворъ пришла! Куда, Иванъ-царевичъ, пошолъ?» — Да вотъ, баушка, доступать Елену Прекрасну. «Ой, Иванъ-царевичъ, сказала старуха, какъ ты долго! она ужь стала забывать тебя, выходитъ въ замужъ за другова: скоро свадьба! Живётъ теперь у большой сестры, ступай туда, да смотри

---

[1]) Прощай! ищи. — [2]) Бабушка. — [3]) Т. е. свою жену.

ты: какъ станёшь подходить — у неё узнають, Елена обвернётся [1]) веретёшкомъ [2]), а платьё на ней будетъ золотомъ. Моя сестра золото станётъ вить; какъ совьётъ веретёшко и положитъ въ ящикъ и ящикъ запрётъ, ты найди ключъ, отвори ящикъ, веретёшко переломи, кончикъ брось назадъ, а корешокъ передъ себя: она и очуд(т)ится передъ тобой.» Пошолъ Иванъ-царевичъ, дошолъ до этой старухи, зашолъ въ избу; та вьётъ золото, свила ево веретёшко и положила въ ящикъ, заперла и ключъ куда-то положила. Онъ взялъ ключъ, отворилъ ящикъ, вынялъ веретёшко и переломилъ по сказанному, какъ по писанному, кончикъ бросилъ за себя, а корешокъ передъ себя. Вдрукъ и очудилась Елена Прекрасна, начала здороват(ь)ся: «ой, да какъ ты долго, Иванъ-царевичъ? я чуть за другова не ушла.» А тому жениху надо скоро быть; Елена Прекрасна взяла ковёръ-самолётъ у старухи, сѣли на нево и понеслись, какъ птица полетѣли. Женихъ-отъ за ними вдрукъ и пріѣхалъ, узналъ, что они уѣхали; былъ тожо хитрой! онъ ступай-ко за ними въ погоню, гналъ-гналъ, только сажонъ десять не догналъ: они на коврѣ влетѣли въ Русь, а ему нельзя какъ-то въ Русь-то, воротился; а тѣ прилетѣли домой, всѣ обрадовались, стали жить да быть, да животы [3]) наживать — на славу всѣмъ людямъ.

(Записана въ пермской губерніи въ шадринскомъ округѣ государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

ѣ. У адново царя было три сына. Онъ адилилъ [4]) ихъ па стрѣлки и вилѣлъ стрилять: хто куды стрильнётъ, таму тамъ и нивѣсту брать. Вотъ старшій стрильнулъ, и яво́ стрѣлка упала къ енаралу на дворъ и пыдняла яё енаралова дочь. Онъ

---

[1]) *Обернется*, оборотится. — [2]) Веретеномъ. — [3]) Имѣніе, богатство, скотъ домашній (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 56). — [4]) Одѣлилъ.

пашолъ и сталъ прасить у ней: «дѣвица, дѣвица! атдай маю стрѣлку.» Ана гварить яму́: «вазми миня замуш(ж)ъ!» Другой стрильнулъ, явò стрѣлка упала къ купцу на дворъ и пыднила яё купцова дочь. Онъ пашолъ прасить: «дѣвица, дѣвица! атдай маю стрѣлку.» Ана гваритъ: «вазми миня за сибя замушъ!» Третій стрильнулъ, и стрѣлка явò упала въ балота и взяла яё лягушка. Онъ пашолъ прасить: «лягушка, лягушка! атдай маю стрѣлку.» Ана гваритъ: «вазми миня замушъ!» Вотъ ани пришли къ атцу и сказали, хто куды папалъ, а меньшой сказалъ, што стрѣлка явò папала къ лягушки(ѣ) въ балота. «Ну, гваритъ атецъ, знать твая судьба такая.» Вотъ онъ женилъ ихъ и сдѣлалъ пиръ. На пиру молодыя снохи стали плясать; старшая плясала-плясала, махнула рукой—свекора ушибла; другая плясала-плясала, махнула рукой — свекровь ушибла; третья, лягушка, стала плясать, махнула рукой — јивились луга и сады: такъ всѣ и ахнули!

Вотъ стали ани лажитца спать. Лягушка скинула сваю лягушчію кыжуринку [1]) и стала чилавѣкъ. Мушъ јиё взялъ эту кыжуринку и бросилъ въ печь, кыжуринка закурилась; лягушка учуила [2]), схватила јиё, асирчала на мужа Ивана-царевича и гваритъ: «ну, Иванъ-царевичъ! ищи-жъ миня въ седьмомъ царствѣ, желѣзные спаги̇ [3]) изнаси и три желѣзныхъ прысвиры сглажи.» Спархнула и улитѣла. Вотъ, дѣлыть нечева, пашолъ искать, взялъ желѣзные спаги̇ и три желѣзныхъ прысвиры: шолъ-шолъ, спаги̇ желѣзные изнасилъ и три прысвиры желѣзныхъ сгладалъ, и апять зыхатѣлъ јисть. Встричаитца щука. Онъ гваритъ ей: «я јисть хачу, я тибя съѣмъ!» —Нѣтъ, ни ѣшь миня; я тибѣ гажусь. Пашолъ дальши; встричаитца мидвѣдь. Иванъ-царевичъ гваритъ яму́: «я јисть хачу,

---

[1]) Шкурку (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 85: «кожурина»). — [2]) Чутьемъ почувствовала. — [3]) Сапоги.

я тибя съѣмъ!» — Нѣтъ, ни ѣшь миня; я тибѣ гажусь. Иванъ-царевичъ пашолъ апять галодный; лититъ сыкалиха [1]). Онъ гварнтъ ей: «я тибя съѣмъ!» — Нѣтъ, ни ѣшь миня; я тибѣ гажусь. Апять такъ пашолъ; палзётъ ракъ. Иванъ-царевичъ гваритъ: «я тибя съѣмъ!» — Нѣтъ, ни ѣшь миня; я тибѣ гажусь.

Иванъ-царевичъ апять пашолъ. Стаитъ избушка; онъ взашолъ въ неё. Тамъ сидитъ старушка и спрашиваитъ аво̀: «что, Иванъ-царевичъ, дѣло пытаишь или атъ дѣла лытаишь?» [2]) Иванъ-царевичъ гваритъ: «ищу лягушку, жену сваю.» Старушка гваритъ: «ой, Иванъ-царевичъ! ана тибя хочитъ известь; я јиё мать. Пади же ты, Иванъ-царевичъ, за̀-маре; тамъ лижитъ камень, въ этом камнѣ сидитъ утка, въ этой уткѣ яичко; вазми это яичко и принеси ка мнѣ.» Вотъ онъ пашолъ за̀ маре, пришолъ къ морю и гваритъ: «дѣ [3]) мая щука? ана-бъ мнѣ рыбій мостъ ныстилила.» [4]) Аткудъ ни возмись щука, ныстилила рыбій мостъ. Онъ па нёмъ пришолъ къ камню, билъ-билъ — не разшибъ, и гваритъ: «дѣ мой мидвѣдь? онъ бы мнѣ рыскалолъ аво́.» Јивился мидвѣдь и ну калоть — рыскалолъ. Утка выск(о)чила аттуда и улитѣла. Иванъ-царевичъ гваритъ: «дѣ мая сыкалиха? ана-бъ мнѣ утку паймала и принясла.» Смотритъ, а сыкалиха тащитъ яму̀ утку. Онъ взялъ-разрѣзалъ јиё, вынулъ яичко [5]) и пашолъ къ старушкѣ въ избушку, отдылъ ей яичко. Ана зымисила [6]) и испякла изъ няво пышичку; а Иванъ-царевича пысадила въ коникъ [7]) и приказала: «вотъ скоро твая лягушка прилититъ,

---

[1]) Соколиха — женской родъ отъ слова: соколъ. — [2]) Бѣгаешь. — [3]) Гдѣ. [4]) Настлала. — [5]) Опущено: «сталъ мыть его и уронилъ въ воду. Гдѣ-то мой ракъ, говоритъ Иванъ-царевичъ; онъ бы досталъ мнѣ яичко! Смотритъ, а ракъ несетъ ему яичко; онъ взялъ яичко...» — [6]) Замѣсила. — [7]) Коникъ — лавка въ коробомъ въ избѣ, у двери, для поклажи вещей (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 88).

а ты малчи, и вставай, када я вилю.» Вотъ онъ сѣлъ въ коникъ. Прилитѣла лягушка, жилѣзнымъ пихтелемъ стучитъ и гваритъ: «фу! русскимъ духомъ пахнитъ; кыбъ [1]) Иванъ-царевичъ папался, я-бъ яво́ рызырвала!» Мать-старушка гваритъ ей: «ну этъ [2]) ты по Руси литала, русскыва духу ныхватались. На вотъ, зыкуси этый пышички.» Ана съѣла эту пышичку — астались адни крошички — и гваритъ: «дѣ мой, Иванъ-царевичъ? я па нёмъ скучилась. Я-бъ съ нимъ вотъ этый крошичкой пыдилилась.» Мать вилѣла вытить Ивану-царевичу; онъ вышилъ. Лягушка пытхватила яво́ подъ крылушка и улитѣла съ нимъ въ сидьмое царство жить.

(Записана въ шатскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи учителемъ сельскаго приходскаго училища Григоріемъ Островскимъ.)

24.

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНОЙ [3]).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этова царя было три сына, всѣ они были на возрастѣ. Только мать ихъ вдругъ унёсъ Кошъ [4]) Безсмертной. Старшо́й сынъ и проситъ у отца благословленьё искать мать. Отецъ благословилъ, онъ уѣхалъ и безъ вѣсти пропалъ. Середней сынъ пождалъ-пождалъ, тоже выпросился у отца, уѣхалъ, — и тотъ безъ вѣсти пропалъ. Малой сынъ Иванъ-царевичъ говоритъ отцу: «батюшко! благословляй меня искать матушку.» Отецъ не отпускатъ, говоритъ: «тѣхъ нѣтъ братовей, да и ты уѣдёшь: я съ кручины умру!»—Нѣтъ, батюшко,

[1]) Когда-бъ. — [2]) Это. — [3]) См. вып. VII, № 6; вып. VIII, № 5.— [4]) Кошшей — Кощей.

благословишь — поѣду, и не благословишь — поѣду. Отецъ благословилъ.

Иванъ-царевичъ пошолъ выбирать себѣ коня: на котторова руку положитъ, тотъ и падётъ; не мокъ выбрать себѣ коня, идётъ дорогой по городу, повѣсилъ голову. Неоткуда взялась старуха, спрашиватъ: «что, Иванъ-царевичъ, повѣсилъ голову?» — Уди [1]), старуха! на руку положу, другой пришлёпну — мокренько будётъ. Старуха оббѣжала другимъ переулкомъ, идётъ опеть на встрѣчю, говоритъ: «здравст(в)уй, Иванъ-царевичъ! что повѣсилъ голову?» Онъ и думатъ: что-же старуха меня спрашиватъ? не поможетъ ли мнѣ она? и говоритъ ей: «вотъ, баушка! не могу найдти себѣ доброва коня.» — Дурашка, мучишься, а старухѣ не кучишься! [2]) отвѣчатъ старуха, пойдёмъ со мной. Привела ево къ горѣ, указала мѣсто: «скапывай эту землю.» Иванъ-царевичъ скапалъ, видитъ чигунную доску на двѣна(д)цати замкахъ; замки онъ тотчасъ-жо сорвалъ и двери отворилъ, вошолъ подъ землю: тутъ прикованъ на двѣнацати цѣпяхъ богатырской конь; онъ, видно, услышалъ ѣздока по себѣ, заржалъ, забился, всѣ двѣнацать цѣпей порвалъ. Иванъ-царевичъ надѣлъ на себя богатырскіе доспѣхи, надѣлъ на коня узду, черкасское сѣдло, далъ старухѣ денегъ и сказалъ: «благословляй и прощай, баушка!» Самъ сѣлъ и поѣхалъ.

Долго ѣздилъ, наконецъ доѣхалъ до горы: пребольшушшая гора, крутая! въѣхать на неё никакъ нельзя. Тутъ и братья ево ѣздятъ возлѣ горы; поздоровались, поѣхали вмѣстѣ; доѣзжаютъ до чигуннова камня пудовъ въ полтораста, на камнѣ надпись: кто этотъ камень броситъ на гору, тому и ходъ будётъ. Старшіе братовья не могли поднять камень, а Иванъ-царевичъ съ одново маху забросилъ на гору — и тотчасъ въ

---

[1]) Уйди. — [2]) До-кучать, на-с-кучать.

горѣ показалась лѣстница. Онъ оставилъ коня, наточилъ изъ мизинца въ стаканъ крови, подаётъ братьямъ и говоритъ: «ежели въ стаканѣ кровь почернѣетъ, не ждите меня: значитъ — я умру!» Простился и пошолъ. Зашолъ на гору; чево онъ не насмотрѣлся? всяки тутъ лѣса, всяки ягоды, всяки птицы! Долго шолъ Иванъ-царевичъ, дошолъ до дому: огромной домъ! въ нёмъ жила царска дочь, уташшона Кошомъ Безсмертнымъ. Иванъ-царевичъ кругомъ ограды ходитъ, а дверей не видитъ. Царская дочь увидѣла человѣка, вышла на балхонъ, кричитъ ему: «тутъ смотри у ограды есть шшиль [1]), потрони ее мизинцомъ, и будутъ двери.» Такъ и сдѣлалось. Иванъ-царевичъ вошолъ въ домъ. Дѣвица ево приняла, напоила, накормила и распросила. Онъ ей разсказалъ, что пошолъ доставать мать отъ Коша Безсмертнова. Дѣвица говоритъ ему на это: «трудно доступать мать, Иванъ-царевичъ! онъ вѣдь безсмертной — убьётъ тебя. Ко мнѣ онъ часто ѣздитъ.... вонъ у нево мечъ въ пятьсотъ пудовъ, поднимешь ли ево? тогда ступай!» Иванъ-царевичъ не только поднялъ мечъ, еще бросилъ къ вёрху; самъ пошолъ дальше. Приходитъ къ другому дому; двери знатъ, какъ искать; вошолъ въ домъ, а тутъ ево мать, обнялись, поплакали. Онъ и здѣсь испыталъ свои силы, бросилъ какой-то шарикъ въ полторы тысячи пудовъ. Время приходитъ быть Кошу Безсмертному; мать спрятала ево. Вдрукъ Кошъ Безсмертной входитъ въ домъ и говоритъ: «фу, фу! русской коски слыхомъ (было) не слыхать, видомъ не видать, а русская коска сама на дворъ пришла! кто у тебя былъ? не сынъ ли?» — Что ты, Богъ съ тобой! Самъ леталъ по Руси, нахватался русскова духу, тебѣ и мерещится [2]), отвѣтила мать Ивана-царевича; а сама поближе съ ласковыми словами къ Кошу Безсмертному, выспрашиватъ то-другое и

---

[1]) Щель. — [2]) Кажется.

говоритъ: «гдѣ же у тебя смерть, Кошъ Безсмертной?» — У меня смерть, говоритъ онъ, въ такомъ-то мѣстѣ: тамъ стоитъ дубъ, подъ дубомъ ящикъ, въ ящикѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ моя смерть. Сказалъ это Кошъ Безсмертной, побылъ немного и улетѣлъ.

Пришло время—Иванъ царевичъ благословился у матери, отправился по смерть Коша Безсмертнова. Идётъ дорóгой много время, не пивалъ - не ѣдалъ, хочетъ ѣсть до смерти и думатъ: кто бы на это время (попался)! Вдрукъ — волчонокъ; онъ хочетъ ево убить. Выскакиватъ изъ норы волчиха и говоритъ: «не тронь моево дѣтища; я тебѣ пригожусь.»—Быть такъ! Иванъ-царевичъ отпустилъ волка; идётъ дальше, видитъ ворону: «постой, думатъ, здѣсь я закушу!» Зарядилъ ружьё, хочотъ стрѣлять; ворона и говоритъ: «не тронь меня; я тебѣ пригожусь.» Иванъ-царевичъ подумалъ и отпустилъ ворону; идётъ дальше, доходитъ до моря, остановился на берегу. Въ это время вдрукъ взметался щучонокъ и выпалъ на берегъ; онъ ево схватилъ, јисъ хочотъ смёртно — думатъ: «вотъ теперь поѣмъ!» Неоткуда взялась щука, говоритъ: «не тронь Иванъ-царевичъ, моево дѣтища; я тебѣ пригожусь.» Онъ и щучонка отпустилъ. Какъ пройдти море? сидитъ на берегу да думатъ; щука ровно знала ево думу, легла поперёгъ моря. Иванъ-царевичъ прошолъ по ней, какъ пò мосту; доходитъ до дуба, гдѣ была смерть Коша Безсмертнова, досталъ ящикъ, отворилъ — заяцъ выскочилъ и побѣжалъ. Гдѣ тутъ удержать зайца! испугался Иванъ-царевичъ, что отпустилъ зайца, призадумался, а волкъ, которова не убилъ онъ, кинулся за зайцомъ, поймалъ и несётъ къ Ивану-царевичу. Онъ обрадовался, схватилъ зайца, распоролъ ево, и какъ-то оробѣлъ: утка спорхнула и полетѣла. Онъ пострѣлялъ, пострѣлялъ — мимо! задумался опеть. Неоткуда взялась ворона съ воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла

Ивану-царевичу. Царевичъ обрадѣлъ [1]), досталъ яйцо; пошолъ, доходитъ до моря, сталъ мыть яичко да и ронилъ въ воду. Какъ достать изъ моря? безмѣрна глубь! закручинился опеть царевичъ. Вдрукъ море встрепенулось — и щука принесла ему яйцо; потомъ легла поперёгъ моря. Иванъ-царевичъ прошолъ по ней и отправился къ матерѣ(и); приходитъ, поздоровались, и она ево опеть спрятала. Въ то время прилетѣлъ Кошъ Безсмертной и говоритъ: «фу, фу! русской косии слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а здѣсь Русью несётъ!» — Что ты, Кошъ? у меня никово нѣтъ, отвѣчала мать Ивана-царевича. Кошъ опеть и говоритъ: «я что-то немогу!» [2]) — а Иванъ-царевичъ пожималъ яичко: Коша Безсмертнова отъ тово коробило. Наконецъ Иванъ-царевичъ вышолъ, кажотъ яйцо и говоритъ: «вотъ, Кошъ Безсмертной, твоя смерть!» Тотъ на колѣнки противъ нево, и говоритъ: «не бей меня, Иванъ-царевичъ! станемъ жить дружно; намъ весь міръ будётъ покоренъ.» Иванъ-царевичъ не обольстился ево словами, раздавилъ яичко — и Кошъ Безсмертной умеръ.

Взяли они, Иванъ царевичъ съ матерью, что̀ было нужно, пошли на родиму сторону: по путѣ(и) зашли за царской дочерью, къ которой Иванъ-царевичъ заходилъ вперёдъ, взяли и ее съ собой; пошли дальше, доходятъ до горы, гдѣ братья Ивана-царевича все ждутъ. Дѣвица говоритъ: «Иванъ-царевичъ! воротись ко мнѣ въ домъ; я забыла подви(ѣ)нешно платьё, брилліантовой перстень и нешитые башмаки.» Между тѣмъ онъ спустилъ мать и царску дочь, съ коёй они условились до̀ма обвѣнчаться; братья приняли ихъ да взяли спускъ и перерѣзали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и дѣвицу какъ-то угрозами уговорили, чтобы до̀ма про

[1]) Радѣть — радоваться чему-либо (Опытъ области. великорус. словаря, стр. 186). — [2]) Я что-то не здоровъ: немога — болѣзнь, немошной — больной (ibidem, стр. 127).

Ивана-царевича не сказывали. Прибыли въ свое царство; отецъ обрадовался дѣтямъ и женѣ, только печалился объ одномъ Иванѣ-царевичѣ.

А Иванъ-царевичъ воротился въ домъ своей невѣсты, взялъ обручальной перстень, подвинешно платьё и нешитые башмаки; приходитъ на̀ гору, метнулъ съ руки на̀ руку перстень. Явилось двѣнацать молодцовъ, спрашиваютъ: «что прикажите?»—Перенесите меня вотъ съ этой горы. Молодцы тотчасъ ево спустили. Иванъ-царевичъ надѣлъ перстень — ихъ не стало; пошолъ въ свое царство, приходитъ въ тотъ городъ, гдѣ жилъ ево отецъ и братья, остановился у одной старушки и спрашиватъ: «что, баушка, новова въ вашемъ царствѣ?» —Да чево, дитятко! вотъ наша царица была въ плѣну у Коша Безсмертнова; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьява Ивана-царевича нѣтъ, и не знатъ: гдѣ? царь кручинится объ немъ. А эти царевичи съ матерью привезли какую-то цареку дочь, большакъ жениться на ней хочотъ, да она посылатъ наперёдъ куда-то за обручальнымъ перстнёмъ или велитъ сдѣлать такоё-жо (кольцо), како ей надо: колдася [1]) ужь кличутъ кличъ, да никто не выискиватся. «Ступай, баушка, скажи царю, что ты сдѣлашь; а я пособлю», говоритъ Иванъ-царевичъ. Старуха въ кою пору скрутилась [2]), побѣжала къ царю и говоритъ: «вашо царско величество! обручальной перстень я сдѣлаю.»—Сдѣлай, сдѣлай, баушка! мы такимъ людямъ рады, говоритъ царь; а если не сдѣлашь, то голову на плаху. Старуха перепугалась, пришла домой, заставлятъ Ивана-царевича дѣлать перстень, а Иванъ-царевичъ спитъ, мало думатъ; перстень готовъ. Онъ шутитъ надъ старухой, а старуха тре(я)сётся вся, плачотъ, ругатъ ево: «вотъ ты, говоритъ, самъ-отъ въ сторонѣ, а меня дуру под-

[1]) Когда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 86—87). — [2]) Крутиться—одѣваться, сбираться (ibidem, стр. 94).

вёлъ подъ смерть.» Плакала-плакала старуха и уснула. Иванъ-царевичъ сталъ поутру рано, будитъ старуху: «ставай, баушка, да ступай, понеси перстень да смотри: больше одново червонца за нево не бери. Если спросятъ, кто дѣлалъ перстень? скажи: сама; на меня не сказывай!» Старуха обрадовалась, снесла перстень; невѣстѣ понравился: «такой, говоритъ, и надо!» Вынесли ей полно блюдо золота; она взяла одинъ только червонецъ. Царь говоритъ: «что, баушка, мало берёшь?» —На что мнѣ много-то, вашо царско величество! послѣ понадобятся — ты-жо мнѣ дашь. Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло тамъ сколько время—ви(ѣ)сти носятся, что невѣста посылатъ жениха за подвинешнымъ платьёмъ или велитъ сшить такоё-жо, како ей надо. Старуха и тутъ успѣла (Иванъ-царевичъ пожокъ), снесла подвинешноё платьё. Послѣ снесла нешитые башмаки, а червонцовъ брала по одному и сказывала: эти вешши (вещи) сама дѣлатъ. Слышатъ люди, что у царя въ такой-то день свадьба; дождались и тово дня. А Иванъ царевичъ старухѣ заказалъ: «смотри, баушка! какъ невѣсту привезутъ подъ вѣнецъ, ты скажи мнѣ.» Старуха время не пропустила. Иванъ-царевичъ тотчасъ одѣлся въ царскоё платьё, выходитъ: «вотъ, баушка, я какой!» Старуха въ ноги ему: «батюшко! прости, я тебя ругала!» — Богъ проститъ. Приходитъ въ церковь. Брата ево ишшо не было. Онъ сталъ въ рядъ съ невѣстой; ихъ обвѣнчали и повели во дворецъ. На дорогѣ попадатся на встрѣчю женихъ, большой братъ, увидялъ, что невѣсту ведутъ съ Иваномъ-царевичомъ, ступай-ко со стыдомъ обратно. Отецъ обрадовался Ивану-царевичу, узналъ о лукавствѣ братьёвъ, какъ отпировали свадьбу — большихъ сыновей разослалъ въ ссылку, а Ивана-царевича сдѣлалъ наслѣдникомъ.

(Записана пермской губерніи въ шадринскомъ округѣ государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

25.

СИВКО, БУРКО, ВѢЩІЙ ВОРОНКО [1]).

Жилъ-былъ старикъ; у нево было три сына, третій-етъ Иванъ-дуракъ, ничево не дѣлалъ; только на пеҷѣ(и) въ углу сидѣлъ да сморкался. Отецъ сталъ умирать и говоритъ: «дѣти! какъ я умру, вы каждой поочерёдно ходите на могилу ко мнѣ спать по три ночи»—и умёръ. Старика схоронили. Приходитъ ночь; надо большому брату ночевать на могилѣ, а ему—коё лѣнь, коё боится, онъ и говоритъ малому брату: «Иванъ-дуракъ! поди-ко къ отцу на могилу, ночюй за меня. Ты ничево-жо не дѣлашь!» Иванъ-дуракъ собрался, пришолъ на могилу, лежитъ: въ полночь вдрукъ могила разступилась, старикъ выходитъ и спрашиватъ: «кто тутъ? ты, большой сынъ?» — Нѣтъ, батюшко! я Иванъ-дуракъ. Старикъ узналъ ево и спрашиватъ: «что-жо большъ-отъ сынъ не пришолъ?» —А онъ меня послалъ, батюшко! «Ну, твоё счастьё!» Старикъ свиҫ(т)нулъ-гайкнулъ [2]) богатырскимъ посвистомъ: «сивко-бурко-вѣшшой [3]) воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Вотъ тебѣ, сынъ мой, доброй конь; а ты, конь! служи ему, какъ мнѣ служилъ.» Проговорилъ это старикъ, лёкъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ, поласкалъ сивка и о(т)пустилъ, самъ домой пошолъ. Дома спрашиваютъ братья: «что, Иванъ-дуракъ, ладно ли ночевалъ?» — Очонъ ладно, братья! Другая ночь приходитъ. Середней братъ тожо не идётъ ночевать на могилу и говоритъ: «Иванъ-дуракъ! поди на могилу-то

---

[1]) См. вып. V, № 18; вып. VI, № 26. — [2]) Гайкать—кричать, кликать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 35). — [3]) Вѣщій.

къ батюшку(ѣ), ночюй и за меня.» Иванъ-дуракъ, не говоря ни слова, собрался и покатилъ, пришолъ на могилу, лёкъ, дожидатся полночи. Въ полночь также могила раскрылась, отецъ вышолъ, спрашиватъ: «ты середней сынъ?» — Нѣтъ, говоритъ Иванъ-дуракъ; я-жо опеть, батюшко! Старикъ гайкнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: «сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Бурко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, бурко! какъ мнѣ служилъ, такъ служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убѣжалъ; старикъ лёкъ въ могилу, а Иванъ-дуракъ пошолъ домой. Братья опеть спрашиваютъ: «каково, Иванъ-дуракъ, ночевалъ?» — Очонъ, братья, ладно! На третью ночь Иванова очередь; онъ не дожидатся наряду, собрался и пошолъ. Лежитъ на могилѣ; въ полночь опеть старикъ вышолъ, ужь знатъ, что тутъ Иванъ-дуракъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: «сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Воронко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, воронко! какъ мнѣ служилъ, такъ и сыну моему служи.» Сказалъ это старикъ, простился съ Иваномъ-дуракомъ, лёкъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ воронка, посмотрѣлъ и о(т)пустилъ, самъ пошолъ домой. Братья опеть спрашиваютъ: «каково, Иванъ-дуракъ, ночевалъ?» — Очонъ ладно, братья!

Живутъ; двое братовей рóбятъ [1]), а Иванъ-дуракъ ничево. Вдрукъ отъ царя кличъ: ежели кто сорвётъ царевнинъ патретъ [2]) съ дому чрезъ сколько-то много брёвенъ, за тово ее и въ замужъ отдастъ. Братья сбираются посмотрѣть, кто станётъ срывать патретъ; Иванъ-дуракъ сидитъ на печѣ за трубой и баётъ: «братья! дайте мнѣ каку лошадь, я поѣду по-

[1]) Работаютъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 191). — [2]) Портретъ.

смотрю-жо.» — Э! взъѣлись братья на ево, сиди, дуракъ, на печѣ; чево ты поѣдёшь? людей что-ли смѣшить!—Нѣтъ, отъ Ивана дурака отступу нѣту! братья не могли отбит(ь)ся: «ну ты возьми, дуракъ, вонъ трёхногую кобылёнку!» Сами уѣхали. Иванъ-дуракъ за ними-жо поѣхалъ въ чисто полё, въ широко раздольё: слѣзъ съ кобылёнки, взялъ ее-зарѣзалъ, кожу снялъ, повѣсилъ на поскотину [1]), а мясо бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ—напился, наѣлся, въ друго вылѣзъ—одѣлся, молодѐцъ такой сталъ, что̀ и братьямъ не узнать! сялъ на сивка и поѣхалъ срывать патретъ. Народу было тутъ видимо-невидимо; завидѣли молодца, всѣ начали смотрѣть. Иванъ-дуракъ съ размаху нагналъ, конь его скочилъ, — и патретъ не досталъ только чрезъ три бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ; а не видали, куда уѣхалъ! Онъ коня отпустилъ, самъ пришолъ домой, сялъ на печь. Вдрукъ братья пріѣзжаютъ и сказываютъ жонамъ: «ну, жоны, какой молодецъ пріѣзжалъ, дакъ [2]) мы такова съ роду не видали! патретъ не досталъ только чрезъ три бревна. Видѣли, откуль пріѣхалъ; не видали, куды уѣхалъ! Ишшо опеть пріѣдётъ...» Иванъ-дуракъ сидитъ на печѣ и говоритъ: «братья! не я ли тутъ былъ?» — Куда къ чорту тебѣ быть! Сиди, дуракъ, на печѣ да протирай носъ-отъ.

Время идётъ. Отъ царя тотъ-жо кличъ. Братья опеть стали собират(ь)ся, а Иванъ-дуракъ и говоритъ: «братья! дайте мнѣ каку-нибудь лошадь.» Они отвѣчаютъ: «сиди, дуракъ, дома! другу̇ лошадь ты станёшь переводить!» Нѣтъ, отбит(ь)ся не могли, велѣли опеть взять хромую кобылёшку. Иванъ-дуракъ

[1]) Поско̀тина — городьба вокругъ скотнаго выгона (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 172). — [2]) Такъ.

и ту управилъ, заколол̀ъ, кожу развесилъ на поскотинѣ, а мясо бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Бурко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ право ухо залѣзъ—одѣлся, выскочилъ въ лѣво — молодцомъ сдѣлался, соскочилъ на коня, поѣхалъ; патретъ не досталъ только за два бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ; а не видѣли, куда уѣхалъ! Бурка отпустилъ, а самъ пошолъ домой, сялъ на печь, дожидатся братовей. Братья пріѣхали и сказываютъ: «бабы! тотъ-жо молодецъ опеть пріѣзжалъ, да не досталъ патретъ только за два бревна.» Иванъ-дуракъ и говоритъ имъ: «братья, не я ли тутъ былъ?» — Сиди, дуракъ! гдѣ у чорта былъ!

Чрезъ немного время отъ царя опеть кличъ. Братья начали сбират(ь)ся, а Иванъ-дуракъ и проситъ: «дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съѣзжу, посмотрю-жо.»—Сиди, дуракъ, дома! докуда лошадей-то у насъ станёшь переводить?—Нѣтъ, отбит(ь)ся не могли, бились-бились, велѣли взять худую кобылёшку; сами уѣхали. Иванъ-дуракъ и ту управилъ, зарѣзалъ, бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Воронко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ—напился, наѣлся, въ друго вылѣзъ—молодцомъ одѣлся, сялъ на коня и поѣхалъ. Какъ только доѣхалъ до царскихъ чертоговъ, патретъ и ширинку [1]) такъ и сорвалъ. Видѣли, откуда пріѣхалъ; а не видѣли, куда уѣхалъ! Онъ также воронка отпустилъ, пошолъ домой, сялъ на печь, ждётъ братовей. Братья пріѣхали, сказываютъ: «ну, хозейки! тотъ-

---

[1]) Платокъ, полотенце (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 265).

жо молодецъ какъ нагналъ севодни, такъ патретъ и сорвалъ.» Иванъ-дуракъ сидитъ за трубой и баётъ: «братья, не я ли тутъ былъ?» — Сиди, дуракъ! гдѣ ты у чорта былъ!

Чрезъ немного время царь сдѣлалъ балъ, созыватъ всѣхъ бояръ, воеводъ, кне(я)зей, думныхъ, сенаторовъ, купцовъ, мѣшшанъ и хресьянъ [1]). И Ивановы братья поѣхали; Иванъ-дуракъ не отсталъ, сялъ гдѣ-то на печь за трубу, глядитъ, ротъ разинулъ. Царевна потчуётъ гостей, каждому подноситъ пива и смотритъ, не утрётся ли кто ширинкой? — тотъ её и женихъ. Только никто не утёрся; а Ивана-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сдѣлалъ другой балъ; опеть виноватова не нашли, кто сорвалъ ширянку. На третей день царевна также стала изъ своихъ рукъ подносить гостямъ пиво; всѣхъ обошла, никто не утёрся ширинкой. Что это? думатъ она себѣ: нѣтъ моево сужонова! взглянула за трубу и увидѣла тамъ Ивана-дурака: платьишко на нёмъ худоё, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ. Она налила стаканъ пива, подноситъ ему, а братья глядятъ да и думаютъ: царевна-та и дураку-то подноситъ пиво! Иванъ-дуракъ выпилъ да и утёрся ширинкой. Царевна обрадовалась, берётъ ево за руку, ведётъ къ отцу и говоритъ: «батюшко! вотъ мой сужоной.» Братовей тутъ ровно ножомъ по сердцу-то рѣзнуло, думаютъ: чево эта царевна! не съ ума ли сошла? дурака ведётъ въ сужоны. Разговоры тутъ коротки: веселымъ пиркомъ да за свадебку. Нашъ Иванъ тутъ сталъ не Иванъ-дуракъ, а Иванъ-царской зять; оправился, очистился, молодецъ молодцомъ сталъ, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу къ отцу.

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

---

[1]) Мѣщанъ и крестьянъ.

26.

СЕМЬ СЕМІОНОВЪ [1]).

Въ одномъ мѣстѣ у мужика было семь сыновъ, семь Семёновъ—все молодецъ молодца лучше, а такіе лѣнтяи, неработицы—во всемъ свѣтѣ поискать! ничево не дѣлали. Отецъ мучился, мучился съ ними и повёзъ къ царю; привозитъ туда, сдаётъ всѣхъ въ царску службу. Царь поблагодарилъ ево за такихъ молодцовъ, и спросилъ, чево они умѣютъ дѣлать? —У самихъ спросите, вашо царско величество! Царь наперво сôзвалъ большова Семёна, спросилъ: «чево ты умѣёшь дѣлать?» — Воровать, вашо царско величество. «Ладно; мнѣ такой человѣкъ на-время надобенъ.» Сôзвалъ второва: «а ты чево?»—Я умѣю ковать всяки дорогѝ вешши. «Мнѣ и такой человѣкъ надобенъ.» Сôзвалъ третьева Семёна, спрашиватъ: «а ты чево умѣёшь дѣлать?» — Я умѣю стрѣлять на лету птицу, вашо царско величество. «Ладно!» Спрашиватъ четвёртова: «а ты чево?» — Если стрѣлецъ подстрѣлитъ птицу, я вмѣсто собаки сплаваю за ней и притащу. «Ладно!» говоритъ царь. «А ты чему мастеръ?» спросилъ пятова.—Я буду смотрѣть съ высокова мѣста во всѣ царства и стану сказывать, гдѣ чево дѣлатся. «Хорошо, хорошо!» Спросилъ шестова. «Я знаю дѣлать корабли; только тяпъ-ляпъ, у меня и будетъ кораб(л)ь.» — Хорошо; а ты чево знашъ? спросилъ седьмова. «Я умѣю лѣчить людей.» — Ладно!

Царь отпустилъ ихъ. Живутъ долго ужь; царь и вздумалъ попытать одново Семёна: «ну-ко, Семёнъ, узнай, гдѣ чево дѣлатся?» Семёнъ забился куда-то наверхъ, посмотрѣлъ по

---

[1]) См. вып. III, № 12; вып. VI, № 31.

сторонамъ и разсказалъ: «тутъ вотъ то-то дѣлатся, тамъ то-то.» Послѣ сличили съ газетами—точно такъ! Прошло опеть много время; царь вздумалъ женит(ь)ся на одной царевнѣ: какъ ее достать? не знатъ, некого послать! и вспомнилъ семь Семёновъ, сѳзвалъ ихъ, далъ службу: достать эту царевну; далъ имъ сколько-то солдатства. Семёны скоро собрались, все мастера — тяпъ да ляпъ, и сдѣлали корабь, сяли и поплыли. Подплываютъ подъ то царство, гдѣ была невѣста-царевна; одинъ посмотрѣлъ съ высокова шеста, сказалъ, что царевна теперь одна—украсть можно; другой сковалъ какія-то самыя дорогія вешши, и пошли съ воромъ продавать; только дошли, воръ тотчасъ и укралъ царевну. Отсикли якорѝ, поплыли. Царевна видитъ, что ее везутъ, обвернулась бѣлой лебедью и полетѣла съ корабля. Стрѣлецъ не оробѣлъ, схватилъ ружьё, стрѣлилъ и попалъ ей въ лѣвое крыло; вмѣсто собаки кинулся другой Семёнъ, схватилъ лебедь нà морѣ и принёсъ на корабь. Лебедь обвернулась опеть царевной, только лѣва рука у неё была подстрѣлёна. Лѣкарь у нихъ свой, тотчасъ руку у царевны вылѣчилъ. Пріѣхали къ своему царству здоровы, благополучны, выстрѣлили изъ пушки. Царь услышалъ и забылъ ужь про Семёновъ — думатъ, что за корабь пришолъ тамъ? «Поди-ко, говоритъ, сбѣгайте, узнайте тамъ.» Кто-то сбѣгалъ ли, съѣздилъ ли; сколь скоро доложили царю о семи Семёнахъ вмѣстѣ съ царской невѣстой—онъ обрадовался Семёновымъ трудамъ, приказалъ встрѣтить ихъ съ честью, съ пушечной пальбой, съ барабаннымъ боёмъ. Только царевна не пошла за царя въ замужъ; онъ былъ ужь старъ. Онъ ее и спросилъ, за ково она хочотъ выйдти? Царевна говоритъ: «за тово, кто меня воровалъ!» — а воръ Сенька былъ бравой дѣтина, царевнѣ поглянулся [1]). Царь, не говоря больше ни сло-

---

[1]) Понравился (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 162).

ва, приказалъ ихъ обвѣнчать; потомъ самъ захотѣлъ на спокой, Семёна поставилъ на свое мѣсто, а братовей ево сдѣлалъ всѣхъ большими боярами.

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

27.

СКАЗКА О МОЛОДЦѢ-УДАЛЬЦѢ, МОЛОДИЛЬНЫХЪ ЯБЛОКАХЪ И ЖИВОЙ ВОДѢ [1]).

Адинъ царь очень устарѣлъ и глазами абнищалъ [2]), а слыхалъ онъ, што за девять девятинъ, въ десятомъ царствѣ есть садъ съ маладильными яблаками, а въ нёмъ калодезь съ живою вадою: если съѣсть старику эта яблако, то онъ памаладѣитъ, а вадой этай памазать глаза слѣпцу—онъ будетъ видѣть. У царя этово было три сына. Вотъ онъ посылаетъ старшаво на конѣ верхомъ въ этатъ садъ за яблакомъ и вадой: царю хочетца и маладымъ быть, и видѣть. Сынъ сѣлъ на каня и атправился въ далёка царства; ѣхалъ-ѣхалъ, пріѣхалъ къ аднаму сталбу; на этамъ сталбѣ написана три дароги: первая для каня сытна, а самаму галадна, втарая — не быть самаму живому, а третья каню галадна, самаму сытна. Вотъ онъ падумалъ-падумалъ и поѣхалъ по сытнай для себя дарогѣ, ѣхалъ-ѣхалъ, увидалъ въ полѣ хорошей, расхорошей домъ. Онъ подъѣхалъ къ нему, пагалядѣлъ-пагалядѣлъ, растварилъ варота, шапки не ламалъ, галавы не скланялъ, на дворъ вскакалъ. Хазяйка этово двара, баба-вдава небольна стара, маладца къ себѣ звала: «дабро пажалуй, гость дарагой!» Въ

[1]) См. вып. VII, № 5; вып. VIII, № 4. — [2]) Сталъ плохо видѣть, ослѣпъ.

избу ево ввела, за столъ пасадила, всякаво ѣства накрашила и питья медовова перевдоволь натащила. Вотъ маладецъ нагулялся и свалился спать на лавкѣ. Хазяйка ему гаваритъ: «не честь маладцу, не хвала удальцу лажитца аднаму! ляжъ съ маею дочкаю, прïукрасною Дунею.» Онъ таму и радъ. Дуня гаваритъ ему: «ляжъ ко мнѣ платнѣй, будетъ намъ теплѣй!» Онъ двинулся къ ней и правалился скрозь кровати: тамъ ево заставили малоть сырой ржи, а вылѣзть оттуда не можи (моги)! Атецъ старшаво сына ждалъ-ждалъ и ажиданья потерялъ.

Царь втарова сына атправилъ, штобъ яблако и вады ему даставилъ. Онъ держалъ тотъ-же путь и напалъ на ту-же участь, какъ и старшей ево братъ. Отъ долгова жданья сыновьёвъ царь бо̀льна-бо̀льна зага(о)ревался.

Младшей сынъ началъ прасить у атца пазвален(ь)я ѣхать въ тотъ садъ; а атецъ ни за̀ што не хочетъ ево атпустить, и гаваритъ ему: «горе тебѣ, сынокъ! когда старшïе братья прапали, а ты моладъ какъ вьюноша [1]), ты скорѣе ихъ прападёшь.» Но онъ умоляитъ, отцу обѣщаитъ, што онъ пастараитца для атца лучше всякаво маладца. Атецъ думалъ-думалъ и благаславилъ ево на ту-же дарогу. На пути до вдовина дома съ нимъ случилось все тоже; што и съ старшими братьями. Подъѣхалъ онъ ко двару вдовьину, слѣзъ съ каня, пастучалъ у варотъ и спрасился начевать. Хазяйка абрадавалась ему, какъ и энтимъ, проситъ ево: «дабро пажалуй, гость нашъ нежданной!» Пасадила ево за столъ, наставила всякаво ѣства и питья, хоть завались! Вотъ онъ панаѣлся, хатѣлъ лажитца на лавкѣ. Хазяйка и гаваритъ: «не честь маладцу, не хвала удальцу лажитца аднаму! ляжъ съ маей прïукрасною Дунею.» А онъ гаваритъ: «нѣтъ, тётушка! праѣзжему че-

---

[1]) Юноша.

лавѣку не годитца такъ, а нада въ го̀лавы кулакъ, а по̀дъ бокъ такъ. Еслибъ ты, тётушка, баньку мнѣ истапила, и съ тваей дочерью въ неё пустила!» Вотъ вдава баню жарко, разжарко натапила, и ево съ прïукраснаю Дунею туда правадила. Дуня такая-жъ, какъ мать, злоехидна была, ввела ево вперёдъ и дверь въ банѣ заперла, а сама въ сѣняхъ пакуда стала. Но маладецъ-удалецъ атталкнулъ дверь и Дуню туда вперъ [1]). У нево бы̀ла три прута: адинъ желѣзнай, другой свинцовай, а третей чугуннай, и началъ этими прутьями Дуню хвастѣть [2]). Ана кричитъ, умаляитъ ево; а онъ гаваритъ: «скажи, злая Дунька, куда дѣвали маихъ братьевъ?» Ана сказала, што у нихъ въ пот(д)полѣ мелють сырую рожь. Онъ пустилъ ее. Пришли въ избу, навязали лѣс(т)ницу на лѣсницу и братьевъ аттуда вывели. Онъ ихъ пустилъ дамой; но имъ стыдно къ атцу паявитца, отъ тово што съ Дуней лажились и къ чорту не гадились, и пашли ани брадяжничать по палямъ и по лѣсамъ.

А маладецъ паѣхалъ дальше, ѣхалъ-ѣхалъ, подъѣхалъ къ аднаму двару, вшолъ въ избу: тамъ сидитъ красна дѣвица, ткётъ утирки [3]). Онъ сказалъ: «Богъ помачь тебѣ, красная дѣвица!» А ана ему: «спасибо! што, добрый маладецъ, отъ дѣла лытаишь или дѣла пытаишь?» — Дѣла пытаю, красна дѣвица! сказалъ маладецъ, я ѣду за девять девятинъ, въ десятое царство, въ садъ—за маладильными яблаками и за живой вадой, для сваво старова и слѣпова батюшки.» Ана ему сказала: «ну, мудро [4]) тебѣ, мудро-мудро дабратца до этова сада; однака паѣзжай, на дарогѣ живётъ другая мая сестра, заѣзжай къ ней: ана лучше меня знаитъ и тѐбя научитъ, што

---

[1]) Силою втащилъ. — [2]) Парить, хлыстать (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 246: «хвостѣть»). — [3]) Утирка — полотенце (ibidem, стр. 241). — [4]) Хитро, трудно.

дѣлать.» Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ до другой сестры, даѣхалъ—также, какъ и съ первай, паздаровался, разсказалъ ей абъ себѣ и куда ѣдитъ. Ана велѣла ему аставить сваво каня у ней, а на её(а) двукрыломъ канѣ ѣхать къ её старшей сестрѣ, каторая научитъ, што дѣлать: какъ пабывать въ саду и дастать яблако и вады. Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ, пріѣхалъ къ третей сестрѣ. Эта дала ему сваво каня абъ четырёхъ крыльяхъ и приказала: «сматри, въ этамъ саду живётъ наша тётка, страшная вѣдьма; кали падъѣдишь къ саду, не же(а)лѣй маво каня, паганяй харашенька, штобъ онъ съ разу перелетѣлъ черезъ стѣну; а если онъ зацѣпитъ за стѣну — на стѣнѣ наведены струны съ калакольчиками, струны заструнятъ, калакольчики зазвенятъ, ана праснётца, и ты отъ неё тагда не уѣдишь! У ней есть конь о шести крыльяхъ; ты таму каню у крыльёвъ подрѣжь жилки, штобъ ана на нёмъ тебя не дагнала.»

Онъ все такъ и сдѣлалъ. Палетѣлъ черезъ стѣну на сваёмъ канѣ, и конь хвостомъ зацѣпилъ не дюжа [1]) за струну; струны заструнѣли, калакольчики зазвенѣли, но тиха: вѣдьма праснулась, да не разабрала харашо голаса струнъ и калакольчиковъ, апять зѣвнула и уснула. А маладецъ-удалецъ съ маладильнымъ яблакамъ и живой вадою ускакалъ; заѣзжая къ сестрамъ, каней у нихъ перемѣнялъ, и на сваёмъ апять памчался въ сваю землю. Поутру рана страшная вѣдьма замѣтила, што въ саду у ней украдена яблако и вада: ана тутъ-же сѣла на сваво шестикрылова каня, даскакала до первай племянницы, спрашиваитъ ее: «не праѣзжалъ ли тутъ хто?» Племянница сказала: «праѣхалъ маладецъ-удалецъ, да ужъ давно!» Ана паскакала дальше, спрашиваитъ у другой и третей; тѣ тоже ей сказали. Ана ещё паскакала и чуть-чуть не

---

[1]) Не сильно.

дагнала, но ужь маладецъ-удалецъ на сваю землю прабрался и её не апасался: сюда ана скакать не смѣла, толька на нево пасматрѣла, атъ злости захрипѣла и такъ ему запѣла: «ну, харошъ ты, воръ-варишка? хараша твая успѣшка! атъ меня успѣлъ ты ускакать, за то атъ братьевъ тебѣ непримѣнно прапасть!» Такъ ему наваражила дамой наваратила.

Удалецъ нашъ прiѣзжаитъ въ сваю землю, видитъ: братья ево, брадаги, въ полѣ спятъ. Онъ пустилъ сваво каня, не сталъ ихъ будить, самъ лёгъ окала и уснулъ. Братья прасн улись, увйдали, што братъ ихъ варатился въ сваю землю, легонько вынули у нево соннова изъ пазаки [1]) маладильнаё яблако, а ево взяли да бросили въ пропасть. Онъ летѣлъ туда три дня, упалъ въ подземельнае тёмнае царство, гдѣ люди всё дѣлаютъ съ агнёмъ. Вотъ онъ куда ни пайдётъ—всё люди такiе кручинные [2]) и плачутъ. Онъ спрашиваитъ абъ ихъ кручинѣ. Ему сказали, что у царя ихъ адна и есть дочь — прiукрасная царевна Палюша, и ее-то паведутъ завтра къ змѣю на съѣденiе; въ этамъ царствѣ каждый мѣсяцъ даютъ семиглаваму змѣю по дѣвицѣ, такъ ужь и ведётца очередь дѣвицамъ — ужь такой у нихъ законъ! нынѣ наступила очередь до царскай дочери. Вотъ нашъ маладецъ узналъ харашенька абъ этамъ и пашолъ прямо къ царю, гаваритъ ему: «я спасу, царь, тваю дочь атъ змѣя, толька ты самъ сдѣлай мнѣ то, о чомъ буду тебя послѣ прасить.» Царь абрадавался, абѣщалъ все для нево сдѣлать и выдать за нево замужъ сваю дочь.

Вотъ пришолъ тотъ день: павели прiукрасную царевну Палюшу къ морю, въ трёхъ-стѣнную крѣпасть, а съ нею пашолъ удалецъ. Онъ взялъ съ сабою желѣзную палку въ пять пудовъ. Астались тамъ двоя съ царевнай ждать змѣя; ждали,

---

[1]) Пазухи. — [2]) Печальные.

ждали, кой о чомъ пакуда пагутарили. Онъ ей разсказалъ о сваёмъ пахажденіи и што у нево есть живая вада. Вотъ маладецъ сказалъ пріукраснай царевнѣ Палюши(ѣ): «панщи пакуда у меня въ галавѣ вши (вшей), а кали я усну, и прилетитъ змѣй, то будй меня маей палкаю, а такъ меня не дабудиш(ь)-ся!» — и лёгъ къ ней на калѣни. Ана стала искать у нево въ галавѣ; онъ уснулъ. Прилетѣлъ змѣй, началъ витца надъ царевнаю. Ана стала будить маладца, талкаетъ ево руками, а палкай ударить (какъ онъ велѣлъ) ей жалка; не дабудилась и заплакала, слеза её(я) канула ему на лицо — онъ праснулся и вскрикнулъ: «о, какъ ты меня чѣмъ-то гойна [1]) абажгла!» А змѣй сталъ ужь спускатца на нихъ. Маладецъ взялъ сваю пяти-пудавую палку, махнулъ ею — и вдругъ атшибъ змѣю пять галовъ, въ другой махнулъ надтмашъ [2]) — и атшибъ двѣ паслѣднія; сабралъ всѣ эти голавы, палажилъ ихъ падъ стѣну, а тулавище бросилъ въ море. Но какой-то балавня [3])-дѣтина видѣлъ все эта и легоничка изъ-за стѣны падкрался, атсѣкъ маладцу голаву и бросилъ ево въ море, а пріукрасной царевнѣ Палюши(ѣ) велѣлъ сказать атцу её(я), царю, што онъ ее устерёгъ [4]), а если ана такъ не скажетъ — то онъ ее задушитъ. Дѣлать нечево, Палюша паплакала, паплакала, и пашли ани къ атцу, царю. Царь ихъ встрѣлъ. [5]) Ана ему сказала, што этатъ дѣтина ее уберёгъ. Царь невись [6]) какъ радъ, тутъ-же началъ сбирать свадьбу. Гости наѣхались изъ иныхъ земель: цари, карали да принцы, всѣ пьютъ, гуляютъ и веселятца; адна царевна кручинна, зайдётъ гдѣ падъ сараемъ въ угалокъ и заливаютца тамъ гарючими слезами о сваёмъ маладцѣ-удальцѣ. Вотъ и вздумала ана папрасить сваво батюшку, штобъ онъ паслалъ ловить въ морѣ рыбу, и сама ана пашла съ рыбаловами къ морю; затянули невадъ, вытащили

---

[1]) Пріятно. — [2]) Назадъ, въ другую сторону. — [3]) Баловень. — [4]) Спасъ.— [5]) Встрѣтилъ. — [6]) Невѣсть.

рыбы и бознать [1]) сколько! Ана паглядѣла и сказала: «нѣтъ, эта не мая рыба!» Затянули въ другой, вытащили голаву и тулавище маладца-удальца. Палюша скарѣй падбѣжала къ нему, нашла у нево въ пазхи [2]) пузырёкъ съ живой вадой, приставила къ тулавищу голаву, примачила вадой изъ пузырька—онъ и аживѣлъ. Ана ему разсказала, какъ ее хочетъ взять постылый для неё дѣтина. Удалецъ утѣшилъ ее и велѣлъ итти дамой, а онъ самъ придётъ и знаитъ штò дѣлать.

Вотъ пришолъ удалецъ въ царску палату; тамъ все гости пьяные—играютъ да пляшутъ. Онъ сказался, што умѣитъ играть [3]) пѣсни на разные галаса. Ему всѣ ради(ы), заставили играть. Онъ заигралъ имъ прежде весёлую какую-то, прибасную [4]) — гости такъ и растаяли, што больна гойна играитъ, дружка дружкѣ расхвалили ево; а тамъ онъ заигралъ кручинную такую, што всѣ гости заплакали. Вотъ удалецъ спрасилъ царя, хто убирёгъ ево дочь? Царь сказалъ, што этатъ дѣтина. «Ну-ка, царь, пайдемъ къ той крѣпасти и со всѣми гастями тваими; кали онъ дастаниітъ тамъ змѣиныя голавы, такъ я павѣрю, што онъ спасъ царевну Палюшу.» Пришли всѣ къ крѣпасти. Дѣтина тянулъ, тянулъ, и ни адной галавы не вытянулъ, бòльна ему не падъ мочь [5]). А маладецъ лишь взялся—и вытянулъ. Тутъ и царевна разсказала всю правду, хто ее устерёгъ. Всѣ признали, што удалецъ устерёгъ царёву дочь; а дѣтину привязали каню за хвостъ и размыкали пò полю. Царю хочетца, штобъ маладецъ-удалецъ женился на ево дочери; но удалецъ гаваритъ: «нѣтъ, царь, мнѣ ничево не нада, а толька вынеси меня на нашъ бѣлый свѣтъ; я ещё не даконичилъ свой атвѣтъ батюшкѣ, онъ меня теперь съ живою вадой ждётъ — вѣдь онъ слѣпымъ живётъ.» Царь не мо-

---

[1]) Богъ знаетъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 12). — [2]) Пазухѣ. — [3]) Пѣть (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 73). — [4]) Т. е. съ приговорками, прибаутками. — [5]) Не подъ силу.

жетъ пригадать, какъ ево на бѣлый свѣтъ паднять; а дочь не хочетъ разстатца — захатѣла съ нимъ паднятца, гаваритъ сваму атцу, што у нихъ есть птица-Колпалица: ана можетъ ихъ туда несть, толька-бъ было штò ей въ дарогѣ ѣсть. Вотъ Палюша велѣла для птицы-Колпалицы цѣлова быка убить и съ сабой ево запасить [1]). Патомъ прастились съ падземельнымъ царёмъ, сѣли птицѣ на хребетъ и панеслись на божій бѣлый свѣтъ. Гдѣ больше птицу кормятъ, тамъ ана рѣще [2]) въ вершки [3]) съ ними паднималась; вотъ всево быка птицѣ и стравили [4]). Дѣлать нечево, баятца, штобъ ана не апустила ихъ апять внизъ. Палюша взяла атрѣзала у себя кусокъ ляхи [5]) и птицѣ атдала; а та ихъ какъ разъ на этатъ свѣтъ паднила, и сказала: «ну, всю дарогу вы меня харашо кармили, но слаще паслѣднява кусочка я атродясь не ядала!» Палюша ей сваю ляху развернула, птица ахнула и рыгнула: кусокъ ещё цѣлъ. Маладецъ апять приставилъ ево къ ляхѣ, живой вадицей примачилъ — и царевнѣ ляху исцѣлилъ.

Тутъ пашли ани дамой. Атецъ, наше(н)ской [6]) царь, ихъ встрѣлъ, абрадавался невись какъ! Удалецъ видитъ, што атецъ ево атъ таво яблака памаладѣлъ, но все ещё слѣпъ. Онъ тотчасъ памазалъ ему глаза живой вадой. Царь сталъ видѣть; тутъ онъ разцалавалъ сваво сына удальца и ево невѣсту изъ тёмнова царства. Удалецъ разсказалъ, какъ братья унесли у нево яблако и бросили ево въ падземелье. Братья такъ испугались — инна [7]) въ рѣку покидались! а удалецъ на той царевнѣ Палюшѣ женился, и раздиковинную пирушку сдѣлалъ; я тамъ обѣдалъ, мёдъ пилъ, а ужь какая у нихъ капуста — инна теперь въ ротѣ [8]) пуста!

(Записана въ тамбовской губерніи.)

---

[1]) Взять въ запасъ. — [2]) Быстрѣе. — [3]) Вверхъ. — [4]) Прокормили, истратили. — [5]) *Ляшки*. — [6]) Слово это употреблено для обозначенія царя сего, надземнаго свѣта, въ противуположность царю подземныхъ странъ, о которомъ только что упоминала сказка. — [7]) Ино — что даже. — [8]) Во рту.

28.

СКАЗКА О СВИНКѢ-ЗОЛОТОЙ ЩЕТИНКѢ, ЗОЛОТОРОГОМЪ ОЛЕНѢ И ЗОЛОТОГРИВОМЪ КОНѢ. [1])

Жилъ-былъ царь, у него была дочь царевна Неоцѣненная Красота, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Царь сдѣлалъ кличъ по всѣмъ городамъ: кто поцѣлуетъ царевну черезъ двѣнадцать стёколъ, тотъ, какого бы роду ни былъ, возьмётъ царевну себѣ въ жены и получитъ за нею полцарства. А въ этомъ царствѣ жилъ купецъ; у него было три сына: два—старшій и середній—умные, а третій меньшой—дуракъ. Вотъ старшіе братья и говорятъ: «мы, батюшка, поѣдемъ добывать царевну.»—Поѣзжайте съ Богомъ! говоритъ купецъ. Взяли они себѣ что̀ ни самыхъ лучшихъ лошадей и стали собираться въ путь-дорогу, а дуракъ тоже себѣ собирается. «Куда тебѣ, дураку, ѣхать! говорятъ братья; гдѣ тебѣ поцѣловать царевну!» и всячески надъ нимъ смѣются. Поѣхали они, а дуракъ вслѣдъ потащился на худой, паршивой лошадёнкѣ. Выѣхалъ въ поле, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Откуда ни взялся отличной конь, бѣжитъ — земля дрожитъ. Дуракъ влѣзъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сдѣлался такой молодецъ да красавецъ, что̀ и не видывано, и не слыхивано! Сѣлъ на коня, пріѣхалъ къ царскому дворцу, какъ разлетится—такъ шесть стёколъ и разбилъ. Всѣ такъ и ахнули, кричатъ: «кто таковъ? ловите его, держите!» а его и слѣдъ простылъ. Уѣхалъ себѣ

---

[1]) См. вып. IV, № 47; вып. V, № 18; вып. VI, № 26.

въ поле, опять влѣзъ своему коню въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сталъ такой-же дуракъ, каковъ былъ прежде; сѣлъ на клячу, пріѣхалъ домой и лёгъ на печкѣ. Воротились и братья, разсказываютъ: «вотъ, батюшка, былъ молодецъ, такъ молодецъ! шесть стёколъ за разъ пробилъ!» А дуракъ съ печки кричитъ: «братцы! а, братцы! ни я ли это былъ?» — Куды тебѣ дураку! тебѣ ли добыть царевну! ты ея ногтя не стóишь.

На другой день братья опять собрались ѣхать къ царскому дворцу, а дуракъ тоже себѣ собирается. «Ты зачѣмъ, дуракъ? смѣются братья, не доставало тебя тамъ—что ли?» А дуракъ выѣхалъ опять на паршивой, ледащей лошадёнкѣ въ поле и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Опять влѣзъ коню въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сдѣлался такой молодецъ да красавецъ, что̀ и не видывано, и не слыхивано! Разлетѣлся на царскомъ дворѣ, такъ всѣ двѣнадцать стёколъ и разбилъ и поцѣловалъ царевну-Неоцѣненную Красоту, а она ему прямо въ лобъ клеймо и приложила. Всѣ такъ и ахнули, кричатъ: «кто таковъ? ловите его, держите!» — а его и слѣдъ простылъ. Уѣхалъ себѣ въ поле, опять влѣзъ своему коню въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сталъ такой-же дуракъ, каковъ былъ прежде. Пріѣхалъ домой, завязалъ свой лобъ тряпицею, притворился, что голова болитъ, и лёгъ на печку. Воротились и братья, и разсказываютъ: «эхъ, батюшка, вотъ былъ молодецъ, такъ молодецъ! за разъ пробилъ всѣ двѣнадцать стёколъ и поцѣловалъ царевну.» А дуракъ съ печки озывается: «братцы! а, братцы! не я ли это былъ?» — Куда тебѣ дураку!

Царевна тѣмъ времячкомъ думаетъ: кто бы таковъ былъ ея женихъ? приходитъ къ царю и говоритъ: «батюшка, позволь мнѣ собрать всѣхъ царевичей и королевичей, дворянъ

и купцовъ, и всякихъ крестьянъ на пиръ-на беседу и поискать, кто меня поцеловалъ.» Царь дозволилъ. Вотъ собрался весь крещеный міръ; царевна сама всѣхъ обходитъ, сама всѣхъ виномъ угощаетъ да высматриваетъ, не примѣтитъ ли у кого на лбу клейма. Обошла ужь всѣхъ и подъ конецъ стала подносить вино дураку. «А что это у тебя завязано?» спрашиваетъ царевна. «Такъ, ничего! голова болитъ», отвѣчаетъ дуракъ. «Ну-ка развяжи!» Дуракъ развязалъ голову; царевна узнала клеймо и обмерла. Царь и говоритъ ей: «теперь уже этого слова измѣнить нельзя; такъ тому и быть, будь ему женою.» Перевѣнчали дурака съ царевною; она горько-горько плачетъ, а другія двѣ царевны, ея сёстры, что повыходили замужъ за царевичей, смѣются надъ нею: «вотъ вышла за дурака!»

Разъ царь призываетъ своихъ зятьёвъ и говоритъ имъ: «любезные мои зятья! я прослышалъ, что въ эдакомъ-то царствѣ, въ эдакомъ-то государствѣ есть диковинка: свинка-золотая щетинка. Нельзя-ли ее какимъ образомъ добыть? Постарайтесь-ка!» Вотъ двое умныхъ-та зятьёвъ осѣдлали себѣ самыхъ что̀ ни-на̀-есть отличныхъ лошадей, сѣли и поѣхали. «Ну, что-жъ? говоритъ царь дураку, и ты поѣзжай.» Дуракъ взялъ съ конюшни что̀ ни есть самую послѣдню клячу и поѣхалъ слѣдомъ за царевичами; выѣхалъ въ поле, закричалъ зычнымъ голосомъ: «гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань, передо мною, какъ листъ передъ травою.» Откуда ни взялся чудесной конь, такъ и храпитъ, копытомъ землю роетъ. Дуракъ влѣзъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ; откуда ни выскочили—стали передъ нимъ два молодца и спрашиваютъ: «чего хочешь, чего изволишь?» — Чтобъ была здѣсь разбита палатка, въ палаткѣ кроватка, а возлѣ гулала бы свинка-золотая щетинка. Все это явилось въ одну минуту: раскинулась палатка, въ палаткѣ кроватка, на кроваткѣ разлёгся

дуракъ да такимъ молодцомъ, что никому не признать его! а свинка-золотая щетинка гуляетъ возлѣ по лугу. Другіе зятья ѣздили-ѣздили, нигдѣ не видали свинки-золотой щетинки, и ворочаются ужь домой; подъѣзжаютъ къ палаткѣ и видятъ диковинку. «Ахъ, вотъ гдѣ ходитъ гуляетъ свинка-золотая щетинка! Поѣдемъ, говорятъ, что ни дать — дадимъ, а ужь купимъ свинку-золотую щетинку, да угодимъ нашему тестю.» Подъѣхали къ палаткѣ и поздоровались. Дуракъ спрашиваетъ: «чего вы ѣздите, чего ищите?»—Не продашь ли намъ свинку-золотую щетинку? мы давно ее ищемъ. «Нѣтъ, непродажная; себѣ нужна.» — Что хошь возьми, только продай! — и даютъ они за свинку тысячу, и двѣ, и три тысячи, и больше. Дуракъ не соглашается: «не возьму и ста тысячъ!» — Пожалуста уступи, возьми, что хочешь. «Ну, коли она вамъ очень надобна, я пожалуй отдамъ и недорого возьму: съ ноги по мизинцу.» Вотъ они подумали-подумали, сняли сапоги и отрѣзали съ ноги по мизинцу. Дуракъ взялъ пальцы и спряталъ къ себѣ, а свинку-золотую щетинку отдалъ. Зятья пріѣзжаютъ домой и приводятъ съ собою свинку-золотую щетинку; царь отъ радости не знаетъ, какъ ихъ назвать, гдѣ посадить и чѣмъ угостить. «Не видали-ль гдѣ дурака?» спрашиваетъ ихъ царь. — Видомъ не видали, слыхомъ не слыхали! А дуракъ влѣзъ коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такой-же дуракъ, каковъ былъ прежде; убилъ свою клячу, содралъ съ нея кожу и надѣлъ на себя, потомъ наловилъ сорокъ, воронъ, галокъ да воробьевъ, нацѣплялъ кругомъ на себя и пошелъ домой. Пришелъ во дворецъ и распустилъ всѣхъ своихъ птицъ: онѣ разлетѣлись по разнымъ сторонамъ и побили почитай всѣ окна. Царевна Неоцѣненная Красота какъ увидѣла это, такъ и залилася слезами, а сестры ея такъ и хохочутъ: «наши мужья привезли свинку-золотую щетинку, а твой-то дуракъ, посмотри-ка, посмотри, какимъ уродомъ на-

родился!» А царь закричалъ на дурака: «это что за неучъ!» Ну, хорошо.

Въ другой разъ царь призвалъ своихъ затьёвъ и говоритъ имъ: «любезные мои зятья! я прослышалъ, что въ эдакомъ-то царствѣ, въ эдакомъ-то государствѣ есть диковинка: олень золоторогой, золотохвостой. Нельзя ли его коимъ образомъ достать?» — Можно, ваше царское величество. Вотъ двое умныхъ-то затьёвъ осѣдлали себѣ что ни самыхъ лучшихъ лошадей и поѣхали. «Ну, что-жъ? говоритъ царь дураку, поѣзжай и ты.» Дуракъ взялъ съ конюшни что ни есть самую послѣдню клячу и поѣхалъ слѣдомъ за умными зятьями. Выѣхалъ въ поле, закричалъ зычнымъ голосомъ: «гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Откуда ни взялся чудесной конь, такъ и храпитъ, копытомъ землю роетъ. Вотъ онъ влѣзъ ему въ одно ушко, вылѣзъ въ другое; откуда ни выскочили—стали передъ нимъ два молодца и спрашиваютъ: «чего хочешь, чего изволишь?» —Чтобъ была здѣсь разбита палатка, въ палаткѣ кроватка, а возлѣ гулялъ олень золоторогой, золотохвостой. Въ ту-жъ минуту раскинулась палатка, въ палаткѣ кроватка, на кроваткѣ разлёгся дуракъ да такимъ красавцемъ, что и не признаешь! а возлѣ гуляетъ по лугу олень золоторогой, золотохвостой. Умные зятья ѣздили-ѣздили, нигдѣ не видали такого оленя, и ворочаются домой; стали подъѣзжать къ палаткѣ и видятъ диковинку. «Вотъ гдѣ гуляетъ-та олень золоторогой, золотохвостой! Поѣдемъ, говорятъ; что ни дать — дадимъ, а ужь купимъ этого оленя, да угодимъ тестю.» Подъѣхали, поздоровались. Дуракъ спрашиваетъ: «чего вы ѣздите, чего ищете?»—Не продашь ли намъ оленя золоторогаго, золотохвостаго? «Нѣтъ, непродажной; себѣ надобенъ.»—Что хошь возьми, да продай!—и даютъ за оленя тысячу, и двѣ, и три тысячи, и больше. Дуракъ и слышать не хочетъ, не берётъ денегъ:

«а коли вамъ полюбился мой олень, я пожалуй за него недорого возьму: съ руки по мизинцу.» Вотъ они подумали-подумали и согласились, сняли перчатки и отрѣзали съ руки по мизинцу. Дуракъ спряталъ пальцы къ себѣ, а оленя отдалъ. Пріѣзжаютъ затья домой и приводятъ оленя золоторогаго, золотохвостаго; царь отъ радости не знаетъ, какъ ихъ назвать, гдѣ посадить и чѣмъ угостить. «Не видали-ль гдѣ дурака?» спросилъ царь.—Видомъ не видали, говорятъ затья, слыхомъ не слыхали! А дуракъ влѣзъ опять коню во одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такимъ-же, каковъ былъ прежде; убилъ свою клячу, содралъ съ нея кожу и надѣлъ на себя, наловилъ послѣ галокъ, воронъ, сорокъ, воробьевъ, нацѣплялъ ихъ кругомъ себя и пошелъ домой. Опять приходитъ во дворецъ, и пустилъ птицъ въ разныя стороны. Жена его, царевна, такъ и зарыдала, а сестры ея смѣются: «наши мужья привели оленя-золоторогаго, золотохвостаго, а твой-то дуракъ—посмотри-ка, посмотри!...» Царь на дурака закричалъ: «что за неучъ такой!» а умнымъ затьямъ полцарства отдалъ.

Въ третій разъ призываетъ царь своихъ затьёвъ и говоритъ: «ну, любезные мои затья! отдамъ вамъ и все мое царство, коли вы добудете мнѣ коня золотогриваго, золотохвостаго, о которомъ прослышалъ я, что̀ есть въ эдакомъ-то царствѣ, въ эдакомъ-то государствѣ.» Вотъ двое умныхъ-то затьёвъ осѣдлали себѣ по прежнему что̀ ни есть самыхъ лучшихъ лошадей и поѣхали въ путь-дорогу. Царь посылаетъ и дурака: «ну, что жъ? поѣзжай и ты.» Дуракъ взялъ съ конюшни самую послѣдню клячу и поѣхалъ слѣдомъ за умными; выѣхалъ въ поле и закричалъ зычнымъ голосомъ: «гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Откуда ни взялся чудесной конь, такъ и храпитъ, копытомъ землю роетъ. Вотъ влѣзъ онъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ—и сдѣлался такимъ красавцемъ, что̀ и при-

знать его никому не въ мочь! Вдругъ откуда ни выскочили— стали передъ нимъ два молодца и спрашиваютъ: «чего хочешь, чего изволишь?»—Чтобъ была здѣсь разбита палатка, въ палаткѣ кроватка, а возлѣ гулялъ бы конь золотогривой, золотохвостой. Тотчасъ раскинулась палатка, въ палаткѣ кроватка, на кроваткѣ разлёгся дуракъ, а возлѣ гуляетъ по̀ лугу конь золотогривой, золотохвостой. Умные зятья ѣздили-ѣздили, нигдѣ не видали такого коня, и ворочаются домой; стали подъѣзжать къ палаткѣ и видятъ такую диковинку. «Вотъ гдѣ ходитъ-гуляетъ конь золотогривой, золотохвостой! Поѣдемъ, говорятъ, что̀ ни дать—дадимъ, а ужь купимъ коня золотогриваго, золотохвостаго, да угодимъ тестю.» Подъѣхали, поздоровались. Дуракъ говоритъ: «чего вы ѣздите, чего ищете?»—Продай намъ коня золотогриваго, золотохвостаго. «Нѣтъ, непродажной; самому нуженъ.»— Что хошь возьми, только продай!—и даютъ ему за коня тысячу, и двѣ, и три тысячи, и больше. «Не возьму и сотни тысячъ!» говоритъ дуракъ.—Пожалуста уступи, возьми, что знаешь. «Ну, коли вамъ очень надо, я пожалуй отдамъ и недорого возьму́: дайте со спины по ремню вырѣзать.» Вотъ они думали-думали, мялись-мялись, и коня-то очень хочется, и себя-то жалко, и рѣшились наконецъ: раздѣлись, сняли съ себя рубашки; дуракъ вырѣзалъ у нихъ изъ спины по ремню, взялъ и спряталъ ремни къ себѣ, а имъ отдалъ коня. Прiѣзжаютъ зятья домой и приводятъ съ собой коня золотогриваго, золотохвостаго; царь отъ радости не знаетъ, какъ ихъ назвать, гдѣ посадить и чѣмъ угостить, и отдалъ имъ и остальную половину своего царства. А дуракъ опять влѣзъ коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такимъ-же, каковъ былъ прежде; опять убилъ свою клячу, содралъ съ нея кожу и надѣлъ на себя, наловилъ галокъ, сорокъ, воро̀нъ, воробьевъ и нацѣплялъ ихъ кругомъ себя. Пришелъ во дворецъ и распустилъ птицъ по сторона́мъ: онѣ

разлетѣлись и побили почитай всѣ окна. Царевна-то, его жена, плачетъ, а сёстры ея такъ и смѣются: «наши мужья привели коня золотогриваго, золотохвостаго, а твой то дуракъ, посмотри-ка, посмотри, какимъ уродомъ идетъ!» Закричалъ царь на дурака: «что это за неучъ такой! я тебя велю разстрѣли(я)ть.» А дуракъ спрашиваетъ: «чѣмъ-то будешь меня жаловать?»—За что тебя, дурака, жаловать-то! «Да коли пойдетъ на правду, я добылъ тебѣ и свинку-золотую щетинку, и оленя-золоторогаго, и коня золотогриваго.» — А чѣмъ докажешь? спрашиваетъ царь. Дуракъ говоритъ: «вели, государь, снять своимъ зятьямъ сапоги-то.» Зятья начали переминаться, не хотятъ снимать сапоговъ. «Снимите сапоги! заставляетъ царь, тутъ еще нѣтъ вины.» Сняли сапоги; царь смотритъ: нѣтъ у нихъ на ногахъ по пальцу. «Вотъ ихніе пальцы! говоритъ дуракъ. Прикажите теперь снять имъ перчатки.» Сняли перчатки, и на рукахъ нѣтъ по пальцу. «Вотъ они! говоритъ дуракъ. Прикажите-ка теперь снять имъ рубашки.» Царь видитъ, что дѣло идетъ на правду, велѣлъ имъ раздѣваться. Сняли рубашки, и видитъ царь: у каждаго вырѣзано изъ спины по ремню, шириною пальца въ два. «Вотъ эти ремни!» говоритъ дуракъ, и разсказываетъ все какъ было. Царь не зналъ, какъ его угостить и какъ пожаловать; отдалъ ему все царство, а другихъ зятьёвъ за то, что обманывали, велѣлъ разстрѣли(я)ть. Дуракъ вышелъ въ поле, закричалъ зычнымъ голосомъ: «гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Дуракъ влѣзъ въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, сдѣлался молодцо̀мъ да красавцемъ, воротился домой и сталъ съ своею царевною жить да поживать, да добра наживать.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи.)

29.

ЦАРЕВИЧЪ-КОЗЛЕНОЧЕКЪ [1]).

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли, шли, шли.... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасётся стадо коровъ. «Я хочу пить», говоритъ Иванушка. — Не пей, братецъ! а то будешь телёночкомъ, говоритъ Алёнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. «Ахъ, сестрица! еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется.» — Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребёночкомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. «Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется.» — Не пей, братецъ! а то будешь бараначикомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. «Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется.» — Не пей, братецъ! а то будешь поросёночкомъ. Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ: пасётся у воды стадо козъ. «Ахъ, сестрица! я напьюся.» — Не пей, братецъ! а то будешь козлёночкомъ. Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козлёночкомъ, прыгаетъ передъ Алёнушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Алёнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козлёночекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю.

---

[1]) См. вып. IV, № 45.

Люди увидали и тотчасъ доказываютъ царю: «у насъ, ваше царское величество, въ саду козлёночекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица.» Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени? — Такъ и такъ, говоритъ Алёнушка, былъ царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я — царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козлёночкомъ.» Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, распросилъ обо всёмъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козлёночекъ съ ними—гуляетъ себѣ по саду, а пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блёкнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: «али ты чѣмъ нездорова?» — Да, хвораю, говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежитъ больная; приходитъ къ ней колдунья и говоритъ: «хочешь, я тебя вылѣчу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду.» Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорòва. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. «А гдѣ-же козлёночекъ?» спрашиваетъ царь. — Не надо его, говоритъ колдунья; я не велѣла пускать; отъ него такъ и несётъ козлятиной! На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлё-

ночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: «вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать.» Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаетъ къ нему: прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ! Царю жалко было козлёночка, да дѣлать нечего — она такъ пристаетъ, такъ упрашиваетъ, что царь наконецъ согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужь начали точить на него ножи булатные, заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просится: «царь! пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишо(е)чки вполоскать.» Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжолъ *) камень ко дну тянетъ,
Люта змія сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посерёдъ дня опять просится онъ у царя: «царь! пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки вполоскать.» Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

---

*) Слово это произносятъ на мѣстномъ нарѣчіи: «чижолъ».

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все бѣгаетъ нá море? Вотъ попросился козлёночекъ въ третій разъ: «царь! пусти меня нà море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.» Царь отпустилъ его, и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ — козлёночекъ вызываетъ сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бéрежокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять зачалъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это стáлося? Она ему все разсказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костёръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козлёночкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

(Записана тамъ-же.)

30.

ИВАНЪ ПО́ПЯЛОВЪ [1]).

Жилъ сабѣ дѣдъ да баба и было у ихъ три сына́: два разумныхъ, а третій дурень—по имяни Иванъ, по прозванію Попяловъ. Іонъ двѣнацать лѣтъ ляжавъ у по́пялѣ [1]), во́ паслѣ таго вставъ изъ по́палу, и якъ страхнувся, дакъ изъ яго́ злятѣло шесть пудовъ по́палу. Въ томъ царствѣ, гдѣ живъ Иванъ, не было дня, а всё ночь; ета зрабивъ змѣй. Во́ Иванъ и абазва́вся, штобъ истрябить етаго змѣя, да и ка́жа свайму батьку: «та́ту! зраби мини куцабу́ [2]) въ пять пудовъ.» Узявши тую куцабу́, јонъ пашо́въ на по́ля и кинувъ яе́ у гару́ [3]), и пашо́въ дамо́въ. На дру́гій день пришо́въ Иванъ на по́ля, на то́я мѣста, гдѣ падкинувъ куцабу́, наста́вивъ лобъ—якъ лятить тая куцаба, якъ уда́ря яго́ въ лобъ, да и разбилась надво́я. Иванъ пришо́въ дамо́въ, да и ка́жа свайму батьку: «та́ту! зраби мини другую куцабу́ въ десять пудовъ.» Узявши тую куцабу́, Иванъ пашо́въ на по́ля да и кинувъ яе́ у гару́: лятѣла тая куцаба́ три дни и три ночи. На четвертый день пашо́въ Иванъ на то́я мѣста—якъ лятить тая куцаба́; јонъ наста́вивъ калѣно, и тая куцаба́ разбилась на три части. По́паловъ, пришо́вши дамо́въ, загада́въ [4]) батьку зрабить третью куцабу́ у пятнацать пудовъ. Узявъ тую куцабу́, пришовъ на по́ля и падкинувъ яе́ у гару́: лятѣла тая куцаба́ шесть дней. На сёмый день Иванъ пашо́въ на то́я мѣста; лятить тая куцаба́, якъ уда́рицца абъ лобъ Иванавъ, дакъ ажъ лобъ падався. Во́ јонъ и ка́жа: «ета куцаба́ издержа змѣя!»

---

[1]) См. вып. III, № 2; вып. VII, № 3; вып. VIII, № 2 и 9. — [2]) Въ золѣ, пеплѣ (т. е. на печкѣ). — [3]) Дубинку. — [4]) Вверхъ. — [5]) Заставилъ.

Вó сабравшись Иванъ паѣхавъ съ братàми пабивать таго змѣя. Ѣдя jонъ да ѣдя, ажъ станть хатка на куриной ножкѣ, а въ той хáтцѣ живé змѣй. Яны тàматка [1]) астанавились. Иванъ павѣсивъ сваи рукавицы, да и кáжа братáмъ: «якъ изъ ваихъ рукавицъ патичé кровь, дакъ прибѣгáйтя ка мнѣ на пóмачь.» Сказавши ета, Иванъ пашóвъ у хату да и сѣвъ падъ мастóмъ [2]) — ажъ ѣдя змѣй на трёхъ галавáхъ: конь спатнуўвся, сабака завыла, соколъ затвелѣвъ. Змѣй гавóря: «чаго ты конь спаткнуўвся, сабака завыла, соколъ затвелѣвъ?» —Якъ-жа мини не спатыкацца, кáжа конь, кали падъ мастóмъ садить Иванъ Пóпаловъ. Вó змѣй и кàжа: «выхади-ка судá, Иванушка! памѣряемъ съ табою силы.» Іонъ выхóдя, и стали яны бицца. Иванъ пабивъ таго змѣя, да и сѣвъ изнóва падъ мостъ. Ѣдя другій змѣй на шести галавахъ; jонъ и таго змѣя пабивъ—ажъ ѣдя третій на двѣнацати галавахъ. Іонъ и съ тымъ ставъ бицца, и збивъ яму девять галовъ: не стало у змѣя силы. Глядять яны — ажъ лятить вóранъ и кричить: «кровь! кровь!» Змѣй и кáжа таму вóрану: «ляти да маей жóнки; яна заѣсть Ивана Пóпалова.» А jонъ кáжа: «ляти къ маимъ братàмъ, якъ яны пріѣдуть, мы етаго змѣя убьемъ, и тябѣ мяса аставимъ.» Вóранъ паслуўхавъ Ивана, палятѣвъ къ ягó братáмъ да и ставъ кáркать надъ ихъ галавами. Браты праснулись, и пачувши вóранавъ крикъ, пабѣгли на пóмачь къ брату; убили таго змѣя, взяли змѣеву галаву, и пришóвши къ ягó хатѣ, яны разламили галаву — и ставъ бѣлый свѣтъ па всяму царству.

Пабивши змѣя, Иванъ Пóпаловъ съ братàми паѣхавъ дамóвъ, и забывъ взять рукавицы; вялѣвъ братàмъ падаждать ягó, а самъ варнуўвся за рукавицами. Якъ падъѣхавъ къ хáтѣ

---

[1]) Тамъ. — [2]) Мостъ (мостить) — полъ (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 116).

и хатѣвъ взять рукавицы, глядить—ажъ тамъ змѣиха и змѣевы дачки́ размавляють [1]) прамо́жъ сабою. Іонъ зрабився катомъ да и ставъ курня́вкать [2]) падъ дверями. Яны пустили яго́ у хату. Іонъ, выслуха́вши всё, што яны гаварили, ухвативъ рукавицы и пабѣгъ. Прибѣгши къ брата́мъ, сѣвъ на каня; во́ яны и паѣхали. Ѣдуть яны да ѣдуть; во́ предъ ними зелёный лугъ, а на томъ лугу падушки шавко́выя. Во̀ братья и кажуть: «напасёмъ ту̀точка [3]) ко́ней, и сами адышемъ.» [4]). Иванъ ка́жа: «пасто́йтя, братцы!» да взявши куцабу̀, ударивъ па падушкамъ; изъ тыхъ паду̀шакъ патякла́ кровь. Во́ яны паѣхали дальше. Ѣдуть, ѣдуть—ажъ стаить ябланька и на той ябланькѣ залатыя и сребряныя яблачки. Во́ братья и кажуть: «давайтя зъѣдимъ па я̀блачку.» Иванъ гаво́ра: «пастойтя, братцы! я папробую»—и узявши куцабу̀, ударивъ па той яблан̀ѣ: изъ яё патякла кровь. Яны и паѣхали дальше. Ѣдуть яны да ѣдуть; во́ предъ ними крыница [5]). Братья и кажуть: «напьёмся вады.» А Иванъ По́палов̀ъ и гаво́ря: «стойтя, бра̀тцы!» Узявши куцабу̀, јонъ ударивъ па крыницѣ, и изъ той вады зрабилася кровь. Лугъ, шавко́выя падушки, ябланя и крыница—ета всё были дачки́ змѣевы.

Пабивши змѣевыхъ до̀чакъ, Иванъ По́пяловъ паѣхавъ съ брата̀ми да̀мо́въ — ажъ латить за ими змѣиха, раз(з)я̀вила ротъ адъ неба да земли и хатѣла Ивана прагли(т)ну̀ть [6]). Иванъ и браты̀ яго́ кинули ей три пуды(а) соли. Яна прагли(т)ну̀ла тую соль, падумавши, што то Иванъ По́пяловъ, а далѣ—якъ разсмакавала [7]) тую соль и убачила [8]), што ета не Иванъ, пабѣгла знова вслѣдъ. Во́ јонъ ба́ча, што бѣда, якъ припустивъ

---

[1]) Разговариваютъ.—[2]) Мяукать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 98).—[3]) Тутъ. — [4]) Отдохнемъ. — [5]) Ключъ, родникъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 93). — [6]) Проглотить; глита̀ть — глотать съ жадностью (Словарь малорус. нарѣч., стр. 72). — [7]) Раскушала, распробовала (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 207). — [8]) Увидѣла.

кани да и схавáвся [1]) у кýзьню къ Кузьмѣ и Демьяну за двѣнацать дверей. Змѣиха прилятѣла да и кáжа Кузьмѣ и Демьяну: «адáйтя мини Ивана Пóпялова!» А яны кажуть: «пралижи языкомъ двѣнацать дверей да и бери!» Змѣиха зачала лизáть двери; а яны разагрѣли жалѣзныя щипцы, и якъ толька янá прасýнула языкъ у кузню — яны ухватили яé за языкъ и начали бить малатáми. Убивши змѣиху, спалили и пóпялъ па вѣтру разсыпали, а сами паѣхали дамóвъ; стали жить да паживать, гулять да пировать, медъ да вино папивать. И я тамъ бывъ, вино пивъ, и въ ротѣ не былó, а па барадѣ толька тякло.

(Записана въ городѣ Погарѣ черниговской губерніи учителемъ уѣзднаго училища г. Матросовымъ.)

31.

СКАЗКА О ЦАРЕВНѢ ВЪ ПОДЗЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ. [2])

Живъ сабѣ царь да царица, у ихъ бывъ сынъ и дачкá. Яны приказали сыну, штобъ јонъ, якъ яны умрутй, жанився на сястрѣ. Ти [3]) багáта, ти мала паживши, вó упаслй таго, якъ приказали сыну свайму жаницца на сястрѣ, царь и царица памерли. Вó братъ и кáжа сястрѣ, штобъ гатавáлась [4]) къ вянцу, а самъ пашóвъ да папа̀ прасить, штобъ ихъ павянчáвъ. Сястра зачалá адѣвáцца къ вянцу и зрабила три куклы, паставила ихъ на вóкнахъ, стала пасерёдъ хаты да и кáжа: «кукалки, куку!» Первая кáжа: «чаго?» Другая кáжа: «братъ сястру барé.» Третья гавóря: «земля раступися, сястра правалися!»

---

[1]) Спрятался. — [2]) См. вып. VI, № 28, 29 и 30. — [3]) Чи. — [4]) Готовилась.

и въ другій и въ третій разъ такжа. Приходя братъ и спрашивая у сястры: «чи савсѣмъ адѣлась?» Сястра кажа: «ни [1]), не савсѣмъ.» Іонъ и пашовъ у сваи палаты дажидацца, пакуля сястра адѣнецца. Сястра зновъ кажа: «кукалки, куку!» Первая кажа: «чаго?» Другая гаворя: «братъ сястру барé!» Третья кажа: «земля раступисся, сястра правалися!» Яна правалилась и пашла на тей свѣтъ. Братъ, пришовши, не нашовъ сястры и застався [2]) такъ.

Правалившись на тей свѣтъ, царевна идè да идè — ажъ стаить дубъ. Янà пришла къ таму дубу, раздѣлась. Дубъ расступився; янá палажила у дупло сваю адежу, и зрабившись старухаю, пашла. Идé да идé—ажъ стаить палаты царскія; янá, пришовши туда, начала прасицца, штобъ яé наняли. Вó яé и наняли печи тапить. У таго царя, у якóго у палатахъ служила царевна, былъ сынъ халастый. Пришла нядѣля [3]). Царскій сынъ сабирався да церкви и вялѣвъ царевнѣ-старухѣ падáть гребенецъ [4]). Янá нескоро падала; јонъ разсярдився и ударивъ яé па щацѣ [5]). Вó упаслѝ таго убрáвся и паѣхавъ да церкви. Царевна-старуха пашла къ дубу, гдѣ захавáла адежу; дубъ раступлився. Янà адѣлась, зрабилась царевнаю-красавицаю и пашла въ церкавь. Царевичъ, увидавши яé въ церкви, спрасивъ у лакея: аткудава янà? А лакей знавъ яé, што éта — тая старуха, якáя у ихъ у палатахъ печи тóпя, и што царевичъ ударивъ яé гребенцомъ; вó лакей и кàжа: «яна изъ горада Бита-гребешкова.» Царевичъ пріѣхавъ дамóвъ, шукáвъ-шукáвъ [6]) таго горада въ сваёмъ царствѣ и не найшовъ. Случилась якся [7]), што царевичъ разсярдився и ударивъ царевну-старуху сапагомъ, и вó упаслѝ таго паѣхавъ у церкавь. Тàматка была и янà, перядѣвшись у платье, што палажила у дубъ. Вó царевичъ, павидàвши знóва незнакомаю кра-

[1]) Нѣтъ. — [2]) Остался. — [3]) Воскресный день. — [4]) Гребешокъ. — [5]) По щекѣ. — [6]) Искалъ. — [7]) Какъ-то.

савицу, спрашивая у лакея: атрудава янà? Лакей кàжа: «изъ Бита-сапагова.» Царевичъ шукáвъ-шукáвъ таго горада въ сваёмъ царствѣ и не найшовъ. Вò начавъ думать да гадать, якъ-бы сюю незнакомаю красавицу спазнать; бо [1]) палюбивъ яé и хатѣвъ на ей жаницца. А далѣ выдумавъ и прикàзавъ на тóя мѣста, гдѣ янà станавицца у церкви, налить смалы, такъ штобъ ей было не въ дамётъ. Въ надѣлю царевна пришла у церкавь, перядѣвшись, и стала на сваёмъ мѣстѣ. Кончилась служба, и якъ толька янà саступила зъ мѣста, штобъ итти дамóвъ, бушмáкъ [2]) улипъ у смалу и застався на мѣстѣ. Янá и пашла дамóвъ у адномъ бушмаку. Царевичъ валѣвъ узять тей бушмакъ, привёзъ дамóвъ, ставъ примѣрять всѣмъ дѣвушкамъ, якiя были у его царствѣ. Никому не пришовся тей бушмакъ по нагѣ, акромя старухи, што тапила печи. Вó царевичъ ставъ яé допрàшувать; янá призналась: хто янà и аткуда. Iонъ и ажанився на ей. Я на свадьбѣ бывъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не былò, а па барадѣ патякло.

(Записана тамъ-же г. Матросовымъ.)

32.

СКАЗКА О КОЗѢ ЛУПЛЕНОЙ [3]).

Коза рухлена, половина бока луплена!... Слушай, послушивай! Жилъ-былъ мужикъ, у него былъ зайчикъ. Вотъ и пошелъ мужикъ на поле; тутъ увидалъ онъ: лежитъ коза, половина бока луплена, а половина нѣтъ. Мужикъ сжалился надъ нею, взялъ ее, принёсъ домой и положилъ подъ сарай.

---

[1]) Ибо, потому что. — [2]) Башмакъ. — [3]) См. вып. I, № 1, с.

Пообѣдавъ и отдохнувъ немножко, вышелъ онъ на городъ, и зайчикъ съ нимъ. Тутъ коза изъ-подъ сарая въ избу пробралась и тамъ крючкомъ заперлась.

Вотъ зайчикъ захотѣлъ поѣсть и прибѣжалъ къ дверямъ избы, хвать лапкой — дверь заперта! «Кто тамъ?» спрашиваетъ зайчикъ. Коза отвѣчаетъ: «я—коза рухлена, половина бока луплена; выду—всѣ бока повыбью!» [1]) Зайчикъ съ горемъ отошелъ отъ двери, вышелъ на улицу и плачетъ. На встрѣчу ему бирюкъ. «Что ты плачешь?» спросилъ бирюкъ.—У насъ въ избѣ кто-то, сказалъ сквозь слёзъ зайчикъ. А бирюкъ: «иди со мною, я выгоню!» Пришли къ дверямъ «Кто здѣсь?» спросилъ бирюкъ. Коза затопала ногами и сказала: «я—коза рухлена, половина бока луплена; выду—всѣ бока повыбью!» Вотъ они и ушли отъ двери. Зайчикъ опять заплакалъ и вышелъ на улицу, а бирюкъ убѣжалъ въ лѣсъ. На встрѣчу зайцу идётъ кочетъ: «что ты плачешь?» Зайчикъ ему сказалъ. Вотъ кочетъ и говоритъ: «иди со мною, я выгоню!» Подходя къ двери, зайчикъ, чтобы устрашить козу, кричитъ: «идётъ кочетъ на пятахъ, несётъ саблю на плечахъ, идётъ дýшу губить—козѣ голову рубить!» Вотъ подошли; кочетъ и спрашиваетъ: «кто тамъ?» А коза по прежнему: «я—коза рухлена, половина бока луплена; выду—всѣ бока повыбью!» Зайчикъ опять со слезами ушелъ на улицу. Тутъ подлетѣла къ нему пчолка, суетится и спрашиваетъ: «кто тебя? о чомъ ты плачешь?» Зайчикъ сказалъ ей, и пчолка полетѣла къ избѣ. Тутъ она спросила: «кто тамъ?» Коза отвѣчала по прежнему.

---

[1]) Въ воронежской губерніи этотъ отвѣтъ козы передается такъ: «я—коза рьяная, зá боки драная; сколю тебя рогами, стопчу тебя ногами!» Въ Малороссіи: «я — коза дереза (задирáка, капризная—см. Малорос. словарь г. Аѳанасьева-Чужбинскаго стр. 87), пивбока луплена, за копу куплена. Тупу-тупу ногами., сколю тебе рогами, лапками загребу, хвостикомъ замету—брրру!» (Бытъ русск. народа, соч. Терещенко, ч. IV, стр. 45.)

Пчолка разсердилась, начала летать кругъ стѣнокъ; вотъ жужжала-жужжала и нашла дырочку, влѣзла туда да за голый бокъ и жальнула [1]) козу рухлену и сдѣлала на боку пухлину. Коза со всего маху въ дверь, и была такова! Тутъ зайчикъ вбѣгъ въ избу, наѣлся-напился и спать повалился. Когда зайчикъ проснётся, тогда и сказка начнётся.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

33.

МУЖИКЪ, МЕДВѢДЬ И ЛИСА [2]).

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что̀ брать. Мужикъ сказалъ: «мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ.» Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: «ты, братъ, меня надулъ! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужь меня такъ не проведёшь.» — Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю: «давай, Миша, сѣять пшеницу.» —Давай, говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говоритъ: «теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ, али вершокъ?»—Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ. Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напёкъ себѣ ситниковъ [3]), пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: «вотъ, Миша, какая верхушка-то!»—Ну, мужикъ! говоритъ медвѣдь, я теперь на тебя сердитъ, съѣмъ тебя!

---

[1]) Ужалила. — [2]) См. вып. I, № 1, е. — [3]) Ситникъ — булка изъ пшеничной мукѝ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 203).

Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идётъ лиса и говоритъ мужику: «что ты плачешь?»—Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? меня медвѣдь хочетъ съѣсть. «Не бойся, дадя, не съѣстъ!»—и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ-же мѣстѣ; вышла оттуда и спрашиваетъ: «мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдёвъ?» А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: «ой, мужикъ! не сказывай, не буду тебя ѣсть.» Мужикъ говоритъ лисѣ: «нѣту!» Лиса засмѣялась и сказала: «а у телеги-то что лежитъ?» Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику: «скажи, что колода.»—Кабы была колода, отвѣчаетъ лиса, она бы на телегѣ была увязана! — а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: «свяжи меня и положи въ телегу.» Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: «мужикъ! нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ, медвѣдёвъ?»—Нѣту! сказалъ мужикъ. «А на телегѣ-то что лежитъ?» — Колода. «Кабы была колода, въ неё бы топоръ былъ воткнутъ!» Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: «воткни въ меня топоръ.» Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ. Вотъ лиса и говоритъ мужику: «что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?»—Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси— не гляди. Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несла-несла и думаетъ: дай, погляжу! глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочутъ изъ мѣшка-то, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгла, бѣгла, да подъ пенёкъ въ нору и ушла, и сидя тамъ, говоритъ съ собою: «что вы, ушки, дѣлали? — Мы все слушали. А вы, ножки, что дѣлали?—Мы все бѣжали. А вы, глазки? — Мы все глядѣли. А ты, хвостъ? — Я все мѣшалъ тебѣ бѣжать. А, ты все мѣшалъ! постой же, я тебѣ дамъ!»— и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

(Записана тамъ-же.)

34.

БАБА-ЯГА [1]).

а. Жилъ котъ, воробей да жихарько [2]) третей. Котъ да воробей пошли дрова рубить и говорятъ жихарьку: «домовниче(а)й, да смотри: ежели придётъ яга-баба да станетъ считать лош(ж)ки, ты ничево не говори, молчи!» — Ладно, отвѣтилъ жихарь. Котъ да воробей ушли, а жихарь сялъ на печь за трубу. Вдрукъ явля(е)тся яга-баба, берётъ ложки и считатъ: «это — котова ложка, это — воробьёва ложка, третья — жихарькова.» Жихарь не мокъ стерпѣть, закричалъ: «не тронь, яга-баба! мою ложку.» Яга-баба схватила жихаря, сяла въ ступу, поѣхала; ѣдетъ въ ступѣ, пестомъ понужатъ [3]), а помеломъ слѣды замѣтатъ. Жихарь заревѣлъ: «котъ, бѣги! воробей, лети!» Тѣ услышали, прибѣжали. Котъ началъ с(ц)арапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря. — На другой день стали опеть собират(ь)ся въ лѣсъ дрова рубить, заказываютъ жихарю: «смотри, ежели будетъ яга-баба, ничево не говори; мы теперь далёко уйдемъ.» Жихарь только сялъ за трубу на печь, яга-баба опеть явилась, начала считать ложки: «это — котова ложка, это — воробьёва ложка, это — жихарькова.» Жихарько не мокъ утерпѣть, заревѣлъ: «не тронь, яга-баба! мою ложку.» Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревётъ: «котъ, бѣги! воробей, лети!» Тѣ услышали, прибѣжали; котъ сарапать, воробей клевать ягу-бабу! отняли жихаря, ушли домой.

---

[1]) См. вып. I, № 4; вып. II, начало сказки № 3; вып. VI, № 17—20. Сличи Albänesische Märchen (Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. I, выпуск. 4, стр. 379). — [2]) Жихарь — лихой, удалой, смѣлой молодецъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 57). — [3]) Погоняетъ.

На третей день собрались въ лѣсъ дрова рубить, говорятъ жихарю: «смотри, ежели придётъ яга-баба — молчи; мы теперь далёко уйдемъ.» Котъ да воробей ушли, а жихарь третей усялся за трубу на печь; вдрукъ опеть яга-баба берётъ ложки и считатъ: «это — котова ложка, это — воробьёва ложка, третья — жихарькова.» Жихарь молчитъ. Яга-баба вдругоредь считатъ: «это — котова ложка, это — воробьёва, это — жихарькова.» Жихарь молчитъ. Яга-баба въ третей разъ считатъ: «это — котова ложка, это — воробьёва ложка, третья жихарькова.» Жихарько не мокъ стерпѣть, забазлалъ [1]): «не тронь, к.... ! мою ложку.» Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричитъ: «котъ, бѣги! воробей, лети!» Братья ево не слышатъ. Притащила яга-баба жихаря домой, посадила въ голбецъ [2]), сама затопила печку, говоритъ большой дочерѣ: «дѣвка! я пойду въ Русь; ты изжарь къ обѣду мнѣ жихарька.» — Ладно! та говоритъ. Печка истопилась, дѣвка велитъ выходить жихарю. Жихарь вышолъ. «Ложись на ла́дку!» [3]) говоритъ опеть дѣвка. Жихарь лёкъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ, другу̀ въ наволокъ [4]). Дѣвка говоритъ: «не такъ, не такъ!» Жихарь баётъ: «а какъ? ну-ко поучи.» Дѣвка легла въ ла́дку. Жихарь не оробѣлъ, схватилъ ухватъ, да и пехнулъ въ печь ла́дку съ ягишниной дочерью, самъ ушолъ опеть въ голбецъ, сидитъ — дожидатся ягой-бабы. Вдрукъ яга-баба прибѣжала и говоритъ: «покатат(ь)ся было, повалят(ь)ся было на жихарьковыхъ косточкахъ!» А жихарь ей въ отвѣтъ: «покатайся, поваляйся на дочерниныхъ косточкахъ!» Яга-баба спохватилась, посмотрѣла: дочь её изжарена, и заревѣла: «а! ты, мошенникъ, постой! не увернёш(ь)ся!» Приказыватъ середней

---

[1]) Базлать — громко кричать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 5). — [2]) Деревянная придѣлка къ печи, подъ которою дѣлается ходъ въ подполье (ibidem, стр. 38). — [3]) Ла́дка — глиняная сковорода (ibidem, стр. 100). — [4]) Полъ.

дочерѣ изжарить жихарька, сама уѣхала. Середня дочь истопила печку, велитъ выходить жихарьку. Жихарь вышелъ, лёкъ въ лáдку, одну ногу уставилъ въ потолокъ, другу̀ въ наволокъ. Дѣвка говоритъ: «не такъ! не такъ!» — А поучи, какъ? Дѣвка легла въ лáдку. Жихарь взялъ да и пехнулъ ее въ печь, самъ ушолъ въ голбецъ, сидитъ тамъ. Вдрукъ ягабаба: «покатат(ь)ся было, повалят(ь)ся было на жихарьковыхъ косточкахъ!» Онъ въ отвѣтъ: «поваляйся, покатайся на дочерниныхъ косточкахъ!» Ягишна взбѣсилась: «э, постой! говоритъ, не увернёш(ь)ся!» Приказыватъ молодой дочерѣ изжарить ево. Не тутъ-то было, жихарь и эту изжарилъ! Яга-баба пуше разсердилась: «погоди, говоритъ, у меня не увернёш(ь)ся!» Истопила печь, кричитъ: «выходи, жихарько! ложись вотъ на лáдку.» Жихарь лёкъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ, другу̀ въ наволокъ, не уходитъ въ цело [1]). Яга-баба говоритъ: «не такъ! не такъ!» А жихарь будто не знатъ: «я, говоритъ, не знаю, поучи сама!» Яга-баба тотчасъ поджалась и легла въ лáдку. Жихарь не оробѣлъ, взялъ да ее и пехнулъ въ печь; самъ ступай домой, прибѣжалъ, сказыватъ братьямъ: «вотъ чево я сдѣлалъ съ ягой-бабой!»

(Записана пермской губерніи въ шадринскомъ округѣ государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

Ѣ. Въ одной семьѣ было три брата; бóльшаго прозывали Бараномъ, середняго Козломъ, а меньшаго звали Чуфиль-Филюшка [2]). Вотъ однажды всѣ они трое пошли въ лѣсъ, а въ лѣсу жилъ караульщикомъ родной ихъ дѣдушка. У этого дѣ-

---

[1]) Чело — верхняя часть русской печи. — [2]) Приставка: «Чуфиль, Чуфилюшка» объясняется любимою русскимъ простолюдиномъ игрою словъ; эту игру словъ замѣчаемъ и въ другихъ выраженіяхъ: «кули-мули» (въ сказкѣ: Царевна-лягушка), птица-Колпалица (въ сказкѣ о молодцѣ-удальцѣ) и проч.

душки Баранъ да Козёлъ оставили своего роднаго брата Чуфиль-Филюшку, а сами пошли въ лѣсъ на охоту. Филюшкѣ была и воля и доля: дѣдушка былъ старъ и большой недогадъ, а Филюшка тароватъ. Захотѣлось ему съѣсть яблочко; онъ отвернулся [1]) отъ дѣдушки да въ садъ, и залѣзъ на яблонь. Вдругъ откуда ни взялась яга-бура въ желѣзной ступѣ, съ пихтилемъ [2]) въ рукѣ; прискакала къ яблонѣ и сказала: «здорово, Филюшка! зачѣмъ туда залѣзъ?»—Да вотъ яблочко сорвать, сказалъ Филюшка. «На-ка, родимой, тебѣ моего яблочка.»—Это гнилое, сказалъ Филюшка. «Нà вотъ другое!»—А это червивое. «Ну, будетъ тебѣ дурачиться, Филюшка! а ты вотъ возьми-ка у меня яблочко-то изъ ручки въ ручку.» Онъ протянулъ руку. Яга-бура какъ схватитъ его, посадила въ ступу и поскакала по кустамъ, по лѣсамъ, по оврагамъ, борзо погоняетъ ступу пихтилемъ. Тутъ Филюшка, опомнившись, началъ кричать: «Козёлъ, Баранъ! бѣж(г)ите скорѣй! меня яга утащила за тѣ горы за крутыя, за тѣ лѣса за тёмные, за тѣ степи за гусиновыя.» Козёлъ и Баранъ отдыхали тогда; одинъ (изъ нихъ) лежалъ на землѣ, вотъ ему и слышится—кричитъ кто-то. «Прислонись-ка ты къ землѣ!» говоритъ лежачій сѣдячему. — Ой, это кричитъ нашъ Филюшка! Пустились они бѣжать, бѣжали-бѣжали и догнали ягу-буру, отбили Филюшку и привезли къ дѣдушкѣ, а дѣдушка съ ума по нёмъ сошолъ! Вотъ приказали они дѣдушкѣ смотрѣть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловкѣ опять залѣзъ на яблонь; только залѣзъ, а яга-бура опять передъ нимъ и даётъ ему яблочко. «Нѣтъ, не обманешь меня, злодѣйка!» сказалъ Филюшка. — Да ты, Филюшка! хоть поймай у меня яблочко; я тебѣ брошу. «Хорошо, кидай!» Яга нарочно кинула ему

---

[1]) Увернулся. — [2]) Пѐхтиль — пестъ, толкачъ, которымъ толкутъ лёнъ и коноплю (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 157).

яблочко пониже; онъ потянулся за яблочкомъ, хотѣлъ было схватить—вдругъ хвать его за̀ руку яга-бура и помчала безъ памяти опять по горамъ, по доламъ и по тёмнымъ лѣсамъ; притащила его въ свой домъ, вымыла, выхолила и посадила въ коникъ.

Вотъ поутру собирается яга идти въ лѣсъ и приказываетъ своей дочери: «ну, дочка моя! истопи печь жарко-на̀жарко и зажарь мнѣ Чуфиль-Филюшку къ ужоткому!» [1])—а сама ушла на добычу. Дочь истопила жарко печку, взяла-связала Филюшку и положила на лопату, и только хочетъ пихнуть его въ печку — онъ упрётъ да и упрётъ въ чело ногами. «Ты не такъ, Филюшка!» сказала дочь яги-бурой. — Да какъ-же? говоритъ Филюшка, я не умѣю. «Вотъ какъ, пусти-ка, я тебя научу!» — и легла на лопату, какъ надо, а Чуфиль-Филюшка былъ малой — непромахъ! какъ вдругъ сунетъ ее въ печь и закрылъ заслономъ крѣпко-на̀крѣпко. Прошло не больше, какъ часа два-три, Филюшка учуялъ, что запахло жаренымъ, отслонилъ заслонку и вынулъ дочь яги-бурой изжаренную, помазалъ ее масломъ, прикрылъ на сковородѣ полотенцемъ и положилъ въ коникъ; а самъ ушолъ на потолокъ, да взялъ съ собою буднишной пихтиль и ступу яги-бурой. Вотъ передъ вечеромъ приходитъ яга-бура, прямо сунулась въ коникъ и вытащила жаркое; поѣла все, собрала всѣ кости, разложила ихъ на землѣ рядомъ и начала по нимъ кататься, а про дочь и не встрянётся [2])—думаетъ, что она въ другой избѣ шерсть прядётъ. Вотъ яга, катаючись, приговариваетъ: «любезная моя дочь! выйди ко мнѣ и покатайся со мною на Филюшкиныхъ косточкахъ!» А Филюшка съ потолка кричитъ: «покатайся, мать, поваляйся, мать, на дочерниныхъ косточкахъ!»—А! ты

---

[1]) Ужетко — послѣдующее, наступающее время (Опытъ области. великор. словаря, стр. 238). — [2]) Встрянуться — спохватиться (ibidem, стр. 30).

тамъ, разбойникъ? постой-же, я тебѣ задамъ! — заскрипѣла зубами, застучала ногами и лѣзитъ на потолокъ. Чуфилюшка не испугался, схватилъ пихтиль и со всего маху ударилъ ее пò лбу: яга лишь брыкнула нáземь. Тутъ Филюшка залѣзъ на крышу; увидалъ, что летятъ гуси, онъ и кричитъ имъ: «дайте мнѣ по пёрушку, я сдѣлаю себѣ крылушки.» Они дали ему по пёрушку; онъ и полетѣлъ домой. А дòма его ужъ давнымъ-давно за упокой поминаютъ; потомъ, какъ увидали его, всѣ несказанно обрадовались, и вмѣсто упокойной затѣяли превеселую гульбу, и стали себѣ жить-поживать да больше добра наживать.

(За писана въ тамбовской губерніи.)

35.

МАРКО БОГАТОЙ. [1])

Вишъ каё-та [2]) и када-та жилъ багатай Марка; на свѣту божьявомъ не было такова! всѣ явó знали. Онъ, вишъ, былъ завот(д)чикъ, ще [3]) чугуны-то дѣлая. Тольки Гасподь не даравалъ яму̀ сынавей, а была лишь адна дочь. Вишъ, Богъ-та не равняя насъ—каму дастъ, а каму нѣтъ. Ѣздилъ этатъ Марка Багатай куда-та; застигла явó ночь, а ночью вѣстима куда ѣхать? — и завернулъ онъ къ мужику абначивать. Тольки у таво мужика и случись радины: Богъ далъ яму̀ сына. Мужикъ очинна вазрадавался и учалъ выспрашивать Госпада: «Госпади! какоя имя будя сыну и какоя счастья?»—Имя яму̀ Андрей,

---

[1]) Смотри вып. I, № 13; Нар. Р. Л., стр. XXVI. — [2]) Гдѣ-то. — [3]) Что.

агутарилъ [1]) аньалъ [2]) набеснай, а счастья яму́)—Маркина! Марка-Багатай слушая эта надъ акномъ и взъѣлся злобаю, ще другому даётца аво́ талан [3]). Какъ подслушалъ, и учалъ праситца начивать. Для радости отъ чаво-жъ и ня пустить? Пустили. Онъ увидалъ таво мальчика, ще радился, и сталъ гутарить: «прадай мнѣ! Я вотъ такой-та, дѣтей у меня нѣтути, а дамъ табѣ денягъ много.» Мужикъ-та былъ бѣднай, пакалякалъ-пакалякалъ [4]) и сладился [5]).

Рана на другой день Марка запрёгъ лашадей, взялъ съ сабой купленныва мальчика и пашолъ. Выѣхалъ онъ въ по́ля— а была зима — и бросилъ младенца въ снѣгъ. Андрюша пагибъ бы, да спасиба ѣхалъ тутъ баринъ и усматрѣлъ аво́; взялъ, атдалъ карьмить, — вотъ Андрюша и взросъ. Баринъ паставилъ аво́ въ лакеи, и онъ служилъ вѣрай-правдай яму́. Марка Багатай ня зналъ объ этамъ, думая, ще Андрей згибъ. Случись яму́ заѣхать къ барину, кой васкармилъ Андрея-та. А обычай у памѣшшикавъ зна́ма какой—приказывать; вотъ и сталъ онъ гутарить: «Андрей! падай таво-сяво и энтыва.» Андрей слу́жа очинна прекрасна. Марка Багатай и ну спрашивать барина: «каё взялъ ты такова слугу?» Онъ и ра(з)сказалъ яму́ пра всё, ще бы́ла. Марка Багатай взялъ сабѣ эта въ тени [6]) и апять взъѣлся злобаю на Андрея. «Прадай аво́ мнѣ, баитъ онъ; вотъ табѣ десять тысячъ рублей.» Памѣшшикъ прадалъ и деньги взялъ.

Марка Багатай написалъ писульку [7]) и даетъ Андрею: «на, ступай ка мнѣ дамой и дажидайся меня; я скора буду.» А въ писулькѣ-то и пиша: «убейтя сяво́ челавѣка да маяво пріѣзда.» Андрей идя, самъ не зная, ще несётъ въ граматкѣ. Вдругъ на пути съ нимъ и павстрѣчайся адинъ святой атецъ, а аво́

---

[1]) Сказалъ. — [2]) Ангелъ. — [3]) Счастье, богатство. — [4]) Поговорилъ.— [5]) Согласился (отъ ладить, ладно). — [6]) На умъ. — [7]) Письмо.

Богъ паслалъ,—вазьми у Андрея ту граматку, а другую, писанную падъ Маркину руку, и атдай яму̀. Въ этай-жа написана была: «любезная мая супружница! Атдай любезную нашу дочь за сяво куплиннывва челавѣка [1]) и сатвари свадьбу да маяво́ прiѣзда.» Андрей приходя въ домъ и атдаетъ писульку. Всѣ дивуются, а дѣлать нечива — честнымъ пиркомъ да за свадибку. Посля сяво́ прибá(ы)лъ Марка Багатай, узналъ объ этамъ, такъ яво́ и ошпетила!... [2]) а дѣлать нечива: Богъ павѣнчая, человѣкъ ня развѣнчая. Марка-жо пуще сярчая; а врагъ [3]) тутъ и былъ, и учалъ вяшшать [4]) яму̀: «дай денягъ работникамъ, ани яво́ улялёкаютъ!» [5])

Вотъ Марка и приказывая рябятамъ: «лишь выдя Андрей смакáть [6]) за вами, пряма яво́ барахтай въ жаръ; вотъ вамъ за эта!» Работники взяли деньги и заварнакали [7]): «ну ще-жъ, малай, угадимъ!»—На другой день всталъ рана Андрей и убиреитца пасматрѣть на заводѣ; а жана яво́, дочь-та Маркина, и ну умалять: «вѣрнай мой! не хади туда; худа табѣ будя: ще-та мнѣ снилась нехарошае.» Андрей паслушался и ни(е) пашолъ; а Марка чуд(т)ь свѣтъ взбузыкался [8]) на заводъ, думая—ще яво́ зять изжарянъ. Харашо. Лишь приходя туда, а рябята давно ждутъ Андрея на пагубу; вдругъ яво́ и сцыляпляли [9]). «Стой, малай! вотъ онъ!» загарланили [10]). Марка рвётца: «батюшки, эта я! вашъ старай хозяинъ!» А ани ня слушая яво́ голаса, и пряма бултыхъ [11]) въ жаръ! Тамъ яму̀ и быть; такая и дарога! Священная писанья пряма гутаритъ:

---

[1]) Въ рукописи: «чляэка». — [2]) Ошеломило. — [3]) Нечистый духъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 29). — [4]) Вѣщать. — [5]) Убьютъ (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 238: «улалакать»). — [6]) Наблюдать. — [7]) Варнакать—врать, болтать (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 21).— [8]) Ударился, бросился (ibidem, стр. 16: «бузыкнуть» — ударить изо всей силы). — [9]) Подцѣпили, схватили. — [10]) Закричали. — [11]) Бросили (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 17).

ня рой ѧму другому, а то самъ тамъ будишь. Ще-жъ посля? Андрею и дасталась вся Маркина наслѣдья, и вѣстимаю [1]) учинилась вѣстка аньяла нябесныва: «а счастья яму́ — Маркина!»

(Записана въ тамбовской губерніи, липецкомъ уѣздѣ учителемъ головщинскаго сельскаго училища г. Елисѣемъ Сабуровымъ.)

---

[1]) Справедливою, истинною.

ПРИМѢЧАНІЯ.

3.

КОТЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА.

См. варіантъ, сообщенный М. Михайловымъ, въ Подснѣжникѣ 1858 года, № 1, стр. 9—17. Иногда эта сказка оканчивается такъ: котъ опаздываетъ на выручку пѣтуха, и лиса успѣваетъ его зажарить; послѣ того, какъ семья лисы была перебита, котъ входитъ въ ея хатку и закусываетъ жаренымъ пѣтушкомъ.

4.

ВОЛКЪ И КОЗА.

Съ этою сказкою сходны напечатанная въ собраніи братьевъ Гриммовъ: «Der Wolf und die sieben jungen Geislein» (т. I, № 5) и еще ближе помѣщенная въ изданіи Вольфа: «Romanische Märchen aus der Bukowina—von der Ziege» (Zeitschrift für deutsche Mythol., т. I, вып. 4, стр. 469). Въ первой сказкѣ месть козы разсказывается нѣсколько иначе. Волкъ, поужинавъ козлятами, крѣпко заснулъ подъ деревомъ. Коза разрѣзала ему брюхо, освободила оттуда своихъ дѣтёнышей, еще

живыхъ, а наложила вмѣсто ихъ тяжелыхъ камней и зашила волчье брюхо. Волкъ проснулся, почувствовалъ сильную жажду, пошелъ къ колодцу и только нагнулся пить — камни его потянули, и волкъ утонулъ. Въ сказкѣ, напечатанной въ журналѣ Вольфа, мѣсто волка заступаетъ медвѣдь. Коза, сходно съ содержаніемъ нашей сказки, поётъ:

Drei junge
Wol geschopft
Macht der mutter die thür auf.
Die mutter bringt zu essen
Ein stück von salze
Auf dem rücken,
Ein Malajasch (maisbrödchen)
In der ferse,
Milch in der brust,
Brinsa [1]) zwischen den lippen.

Въ русской сказкѣ волкъ идетъ къ кузнецу и проситъ сдѣлать ему тоненькой голосъ—разсказъ, подобный тому, какой встрѣчается въ народныхъ преданіяхъ о вѣдьмѣ (см. выпускъ I, № 4).

5.

МИЗГИРЬ.

См. варіантъ въ Пермскомъ сборникѣ, т. I, стр. 118—120.

6—16.

Народные разсказы, напечатанные въ этомъ выпускѣ подъ №№ 6 — 16, запечатлѣны тѣмъ наивнымъ и живымъ юмо-

---

[1]) Родъ соленаго сыра.

ромъ, который составляетъ вѣрный признакъ болѣе или менѣе позднѣйшаго ихъ состава или передѣлки. «Сказка о набитомъ туракѣ», «Не любо—не слушай», «Лютонюшка» и «Мѣна» осмѣиваютъ людскую недогадливость и глупость. Первая представляетъ прозаическій пересказъ стихотворенія: «Дурень», напечатаннаго въ сборникѣ Кирши Данилова (Др. росс. стихотв., стр. 390—402), и по складу своему напоминаетъ нѣмецкую сказку: «Der gescheidte Hans» (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 32; см. также Zeitschrift für D. M., т. II, стр. 386: «Vom dummen Hans»). «Мѣна» любопытна по формѣ своего изложенія, основаннаго на постоянномъ повтореніи предыдущихъ происшествій (сличи съ № 83: «Hans im Glück» —въ собр. сказокъ брат. Гриммовъ). Въ воронежской губерніи записана мною дѣтская пѣсня о козѣ, основанная на подобныхъ-же повтореніяхъ:

Пошла коза за лыками;
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой-же ты, коза!
Я нашлю на тебя волка.»
Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой-же ты мнѣ, волкъ!
Я нашлю на тѣ медвѣдь.
Медвѣдь нейдетъ волка драть,
Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой-же ты, медвѣдь!
Я нашлю на тѣ дубьё.»
Дубьё нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ волка драть,
Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой же ты, дубьё!
Я нашлю на тѣ топоръ.»

И такъ далѣе, на топоръ насылается камень, на камень—ломъ, на ломъ—кузнецъ, на кузнеца плеть.

Плеть идётъ кузнецъ бить,
Кузнецъ идётъ ломъ варить,
Ломъ идётъ камень дробить,
Камень идётъ топоръ точить,
Топоръ идётъ дубьё рубить,
Дубьё идётъ медвѣдь бить,
Медвѣдь идётъ волка драть,
Волкъ идётъ козу рѣзать! [1])

Насмѣшливые разсказы о мужикахъ, которые втаскивали на избу корову, и бабѣ, недогадавшейся за одинъ разъ принести сметану (сказка: «Лютонюшка»), вошли въ составъ книги, пользующейся большимъ успѣхомъ между грамотнымъ простонародьемъ и извѣстной подъ заглавіемъ: «Анекдоты или веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ» (Спб., 1821 г.), стр. 108, 110—111. [2]) Варіантъ см. у г. Худякова, вып. 2, № 76; подобные разсказы извѣстны у хорутанъ (Narodne pripovjedke Валявца, стр. 266—7), болгаръ (Памятники народн. быта болгаръ, изд. Каравелова, кн. I, стр. 169—170) и нѣмцевъ (Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen gesammelt von J. Haltrich, № 66: «Suche nur, es giebt noch Dümmere»).

Сказка: «Не любо—не слушай» напоминаетъ намъ нѣмецкія *lügenmärchen* (Грим., т. II, № 159). Нѣкоторыя мѣста этой лживой сказки сходны съ небылицами, помѣщенными въ книгѣ: «Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай» [3]), куда, вѣроятно, занесены онѣ изъ народныхъ-же разсказовъ. Въ воронежской губерніи она начинается такъ:

---

[1]) См. вып. IV, № 16; въ изданіи Эрленвейна, № 35; нѣмецкія сказки Гальтриха, № 75; венгерскія сказки въ нѣмецкомъ переводѣ Штира, № 20; въ Москвитянинѣ 1842 г., № 12, зырянскую сказку *о сѣкырѣ и лисѣ* (Дорожн. замѣтки Савантова, стр. 235—7), и Отеч. Зап. 1856 г., № 5, стр. 23 (критика). — [2]) Первое изданіе: «Анекдоты древнихъ пошехонцевъ, соч. Василія Березайскаго, Спб., 1798 г.» — [3]) Переводъ съ нѣмецкаго; изданій было много. По изданію И. Гурьянова (М., 1844) смотри стр. 213 и 448—9. Книга эта въ низшихъ слояхъ читающаго люда заслужила большую извѣстность.

Жилъ-былъ старикъ; у него было три сына: одинъ слѣпой, другой ничего не видѣлъ, а третій ощупью ходилъ. Вотъ и пошли они утокъ стрѣлять; одинъ взялъ палку лутоховую, другой яроховую, а третій такую, съ чего лыки дерутъ. Приходятъ они къ рѣкѣ и видятъ: утки плаваютъ. Первой кинулъ въ нихъ палку — и не докинулъ, второй кинулъ — и перекинулъ, а третій не кидалъ, да всѣхъ утокъ побилъ. Вотъ они всѣ трое стоятъ и думаютъ, какъ-бы имъ этихъ утокъ достать? — и на свое счастье находятъ три лодки: одна худая, другая безъ дна, а на третьей ѣхать нельзя; вотъ они взяли да въ эту лодку, что̀ ѣхать нельзя, сѣли и поѣхали за утками. Достали утокъ и думаютъ, какъ-бы ихъ сварить? а огня нѣту. Вотъ одинъ изъ нихъ взлѣзъ на дубъ посмотрѣть, не видно ли гдѣ огня? и увидѣлъ, что у одного старика огонь горитъ. Они и послали къ нему за огнемъ меньшаго брата; тотъ пришелъ къ старику и говоритъ: «дѣдушка, а дѣдушка! дай огоньку.» А старикъ говоритъ: «спой пѣсню!» — Не умѣю. «Ну, попляши!» — Негораздъ. «Скажи сказку!» — Не учился. «Ну, такъ поди-же, сказалъ старикъ, да пришли кого постарше себя.» Тотъ пошелъ и послалъ средняго брата просить у старика огня. Старикъ приказываетъ ему спѣть пѣсню, поплясать и сказать сказку. — Не умѣю, негораздъ, не учился, отвѣчаетъ средній братъ. «Ну, такъ пришли кого постарше себя!» Вотъ идетъ самый старшій братъ и проситъ огня; а старикъ говоритъ: «спой пѣсню!» — Не умѣю, отвѣчаетъ слѣпой. «Ну, попляши!» — Негораздъ. «Ну, скажи сказку!» — Хорошо; я стану говорить тебѣ сказку, только чуръ не перебивать, а перебьешь — сто рублей съ тебя и огоньку....

(Записана въ селѣ Старой Тойдѣ бобровскаго уѣзда Н. Н. Аѳанасьевымъ.)

Другіе варіанты см. у г. Худякова, вып. 2, № 74, въ Нар. сказкахъ, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна,

№ 24, и въ Запискахъ о южной Руси, П. Кулиша, т. I, стр. 228 — 230. Многія изъ выраженій, принадлежащихъ сказкѣ «Не любо—не слушай», вошли въ число народныхъ прибаутокъ и причитаній, напр: «Пошелъ я на лыко гору драть; увидалъ на уткахъ озеро плаваетъ. Я срубилъ три палки: одну еловую, другую березовую, третью рябиновую; бросилъ еловую — не добросилъ, бросилъ березовую — перебросилъ, бросилъ рябиновую — угодилъ; озеро вспорхнуло, полетѣло, а утки остались.» — «Мужикъ сѣрый, кафтанъ рослый, на босу ногу топоры, лапти за поясомъ, подъ носомъ румянецъ, а во всю щёку чтò въ носу.» (Пословицы рус. народа, собран. Далемъ, стр. 1095). По свадебному обряду костромской губерніи дружка проситъ родителей невѣсты откушать хлѣба-соли у молодой четы слѣдующимъ шуточнымъ причитаньемъ: «пожалуйте, сватушко и свахонька, къ новобрачному князю хлѣба кушать; у насъ дворъ-отъ подъ окошкомъ, а изба-то у воротъ; у насъ-то рогатыя скотины—таракан да жужелица, а мѣдныя-то посуды—крестъ да пуговица; а хлѣба-то у насъ про васъ три сусѣка: въ первомъ сусѣкѣ макъ, въ другомъ точно такъ, а въ третьемъ растянись да и лягъ. А пива-то у насъ про васъ наварено три пива: пиво киснетъ, а другое на крюкѣ виснетъ, третье пьёмъ — ковшикъ поднесёмъ да зà волосы потресёмъ, òбъ полъ грянемъ да топкомъ прибавимъ, да объ лавку лбомъ: только, сватъ, съ этого пива у насъ по трое сутки съ похмѣлья лежатъ!» (Костромская губернія, Я. Крживоблоцкаго, стр. 506.)

Эта лживая сказка распространена въ многочисленныхъ варіаціяхъ у различныхъ европейскихъ народовъ: см. Deutsche Hausmärchen, herausgegeben von J. W. Wolf, стр. 424—5; въ сборникѣ Гальтриха, № 56; Ungarische Volksmärchen Штира, № 18; Litauische Märchen Шлейхера, стр. 37—38). Въ хорутанской редакціи (у Валявца, стр. 264—5) третій изъ

братьевъ приходитъ за огнемъ къ старику, который заставляетъ его разсказывать то, чего не было и не будетъ. Свой вымышленный разсказъ онъ заканчиваетъ такъ: «захотѣлъ я огонь развести, да не нашлось подтопки; вотъ я ухватилъ твою бороду да ею и подпалилъ.» На то старикъ вымолвилъ: «никогда этого не было и не будетъ!» и долженъ былъ дать разсказщику огня и отпустить двухъ его задержанныхъ братьевъ. Содержаніе нѣмецкой сказки, помѣщенной въ изданіи Гальтриха, таково: одинъ дворянинъ поѣхалъ прогуляться; въ его повозкѣ лошадь была очень плоха. Увидѣлъ онъ крестьянина—пашетъ землю, а въ плугъ запряженъ прекрасной конь. «Не хочешь ли помѣняться? закричалъ дворянинъ; твой конь больше подъ стать къ моей повозкѣ, а моя лошадь къ твоему плугу.» Мужикъ предложилъ ему такую сдѣлку: кто изъ нихъ лучше солжетъ, тому должны принадлежать обѣ лошади. Дворянинъ обрадовался; онъ думалъ, что лгать ему не учиться стать! «У моего отца, сказалъ онъ, семь стадъ кобылицъ и отъ нихъ такъ много молока, что̀ этимъ молокомъ онъ приводитъ въ движеніе семь мельницъ.» — Очень можетъ быть! отвѣчалъ крестьянинъ, нисколько не удивляясь; а у моего отца такъ много ульевъ, что ихъ не пересчитать и въ пятьсотъ лѣтъ. Однажды, когда я стерёгъ пчелъ, одна изъ нихъ не воротилась домой. Мой отецъ замѣтилъ это и послалъ меня искать ее. Я обошелъ кругомъ всю землю, и нигдѣ не нашелъ нашей пчелы; взобрался на небо, обыскалъ всѣ уголки, и тутъ не нашелъ. Ну, думаю, теперь она можетъ быть только въ аду; сошелъ въ преисподнюю, но и тамъ ея не было. Я уже хотѣлъ домой ворочаться, да идучи черезъ лѣсъ, увидалъ нашу пчелу. У одного мужика волкъ съѣлъ быка, и онъ на мѣсто убылаго, рядомъ съ другимъ быкомъ, запрёгъ пчелу и вёзъ телегу съ дровами. «Го-го, доброй человѣкъ! закричалъ я; пчела-то моя, отпрягай ее!» Мужикъ не спорилъ. Но ярмо натёрло

подъ мною; я присыпалъ ей рану землею, и пчела скоро выздоровѣла. Когда я доставилъ домой потеряннаго звѣрька, мой отецъ обрадовался. Я долженъ былъ разсказать ему все, что видѣлъ на небѣ и въ аду. На небѣ, говорилъ я, сидятъ за длинными столами крестьяне и пьютъ сладкое вино, а въ аду видѣлъ только дворянъ, какъ черти поджариваютъ ихъ на вертелѣ.» Дворянинъ не выдержалъ и закричалъ: «ты лжешь! ты лжешь!» Такимъ образомъ мужикъ выигралъ у него лошадь и припрёгъ ее къ своему плугу; а спѣсивой господинъ самъ потащилъ свою повозку домой.

Въ Буковинѣ эта сказка повторяется почти съ одинаковыми подробностями, какъ и въ напечатанномъ нами спискѣ, но съ несомнѣннымъ признакомъ своего древняго происхожденія: здѣсь встрѣчаемъ дракона. Три брата увидѣли въ лѣсу большой огонь, разведенный двѣнадцатью драконами; старшій отправляется просить у нихъ угольевъ. Одинъ изъ дракоповъ говоритъ ему: «если ты разскажешь сказку, въ которой бы не было ни лжи, ни правды, то получишь угольевъ и можешь содрать съ меня кожу; а не разскажешь такой сказки, то не получишь угольевъ и я сдеру съ тебя кожу съ головы до ногъ.» Тоже предложеніе сдѣлалъ драконъ и другимъ двумъ братьямъ. Оба старшіе не съумѣли разсказать такой затѣйливой сказки; а меньшой, когда дошелъ до него черёдъ, отвѣчалъ: «отчего не разсказать! Слушай: когда я былъ еще во чревѣ моей матери, захотѣлось мнѣ скушать синицу. Я недолго думалъ и отправился въ лѣсъ. Въ лѣсу стояло большое-большое дерево, а въ деревѣ было отверстье, въ которое влетѣла синица. Я всунулъ въ отверстье руку, но она туда не проходила; такъ было узко. Что-же я сдѣлалъ? я вскочилъ весь въ дупло и засѣлъ тамъ; но назадъ не могъ выбраться. Тогда сбѣгалъ я домой, принесъ мою сѣкиру, прорубилъ себѣ выходъ и съ синицею счастливо выпрыгнулъ вонъ. На возвратномъ

номъ пути увидѣлъ я большой прудъ, а на пруду двѣ красивыхъ дикихъ утки. Захотѣлось мнѣ добыть этихъ утокъ, я ударилъ ихъ моею сѣкирою и убилъ до смерти. Сѣкира вмѣстѣ съ утками всплыла на водѣ, но я не въ силахъ былъ ее достать и очень о томъ печалился. Тогда подложилъ я къ пруду огня; прудъ загорѣлся и горѣлъ все больше и больше цѣлый добрый часъ. Моя сѣкира въ огнѣ сплавилась, и только осталась деревянная ручка. Я пошелъ дальше и принесъ моей матери синицу. Спустя три мѣсяца послѣ того я родился.» (Zeitschrift für Deutsche Mytholog., т. II, выпускъ 2, стр. 201—3: «Der Märchenerzähler».)

Наша сказка: «Не любо — не слушай» и записанная въ Буковинѣ, сейчасъ нами указанная, равно говорятъ о вырѣзываніи изъ спины недогадливаго просителя кожаныхъ ремней; такое вырѣзываніе кожаныхъ ремней часто упоминается въ народныхъ сказкахъ, и вмѣстѣ съ отнятіемъ на рукахъ и ногахъ пальцевъ (о чемъ также нерѣдко говорится въ сказкахъ), принадлежитъ къ любопытнымъ намёкамъ на грубость древнѣйшаго быта и на суровые нравы тогдашняго человѣка (см. въ этомъ-же выпускѣ сказку подъ № 28 и Norwegische Volksmärchen, ч. I, № 1).

«Сказка о Демьянѣ-мужичкѣ» рисуетъ сатирическую картину русскаго гостепріимства, по уставу котораго хозяинъ долженъ угощать съ неотступными и настойчивыми просьбами, а гость, храня обычаемъ узаконенныя приличія, по нѣскольку разъ отказываться.—Разсказъ о «голоникѣ», что судила и рядила міромъ, и вино съ мужиковъ пила, и взятки вымогала, да скоро въ бѣду попала, любопытенъ по своимъ намёкамъ на черты дѣйствительнаго быта и по своей насмѣшливой выходкѣ противъ бабъ, у которыхъ, по народной пословицѣ, хоть волосъ и дологъ, да умъ коротокъ.—Въ сказкахъ: «Русской и мордвинъ» («Русской и татаринъ»), о «попо-

въ работникѣ» и «горшечникѣ» выставлена та ловкая смышленость русскаго простолюдина, которая особенно наглядно высказывается въ отношеніяхъ его съ недогадливыми и простоватыми инородцами.

Лукавая насмѣшливость наиболѣе выдается въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ юморъ народный направленъ противъ тѣхъ самыхъ повѣрій, какія нѣкогда составляли неприкосновенную для стариннаго человѣка святыню. Въ подобномъ осмѣяніи (см. сказку № 16: «Ворожея») [1] уже сказывается недовѣрчивость къ преданію. Даже обаятельная сила поэтическихъ сказаній народа не въ силахъ защитить эту отживающую старину отъ сомнѣній пробуждающагося ума. За прежнюю безотчетную вѣру къ преданію народъ непрочь посмѣяться и надъ сказочными богатырями, созданными его-же собственною фантазіей. Такъ въ напечатанной нами сказкѣ («Иванъ-дуракъ») невзрачной и безсильной мужичишка разыгрываетъ роль сильномогучаго богатыря, и передъ нимъ теряютъ всю свою строго-эпическую важность нарочно выведенные съ нимъ наряду Илья-Муромецъ и Добрыня, любимые герои многихъ народныхъ былинъ. Въ сборникѣ г. Худякова приведены два варіанта, впрочемъ оба плохо-записанные (вып. 2, № 51; вып. 3, № 121); г. Броницынъ въ своемъ изданіи «Русскихъ народ-

[1]) См. варіантъ у Худякова, вып. 2, № 67. Сказка эта извѣстна у литовцевъ (сборникъ Шлейхера, стр. 115—121) и нѣмцевъ (Kinder-und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, т. II, № 98; т. III, стр. 179: Doctor Allwissend — Всезнайка). Какъ въ русской редакціи мнимой колдунъ прозывался Жучкомъ (вып. VI, № 22), такъ въ нѣмецкой онъ прозывается Ракомъ, и когда спрашиваетъ его за столомъ помѣщикъ: «отгадай, что на этомъ закрытомъ блюдѣ?»—колдунъ, вздохнувши, сказалъ: «охъ, бѣдняга ты, Ракъ!» Онъ говорилъ о себѣ, а на блюдѣ дѣйствительно были раки. У малоруссовъ есть поговорка, прямо намекающая на помѣщенный въ нашемъ изданіи разсказъ о знахарѣ Жучкѣ: «попався жучку панови въ ручку!» (Старосвѣтск. бандуриста, стр. 197). Смотри также въ Orient und Occident, von Benfey, 1861 г., вып. 2, стр. 371—3: «Somadeva's Märchenschatz».

ныхъ сказокъ» напечаталъ слѣдующій списокъ этой сказки, въ которомъ вмѣсто Ильи-Муромца и Добрыни выведены Чурила Пленковичъ, Еруславъ Лазаревичъ, Бова-королевичъ и Зилантъ Змѣулановичъ, Тугариновъ братъ, всё герои богатырскихъ повѣстей и былинъ:

Сказка о богатырѣ Голѣ Воянскомъ.

Мужичокъ-простачокъ пахалъ пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облѣпили слѣпни съ комарами. Вотъ простачокъ взялъ свой кнутъ, да взмахнулъ такъ счастливо, на диво, что̀ разомъ убилъ тридцать трехъ слѣпней, а комаровъ безъ счета. Простачокъ-мужичокъ думать сталъ: «малъ да удалъ, въ богатыри я попалъ; тридцать трехъ молодцовъ съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ!» Големъ мужичокъ назывался; смотришь — и Голь взвеличался, выпрягъ свою лошадёнку, взобрался на нее пологоньку, сѣлъ верхомъ, выѣхалъ на большую дорогу, срубилъ дерево стоеростовое, и поставилъ столбъ съ надписью: *здѣсь проѣхалъ богатырь Голь Воянской, встрѣтился съ силой бусурманской, тридцать трехъ богатырей съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Если какой богатырь на встрѣчу ѣдетъ, у столба поджидай, а позади, такъ меня догоняй.* — Голь взобрался на клячу, и въ путь поплелся на удачу. Немного спустя, ѣдетъ мимо столба Чурила Пленковичъ, надпись прочиталъ — подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивалъ, а видно могучъ богатырь, такъ надобно съ нимъ подружиться. Чурила скачетъ во весь опоръ, нагоняетъ Голя, и спрашиваетъ: «не проѣзжалъ ли богатырь Голь Воянской?» — Я, сказалъ Голь; а ты кто? «Чурила Пленковичъ», отвѣчалъ молодой богатырь, поклонясь,

а самъ думаетъ: «что за чудеса? мужичонка невидной, и ѣхать съ нимъ стыдно; самъ онъ шарашится, а кляча чуть тащится.» — Ступай въ науку, поѣзжай по лѣвую руку! сказалъ Голь, и Чурила въ раздумьи поѣхалъ возлѣ него, на Воинскаго богатыря посматривая и на клячу поглядывая. Между тѣмъ ѣдетъ Еруеланъ Лазаровичъ мимо столба съ надписью, прочиталъ, и ну гнать коня за Големъ Воинскимъ. Догналъ и увидя знакомаго Чурилу, спросилъ, не видалъ ли онъ Голя? Чурило указалъ на товарища. Еруславъ Лазаровичъ поклонился, а самъ подивился. «Погоняй въ ряду по правую руку!» сказалъ ему Голь. На ту пору нагоняетъ ихъ еще богатырь Бова-королевинъ сынъ; надпись на столбѣ прочиталъ и коня погонялъ отыскивать Голя Воинскаго, побѣдителя бусурманскаго; видитъ мужичка на клячонкѣ, тащится потихоньку, а по сторонамъ его ѣдутъ два славные богатыря Еруеланъ Лазаровичъ и Чурило Пленковичъ, говорятъ съ нимъ почтительно, а тотъ отвѣчаетъ: «радъ вамъ товарищамъ!» Поклонился Бова-королевинъ сынъ Голю, да объ имени спрашивалъ. «Голь Воинской, самъ себѣ большой, отвѣчалъ простачокъ; а ты кто?» — Я Бова-королевинъ сынъ, отвѣчалъ богатырь. «Милости просимъ на подвиги, сказалъ Голь, ни поздно, ни рано; поѣзжай возлѣ Еруслана!» Ѣдутъ богатыри, куда Голь ѣдетъ, и подъѣхали къ заповѣднымъ лугамъ царь-дѣвицы богатырки. «Тутъ заказанъ путь», сказалъ Еруланъ. — Не бѣда! молвилъ Голь, много Русь обижала, путь не намъ заказала. Пускайте коней на луга! «Голь Воинской! сказалъ Еруланъ, у королевны сила великая: двадцать два богатыря да Змѣвнтъ Змѣулановичъ, Тугариновъ братъ.» — Съ меня мало, сказалъ Голь, будетъ ли на долю твою? я всѣхъ, какъ мухъ, перебью. «Ну, инъ быть такъ! сказалъ Ерусланъ, поѣдемъ въ заповѣдные луга тѣшиться, силами богатырскими перевѣдаться.» Въѣзжаютъ богатыри, топчутъ цвѣтные луга,

видатъ бѣлой пустой шатёръ, пустили коней на траву, а сами вошли въ шатёръ, сѣли да поглядываютъ; одинъ Голь лёгъ отдыхать, и чтобъ не было жарко, снялъ съ себя кафтанъ, занавѣсилъ шатёръ отъ солнышка, а самъ захрапѣлъ. «Голь надѣется на себя!» сказалъ Бова-королевичъ сынъ. Между тѣмъ во дворцѣ королевны поднялась тревога; въ колокола звонятъ, въ трубы трубятъ, и выѣхала изъ города дружина воиновъ, да три богатыря въ латахъ. Чурило будитъ Голя: «вставай! силы много на насъ.» Голь всталъ, и съ просонья зѣвая, сказалъ: «что это? три богатыря—три слѣпня, а сила вся — комары: не дадутъ уснуть до поры. Ступай, Чурило, перевѣдайся съ ними, оставь одного и пошли къ богатыркѣ, да вели ей сказать: за меня шла бы замужъ!» Чурило поѣхалъ, долго бился-рубился и перерубилъ всѣхъ; одного послалъ къ королевнѣ. Но вмѣсто отвѣта выслали изъ города шесть богатырей съ тремя дружинами. Опять разбудили заснувшаго Голя. «Эге! сказалъ Голь, что за сила? одной рукой махнуть—пришибу! Королевичъ сынъ! поди справься одинъ, да оставь одного послать къ королевнѣ.» Сказавъ, пошелъ спать. Посчастливилось королевичу сыну высланныхъ богатырей побѣдить, одного за другимъ перебить, а дружины ихъ разбѣжались. Но королевна высылаетъ еще болѣе силы: двѣнадцать богатырей, съ ними шесть дружинъ. Скачутъ, трубятъ и мечами машутъ. «Ого, сколько высыпало! сказалъ Голь, вставая; туча лихая! двѣнадцать слѣпней, а комаровъ безъ счета. Еруслан! будетъ съ тебя? а не то — мы пособимъ.» Еруслан сѣлъ на коня, пустился соколомъ, мечемъ-кладенцомъ надтишнъ рубитъ — вправо и влѣво, богатырей разметалъ, дружины погналъ. Королевна видитъ бѣду неминучую, высылаетъ Зиланта Змѣулановича. Загремѣлъ Зилантъ, выходя изъ желѣзнаго гнѣзда, а висѣло оно на двѣнадцати дубахъ, на двѣнадцати цѣпяхъ. Несётся Зилантъ, какъ

стрѣла на орла, зоветъ какъ трубой перевѣдаться въ бой: «Видно мнѣ очередь!» сказалъ Голь. Нечего дѣлать, подумалъ онъ, ѣхать на смерть; тутъ мнѣ и конецъ, за то богатырская честь, а дѣлу вѣнецъ! Перекрестился Голь, сѣлъ на клячонку, ѣдетъ потихоньку, зажмуривъ глаза, а самъ топоромъ, что есть силы, машетъ. Зилантъ заревѣлъ, увидя издалека Голя, и думаетъ: не на смѣхъ ли послали? а Голь шепчетъ про себя: «отцы и братія; поминай какъ звали!» и ожидая смерти, опустилъ голову на шею своей лошадёнки, которая бѣжала на трехъ ногахъ, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нѣтъ ли тутъ умысла? думалъ онъ: мужичонка прилёгъ къ лошадёнкѣ, что за богатырь? пальцемъ щёлкнуть—на сажень отлетитъ.» Зилантъ оглядывается, нѣтъ ли тутъ хитрости, и къ сѣдлу наклонился, а Голь приподнялъ голову, и вдругъ приободрился, съ топоромъ наскочилъ, да такъ оглушилъ, что Зилантъ на песокъ повалился. Тутъ Голь, не давъ Зиланту опомниться, сталъ рубить его, какъ сосну въ щепы, машетъ да рубитъ топоромъ, сдернулъ шеломъ и поѣхалъ къ товарищамъ. Тогда королевнѣ забота, принуждена приказать отперѣть городскія ворота, просить богатырей на пиръ, заключить съ ними миръ. Увидѣла Голя, дивится, въ немъ богатырская сила, и сама подошла къ нему, руку на плечо наложила и такъ придавила, что Голь едва повернулся, выбился изъ-подъ руки, отшатнулся, а королевна ему говоритъ: «рада я витязю славному, храбрость всегда почитала.» Тутъ она Голю руку пожала; Голь вспрыгнулъ, и зубы онъ стиснулъ, боясь ихъ разжать, закричать. «Защищай мое царство! королевна сказала, тебѣ насъ стеречь.» А Голь поклонился и думалъ: какъ-бы голову свою уберечь! Королевна велѣла въ бесѣду принесть крѣпкаго меду, думала гостей пошатать, но Голь не хотѣлъ пировать, за кубокъ не брался, и молвилъ: «кончивъ труды, ничего я не пью, кромѣ богатыр-

сильной воды». — У насъ есть въ запасѣ вода богатырская, сказала королевна. «А много-ль ее?» спросилъ Голь. — Бутыль полна, отвѣчала королевна. «Да такая-ль она, какъ у насъ? спросилъ Голь. Иная бутыль склянки не стоитъ.» — Отвѣдай, сказала королевна, и велѣла принести бутыль съ богатырской водой и ковшъ золотой. Голь налилъ ковшъ, выпилъ, сила въ немъ прибывала, а королевна знать желала, какова вода? «Еще вкуса не доберусь», сказалъ Голь; налилъ другой ковшъ, и разомъ онъ выпилъ еще три ковша. «Полно, полно! закричала королевна, ты и мнѣ воды не оставишь.» — Славная водица! молвилъ Голь, расходясь, руками размахивая; какова-то теперь сила моя? Тутъ велѣлъ онъ принесть большой корабельной канатъ, завязать крѣпко-накрѣпко петлею, изъ конюшни королевниной вывесть коня богатырскаго. Сѣлъ на него, разъѣхался, вскочилъ въ петлю головою, и порвалъ канатъ.

Съ той поры Голь богатырствовалъ, пріосанился, на королевнѣ женился; отъ ней у него были двѣ дочери: *Смѣлость да Удача*. Голь, на нихъ глядя, величался, и никто не сомнѣвался, чтобы онъ не одолѣлъ тридцать-трехъ богатырей однимъ разомъ.

Въ Буковинѣ ходитъ подобный-же разсказъ, однако болѣе сохранившій на себѣ слѣды древности: «Der Mann unter den Drachen» (Zeitschrift für Deutsche Mythol. und Sittenkunde, т. II, вып. 2, стр. 203—6); герой этого разсказа убилъ за одинъ разъ семь мухъ, и въ качествѣ силача, загубившаго однимъ ударомъ семь душъ, поступаетъ на службу къ драконамъ, разными хитрыми уловками обманываетъ этихъ глупыхъ чудовищъ и возвращается домой надѣленный огромнымъ богатствомъ. Смотри также Ungarische Volksmärchen, № 11; любопытно окончаніе венгерской сказки: когда мнимому богатырю удалось жениться на царевнѣ, подъ то государство подступили

войною сосѣдній король. Царской зять долженъ былъ ѣхать на битву; онъ сѣлъ на деревенскую клячу и явился передъ войсками. Когда заиграли военныя трубы, испуганная кляча понесла его прямо на непріятеля, и случилось такъ, что она бѣжала мимо большаго деревяннаго креста, стоявшаго въ полѣ. Невольной витязь ухватился было за крестъ, но не только не удержался, а вырвалъ его, и съ крестомъ въ рукахъ понесся впередъ. Непріятельской король подумалъ, что то самъ Господь явился, и скомандовалъ своимъ воинамъ: «опустите оружіе! эта война несправедливая — самъ Богъ венгерской (der Ungargott) выѣхалъ противъ насъ въ поле!» Солдаты побросали оружіе и обратились въ бѣгство.

18. 19.

ДВОЕ ИЗЪ СУМЫ. — КОНЬ, СКАТЕРТЬ И РОЖОКЪ.

Эта сказка существуетъ у разныхъ народовъ — хотя съ нѣкоторыми отмѣнами въ обстановкѣ и подробностяхъ, но вездѣ съ сохраненіемъ однихъ и тѣхъ-же основъ содержанія: знакъ, что ей должно приписать весьма древнее происхожденіе, на что указываетъ и самое содержаніе сказки, исполненное чудеснаго. Здѣсь являются тѣ чародѣйныя диковинки, которыя именно составляютъ неотъемлемое достояніе сказочнаго міра и къ которымъ народная фантазія, такъ часто любитъ возвращаться въ своихъ разсказахъ: конь, разсыпающійся серебромъ и золотомъ (см. примѣчаніе подъ № 25), скатерть-самобранка или самовёртка, мгновенно надѣляющая своего владѣтеля всякими яствами и питьями (она упоминается и въ сказкахъ Иванъ-царевичъ и Марѳа-царевна, № 21 этого выпуска; о

сильномъ, храбромъ, непобѣдимомъ богатырѣ Иванѣ-царевичѣ и о прекрасной супругѣ его царь-дѣвицѣ, и въ другихъ) и рожокъ, откуда по желанію выскакиваютъ два сильныхъ и драчливыхъ молодца. Вмѣсто скатерти-самобранки и рожка въ сказкѣ подъ № 18 встрѣчаемъ двѣ сумы, изъ которыхъ выскакиваютъ *двое*; изъ первой сумы *двое* накрываютъ столъ съ роскошными ѣствами и питьями, а изъ другой являются съ дубинами и подчуютъ ударами. Съ тѣми-же подробностями сказка эта была напечатана въ изданіи: «Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ» (Москва, 1830 г.) подъ заглавіемъ: «О старикѣ и сынѣ его журавлѣ». Журавль надѣляетъ своего названнаго отца диковинными сумками. Г. Худяковъ сообщилъ два варіанта (вып. 2, № 48 и 49); въ одномъ изъ нихъ вмѣсто журавля выставленъ куликъ, а вмѣсто молодцовъ съ дубинками — щипцы; только скажи: «щипцы изъ коробки!» — они тотчасъ выскочатъ и начнутъ щипать. Почему такая значительная роль въ сказкѣ приписана журавлю или кулику? — сказать трудно. Сличая другія редакціи этой сказки, столь распространенной у разныхъ народовъ, мы встрѣчаемся съ миѳическими дѣятелями, въ которыхъ языческая старина вѣрила, какъ въ могучія божественныя силы; отъ нихъ-то получаются и чудесныя сумки и другія диковинки сказочнаго эпоса. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя любопытное вниманіе лубочное изданіе сказки:

СМИРНОЙ МУЖИКЪ И ДРАЧЛИВАЯ ЖЕНА.

Мужичокъ нѣкій жилъ съ своею женою въ великой скудости. Онъ былъ такъ смиренъ, какъ теленокъ, а жена его такъ зла, какъ змѣя лютая; она мужа своего всегда ругала и била за самую малую бездѣлицу. Въ нѣкое время злая жена выпросила у сосѣда на одинъ хлѣбецъ ржи и послала своего мужа,

чтобъ пошелъ онъ къ мельнику смолоть рожь. Мельникъ пустилъ его, ради бѣдности, на свою мельницу и далъ ему смолоть рожь. Смоловши, пошелъ мужикъ домой. Вдругъ сдѣлался такой сильной вѣтеръ, что̀ въ одну минуту сдунулъ всю муку̀ изъ чашки, въ которой нёсъ ее мужикъ. Пришелъ мужикъ домой и сказалъ о томъ своей женѣ; а жена, услыша то, начала его бранить и бить немилосердно, и била до тѣхъ поръ, покуда устала,

а потомъ стала посылать его къ Вѣтру, которой развѣялъ у него муку, чтобы взять съ Вѣтра за муку̀ деньги или столько-же мукѝ, сколько въ чашкѣ было. [1]) Мужикъ, претерпѣвъ отъ жены своей толикіе побои, пошелъ заплакавши изъ своего дома, и шелъ—не зная куда; зашелъ онъ въ дремучій лѣсъ и хо̀дилъ по тому лѣсу дремучему. Попалась ему на встрѣчу старуха и спросила мужика: «доброй человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь? какъ тебя занесло въ сію сторонушку? Вѣдь сюда мало птица залетаетъ и рѣдко звѣрь забѣгаетъ.» — Матушка старушка! отвѣчалъ онъ, завела меня сюда неволя. Ходилъ я на мельницу рожь молоть, и смоловши высыпалъ муку̀ въ чашку и пошелъ домой; на ту пору вдругъ подулъ такой сильной вѣтеръ, что̀ всю мою муку̀ изъ чашки сдунулъ. Я пришелъ домой безъ мукѝ и сказалъ о томъ своей женѣ; а она

[1]) Въ старинную повѣсть о царѣ Соломонѣ занесенъ разсказъ о бабѣ, которая жаловалась Соломону на вѣтеръ, разсыпавшій у нея муку̀ (Лѣтописи рус. литерат. и древн., т IV, стр. 147).

прибила меня и послала къ Вѣтру, чтобъ онъ отдалъ мою муку или заплатилъ за нее деньгами. Теперь же я хожу, ищу Вѣтра и не знаю, гдѣ его найтить. «Поди за мною, сказала ему старуха; я мать Вѣтрова, но у меня ихъ четыре сына: первой — Вѣтръ Восточной, второй — Полуденной, третій — Западной, а четвертой — Полуночной. Такъ скажи же мнѣ теперь, которой Вѣтеръ раздулъ муку?» — Полуденной, матушка! молвилъ мужикъ.

Старуха повела старика въ лѣсъ далѣе и привела его въ небольшую хижину, и сказала: «вотъ, мужичокъ, я здѣсь живу. Полѣзай же ты на печь и окутайся хорошенько, какъ можно; мои дѣти скоро будутъ.» — Для чего-же мнѣ кутаться? спросилъ мужикъ. «Для того, сказала старуха, что сынъ мой Полуночной Вѣтръ очень холоденъ; онъ зазнобитъ тебя скоро.» Послѣ того старухины дѣти стали собираться. Когда пришелъ Полуденной Вѣтеръ, то старуха, кликнувъ съ печи мужика, стала говорить своему сыну: «сынъ мой любезной, Полуденной Вѣтерочикъ! на тебя есть жалоба. Зачѣмъ ты бѣдныхъ людей обижаешь? Ты у этого мужика муку развѣялъ, которую онъ нёсъ въ чашкѣ; теперь заплати ему за муку хоть деньгами или чѣмъ хочешь.» — Хорошо, матушка! сказалъ ей Вѣтеръ; я ему заплачу за муку. Вѣтеръ кликнулъ къ себѣ мужика и сказалъ ему: «слушай, мужичокъ! возьми себѣ эту коробочку; въ ней все есть, что только вздумаешь. И когда тебѣ что захочется: денегъ ли, хлѣба ли, кушанья ли, питья ли какого, скота ли, или что тебѣ вздумается — то скажи только: коробочка, дай мнѣ вотъ то и то-то! Она тотчасъ тебѣ и дастъ. Поди-же теперь домой; вотъ тебѣ платёжъ за твою муку.» Мужикъ, поклонясь Вѣтру и поблагодаривъ его за коробочку, пошелъ домой. Когда онъ принёсъ коробочку домой, то отдалъ ее своей женѣ, и сказалъ: «вотъ тебѣ, жена, коробочка! въ ней все есть, что тебѣ надобно, только лишь попроси у нея.» Жена,

взявъ коробочку, сказала: «коробочка! дай мнѣ хорошей муки на хлѣбы.» Коробочка тотчасъ ей дала, сколько надобно было. Она попросила у коробочки еще кое-что, а коробочка все ей давала въ ту-же минуту. — Чрезъ нѣсколько дней случилось мимо мужиковой избы ѣхать знатному помѣщику. Увидѣвши его, жена мужикова тотчасъ сказала своему мужу: «поди и зови его къ себѣ въ гости, а ежели не зазовешь его къ себѣ въ гости, то я прибью тебя до полусмерти.» Мужикъ, убоясь побой отъ жены своей, пошелъ звать дворянина къ себѣ на пиръ; а жена его въ то время набрала у коробочки всякаго кушанья и напитковъ, и собравъ на столъ, сѣла подъ окномъ; сложивши руки, дожидалась она къ себѣ въ домъ пришествія дворянина, котораго мужикъ нагналъ на дорогѣ и сталъ звать къ себѣ на пиръ. Удивясь такому зову, онъ лишь смѣялся, и не хотя къ нему ѣхать, приказалъ своимъ людямъ, которые при немъ были, ѣхать къ мужику и послѣ разсказать, какъ онъ угоститъ ихъ. Люди поѣхали къ мужику въ гости, и пріѣхавъ туда, весьма удивились, что судя по хижинѣ—должно быть ему весьма бѣднымъ человѣкомъ, а по кушанью, которое поставлено на столѣ, знатнымъ господиномъ. Кушанья и напитковъ было поставлено на столѣ великое множество. Они сѣли за столъ, пили и ѣли и прохлаждались, и примѣтили, что мужикова жена—въ чемъ имѣла надобность, то просила у коробочки, и коробочка ей все то давала. Не выходя изъ избы, они послали одного изъ товарищей, чтобъ заказалъ сдѣлать точно такую-же коробочку въ самое короткое время, которую бы немедленно принести къ нимъ такъ, чтобы ни мужикъ, ни жена его того не примѣтили. Посланный побѣжалъ тотчасъ и велѣлъ сдѣлать такую-же коробочку, и какъ ее принесли, то гости сіи взяли тихонько мужикову коробочку, а свою поставили на ея мѣсто, и потомъ всѣ поѣхали отъ мужика и разсказали, какъ мужикъ ихъ подчивалъ. Жена же мужикова къ

жотъ день къ вечеру и выбросила всѣ кушанья вонъ, — затѣмъ, чтобъ на другой день наварить свѣжаго. На утро пришла къ коробочкѣ и стала у нея просить того, что ей было надобно, и видя, что коробочка ничего больше ей не даетъ, призвала своего мужа и сказала: «старый хрычъ! какую ты принёсъ мнѣ коробочку? она, видно, служила намъ только на время. Поди опять къ Вѣтру и проси у него, чтобъ отдалъ нашу муку̀, а не то — такъ я прибью тебя до смерти!»

Бѣдной мужикъ пошелъ опять къ Вѣтру, и пришедши къ старухѣ, его матери, жаловался на свою жену. Старуха сказала ему: «подожди моего сына; онъ скоро будетъ.» Вскорѣ пришелъ Полуденной-Вѣтеръ, и мужикъ началъ ему жаловаться на свою жену, а Вѣтеръ ему сказалъ: «жаль мнѣ тебя, старика, что жена у тебя такъ зла; однако я тебѣ въ томъ помогу, и жена тебя бить больше не станетъ. Возьми эту бочку, и когда прійдешь домой, а жена твоя будетъ тебя бить, то стань позади бочки и скажи: пятеро изъ бочки, бейте мою жену! а когда они ее поколотятъ довольно, то скажи: пятеро опять въ бочку!» Мужикъ, поклонясь Вѣтру, пошелъ домой, и пришедши, сказалъ женѣ: «вотъ тебѣ, жена, вмѣсто коробочки бочка!» Жена осердилась на своего мужа и сказала: «что мнѣ въ твоей бочкѣ? для чего не принёсъ муки!» — и выговоря сіи слова, ухватила ухватъ и хотѣла бить своего мужа. Мужикъ тотчасъ сталъ за̀ бочку и сказалъ: «пятеро изъ бочки, бейте мою жену хорошенько!» Вдругъ выскочили изъ бочки пять молодцовъ и стали бить мужикову жену. Мужикъ, видя, что поколотили ее довольно, и она стала просить его, чтобъ помиловалъ ее, сказалъ: «пятеро опять въ бочку!» Съ тѣхъ поръ жена его стала посмирнѣе. Потомъ мужикъ сталъ помышлять о своей коробочкѣ и началъ подозрѣвать гостей своихъ, не подмѣнили-ль они его коробочки. Онъ началъ совѣтовать съ своею женою о томъ, какъ-бы имъ опять достать свою коро-

бочку. Жена ему на то сказала: «когда теперь у тебя есть такая диковинная бочка, что можешь ты не только съ однимъ человѣкомъ, но даже и съ великими тысячами управляться, то поди-вызови дворянина на поединокъ и требуй, чтобы онъ велѣлъ отдать тебѣ коробочку.» Мужикъ принялъ сіе за хорошій совѣтъ, пошелъ къ дворянину, и пришедши къ нему, сталъ вызывать его на поединокъ. Онъ-же смѣялся мужиковy дурачеству, не хотѣлъ ему въ томъ отказать, а вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и для того приказалъ мужику выйдти въ поле. Мужикъ взялъ свою бочку, пошелъ и дожидался господина, который собралъ съ собою много людей и поѣхалъ къ мужику, и какъ скоро къ нему подъѣхалъ, то приказалъ служителямъ, чтобъ его будто шуткой хорошенько поколотили. Мужикъ, видя, что надъ нимъ смѣются, да уже и бить стали, осердился на дворянина и на его людей и молвилъ: «эй, баринъ! вели отдать мою коробочку, а не то худо всѣмъ будетъ!» Но видя, что бить его не перестаютъ, онъ закричалъ: «по пяти на каждаго изъ бочки, бейте хорошенько!» Тотчасъ выскочили изъ бочки на каждаго человѣка по пяти молодцовъ и стали бить всѣхъ немилостиво. Дворянинъ, убоясь, чтобъ его не убили, закричалъ во весь голосъ: «мужичокъ! перестань бить, я велю отдать твою коробочку.» Мужикъ, услышавъ то, крикнулъ: «эй, эй, молодцы! ступайте всѣ въ бочку.» Тотчасъ всѣ молодцы перестали бить и ушли въ бочку. Дворянинъ же приказалъ своимъ людямъ отдать коробочку, что по повелѣнію его и учинено. А мужикъ, взявъ свою коробочку, принёсъ домой и сталъ жить съ своею женою въ великомъ удовольствіи и тишинѣ.

—

Вѣтры олицетворены въ этой сказкѣ въ живыхъ человѣческихъ образахъ и, соотвѣтственно четыремъ сторонамъ свѣ-

ча, представляются четырьмя братьями. Въ заговорахъ упоминается даже семь братьевъ буйныхъ вѣтровъ (Библіотека для Чтен. 1848 г., т. 90, статья Гуляева, стр. 48). Таже сказка, въ малороссійской редакціи, вмѣсто матери выводитъ *вѣтрова батьку*, къ которому идетъ мужикъ жаловаться: «твій сынъ выбивъ у мене просо!» (Костомар. Славянск. миѳол., стр. 111; Молодикъ 1843 г., ч. II, стр. 129.) Въ русскомъ простонародьи вѣтеръ слыветъ *господиномъ* (Русск. въ своихъ пословицахъ, ч. IV, стр. 16), и объ немъ ходитъ такой разсказъ: Шелъ мужикъ, смотритъ — на встрѣчу ему идутъ *мужики: Солнце, Вѣтеръ и Морозъ*. Мужикъ мужикамъ поклонился, посерёдъ дороги становился, а Вѣтру еще поклонъ на особицу. Солнце сказало: «постой, мужикъ, вотъ я те сожгу!» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя не допущу.» Морозъ промолвилъ: «постой, мужикъ, я те заморожу!» А Вѣтеръ: «я тебя отдую.» (Сахарова Сказан. рус. нар., т. I, стр. 104—народн. притчи; сличи Walachische Märchen, № 28.) Такія сказочныя олицетворенія вѣтровъ — памятникъ отдаленной языческой старины, которая въ могучихъ силахъ и явленіяхъ природы видѣла высшія божественныя существа. Слово о полку Игоревѣ вспоминаетъ о *Стрибогѣ, дѣдѣ Вѣтровъ*: «се Вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря *стрѣлами*» [1]). Имя Стрибога доселѣ уцѣлѣло въ нѣсколькихъ географическихъ названіяхъ [2]). По свидѣтельству галицкой поговорки: «вѣтеръ— *Божій духъ*» (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Росс., изд. Калачова, кн. II, стр. 44, стат. Буслаева); а въ стихѣ о

---

[1]) Форма *стри* чисто славянская и означаетъ: вѣтеръ, повѣтріе; происходитъ она отъ того-же корня, отъ котораго образовались слова: *стрѣтати, застрѣть, стрѣла*, и друг. О связи понятій вѣтра и стрѣлы смотри въ Отеч. Зап. 1852 г., № 1 (О зооморф. божествахъ у славянъ) и 1855, № 9, стр. 52 (статья Буслаева). — [2]) Русс. историч. сборникъ, ч. I, стр. 68, 78, 80 (статьи Ходаковскаго и Шафарика); Журн. минист. народ. просвѣщ. 1838 г., № 5, стр. 242, статья Прейса.

голубиной книгѣ сказано, что вѣтры буйные произошли отъ Свята Духа (Чтен. общ. ист. и древн. рос., годъ 3, № 9, стр. 188). Въ астраханской губерніи пловцы, садясь въ лодку, всегда произносятъ при этомъ: «святой воздухъ, помоги намъ!» На лубочныхъ картинахъ вѣтеръ и «духъ буренъ», приносящій градъ и снѣгъ, изображаются въ человѣческихъ образахъ — окрыленными и дующими изъ облаковъ; вихри, бури и мятели язычниками приписывались дуновенію боговъ [1]).

Народныя пѣсни и заговоры наполнены обращеніями къ вѣтрамъ съ просьбою о помощи, какъ къ существамъ живымъ и готовымъ сочувствовать людской радости и бѣдѣ. Подобныя обращенія находимъ и въ словахъ Ярославны (въ Словѣ о полку), и въ сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ (примѣч. къ № 23 этого выпуска). Въ подольскомъ уѣздѣ поселяне считаютъ грѣхомъ упоминать слово *вѣтеръ*, которымъ тамъ называютъ нечистую силу (Отеч. Записки 1852 г., № 11, критика, стр. 3).

Въ памятникахъ народной литературы другихъ индоевропейскихъ племенъ олицетворенія вѣтровъ очень обыкновенны. Иліада и Одиссея передали намъ нѣсколько поэтическихъ преданій древности объ Эолѣ и подвластныхъ ему вѣтрахъ. Въ норвежской сказкѣ: «Soria-Moria-Schloss» (Norweg. Märchen, ч. I, № 27) герой разсказа идетъ искать этотъ таинственный замокъ, куда скрылась его милая царевна; онъ обращается съ просьбою къ Мѣсяцу указать ему путь-дорогу, но Мѣсяцъ не зналъ, гдѣ лежитъ замокъ и не могъ помочь страннику. «Подожди, сказала ему одна старуха; скоро придетъ Западной Вѣтеръ (Westwind), онъ навѣрно знаетъ дорогу въ замокъ,

---

[1]) Другіе славяне обожали вѣтръ подъ именемъ *Погоды* (Костомар. Слав. миѳолог., стр. 55). Стрыйковскій говоритъ, что литовцы и славяне, заслыша вой бури, преклоняли колѣна, признавая шумящій вѣтръ за бога (Kronica Polska, Litewska, и проч., стр. 137).

ибо дуетъ въ каждой уголъ.» Пришелъ Западной Вѣтеръ и подулъ такъ, что хижина заскрипѣла. «Западный Вѣтеръ! Западный Вѣтеръ! закричала старуха, знаешь ли ты дорогу въ Soria-Moria-Schloss? Здѣсь есть одинъ, желающій туда отправиться.»—Да, я знаю, и теперь-же долженъ идти туда, отвѣчалъ Вѣтеръ; если онъ быстръ нà ногу, то можетъ пуститься со мною въ путь.» Сказочный герой надѣлъ семимильные сапоги, пошелъ вмѣстѣ съ Западнымъ Вѣтромъ черезъ горы и долы, и счастливо добрался до зàмка. Другая норвежская сказка (ч. II, № 11) развиваетъ тоже содержаніе съ болѣе поэтическими подробностями: жена царевича идетъ искать своего милаго, удалившагося въ далекой зàмокъ, чтò лежитъ на востокъ отъ солнца и на западъ отъ мѣсяца. Она пріѣхала къ Восточному Вѣтру, и спрашиваетъ его о дорогѣ въ загадочной зàмокъ. «Я не могу указать тебѣ этой дороги, сказалъ Восточной Вѣтеръ, ибо такъ далеко не дую; но хочешь—донесу тебя къ моему брату Западному Вѣтру, онъ будетъ посильнѣе меня. Садись на мою спину!» Но и Западной Вѣтеръ не вѣдалъ дороги въ завѣтную сторону; на своей спинѣ понёсъ онъ странницу къ Южному Вѣтру, а этотъ послѣдній къ Сѣверному Вѣтру, который былъ старшимъ и сильнѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ братьевъ: коли онъ не укажетъ дороги, тогда и искать нечего! Прибыли къ Сѣверному Вѣтру; онъ былъ столько дикъ и безпокоенъ, чтò еще издали обдалъ приближающихся холодомъ и снѣгомъ. На вопросъ о зàмкѣ онъ отвѣчалъ: «да, я знаю, гдѣ онъ лежитъ; разъ какъ-то донёсъ я туда осиновой листъ, но такъ утомился, что потóмъ не въ силахъ былъ дуть цѣлый день. Если хочешь, прибавилъ онъ странницѣ, я готовъ нести тебя, пока буду въ силахъ.» Рано на другое утро проснулся Сѣверный Вѣтръ, подулъ съ необычайною силою и быстро понесся вперёдъ по воздуху, вмѣстѣ съ женою царевича. Поднялась страшная буря, цѣлымъ

деревни и лѣса были исторгнуты, и когда Вѣтеръ достигъ великаго моря, то въ водныхъ безднахъ потонули корабли. Несясь надъ водою, дальше и дальше, Сѣверный Вѣтръ становился все слабѣе и слабѣе, и наконецъ такъ утомился, что не могъ больше вѣять и сталъ опускаться ниже и ниже; уже волны морскія стали ударяться по его пяткамъ. Но земля была близко; Сѣверный Вѣтръ собралъ послѣднія силы и донесся на берегъ, прямо къ завѣтному зáмку. Послѣ того онъ такъ ослабѣлъ, что долженъ былъ нѣсколько дней отдыхать, чтобъ собраться съ силами на возвратный путь. — Подобныя же сказки находимъ въ Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 88; Zeitschrift Вольфа, т. I, вып. 3, стр. 311, и Српске приповиjетке, № 10, стр. 72.

Съ сказкою о «смирномъ мужикѣ и драчливой женѣ» и съ напечатанными въ этомъ выпускѣ подъ №№ 18 и 19 сходны: а) норвежская сказка (ч. I, № 7) о мужикѣ, который за развѣянную муку̀ получаетъ отъ Сѣвернаго Вѣтра tuch deck dich, козла (вмѣсто коня, разсыпающагося серебромъ и золотомъ) и палку, которая сама бьетъ; b) нѣмецкая (Kinder- und Hausmärchen, т. I, стр. 211): «Tischchen deck dich, Goldesel und Knüppel aus dem Sack»; c) литовская (въ изданіи Шлейхера, стр. 105—8); d) сербская (въ сборникѣ Николича — см. Матеріалы для изученія народн. словесности, изд. Худякова, стр. 18—20), въ которой св. Савва даетъ мѣшокъ, всегда полный жита, неисчерпаемый кошелекъ съ дукатами и дубинку; e) хорутанская (у Валявца, стр. 171 — 4); f) въ сборникахъ Боричевскаго сказки: «Бездольный» (Слав. народн. разсказы, стр. 131) и «Подарокъ чародѣя» (Повѣсти и предан. нар. слав. племени, стр. 117), въ которыхъ упоминаются овца, разсыпающаяся червонцами, и кій-бій; g) въ собраніи валахскихъ сказокъ: «Три чудесныхъ дара» (№ 20): здѣсь уже встрѣчается оселъ, выбрасывающій изъ себя блестящіе дукаты;

наконецъ h) въ изданіи: «Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen» сказки: «Der wilde Mann» (ч. I, № 1) и «Die Monate» (ч. II, № 42). Содержаніе хорутанской сказки такое: были два брата: богатой и бѣдной. Бѣдной помогалъ богатому въ работѣ, и разъ попросилъ у него для своихъ дѣтей кусокъ мяса. Богачъ отрѣзалъ ему кусокъ, подалъ и сказалъ: «возьми и ступай къ чорту!» Бѣдной въ самомъ дѣлѣ отправился искать чорта, шелъ-шелъ и пришелъ къ перевозу. Перевощикъ распросилъ его, куда и зачѣмъ идетъ, и потомъ сказалъ: «смотри же, принесешь ты чорту мясо, онъ будетъ этому очень радъ, а ты взамѣнъ проси у него чорную курицу; да кстати узнай, могу ли я избавиться отъ этого перевоза?» Бѣдной такъ и сдѣлалъ: узналъ, какъ избавиться перевощику отъ своей трудной обязанности, и получилъ чорную курицу, которая могла выбрасывать изъ себя деньги (koja nosi cekine, kad ju gdo pritisne). На возвратномъ пути онъ зашелъ въ гостинницу, гдѣ у него подмѣнили диковинную курицу простою. Бѣдной воротился къ чорту и получилъ отъ него скатерть-хлѣбосолку (stolnjak—kad buš gladen, prestri ga na stol i reci: daj mi mesa, gibanice vina!), но и скатерть обмѣнили въ гостинницѣ. Опять воротился къ чорту; въ этотъ разъ чортъ подарилъ ему клюку, iz koje može šest regementov soldatov iziti. Съ помощію клюки онъ добылъ назадъ и диковинную курицу и скатерть-хлѣбосолку. Вернувшись домой, онъ натискалъ изъ курицы полный уголъ денегъ и послалъ просить у богатаго брата мѣрки, чтобы перемѣрить ихъ; тотъ сталъ выспрашивать, откуда у него взялись деньги?—Чортъ мнѣ за мясо заплатилъ. Богатой тотчасъ-же взялъ цѣлой край мяса и отправился къ чорту; дошелъ до перевоза. Тутъ перевощикъ далъ ему въ руки весло и сказалъ: «налягъ!» Съ той поры и остался онъ на перевозѣ. Это сказаніе о перево-

щикѣ повторяется и въ легендѣ о Маркѣ Богатомъ [1]). Интересна итальянская сказка о Мѣсяцахъ. Было, разсказываетъ она, два брата — богатой и бѣдной. Бѣднякъ, оставленный безъ помощи своимъ братомъ, пошелъ искать своего счастія; на пути остановился онъ въ одной гостинницѣ, въ которой грѣлись у огня двѣнадцать молодцовъ, и сѣлъ подлѣ нихъ, дрожа отъ холода. Одинъ изъ двѣнадцати незнакомцевъ, мрачный и суровый по виду, спросилъ пришельца: «что ты думаешь о теперешнемъ времени года?» — Что думаю? отвѣчалъ этотъ; я думаю, что всѣ мѣсяцы года исполняютъ свое дѣло, но мы сами, не зная—чего намъ желается, хотимъ давать законы небу и не разсуждаемъ о томъ, что намъ полезно или вредно; когда бываетъ вѣтрено и идетъ дождь—мы желаемъ жаркаго солнца, а въ августѣ просимъ тучъ, нисколько не думая, что отъ того можетъ погибнуть жатва. «Ты разсуждаешь, какъ Соломонъ; но нельзя-же не признаться, что настоящій мѣсяцъ мартъ своимъ холодомъ, дождемъ, снѣгомъ, вѣтрами и туманомъ причиняетъ намъ много печали.» — Ты говоришь только о непріятныхъ качествахъ этого мѣсяца, отвѣчалъ бѣднякъ; а не говоришь о той пользѣ, какую приноситъ онъ, приводя съ собою весну. Незнакомецъ съ радостью выслушалъ такой отвѣтъ, ибо это былъ самъ Мѣсяцъ Мартъ съ одиннадцатью своими братьями, и подарилъ благоразумному гостю красивый ящичекъ. «Если ты откроешь этотъ ящикъ, сказалъ Мѣсяцъ, то найдешь въ немъ все, что только пожелаешь.» Бѣднякъ взялъ подарокъ, возвратился домой и скоро такъ

---

[1]) Подобную же сказку смотри въ изданіи Westslawischer Märchenschatz, стр. 104—7, гдѣ говорится о красномъ пѣтухѣ, который если закричитъ, то изъ клюва его падаютъ дукаты, и въ сборникѣ Гальтриха, № 29, гдѣ чортова бабушка даетъ бѣдному волосъ съ головы чорта; этотъ волосъ, какъ скоро бѣдной принесъ его домой, вдругъ сдѣлался такимъ огромнымъ, какъ шестъ, и оказался весь изъ чистаго золота.

разбогатѣлъ, что братъ его почувствовалъ всю горечь зависти и рѣшился идти въ тотъ-же путь, какимъ достигъ своего счастія прежній безпомощный бѣднякъ. Онъ зашелъ въ ту-же гостинницу, но въ разговорѣ съ Мѣсяцомъ Мартомъ разбранилъ погоду и самого его послалъ къ чорту. Мѣсяцъ Мартъ подарилъ ему молотильной цѣпъ. «Всякой разъ, какъ пожелаешь чего, замѣтилъ Мѣсяцъ, скажи только: цѣпъ! дай мнѣ сотню.» Цѣпъ, разумѣется, порядкомъ отколотилъ этого неосторожнаго искателя приключеній, при первой-же пробѣ. [1]). Съ олицетворенными мѣсяцами встрѣчаемся мы и въ слѣдующей превосходной словацкой сказкѣ (Westslawischer Märchenschatz, стр. 20—26):

Была мать, у ней были двѣ дочери: одна родная, а другая падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Добрая Марушка не знала о своей красотѣ, и не могла объяснить себѣ, почему мать такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей на глаза. Она должна была отправлять всѣ работы: убирать комнаты, варить, мыть, шить, прясть, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно въ праздности. Марушка трудилась охотно, и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матери: «за-

[1]) Здѣсь олицетворены мѣсяцы, а въ сказкѣ, переданной г. Далемъ: «о Морозѣ Снѣговичѣ и о другихъ родныхъ его братьяхъ» — морозы (Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго, ч. III, стр. 448); см. также сказку (отзывающуюся впрочемъ сочиненіемъ) о семи страшныхъ Морозахъ, родныхъ братьяхъ, и о мужикахъ-колотырникахъ и о бабахъ-колотырницахъ и все о московскихъ баламутахъ (М., 1833). Тоже олицетвореніе встрѣчаемъ въ лубочной картинѣ: «Похожденія о носѣ и о сильномъ Морозѣ».

чѣмъ я должна терпѣть въ моемъ домѣ красивую падчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Пріѣдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, и они не захотятъ Голены.» Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ-бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды—это было въ срединѣ зимы—захотѣлось Голенѣ имѣть фіалки: «ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ.»—Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, милая сестрица? Я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами, отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда я приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти! угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ взялъ ее лучше со свѣта. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На той горѣ пылалъ большой костёръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое—старые, съ сѣдыми бородами, трое—немного помоложе, еще трое — возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое — самые юные и красивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяцъ (декабрь) сидѣлъ всѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холоду!» Ледяной Мѣсяцъ кивнулъ голо-

вой и спросилъ: «какъ ты, дѣвица, сюда зашла? и чего здѣсь ищешь?» — Я ищу фіалокъ, отвѣчала Марушка. «Теперь не время искать фіалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказалъ Ледяной Мѣсяцъ. — Я сама это хорошо знаю, отвѣчала печально Марушка; но моя мачиха и сестра Голена приказали мнѣ принести лѣсныхъ фіалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи пастухи! умоляю васъ, укажите, не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фіалокъ? Тогда Ледяной Мѣсяцъ поднялся съ камня, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто.» Мѣсяцъ Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки—и вотъ наступила весна. Межъ кустарникомъ зацвѣли фіалки—ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой ковёръ разостлалъ. «Скорѣй, Марушка, рви!» сказалъ Мѣсяцъ Мартъ. Марушка съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать Мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голена и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ имъ букетъ фіалокъ; отворили ей двери, она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голена.—На высокой горѣ, тамъ ихъ много ростетъ подъ кустами. Голена взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «понюхай и ты!» Въ другой разъ Голена и мачиха послали Марушку за земляникой. Падчерица опять приходитъ къ Мѣсяцамъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ-же радушный пріемъ. Узнавши, въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяцъ всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Іюнь! сядь на первое мѣсто.» Прекрасный Мѣсяцъ Іюнь сѣлъ

выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ пламя поднялось высоко, снѣгъ быстро растаялъ, земля одѣлась травою, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразные цвѣты зацвѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, словно кто ихъ нарочно насѣялъ; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ землянику и тотчасъ-же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, будто кто обагрилъ его каплями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голенѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, но ни разу не сказала Марушкѣ: «покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голенѣ красныхъ яблочекъ, и она прогнала Марушку за яблоками. По глубокому снѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, снѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтѣлой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, за то нашла яблоню съ сочными плодами. «Скорѣй тряси, Марушка!» сказалъ Сентябрь-Мѣсяцъ. Она потрясла—упало одно красное яблочко, потрясла еще—упало другое. «Скорѣй теперь домой!» сказалъ ей Сентябрь; дѣвушка послушалась и принесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мачиха. «Гдѣ ты ихъ сорвала?»—На высокой горѣ; тамъ ихъ еще много осталось. «Зачѣмъ-же ты не принесла больше? закричала со злобой Голена; вѣрно, сама дорогой поѣла?»—Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой идти. «Чтобъ тебя громомъ уби-

ю!» кляла Марушку Голена и хотѣла бить ее. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню. Голена принялась за яблоко, и оно показалось ей необыкновенно-вкуснымъ. Съѣла, и говоритъ матери: «дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь пожалуй опять все съѣстъ дорогою. Я обтрясу всѣ яблоки, хоть позволятъ, хоть нѣтъ—все равно!» Накинула шубу, платокъ на голову, и пошла изъ дому. Снѣгъ лежалъ глубокой; нигдѣ не видно было слѣдовъ ноги человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая ни у кого позволенія, Голена прямо подошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты ищешь? зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяцъ.—А ты что за спросъ, старой дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду? отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяцъ наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ-же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; по лѣсу засвисталъ рѣзкой, всёоцѣпеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ передъ собою уже Голена ни зги не видала; она вязла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея коченѣютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ, подумала мать; пойду-ка я сама посмотрю.» Тотчасъ надѣла шубу, платокъ на голову, и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха и Голена не ворочались. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и усѣлась за пралку. Уже пряжа готова, на дворѣ смерклось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже мой! что съ ними приключилося?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно—небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно; печально

закрыла она окошко, перекрестилась, прочитала «Отче нашъ» за мачиху и сестру, и легла спать. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, ждала къ обѣду, но напрасно — обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. (Сличи съ началомъ сказки, напечатанной въ сборникѣ Валявца, стр. 221—2.) Такъ глубоко проникнута жизнію природы чистая, неподдѣльная народная поэзія! она слышитъ, какъ прозябаютъ травы, какъ шелестятъ лепестки распускающагося цвѣтка, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому незамѣтное и едва уловимое, проявленіе жизненныхъ силъ. Костёръ, вокругъ котораго возсѣдаютъ Мѣсяцы, подобно костру, возжигаемому на Купалу, есть символъ солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимою), и вмѣстѣ съ тѣмъ то животворнѣе, то слабѣе вліяетъ на производительность земли. Двѣнадцать Мѣсяцевъ заступаютъ здѣсь мѣсто тѣхъ болѣе-древнихъ миеическихъ олицетвореній, какія соединялись съ представленіемъ четырехъ временъ года. Валахская сказка о такъ называемыхъ *дняхъ старыхъ бабъ* (№ 6) прямо выводитъ дѣйствующимъ лицомъ Весну. Въ русскихъ сказкахъ является иногда олицетворенный Морозъ, т. е. Зима (см. вып. IV, № 42); съ нимъ-же мы встрѣчаемся и въ одномъ изъ варіантовъ разбираемой нами сказки: Посѣялъ мужикъ дикушу (гречу); она взошла, зазеленѣла. Разъ какъ-то вышелъ мужикъ поутру въ поле, глядь—дикуша прибита, примята. «Какой это злодѣй натворилъ!» Воротился домой, разсказалъ про свою бѣду женѣ; а она его въ толчки: «это, говоритъ, Морозъ натворилъ; ступай-найди его и взыщи убытки!» Мужикъ пошелъ въ лѣсъ и заплутался, туда-сюда — выбрался кое-какъ на незнакомую тропинку. Эта тропинка привела его къ леданой избушкѣ—стоитъ избушка, вся снѣгомъ усыпана, сосульками убрана. Постучался въ дверь; вылѣзаетъ оттудова старикъ—весь бѣлой. Это былъ Морозъ; онъ даритъ мужику сначала ска-

терть самобранку, а потомъ дубинку-самобой, и развитіе разсказа совершается обыкновеннымъ путемъ, какъ и въ другихъ спискахъ.

Есть еще другой варіантъ, интересный особенно потому, что въ немъ выведена *Судьба*. Жило-было два брата: старшій — богатой да злой, меньшой — работящій да бѣдной. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все ему не удавалось. Вотъ онъ вздумалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, прохлаждается! Сталъ ее бить плетью, а самъ приговариваетъ: «ахъ ты, Доля лѣнивая! у другихъ людей Доли ночь не спятъ, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками придется умирать съ голоду!»—Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочной кузовокъ — только раскрой, будетъ что̀ и попить и поѣсть тебѣ. Мужикъ пришелъ домой, раскрылъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнялъ у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Долѣ; она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не захотѣлъ долго откладывать и тотчасъ открылъ золотой кузовокъ—какъ выскочили оттуда молодцы съ дубинками и давай его бить. Больно прибили, и спрятались въ кузовъ. «Ну, думаетъ мужикъ, этотъ кузовокъ не накормитъ-не напоитъ, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на дорогѣ и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ—а кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжитъ, ажно задыхается! Оглянулся назадъ—а кузовъ опять за плечами... Нечего дѣлать, принёсъ его домой. Старш братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: тебѣ, говоритъ, отдамъ лубочной кузовокъ, а ты подавай сю

золотой.» Помѣнялся, да потомъ долго-долго помнилъ эту неудачную мѣну.

Чудесной дубинкѣ въ нѣкоторыхъ сказкахъ придана сила, поражающая цѣлыя войска; въ одной редакціи она замѣнена *топоромъ-саморубомъ*, который, будучи брошенъ изъ рукъ своего владѣльца, рубитъ по его приказу непріятельскіе полки и строитъ города и корабли [1]). Этотъ топоръ-саморубъ напоминаетъ намъ всесокрушающій молотъ Тора. Одна нѣмецкая сказка говоритъ о солдатскомъ ранцѣ, ударяя въ который можно вызвать какое угодно войско, и о рожкѣ, при звукахъ котораго распадаются всякія укрѣпленія. Норвежскія сказки вспоминаютъ не только о скатерти-самобранкѣ, но еще о кранѣ, изъ котораго льются, по желанію, самые дорогіе напитки, и о мельницѣ, которая мелитъ все, что ей прикажешь (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 54, 81; т. II, № 92, 97; Norweg. Märchen, ч. I, № 19, 24; ч. II, № 8, 20; Ungarische Märchen, стр. 54; см. примѣчан. къ вып. VII, № 4).

20.

ЗАГАДКИ.

Происхожденіе едвали не большей части народныхъ загадокъ кроется въ отдаленной древности и тѣсно связано съ образованіемъ метафорическаго языка, столь богатаго въ народахъ младенческихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, загадка послужила формою выраженія и для представленій миѳологи-

---

[1]) «Сказка о шляпѣ-невидимкѣ, скатерти-самобранкѣ и топорѣ-саморубѣ» въ Собр. русск. народн. сказокъ (М., 1820); диковинки эти достаются сказочному герою отъ лѣшихъ.

ческихъ, создававшихся наравнѣ съ самымъ языкомъ [1]). Смѣлые вопросы, заданные пытливымъ умомъ человѣка о таинственныхъ силахъ и явленiяхъ обоготворенной природы, первоначально выразились именно въ этой формѣ. Такая связь загадки съ миѳомъ придала ей значенiе таинственнаго вѣдѣнiя, священной мудрости, доступной преимущественно существамъ божественнымъ. Въ скандинавской Эддѣ Одинъ и јотъ Ваѳтрудниръ состязаются въ мудрости, задавая другъ другу загадки миѳическаго содержанiя; побѣжденный въ этомъ состязанiи платитъ своею головою. Славянскiя преданiя загадыванье загадокъ приписываютъ бабѣ-ягѣ, русалкамъ и виламъ; какъ лужицкая полудница наказываетъ смертiю, кто не разрѣшитъ ея мудрёнаго вопроса, такъ и наши русалки готовы защекотать до смерти всякаго, кто не разрѣшитъ заданной ими загадки. Отвѣты оракуловъ и вѣщихъ людей обыкновенно облекались въ этотъ таинственный языкъ, и въ краткихъ изрѣченiяхъ ходили въ народѣ, какъ выраженiя мудрости и правдиваго взгляда на жизнь и мiръ. Кельтскiе друиды передавали свое ученiе также въ формѣ загадокъ и притчей. При болѣе пытливомъ знакомствѣ съ простонародными загадками, уцѣлѣвшими донынѣ, нельзя не подмѣтить въ нихъ многихъ намековъ на сѣдую старину — намековъ, общихъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Вотъ почему, запрещая народныя загадки, вмѣстѣ съ другими остатками язычества: бѣсовскими игрищами и обрадами [2]), духовенство наше поступало весьма послѣдовательно. По прекраснымъ словамъ профессора Буслаева, все это можетъ показаться страннымъ только тому, кто привыкъ видѣть въ загадкѣ ея позднѣйшее зна-

[1]) Смотри объ этомъ подробнѣе начало статьи о «Зоомор. божеств. у славянъ» (Отечеств. Записки 1852 г., № 1). — [2]) Акты истор., т. IV, № 35, окружная грамота 1648 года: «и загадки загадываютъ и сказки сказываютъ небывалые».

ченіе, т. е. пустую игру звуковъ и народной фантазіи. Но вѣдь и всѣ эпическія преданія изъ миѳическаго обряда и сказанія выродились въ праздную забаву и досужую игру, подобно тому, какъ нѣкогда обоготворенные прекрасные истуканы Зевса и Афродиты въ наше время не болѣе, какъ изящныя произведенія, служащія украшеніемъ нашихъ садовъ и залъ (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, кн. II, половина 2-я, стр. 50, 53 — 55).

Какъ эпическій пріемъ, народная загадка нашла себѣ прекрасное примѣненіе не въ одномъ стихѣ о голубиной книгѣ, исполненномъ древнихъ космогоническихъ преданій, но и во многихъ народныхъ пѣснахъ и сказкахъ. Выпытывая у дивчины ума-разума, казакъ говоритъ ей:

Загадаю симъ загадокъ;
Отгадаешь—моя будешь,
Не отгадаешь—дурна будешь.
А що вьеться по дереву?
А що росте безъ коріння?
А що цвите безъ насиньня?
А що плаче, слизъ не мае?
А що грае, голосъ мае?
А що свитыть да не гріе?
А що бижыть безъ перестани?
—Дивка стала, подумала,
Симъ загадокъ отгадала:
Що хмиль вьеться по дереву,
Каминь росте безъ коріння,
Верба цвите безъ насиньня,
Сова плаче, слизъ не мае,
Скрыпка грае, голосъ мае,
Мисяць свитыть та й не гріе?
Вода бижыть безъ перестани [1])

---

[1]) Народн. южнорус. пѣсни, изданіе А. Метлинскаго, стр. 363—4; Русск. простон. праздники, Снегирева. ч. II, стр. 101—2 и ч. IV, стр. 8: «Что роститъ безъ корня?—бѣлъ горючь камень. Что бѣжитъ безъ повода? или что безъ вѣтра шумитъ?—быстра рѣчка. Что цвѣтетъ безъ всякаго цвѣту? —па-

Точно такимъ же испытующимъ средствомъ ума-разума, мудрости, служатъ загадки и въ сказочныхъ повѣствованіяхъ; смотри сказку о горшечникѣ (№ 17 настоящаго выпуска) и напечатанную подъ № 20. Въ этой послѣдней царевна отгадываетъ всякія загадки: кто задастъ ей такую мудрёную, которой она не объяснитъ, кто слѣдовательно будетъ разумнѣй ея самой — за того царевна выйдетъ замужъ; а тому, чьи загадки будутъ отгаданы, грозитъ смерть. (См. также Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 114; Walach. Märch., № 9 и 16; Српске народне припов., № 45: «Краљ и чобанин».) Нашелся Иванъ-дуракъ [1]), который перехитрилъ царевну; онъ загадалъ ей двѣ загадки, и она вынуждена была сознаться въ своемъ безсиліи отгадать ихъ. Гордая царевна вступаетъ съ своимъ противникомъ въ переговоры, упрашивая сказать ей разгадки. Но Иванъ-дуракъ требуетъ за такое открытіе, чтобъ царевна цѣлую ночь простояла въ той комнатѣ, въ которой онъ спитъ, и царевна соглашается: это обычный эпическій пріемъ, употребляемый въ сказкахъ для наказанія невѣстъ, гордыхъ своею красотою и умомъ, своенравныхъ и хитрыхъ. Норвежская сказка (ч. II, № 15) разсказываетъ объ одной гордой невѣстѣ, которая смѣялась надъ всѣми своими женихами; посмѣялась она и надъ Гакономъ Боркенбортъ. Оскорбленный Гаконъ рѣшился наказать насмѣшницу; онъ добылъ три дорогія золотыя вещи: платье, прялку и мотовило, три раза является въ видѣ нищаго и уступаетъ ей эти вещи—первую за то, чтобы она позволила ему заснуть у дверей собственной

поротникъ. Что зимой зелено?—ель и сосна.» На ряду съ старинными загадками въ позднѣйшее время возникло много другихъ, но въ нихъ уже трудно не замѣтить бо́льшаго или меньшаго отсутствія художественнаго такта и творческой силы. — [1]) Напомнимъ, что названіе «дурака» вовсе не имѣетъ въ народныхъ сказкахъ того смысла, какой обыкновенно придается этому слову.

спальни; другую за то, чтобъ позволила ему заснуть въ самой спальнѣ на полу, а третью за то, чтобъ позволила ему выспаться рядомъ съ собою. Прельщенная роскошнымъ платьемъ, прялкою и мотовиломъ, дѣвица соглашается на предложенныя ей условія. Послѣ того она забеременѣла и родила малютку; раздраженный отецъ отдалъ ее за нищаго: это былъ Гаконъ; онъ привелъ ее въ большую хижину, заставилъ исполнять самыя чорныя и трудныя работы, и далъ много уроковъ ея гордости; такая жизнь смиряетъ ее, и сказка оканчивается счастливо. Сличи съ подобными-же разсказами, помѣщенными въ Norweg. Märchen, ч. II, № 8 (вмѣсто платья, прялки и мотовила, въ этой сказкѣ встрѣчаемъ: ножницы такого свойства, что стòитъ только рѣзать ими по воздуху — и они скроятъ какое угодно платье, скатерть-самобранку и кранъ, изъ котораго можно нацѣдить напитки, какіе пожелаешь), и въ изданіи «Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen», ч. II, № 40.

21. 22.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И МАРѲА-ЦАРЕВНА.— СКАЗКА О ФРОЛКѢ-СИДНѢ.

Обѣ сказки основаны на древнѣйшемъ, общемъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, преданіи объ огненныхъ, крылатыхъ змѣяхъ, похищающихъ красавицъ (смотри мою статью о зооморфич. божествахъ у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852 г., № 2.) Народныя сказки представляютъ этихъ змѣевъ со многими головами: съ треми, шестью, девятью и больше; по числу головъ опредѣляется и бòльшая или мéньшая степень силы чудовища. Лубочныя картины, согласно съ повѣрьями,

изображаютъ ихъ о многихъ головахъ, съ крыльями, съ острыми когтями на лапахъ и съ хвостомъ, заостреннымъ на концѣ стрѣлою:

(Изъ сказки о Еруcланѣ Лазаревичѣ.)

(Съ лубочной картины, изображающей Георгія Храбраго.)

Похищеніе змѣемъ красавицы или обреченіе ему въ жертву на пожраніе несчастной дѣвы и смѣлый подвигъ избавленія, требующій необыкновенной твердости духа и громадной физической силы, составляютъ обычный и любимый мотивъ, изъ котораго народная фантазія развила множество пѣсенныхъ и сказочныхъ повѣствованій, исполненныхъ поэзіи [1]). Въ напечатанной въ этомъ выпускѣ сказкѣ «о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ» (№ 27) находимъ превосходный, проникнутый свѣтлымъ чувствомъ и плѣнительнымъ простодушіемъ разсказъ о томъ, какъ царевичъ, явившись спасти царевну отъ поѣдучаго змѣя, въ ожиданіи этого страшнаго врага прилёгъ къ ней на колѣни и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Уже летитъ за своею жертвою змѣй, а царевна никакъ не можетъ добудиться своего избавителя; отъ горести заплакала она, и слеза ея канула на лицо царевичу. Онъ тотчасъ-же пробудился и промолвилъ: «о какъ ты сладостно обожгла меня чѣмъ-то!» Змѣй спускался; царевичъ сразился и убилъ его. Но это еще не конецъ; сказка выводитъ на сцену негодяя, который, пользуясь обстоятельствами, выдаетъ себя за настоящаго избавителя царевны, и уже назначенъ день ихъ свадьбы. Но вотъ неожиданно является на свадебный пиръ царевичъ; слѣдуетъ испытаніе: мнимаго избавителя заставляютъ поднять змѣиныя головы, но онъ не въъ силахъ приподнять

[1]) См. сказки, помѣщенныя въ I-мъ выпускѣ: «Ѳедоръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная» и «о трехъ царствахъ»; во II-мъ вып. № 27 и 30; въ сборникѣ Сахарова: «Анкундинъ» (стр. 94); въ сборн. Бронницына: «Голь Водяной» и «Василиса-золотая коса»; въ изданіи Боричевскаго «Повѣсти и преданія народ. слав. племени», стр. 112 — 6: «Валигора и Вырвидубъ»; въ Москвитянинѣ 1852 г., № 21 («Иванъ Водовичъ», стр. 27) и 1846 г., № 11 и 12, стр. 146: «Кирила-кожемяка»; въ Древн. россійк. стихотвореніяхъ, стр. 65. 183; 191, 193, 346—9; въ Чтеніяхъ общ. ист. и древ. россійскихъ стихъ о Ѳедорѣ Тиронѣ (годъ 3-й, № 9, стр. 146—7); въ Отеч. Зап. 1860 г., № 4, стр. 57 (сборникъ пѣсень Якушкина); въ XXII-й книгѣ Временника: Болгарск. пѣсни (стр. 1).

и одной. Истина открывается, доблесть торжествуетъ, а ложь наказывается. Въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и Марѳѣ царевнѣ, представляющей подобный-же эпизодъ, знакомъ настоящаго избавителя служитъ рубецъ, означенный на его щекѣ ножемъ царевны, которая нарочно поранила его, чтобы прервать непробудный сонъ своего защитника. Точно такіе-же разсказы встрѣчаемъ у норвежцевъ, германцевъ, валаховъ, сербовъ и другихъ народовъ. Въ нѣмецкихъ сказкахъ змѣи называются *драконами*, въ норвежскихъ—гнусными, ужасными *троллями*. Драконы и тролли, какъ и наши сказочные змѣи, владѣютъ богатыми зàмками, блистающими серебромъ и златомъ, похищаютъ дѣвъ и пожираютъ людей; подобно нашимъ змѣямъ, драконы летаютъ на крыльяхъ и испускаютъ изъ пасти всепожигающій огонь [1]). Жили-были, говоритъ норвежская сказка (ч. I, № 24), мужъ и жена; жили они въ большой бѣдности, а дѣтей у нихъ было много. Наконецъ родился еще одинъ мальчикъ; явившись на свѣтъ, онъ сейчасъ же окинулъ взглядомъ избу, раскрылъ ротъ и сказалъ: «милая мать! дай мнѣ пару стараго платья и сумку съ ѣдою; я хочу пуститься въ дорогу искать счастія, ибо ты, какъ вижу, не имѣешь чѣмъ прокормить и другихъ дѣтей.»—Спаси тебя, Боже! отвѣчала мать; ты еще такъ малъ, а ужь хочешь странствовать. Могу-ли я допустить это! Мальчикъ продолжалъ просить до тѣхъ поръ, пока его отпустили. Только ушелъ онъ изъ дому, мать родила другаго мальчика, который также посмотрѣлъ кругомъ себя и сказалъ: «милая мать! дай мнѣ пару стараго платья и сумку съ ѣдою, я пойду искать моего брата.» Онъ просилъ

---

[1]) Norweg. Märchen, ч. I, № 9, 19, 27, 28; ч. II, № 7; Kinder- und Hausmärchen, т. I, стр. 367—8; т. II, стр. 36—7, 244; Der Pentamerone, ч. II, № 33 и 35; Walachische Märchen, № 11 и 27; Српске народне приповиј., № 2, 4, 36; Московск. Наблюдатель, ч. XI, стр. 5[illegible] (Германскія преданія).

такъ настойчиво, что и его отпустили. Близнецовъ звали старшаго—*König Lavring*, младшаго—*Lillekort* (Коротышка). Разскажемъ судьбу Лиллекорта. Онъ, послѣ разныхъ приключеній, пришелъ къ королевскому замку; здѣсь всѣ были въ глубокой печали. «Уже давно, сказала ему одна изъ прислужницъ, королевская дочь обѣщана тремъ страшнымъ троллямъ, и скоро наступитъ срокъ отдавать ее. Рыцарь Röd сбирается избавить королевну, но Богъ знаетъ — въ силахъ ли онъ это сдѣлать!» Лиллекортъ нанялся въ замкѣ таскать на кухню дрова и воду, и сталъ выжидать—что будетъ. Наступило время, рыцарь Röd повелъ королевну къ морскому берегу; тамъ долженъ былъ явиться за нею тролль, а рыцарь сразиться съ чудовищемъ и спасти дѣву. Но рыцарь Röd скоро потерялъ свою смѣлость, оставилъ королевну на берегу, а самъ взобрался на высокое дерево, которое стояло невдалекѣ, и спрятался между густыми вѣтвями. Королевна заплакала и стала молить о помощи. «Лучше тебѣ одной лишиться жизни, сказалъ трусливой рыцарь, чѣмъ намъ обоимъ!» Тролль уже плылъ; онъ былъ громаденъ, толстъ и съ пятью головами. Вдругъ явился на берегъ Лиллекортъ и своимъ чудесным мечемъ отрубилъ троллю всѣ пять головъ. Королевна обрадовалась. «Усни часочикъ на моихъ колѣнахъ!» сказала она утомленному избавителю, и когда тотъ уснулъ — она надѣла на него золотое платье. Видя, что дѣло покончилось счастливо, рыцарь спустился съ дерева, отсѣкъ у мертваго тролля языки и зубныя челюсти, захватилъ все это съ собою, потомъ взялъ королевну и повелъ ее назадъ во дворецъ; онъ приказалъ ей назвать себя своимъ избавителемъ и грозилъ лишить ее жизни въ случаѣ упрямства. Во дворцѣ его встрѣтили съ большимъ почетомъ. Тоже случилось и въ другой разъ, когда Лиллекортъ убилъ тролля о десяти головахъ, и въ третій разъ, когда онъ поразилъ тролля о пятьнадцати головахъ; въ

эти разы королевна надѣла на заснувшаго Лиллекорта серебреное и мѣдное платья. Король, въ награду за мнимые подвиги рыцаря Röd'а, пожелалъ женить его на своей дочери и дать ему полцарства. На свадебный пиръ Лиллекортъ назначенъ былъ кравчимъ; разнося вино, онъ пролилъ нѣсколько капель на тарелку жениха, который разгнѣвался и сталъ его бить. При первомъ ударѣ Лиллекортъ сбросилъ свои лохмотья, при второмъ—мѣдное платье, при третьемъ — серебреное, и остался въ золотомъ. «Вотъ мой избавитель!» сказала невѣста. Рыцарь Röd былъ брошенъ, по приказанію короля, въ змѣиную яму, а Лиллекортъ женился на королевнѣ и получилъ половину царства.

Валахская сказка «Petru Firitschell» (№ 10) такъ развиваетъ это общее преданіе о драконѣ: послѣ различныхъ приключеній, Пéтру встрѣтилъ на пути лисицу, потомъ волка и наконецъ медвѣдя. Звѣри просили не убивать ихъ, и дали ему за то по дѣтёнышу. Вотъ пришелъ онъ въ большой городъ, передъ которымъ появился уродливой двѣнадцатиголовой драконъ. Каждая семья должна была отдавать чудовищу на съѣденіе по одной дѣвѣ; теперь выпалъ жребій на прекрасную царевну, и несчастную жертву уже повели за городскія ворота. Пéтру купилъ двѣнадцать стрѣлъ и пошелъ смотрѣть на проводы царевны; чѣмъ ближе подходили къ дракону, тѣмъ меньше становилась сопровождавшая ее толпа; наконецъ разбѣжались всѣ и оставили ее одну. Царевна рыдала. Пéтру подошелъ къ ней, сталъ утѣшать, и его слова были такъ убѣдительны, что она перестала думать о близкой опасности. Пéтру прилёгъ къ ней на колѣна, просилъ расчесать ему волосы, и прибавилъ, чтобъ она не трогала его сумки; задремалъ и заснулъ. Вскорѣ увидѣла царевна, что драконъ приближается; его страшный видъ такъ устрашилъ бѣдную, что слова замерли на ея устахъ; только одна горячая слеза скатилась съ

ея щеки на лицо витязя, и онъ проснулся [1]). Въ эту минуту, вынимая свою руку изъ сумки, куда она опустила ее въ забывчивости, царевна незамѣтно выронила одну изъ двѣнадцати стрѣлъ. Пéтру сшибъ дракону своими стрѣлами одиннадцать головъ; драконъ страшно озлобился и грозилъ нападеніемъ. Одной стрѣлы не доставало; Пéтру взялъ у царевны булавку и ею поразилъ послѣднюю голову чудовища. Послѣ того отрѣзалъ онъ двѣнадцать драконовыхъ языковъ, положилъ ихъ въ свою сумку, и утомленный лёгъ спать. Пришелъ цыганъ, отрубилъ храброму витязю голову, взялъ съ собою царевну и выдалъ себя ея избавителемъ. Лисичка, медвѣжонокъ и волчонокъ стали думать, какъ-бы помочь своему погибшему господину; двое остались стеречь трупъ, а лисичка пошла добывать цѣлебнаго средства и по дорогѣ встрѣтила змѣю, которая несла во рту какую-то траву. «Что это за трава?» — Это чудесная трава; съ ея помощію хочу я приставить моему дѣтёнышу отрубленную голову. «Дай посмотрѣть!» сказала лисичка, взяла траву и унесла съ собой. Звѣри приставили голову своего господина къ туловищу и заживили рану; но трупъ все еще оставался безжизненнымъ. Тогда пошелъ волчонокъ; онъ встрѣтилъ старуху съ кружкою воды. «Что ты несешь?» — Живую воду. Волчонокъ выхватилъ кружку и принесъ къ своимъ товарищамъ. Опрысканный живою водою, Пéтру проснулся къ жизни, явился съ вѣрными животными ко двору, гдѣ готовилось свадебное торжество царевны съ цыганомъ. Тутъ все открылось. Пéтру женился на царевнѣ, а цыгана бросили

[1]) Сличи съ стихомъ о Елизаветѣ Прекрасной (Чтенія общ. истор. и древн. россійск., годъ 3, № 9, стр. 155—8) и сказаніемъ о Михаилѣ-воинѣ (Извѣстія II-го отдѣл. Академ. наукъ, т. VIII, стр. 153—4). Народныя сказанія, основанныя на древнѣйшихъ языческихъ преданіяхъ о борьбѣ богатыря съ змѣемъ, въ эпоху послѣдующую послужили источникомъ, изъ котораго создались поэтическія народныя легенды о Егоріи Храбромъ и Михаилѣ-воинѣ.

въ бочку, убитую гвоздями, и скатили съ высокой горы. Смотри также напечатанную въ изданіи «Der Pentamerone» сказку подъ заглавіемъ: «Купецъ» (ч. I, № 7).

Въ валахской сказкѣ: «Чудный царевичъ» (№ 1) повѣствуется о похищеніи царевенъ драконами. Былъ царь и царица; у нихъ было три дочери необыкновенной красоты. Разъ онѣ гуляли, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, прилетѣлъ могучій драконъ (Nebeldrache) и похитилъ старшую сестру; послѣ были увлечены и двѣ другія царевны. Чрезъ нѣсколько времени царица родила крѣпкаго и здороваго мальчика. Однажды какъ-то сидѣла она у воротъ зàмка, кормила грудью своего ребенка, а на глазахъ ея блистали слезы. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ребенокъ. Мать обтерла свои глаза и ничего не отвѣчала. Мальчикъ укусилъ ее за грудь и грозилъ еще больнѣе искусать, если она не скажетъ причины своей горести. Царица разсказала ему о сестрахъ, похищенныхъ драконами. Мальчикъ въ скоромъ времени возмужалъ, сдѣлался сильнымъ, потребовалъ себѣ оружія и отправился въ путь освобождать своихъ сестеръ. Онъ пришелъ въ большой лѣсъ къ зàмку, въ которомъ была заключена старшая царевна; увидѣлся съ нею и сказалъ, что явился освободить ее изъ неволи. «Ахъ, если придетъ драконъ, отвѣчала царевна, онъ тебя разорветъ!» — Нѣтъ ли какого знака, по которому бы можно было узнать, что драконъ приближается къ дому? «Есть; за сто шаговъ онъ бросаетъ въ дверь свою палицу съ такою силою, что дверь растворяется и палица упадаетъ къ моимъ ногамъ.» Только промолвила она, какъ послышался гулъ, и сквозь двери влетѣла къ ногамъ царевны палица. Царевичъ поднялъ эту палицу и пустилъ ее на встрѣчу дракона, прямо ему въ лобъ; великанъ упалъ мертвой, а палица отлетѣла еще на сто шаговъ дальше. Такимъ-же образомъ были освобождены и двѣ другія сестры, которыя были заключены въ зàм-

ныхъ еще сильнѣйшихъ драконовъ; о послѣднемъ драконѣ сказка замѣчаетъ, что онъ дышалъ огнемъ. Съ этою сказкою сходна сербская: «Стојша и Младен» (Српске народне приповиjетке, № 5), въ которой говорится о лютыхъ огненныхъ и летучихъ змѣяхъ [1]).

Еще нѣсколько замѣчаній: a) въ сказкѣ объ «Иванѣ-царевичѣ и Мареѣ-царевнѣ» мужичокъ-руки желѣзны, голова чугунна, самъ мѣдной, заставляетъ царевича три раза испивать чару вина, и тотъ получаетъ столь громадную силу что можетъ кидать камнемъ въ полторы тысячи пудовъ (см. примѣчаніе къ № 12 въ первомъ выпускѣ сказокъ). Царевичъ дѣлается мощнымъ настолько, что уже ни лошадь не можетъ поднять силача, ни крыльцо дома, ни обычное сидѣнье. Таково тяжелое, матеріальное представленіе силы, свойственное грубому пониманію неразвитыхъ народовъ; оно принадлежитъ давнему времени. Подобное-же представленіе силы находимъ и въ сказкѣ: «Иванъ Пóпяловъ» (№ 30 настоящаго выпуска). Этотъ богатырь, стараясь выбрать себѣ орудіе по рукѣ, пробуетъ *куцабу* въ пять, десять и пятнадцать пудовъ о свой собственной лобъ; первыя двѣ куцабы разбились на части. (Сличи съ сербскою сказкою: «Мећедовић» — № 1.) b) Въ сказкѣ: «Фролка-сидень» любопытно окончаніе, такъ часто встрѣчающееся въ различныхъ народныхъ разсказахъ. Фролка долженъ получить въ награду шапку денегъ; онъ подставляетъ шапку съ дырою. (См. литовскую сказку о мудромъ Убуртисѣ и чортѣ въ Сынѣ Отеч. 1839 г., т. VIII, стр. 22—25, и въ Иллюстраціи, годъ 2-й, № 27; украинское преданіе: «Договоръ съ бѣсомъ» въ Повѣст. и предан. народовъ славян.

[1]) См. стихъ «про змѣю въ Рахлейскомъ царствѣ» (Прибавл. къ Извѣстіямъ Акад. наукъ по 2-му отдѣленію, т. IV, стр. 393—6); Zeitschrift für Deutsche Mythologie, т. II, вып. 2, стр. 165—7; Kinder- und Hausmärchen, т. II, стр. 404.

племени, стр. 66—70; Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 195, и Zeitschrift Вольфа, т. II, вып. 2, стр. 147.)

23.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

Эта сказка составляетъ общее достояніе индоевропейскихъ народовъ. Судя по тому, что она распространена между различными племенами въ весьма близкихъ и сходныхъ редакціяхъ, и принимая въ разсчетъ повѣрье, которое легло въ основу ея, нельзя не признать за этою сказкою глубокой давности. Въ собраніи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ находимъ: а) «Der Froschkönig oder eiserne Heinrich» (т. I, № 1): въ этой сказкѣ превращеніе королевича въ лягушку приписано чарамъ злой вѣдьмы, тогда какъ въ напечатанной нами русской сказкѣ царевна-лягушка сама названа «хитрою», т. е. колдуньею; ей самой доступны чары: махнетъ рукою — станутъ лѣса и воды, махнетъ другою—явятся птицы, захочетъ—обернется веретеномъ; b) «Die drei Federn» (т. I, № 63): здѣсь, вмѣсто лягушки, является невѣста-*жаба* [1]); с) «Hans mein Igel» (т. II, № 108) и d) «Das Eselein» (т. II, № 144): въ этихъ сказкахъ мѣсто лягушки заступаютъ *ёжъ* и *оселъ*. Въ сербской сказкѣ: «Змиjа младожења» (№ 9 и 10) и въ изданіи Der Pentamerone (ч. I, № 15) ту-же роль играетъ *змѣя*; преданіе о дѣвицѣ-змѣѣ занесено въ романъ «Мелюзина» (Соврем. 1854 г., № 12, стр. 78, статья Пыпина). Въ другой сербской сказкѣ говорится о царевнѣ-корнячѣ (*черепахѣ*—см. Матеріалы для изученія народн. словесн., стр. 22—24) Въ «Повѣ-

---

[1]) См. также Zeitschrift Вольфа, т. 2, вып. 4, стр. 364—7.

стахъ и преданіяхъ народовъ славянскаго племени» напечатана сказка о королевнѣ-*жабѣ*; въ нѣкоторыхъ разсказахъ эта королевна представляется *обезьяною* (стр. 97, 180); въ изданіи Lud Ukraiński (т. I, стр. 293—9) выведенъ зачарованный королевичъ-*ракъ*; смотри еще въ Запискахъ о южн. Руси (т. II, стр. 14—16) сказку объ *ужѣ* и царевнѣ и въ сборникѣ Эрленвейна (№ 2) сказку объ *ужакѣ*.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено двѣ разныхъ редакціи сказки о царевнѣ-лягушкѣ; есть еще третья редакція, хотя изданная и въ подновленномъ разсказѣ, но любопытная по нѣкоторымъ подробностямъ, совершенно согласнымъ съ народными повѣрьями [1]). Передаемъ ее въ сокращенномъ видѣ:

СКАЗКА О ЛЯГУШКѢ И БОГАТЫРѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ король: у него было три сына. Разъ онъ призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ: «любезные дѣти! вы теперь на возрастѣ, время вамъ подумать о невѣстахъ. Сдѣлайте себѣ по стрѣлкѣ, ступайте въ заповѣдные луга и выстрѣлите въ разныя стороны. Въ какой домъ попадетъ чья стрѣла, въ томъ и возьметъ себѣ невѣсту.» Королевичи сдѣлали себѣ по стрѣлкѣ, вышли въ заповѣдные луга и выстрѣлили: большой братъ въ правую сторону, середній въ лѣвую, а меньшой, что̀ назывался Иванъ-богатырь, пустилъ свою стрѣлу прямо. Послѣ того пошли они въ разныя стороны искать свои стрѣлки. Большой братъ нашелъ свою стрѣлку у министра, а середній у генерала; королевичи и поженились на ихъ дочерахъ-красавицахъ. А Иванъ-богатырь долго не могъ найдти своей стрѣлки и былъ весь-

---

[1]) Издана въ Москвѣ 1847 г.

ма печаленъ; цѣлые два дня ходилъ онъ по лѣсамъ и не горамъ, а на третій день зашелъ въ болото и увидалъ большую лягушку, которая держала во рту пущенную имъ стрѣлу. Иванъ-богатырь хотѣлъ было бѣжать и отступиться отъ своей находки; но лягушка закричала: «ква-ква, Иванъ-богатырь! поди ко мнѣ, возьми свою стрѣлу; ни то вѣчно не выйдешь изъ болота.» Промолвивъ эти слова, лягушка перекувырнулась — и въ ту-жъ минуту явилась раскрашенная бесѣдка; Иванъ-богатырь вошелъ въ бесѣдку. «Я знаю, сказала лягушка, что ты третій день ничего не ѣлъ; не хочешь ли поѣсть?» Тутъ лягушка снова перекувырнулась — и тотчасъ явился столъ со всякимъ кушаньемъ и напитками. Иванъ-богатырь сѣлъ за столъ, наѣлся, напился. «Слушай, сказала ему лягушка, стрѣла твоя попала ко мнѣ, ты долженъ взять меня замужъ; а не возьмешь за себя—не выйдешь изъ этого болота!» Иванъ-богатырь опечалился и не зналъ что̀ дѣлать: подумалъ и взялъ съ собой лягушку, и принесъ ее въ свое государство. Братья и невѣстки стали надъ нимъ смѣяться. Наступилъ день, въ которой Иванъ-богатырь долженъ былъ жениться; онъ поѣхалъ въ каретѣ, а лягушку понесли во дворецъ на золотомъ блюдѣ. Когда настала ночь и женихъ съ невѣстою пошли въ свои комнаты, лягушка сняла съ себя лягушечью кожурину и сдѣлалась красавицею; а днемъ опять стала лягушкою. Иванъ-богатырь жилъ съ нею благополучно и счастливо. Чрезъ нѣсколько времени приказалъ какъ-то король призвать къ себѣ сыновей, и сказалъ имъ: «любезные дѣти! вы теперь всѣ трое женаты; желалось бы мнѣ износить отъ вашихъ женъ, а моихъ невѣстокъ, по рубашкѣ.» Далъ имъ по куску полотна и говорилъ, чтобы рубашки поспѣли къ завтраму. Большіе братья принесли полотно къ своимъ женамъ; а тѣ стали кликать нянюшекъ, мамушекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ, чтобъ помогли имъ сшить по рубашкѣ. Тотчасъ нянюшки ихъ

и мамушки прибѣжали и принялись за работу; которая кроила, которая шила. Межъ тѣмъ послали невѣстки дѣвку-чернавку посмотрѣть, какъ лягушка станетъ шить рубашку. И какъ дѣвка-чернавка пришла къ Ивану-богатырю въ комнаты, въ то время принесъ онъ полотно и съ опечаленнымъ видомъ положилъ его на столъ. «Что ты, Иванъ-богатырь, такъ печаленъ?» говорила лягушка. А онъ ей отвѣчалъ: «какъ мнѣ не печалиться? батюшка приказалъ изъ этого полотна сшить себѣ къ завтраму рубашку.» — Не плачь, не тужи, сказала лягушка; ложись да засни, утро вечера мудренѣе — все будетъ исправно! Схватила ножницы, изрѣзала все полотно на мелкіе лоскутки, потомъ отворила окно, бросила ихъ на вѣтеръ и сказала: «буйные вѣтры! разнесите лоскуточки и сшейте свекору рубашку.» Дѣвка-чернавка пошла и разсказала королевнамъ, что лягушка все полотно изрѣзала на маленькіе лоскуточки и кинула за окошко. Онѣ смѣялись надъ лягушкою и говорили: «что-то завтра принесетъ ея мужъ къ королю!» На другой день Иванъ-богатырь проснулся, лягушка подала ему сорочку: «вотъ, любезный Иванъ-богатырь! отнеси-ка эту сорочку своему батюшкѣ.» Иванъ-богатырь взялъ сорочку и понесъ къ своему отцу; принесли свои сорочки и старшіе братья. Сперва поднесъ королю большой братъ; король посмотрѣлъ и сказалъ: «эта рубашка сшита такъ, какъ обыкновенно шьютъ.» Посмотрѣлъ у другаго сына и сказалъ, что и эта рубашка сшита не лучше. А какъ подалъ ему меньшой сынъ сорочку, то король не могъ довольно надивиться; въ сорочкѣ нельзя было примѣтить ни одного шва, и сказалъ: «эту рубашку подавайте мнѣ въ самые большіе праздники.» Въ другой разъ призвалъ король сыновей и говорилъ имъ: «любезные дѣти! мнѣ хочется знать, умѣютъ ли ваши жены шить золотомъ и серебромъ; возьмите себѣ шолку, серебра и золота, и чтобы къ завтраму было сдѣлано по ковру.» Жены старшихъ королевичей

начали кликать нянюшекъ, мамушекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ, чтобъ пособили имъ вышивать ковры. Тотчасъ нянюшки, мамушки и сѣнныя красныя дѣвушки пришли и начали вышивать ковры — кто серебромъ, кто золотомъ, а кто шолкомъ. Дѣвку-чернавку опять послали посмотрѣть, что станетъ дѣлать лягушка. Иванъ-богатырь принесъ къ себѣ золото, серебро и шолкъ, и былъ весьма печаленъ. Лягушка, сидя на стулѣ, говорила: «ква, ква, ква! что ты, Иванъ-богатырь, такъ запечалился?»—Какъ мнѣ не печалиться? отвѣчалъ онъ, батюшка велѣлъ къ завтраму вышить изъ этого серебра, золота и шолку ковёръ. «Не плачь и не тужи, сказала лягушка; ложись-ка спать, утро вечера мудренѣе!»—а сама взяла ножницы, весь шолкъ изрѣзала, серебро и золото изорвала, бросила за окошко и сказала: «буйные вѣтры! принесите тотъ ковёръ, которымъ мой батюшка окошки закрывалъ.» Невѣстки, выслушавъ все это отъ дѣвки-чернавки, вздумали и сами такъ сдѣлать. Долго ожидали онѣ, но видя, что вѣтры ковровъ имъ не приносятъ, послали купить серебра, золота и шолку, и стали вышивать ковры по прежнему. Поутру, какъ только всталъ Иванъ-богатырь, лягушка подала ему ковёръ. Вотъ всѣ три брата принесли свои ковры къ отцу; онъ взялъ прежде отъ старшаго, посмотрѣлъ и промолвилъ: «этотъ ковёръ годится отъ дождя лошадей покрывать.» Посмотрѣлъ у середняго и сказалъ: «этотъ ковёръ можно въ передней комнатѣ постилать, чтобъ обтирали объ него ноги.» Потомъ принялъ ковёръ отъ меньшаго сына, вздивовался и сказалъ: «а этотъ ковёръ въ самые торжественные дни постилать ко мнѣ на столъ.» Ковёръ Ивана-богатыря приказано спрятать и беречь, а другимъ сыновьямъ отдалъ король ковры назадъ. «Отнесите ихъ, сказалъ король, къ своимъ женамъ и скажите, чтобъ берегли для себя!» Въ третій разъ говорилъ король своимъ сыновьямъ: «теперь, любезные дѣти, хочу я имѣть по хлѣбу, испеченному

руками вашихъ женъ.» Какъ услышали о томъ отъ своихъ мужей королевны, онѣ тотчасъ послали дѣвку-чернавку посмотрѣть, какъ будетъ дѣлать лягушка. Въ то время Иванъ-богатырь пришелъ въ свои комнаты весьма печаленъ. «Ква, ква, ква! что ты запечалился?» спросила его лягушка.—Какъ мнѣ не печалиться? батюшка приказалъ, чтобъ ты испекла хлѣбъ. «Не плачь, не тужи, все сдѣлаю!»—и велѣла принести квашню, муки и воды; всыпала муку въ квашню, влила воду, растворила растворъ, вылила въ холодную печь и заслонила заслонкой, и сказала: «испекись хлѣбъ чистъ, рыхлъ и бѣлъ какъ снѣгъ!» Дѣвка-чернавка воротилась къ невѣсткамъ и сказала: «не знаю, за что король такъ хвалитъ лягушку; она ничего не умѣетъ дѣлать!» Выслушавъ все, невѣстки вздумали и сами также сдѣлать, какъ лягушка, растворили муку на холодной водѣ и вылили въ холодныя печи; но видя, что растворы ихъ расплылись, онѣ приказали принесть еще муки, замѣсили свои хлѣбы на горячей водѣ и посадили въ топленныя печи. Онѣ боялись не поспѣть, и такъ спѣшили, что у одной хлѣбъ пригорѣлъ, а у другой вышелъ совсѣмъ сырой; лягушка-же вынула свой хлѣбъ изъ печи и чистъ, и рыхлъ, и бѣлъ какъ снѣгъ. Пришли братья къ отцу и принесли свои хлѣбы. Король принялъ отъ большаго сына хлѣбъ, посмотрѣлъ и сказалъ; «такой хлѣбъ можно ѣсть только отъ нужды!» Принялъ отъ середняго сына и промолвилъ: «этотъ хлѣбъ не лучше!» Потомъ взялъ отъ меньшаго сына и велѣлъ, чтобы этотъ хлѣбъ подавали ему за столъ, когда будутъ у него гости. «Любезные дѣти! продолжалъ король, жены ваши сдѣлали для меня все, что я приказывалъ, и потому прошу васъ вмѣстѣ съ женами пріѣхать завтра во дворецъ на обѣдъ.» Королевичи пошли къ женамъ. Иванъ-богатырь очень печалился и думалъ: какъ повезу я съ собой лягушку? А лягушка, сидя на стулѣ, спрашиваетъ: «ква, ква, ква! о чемъ, Иванъ-богатырь, ты такъ

запечалился?» Иванъ-богатырь отвѣчалъ: «какъ мнѣ не печалиться? батюшка приказалъ всѣмъ намъ завтрашній день пріѣхать къ нему во дворецъ съ женами; какъ я тебя повезу?»—Не плачь, не тужи, сказала лягушка; утро вечера мудренѣе, ложись да спи! На другой день Иванъ-богатырь собрался и поѣхалъ во дворецъ; а невѣстки послали опять дѣвку-чернавку смотрѣть: въ чемъ поѣдетъ лягушка? Въ то время лягушка открыла окно и кликнула громкимъ голосомъ: «охъ вы, буйные вѣтры! полетите въ мое государство и скажите, чтобъ пріѣхала богатая карета, со всѣмъ приборомъ, съ лакеями, гайдуками, скороходами и вершниками.» Послѣ того она хлопнула окошкомъ и сѣла на стулъ. Всѣ ужь съѣхались во дворецъ, дожидались только лягушки—и вдругъ увидѣли, что бѣгутъ скороходы, скачутъ вершники и ѣдетъ пребогатая карета. Король подумалъ, что ѣдетъ къ нему какой-нибудь иной король или королевичъ, и пошелъ встрѣчать. «Не трудитесь, батюшка! говоритъ Иванъ-богатырь, это знать моя лягушонка тащится въ коробчонкѣ.» Подъѣхала карета, и вышла изъ нея жена Ивана-богатыря такою красавицей, что всѣ дивиться стали. Сѣли за столъ; лягушка чего не допьётъ, то за рукавъ льётъ, а кости за другой кладётъ. Другія невѣстки увидали и стали тоже дѣлать: чего не допивали, то за рукавъ лили; чего не доѣдали, то за другой клали. Какъ встали изъ-за стола, заиграла музыка, и лягушка пошла танцовать: махнула однимъ рукавомъ — вдругъ на аршинъ высоты стала вода, махнула другимъ рукавомъ—поплыли по водѣ гуси и лебеди, что видя всѣ не могли надивиться ея хитрости; а какъ перестала она танцовать — все исчезло: и вода, и гуси, и лебеди. Тогда пошли танцовать другія невѣстки, и какъ махнули своими рукавами—то всѣхъ облили, обрызгали и костями чуть глазъ ни выбили! Тутъ Иванъ-богатырь пошелъ домой, схватилъ лягушечью кожу и тотчасъ сжогъ ее. Пріѣхала его жена и броси-

лась искать своей кожурники, не нашла и говоритъ: «ну, Иванъ-богатырь! коли ты не могъ потерпѣть малое время, то ищи теперь меня за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ, и знай, что зовутъ меня Василиса Премудрая.» Сказала и въ мигъ исчезла. Иванъ-богатырь заплакалъ неутѣшно и пошелъ искать Василису Премудрую: шелъ онъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается да нескоро дѣло дѣлается, и пришелъ къ избушкѣ, которая стояла на курьихъ ножкахъ и сама повертывалась. Иванъ-богатырь сказалъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!» и по его рѣчамъ избушка остановилась. Иванъ-богатырь вошелъ въ избушку, и увидѣлъ, что въ переднемъ углу сидѣла баба-яга; говоритъ она сердитымъ голосомъ: «доселева русскаго духу слыхомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а нынѣча русской духъ въ очахъ проявляется! Что ты, Иванъ-богатырь, волею али неволею?» Иванъ-богатырь отвѣчалъ, что сколько волею, а вдвое того неволею, и разсказалъ все, какъ было. «Жаль мнѣ тебя, сказала баба-яга; изволь, я тебѣ услужу, покажу тебѣ Василису Премудрую: она каждый день прилетаетъ ко мнѣ отдыхать. Какъ прилетитъ она, ты старайся поймать ее за голову, и какъ поймаешь — она начнетъ превращаться лягушкой, жабой, змѣею и прочими гадами, а послѣ всего превратится въ стрѣлу. Ты возьми эту стрѣлу и переломи надвое: тогда она будетъ вѣчно твоя. Только смотри, какъ поймаешь свою жену — не выпускай ее!» Потомъ баба-яга спрятала королевича, и только успѣла его спрятать, какъ прилетѣла Василиса Премудрая. Иванъ-богатырь подошелъ къ ней тихонько и схватилъ ее за голову; она стала оборачиваться лягушкою, жабою и наконецъ змѣею. Иванъ-богатырь испугался и опустилъ руку; Василиса Премудрая въ ту-жъ минуту пропала. А баба-яга сказала ему: «когда не умѣлъ ты удержать, то больше никогда

не увидишь ее здѣсь; а коли хочешь, ступай къ моей сестрѣ; къ ней Василиса Премудрая также летаетъ отдыхать.» Иванъ-богатырь отправился къ другой бабѣ-ягѣ, и тутъ не удержалъ онъ Василисы Премудрой; пошелъ онъ къ третьей сестрѣ, бабѣ-ягѣ. «Если теперь упустишь Василису Премудрую, сказала она, то ужь больше никогда ея не найдешь.» Какъ ни оборачивалась Василиса Премудрая, Иванъ-богатырь не выпускалъ ее изъ рукъ; наконецъ оборотилась она стрѣлою, Иванъ-богатырь взялъ стрѣлу и переломилъ надвое. Въ ту-жъ минуту явилась передъ нимъ Василиса Премудрая и сказала: «ну, Иванъ-богатырь, теперь отдаюсь я въ твою волю!» Баба-яга подарила имъ ковёръ-самолётъ, и они полетѣли на коврѣ-самолётѣ въ свое государство; черезъ три дня на четвертой опустился ковёръ прямо во дворецъ. Король встрѣтилъ своего сына и невѣстку въ великою радостію, сдѣлалъ большой пиръ, а послѣ сдѣлалъ вмѣсто себя королемъ Ивана-богатыря.

Ковёръ-самолётъ упоминается во многихъ сказкахъ, и со всѣми другими сказочными диковинками принадлежитъ къ таинственнымъ силамъ чародѣйства: см. Повѣсти и преданія народ. слав. племени, стр. 112—6; валахская сказка, № 19, говоритъ о плащѣ, который мгновенно переноситъ въ какое только пожелаешь мѣсто; а въ Kinder- und Hausmärchen (т. II, № 122, 193) встрѣчаемъ сѣдло съ такимъ-же чуднымъ свойствомъ и wunschmantel. Три встрѣчи странствующаго королевича съ бабою-ягой и ея сестрами составляютъ самый обыкновенный и часто повторяющійся въ народныхъ сказкахъ эпическій пріемъ (см. помѣщенную въ этомъ вып. сказку, № 27; Norwegisch. Märchen, ч. II, № 11; Zeitschrift Вольфа, т. I, вып. 3, стр. 310; Српске нар. приповиjетке, № 19, и во мног. другихъ).

Въ напечатанной нами сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ подъ литерою b говорится о желѣзныхъ сапогахъ, которые надо изно-

сить, и трехъ желѣзныхъ просфирахъ, которыя надо изглодать—прежде, нежели суждено герою найдти свою скрывшуюся царевну. Подобный эпическій пріемъ встрѣчаемъ въ сербской сказкѣ, № 10, и въ нѣкоторыхъ легендахъ. Въ одной сагѣ (Ragnars Lodbrókar) спрашиваютъ пилигрима: далёко ли до Рима?—Вотъ, отвѣчалъ онъ, желѣзные башмаки у меня на ногахъ и они ужь худы, а другіе за спиной: тѣ и совсѣмъ истерлись; а какъ пошелъ я въ Римъ, обѣ пары были новёшеньки. —Есть еще старинное нѣмецкое преданіе о чортѣ, который тащитъ цѣлой шестъ съ навязанными башмаками: всѣ эти башмаки износилъ онъ на службѣ у человѣка (Архивъ историко-юридич. свѣдѣн. о Россіи, кн. II, половина 2, статья Буслаева, стр. 173—4). Окончаніе сказки о царевнѣ-лягушкѣ (подъ литерою b) сходно съ разсказомъ о Кощеѣ Безсмертномъ (№ 24 настоящаго выпуска); ломаніе веретена съ цѣлію возвратить очарованной царевнѣ ея человѣческой видъ, встрѣчается и въ другой сказкѣ (вып. VI, № 55).

24.

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНОЙ.

Слово *кощей* попадается и въ лѣтописяхъ, и въ Словѣ о полку; не смотря однако на замѣчанія, сдѣланныя Карамзинымъ (Исторія государства росс., т. II, примѣчан. 420) и Дубенскимъ (въ примѣчаніяхъ къ Слову о полку, см. Рус. достопамятн., т. III), тѣ немногія мѣста памятниковъ, въ которыхъ встрѣчается это слово, до сихъ поръ еще не поясенены должнымъ образомъ. Безсмертнымъ называетъ народная сказка Кощея потому, что жизненная сила его сокрыта въ странѣ и далекой, и таинственной, и нужны необычайныя усилія и труды,

чтобы достать то *яйцо*, въ которомъ заключена эта сила. Не стóитъ только добыть чудесное яйцо и сжать его въ рукѣ, какъ тотчасъ-же Кощей начинаетъ чувствовать страшную боль; стóитъ только разбить это яйцо—и Кощей мгновенно умираетъ (см. примѣчанія въ 1-мъ выпускѣ, № 14, и въ VII-мъ вып. № 6; сличи конецъ сказки о царевнѣ-лягушкѣ въ этомъ выпускѣ, № 23, b). Добывается кощеево яйцо не иначе, какъ съ помощію животныхъ: волка (или медвѣдя), сокола, рака и щуки [1]).

Любопытно слѣдующее повѣрье, занесенное въ сказку о Кощеѣ. Пускаясь въ путь, Иванъ-царевичъ наточилъ изъ мизинца въ стаканъ *крови*, отдалъ стаканъ братьямъ и сказалъ: «если кровь почернѣетъ, не ждите меня: это знакъ, что я ўмеръ!» Сходно съ этимъ, такое-же загадочное значеніе придано въ сербской сказкѣ водѣ; разставаясь съ домомъ, обращается сказочный герой къ брату съ этими словами: «брате с Богом! ја пођох главом по свијету, чувај кућу и ради о користи, оца поштуј; и ево ти ова бочица пунана воде, држи је при себи, а кад видиш да ти се вода у њој замути, знади ондар да сам ти погинуо.» (Српске народн. припов. стр. 147 — 8.) Въ малорусской сказкѣ (№ 30 этого вып.) Иванъ Пóпяловъ, отправляясь на трудный подвигъ, повѣсилъ свои рукавицы и сказалъ братьямъ: «коли изъ рукавицъ потечетъ кровь, то приходите ко мнѣ на помощь!» Такимъ образомъ кровь служитъ здѣсь вѣщимъ указаніемъ судьбы отсутствующаго героя. Повѣрье это встрѣчаемъ и въ финской поэмѣ «Калевала». Лемминкяйненъ (разсказывается въ поэмѣ) повѣсилъ на стѣну щетку и сказалъ: «когда потечетъ изъ щетки кровь — это будетъ знáкомъ моей гибели!» Каждое утро и каждый вечеръ

---

[1]) См. Kinder-und Hausmärchen, т. I, стр. 365, 397; т. II, стр. 105, 128; Српске народне припов., № 4 (сказка, сходная съ русскою о Федорѣ Тугаринѣ), и сказку о Иванѣ-купеческомъ сынѣ (М., 1847).

приходила его подруга и разсматривала щетку, и когда однажды былъ примѣченъ таинственный знакъ: кровь струилась съ оставленной Лемминкяйненомъ щетки,—она поспѣшила съ этой печальною вѣстью къ его матери. Зарыдала несчастная мать и быстро понеслась на крыльяхъ жаворонка въ Похьёлу, распрашивая по дорогѣ у Солнца и Мѣсяца о судьбѣ своего сына (Главн. черты изъ древн. финской поэмы, Морица Эмана). Капли крови въ народныхъ сказаніяхъ получаютъ даже даръ слова. Вотъ любопытное указаніе, встрѣчаемое въ норвежской сказкѣ (ч. II, № 16): великанъ приказалъ убить королевича и сварить себѣ къ обѣду, а самъ растянулся и заснулъ. Но у великана томилась въ неволѣ дѣвица, которая и спасаетъ королевича; она взяла ножъ, обрѣзала ему палецъ и выпустила на скамью три капли крови. Потомъ собрали они старыя лохмотья, подошвы и всякую дрянь и набросали въ котёлъ, а сами убѣжали. Великанъ спалъ доброе время; наконецъ проснулся и спросилъ: «готово ли кушанье?»—Только началось вариться, отвѣчала первая капля. Великанъ лежалъ-лежалъ, опять заснулъ и спалъ еще доброе время; но вотъ проснулся и опять спрашиваетъ: «готово ли?»—Вполовину готово, отвѣчала вторая капля. Повернулся великанъ на другой бокъ и снова заснулъ, и когда проснулся — еще разъ спросилъ: «а теперь готово?» — Готово, сказала третья капля. Онъ всталъ, подошелъ къ котлу, попробовалъ, и раздраженный обманомъ пустился въ догонь за бѣглецами (сличи съ № 89 во II-мъ томѣ «Kinder- und Hausmärchen»).

Конецъ сказки о Кощеѣ сходенъ съ окончаніемъ сказокъ о трехъ царствахъ и о звѣрѣ Норкѣ (№5 и 6 перваго выпуска): тотъ-же злобный обманъ старшихъ братьевъ и та-же заботливость невѣсты замедлить день брака съ немилымъ, въ ожиданіи своего суженаго; но вмѣсто птицы, которая выноситъ на

Русь героя въ сказкѣ: «Норка-звѣрь», здѣсь народная фантазія создаетъ чудесный *перстень*: только Иванъ-царевичъ метнулъ этотъ перстень съ руки на руку, какъ въ тоже мгновеніе предстали передъ нимъ двѣнадцать молодцовъ и снесли его съ высокой горы (сличи съ лубочною сказкою о трехъ царствахъ: мѣдномъ, серебреномъ и золотомъ). Въ нѣмецкихъ сказкахъ упоминается wunschring — кольцо, которое стóитъ только надѣть на палецъ, и оно перенесетъ васъ — куда угодно (Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 92, 193). [1])

Сказка о Кощеѣ Безсмертномъ, разумѣется съ обыкновенными искаженіями въ языкѣ, вошла въ изданіе: «Дѣдушкины прогулки, содержащія въ себѣ десять русскихъ сказокъ» (М., 1819 г.) — подъ заглавіемъ: «О весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ-самогудахъ». Здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя особенности. Королевичъ собирается ѣхать за тридевять земель въ тридесятое государство, въ царство Кощея Безсмертнаго, добывать гусли-самогуды, которыя такъ сладко играютъ, что̀ и цѣны имъ нѣтъ. Выходитъ онъ изъ палатушекъ бѣлокаменныхъ и входитъ въ конюшню царскую, выводитъ своего добраго коня богатырскаго, надѣваетъ на него сѣдельце черкасское и подтягиваетъ подпругу шолку шемаханскаго; съѣзжаетъ съ широкаго двора и ѣдетъ въ путь-дорогу. Ѣхалъ, ѣхалъ, и увидѣлъ онъ старенькую избушку. Стоитъ избушка къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ. Королевичъ подъѣхалъ и вскричалъ богатырскимъ голосомъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась къ нему передомъ; королевичъ слѣзъ съ своего добраго коня и вошелъ въ избушку, а въ ней сидитъ

---

[1]) Въ сказкѣ объ Иванѣ-купеческомъ сынѣ (М., 1847, стр. 15 и далѣе) *слуги перстня* исполняютъ всѣ трудныя приказанія того, кто владѣетъ перстнемъ: строятъ дворецъ, хрустальной мостъ и добываютъ разные драгоцѣнные камни.

на полу баба-яга и прядётъ лёнъ: голова въ углу, а ноги въ потолокъ уперла. Баба-яга закричала страшнымъ голосомъ: «фу, фу, фу! какъ доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, а нынче русской духъ въ очью совершается. Зачѣмъ ты, доброй молодецъ, сюда заѣхалъ, волею али неволею? Вѣдь сюда и птицы не залетываетъ, и мимо моей избушки никогда ни звѣрь не прорыскивалъ, ни богатырь не проѣзживалъ; а тебя какъ сюда Богъ занёсъ?» — Ахъ ты, глупая, старая баба! сказалъ королевичъ, ты прежде накорми и напой меня добраго молодца, да тогда и спрашивай. Яга-баба тотчасъ накормила - напоила королевича, въ банькѣ выпарила, буйну головку вычесала, постелю ему приготовила, и начала опять выспрашивать: «скажи, доброй молодецъ, куда путь свой держишь, въ которую сторонушку, и ѣдешь своею волею али неволею?» Отвѣчалъ ей королевичъ: «сколько волею, а вдвое неволею, ѣду я за тридевять земель въ тридесятое государство, въ царство Кощея Безсмертнаго, доставать гусли-самогуды.» — Го, го, го! молвила яга-баба, трудно достать тѣ гусли; молись-ка Богу да ложись спать, утро вечера мудренѣе. Королевичъ лёгъ спать; воутріе яга-баба пробудилась рано, встала и начала будить: «вставай, королевичъ! пора тебѣ доброму молодцу въ путь ѣхать.» Королевичъ всталъ, одѣлся, умылся, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, и началъ съ ягою-бабою прощаться. «Что-жъ ты, доброй молодецъ! говоритъ яга-баба, въ путь ѣдешь, а меня старую бабу не спрашиваешь, какъ тебѣ достать гусли-самогуды? Пріѣдешь ты въ царство Кощея Безсмертнаго—возлѣ его палатушекъ позолоченныхъ есть зеленой садъ, и въ томъ саду будетъ прогуливаться красная дѣвица, царская дочь; ужь шестой годъ какъ унесена она Кощеемъ. Ты перескочи въ садъ черезъ стѣну, и она тебѣ скажетъ, какъ достать гусли-самогуды.» Королевичъ сѣлъ на своего добраго коня, поѣхалъ въ

путь, и ѣхалъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — и прiѣхалъ къ палатушкамъ позолоченнымъ Кощея Безсмертнаго; тутъ онъ остановился и чуть было не заслушался гуслей-самогудовъ: такъ хорошо гусли играли, что̀ всякой заслушается до̀ смерти. Какъ опомнился королевичъ, перескочилъ черезъ стѣну въ зеленой садъ, увидѣлъ царевну и сталъ ее выспрашивать, какъ достать ему гусли-самогуды? — Если ты возьмешь меня съ собою, отвѣчала царевна, такъ скажу тебѣ, какъ достать гусли-самогуды. Королевичъ обѣщался взять ее съ собою; царевна сказала ему, чтобъ оставался въ саду, а сама пошла къ Кощею Безсмертному, стала его обнимать, цѣловать и спрашивать: гдѣ его смерть? — Подъ порогомъ, въ голикѣ, отвѣчалъ Кощей Безсмертной. Она тотчасъ ухватила тотъ голикъ и бросила въ огонь; но хоть голикъ и сгорѣлъ, а Кощей остался живъ. Царевна опять стала приставать да выспрашивать о кощеевой смерти. — Слѣдъ-ли тебѣ знать, гдѣ моя смерть! отвѣчалъ Кощей, въ чистомъ полѣ стоятъ три дуба зеленые и подъ корнемъ самаго большаго есть червякъ; когда найдутъ того червяка и раздавятъ, тогда я умру. Царевна пересказала эти рѣчи королевичу; онъ поѣхалъ въ чистое поле, нашелъ три дуба зеленые, вырылъ червяка и раздавилъ. Но Кощей по прежнему остался живъ. Царевна въ третiй разъ стала выспрашивать Кощея, и тогда-то сказалъ онъ всю правду: «смерть моя далеко! на морѣ-на окiанѣ есть островъ Буянъ, на томъ островѣ зеленой дубъ, подъ дубомъ зарытъ желѣзной сундукъ, въ сундукѣ коробка, въ коробкѣ заяцъ, въ томъ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо; коли найдетъ кто это яйцо и раздавитъ, то я въ ту-же минуту и умру!» Королевичъ добылъ чудесное яйцо, раздавилъ его — и Кощей повалился наземь мертвымъ (стр. 13—24).

25.

СИВКО, БУРКО, ВѢЩІЙ ВОРОНКО.

Чудесные кони играютъ весьма видную роль въ народныхъ эпическихъ сказаніяхъ (см. статью о «Зооморф. божествахъ у славянъ» въ Отечеств. Записк. 1852 г., № 1, стр. 11—12). Сказки постоянно говорятъ объ этихъ коняхъ въ такихъ выраженіяхъ: «конь бѣжитъ—земля дрожитъ, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ, слѣдомъ головешки валятся!» или: «конь осержается, отъ земли отдѣляется, скачетъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, изъ ноздрей огонь пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ; горы и долы межъ ногъ пропускаетъ, широки раздолья хвостомъ застилаетъ.» Такимъ образомъ сказочные кони представляются летающими по поднебесью и выдыхающими изъ себя пламя. Тѣже представленія встрѣчаемъ въ эпическихъ произведеніяхъ древнихъ. По свидѣтельству Иліады богини ѣздили между землей и звѣздами усѣяннымъ небомъ на безсмертныхъ лошадяхъ, питающихся амврозіей. Къ этой безсмертной породѣ принадлежали Ахиллесовы кони Ксанѳъ и Балій, рожденные отъ Зеѳира; на бѣгу они опережали самые вѣтры, а дышали пламенемъ. Кроніонъ, разсказываетъ Гомеръ:

впрягъ въ колесницу коней *мѣдноногихъ*,
Бурнолетающихъ, гривы волнующихъ вкругъ *золотыя*;
Золотомъ самъ онъ одѣлся, въ руку художествомъ дивный
Бичъ захватилъ золотой, и на блещущей сталъ колесницѣ,
Коней погналъ, и послушные быстро они полетѣли,
Между землею пара и звѣздами усѣяннымъ небомъ. [1])

---

[1]) Иліада, пѣсни V, VIII, XVII, XIX. Энеида также упоминаетъ о лошадяхъ дивной воздушной породы, которыя мечутъ изъ ноздрей пламя. Norweg.

Въ Овидіевыхъ «Превращеніяхъ» сказано, что Солнце разъѣзжаетъ по небесному своду на крылатыхъ, пламеннодышащихъ коняхъ; быстро спѣшитъ оно вслѣдъ за Зарею и къ вечеру спускается въ тихія воды океана. Когда Солнце ѣхало на золотой колесницѣ, выкованной Вулканомъ, то ближайшія къ поѣзду облака рдѣлись отъ пламени его коней. На этихъ лошадяхъ надо было ѣздить умѣючи — не слишкомъ высоко, чтобъ не поджечь неба, не слишкомъ низко, чтобъ не загорѣлись лѣса и земля. Солнцевы кони питались амврозіей и отдыхали въ гесперидскихъ садахъ. «Превращенія» упоминаютъ еще о летающихъ коняхъ Пегасѣ и Хризаорѣ, на которыхъ можно было подняться по эфиру, гладкому какъ стекло, въ небесныя селенія. Припомнимъ кстати преданія, общія всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, о поѣздахъ Солнца и другихъ языческихъ боговъ по небесному своду на коняхъ *бриллiантовомъ, золотомъ и серебреномъ*. Народныя сказки упоминаютъ о коняхъ золотогривыхъ и золотохвостыхъ (см. сказку № 28 настоящаго выпуска; въ Собран. старин. русс. сказокъ, М., 1830 г. — о Петрѣ-королевичѣ; лубочную сказку о жаръ-птицѣ; Kinder- und Hausmärchen, т. I, стр. 339, и другія).[1] Въ валахскихъ сказкахъ говорится о лошадяхъ, которыя утоляли жажду виномъ, а голодъ — огнемъ. Вотъ что разсказывается о ихъ быстротѣ: царевна бѣгствомъ спасается отъ дракона. Какъ только усѣлась она на своего коня, чудесное животное поднялось на воздухъ и понеслося съ невѣроятною быстротою вдаль. Черезъ нѣсколько времени говоритъ лошадь: «милая царевна! оглянись, не примѣтишь ли чего?» Она оглянулась и увидѣла позади себя огромнаго дракона, который уже настигалъ ее. «О, скорѣй, скорѣй! позади

Märchen, ч. II, № 7, 16. Подобныя указанія находимъ и въ богатырскихъ поэмахъ татаръ (Географ. Вѣстн. 1855 г., ч. V, стр. 129). — [1]) О коняхъ, рассыпающихся золотомъ и серебромъ, смотри въ этомъ выпускѣ сказку № 19.

насъ драконъ!» закричала царевна.—Какъ хочешь ты, чтобъ я летѣлъ: какъ вѣтеръ или какъ мысль? спросилъ конь. «Какъ вѣтеръ!» отвѣчала испуганная царевна, и съ скоростію вихря понеслись они по воздуху. Черезъ нѣсколько времени опять говоритъ лошадь: «оглянись, нѣтъ ли чего?» Царевна оглянулась и опять закричала: «о, быстрѣе, быстрѣе! драконъ настигаетъ насъ!» — Какъ хочешь, чтобы я летѣлъ: какъ вѣтеръ или какъ мысль? спрашиваетъ конь. — Какъ мысль! отвѣчала царевна, и въ то-жъ игновеніе конь съ царевною опустился въ большой городъ (Walach. Märch., № 16 и 17). Чтобы нагляднѣе выставить такую необыкновенную быстроту сказочныхъ коней, народная фантазія надѣлила ихъ крыльями и числомъ ногъ свыше четырехъ. Такъ въ сказкѣ «о молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ» (№ 27 II-го вып.) говорится о коняхъ дву-, четырехъ- и шести-крылыхъ (см. также сказку о Өеодорѣ Тугаринѣ, вып. I, № 14). Изображенія крылатыхъ и пламень выдыхающихъ коней встрѣчаемъ на лубочныхъ картинахъ:

(Изъ сказки о Добрынѣ-богатырѣ).

Быстрый бѣгъ ихъ уподобляется дуновенію вѣтра, который въ эпическомъ олицетвореніи также представлялся съ крыльями. Болгарскія пословицы говорятъ: «вѣтъръ го носи на *бѣла кобила*» (Памятн. и образцы народн. языка и словесности, въ III т. Извѣстій Академіи наукъ, стр. 266—7). Въ сказкѣ объ Иванѣ-Кручинѣ (см. сборникъ Бронницына) выведены кони: Вѣтеръ и Молнія; нѣмецкія, валахскія и сербскія сказки равно упоминаютъ о лошадяхъ, летающихъ по поднебесью и свободно взбирающихся на крутыя и гладкія, какъ стекло, горы (Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 178; Српске народне припов., № 4, 5 и 40; Объ историч. народн. пѣсняхъ сербовъ, стр. 18). Въ одной былинѣ разсказывается объ Ильѣ-Муромцѣ:

Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна мяса.
Ретивой конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется:
Онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чуть пониже дболока ходячево.
Первый скокъ скочилъ на петнадцать верстъ,
Въ другой скочилъ—колодезь сталъ...
Въ третій скочилъ подъ Черниговъ-градъ. [1])

Литовское преданіе (см. Черты изъ жизни и исторіи литовск. народа, стр. 76—77; Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, zebrał L. Siemieński, стр. 26) запомнило о жереб-

---

[1]) Въ сказкѣ о Памфилѣ (М., 1847 г.) упоминается конь о семи ногахъ; у Одина былъ конь о восьми ногахъ (Слейпиръ). — Въ одной пѣснѣ поется о конѣ: «поскоки его были по пяти верстъ; изъ-подъ копытъ онъ выметывалъ сырой земли по сѣнной копнѣ» (Прибавл. къ академич. Извѣстіямъ по 2-му отдѣл. 1852 г., стр. 116, 148); см. еще Соревноват. просвѣщенія и благотворительн. 1823 г., № 24, стр. 10 (Суровецъ-богатырь). Въ богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ татаръ (Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, № 6) разсказывается о коняхъ, которые несутся, какъ стрѣла пущенная съ лука (и глазами не видно, и ушами не слышно!) и которые перескакиваютъ горы и рѣки; отъ топоту ихъ колеблются моря (стр. 198, 212, 219, 223).

цѣ исполина Витольфа, по имени *Годжѳ* (черный), который перегонялъ самые вѣтры. Голова этого коня служила исполину убѣжищемъ: *однимъ ухомъ онъ входилъ въ нее, а другимъ выходилъ*. Тоже дѣлаютъ и богатыри русскихъ сказокъ; влѣзая въ одно ухо своего коня, они наѣдаются тамъ, напиваются, переодѣваются, потомъ вылѣзаютъ въ другое ухо такими молодцами, что̀ никто и признать ихъ не можетъ. (См. сказку подъ № 28 этого выпуска; Norweg. Märchen, ч. I, № 19: здѣсь говорится о быкѣ, въ лѣвомъ ухѣ котораго лежала скатерть-самобранка.) Во время какого-то пиршества у царя *Годжѳ* сошелся съ столь-же прекрасною кобылою; но боги, опасаясь, чтобы порода такихъ лошадей не размножилась, покрыли ихъ двумя горами [1]). Болгарская пѣсня разсказываетъ о юнакѣ, который на своемъ чудесномъ конѣ опередилъ самое солнце (Времени., № 22, стр. 5—10).

Сказочные кони одарены человѣческимъ словомъ и мудростію. Ахиллесъ разговариваетъ въ Иліадѣ съ своимъ конемъ Ксанѳомъ, и конь предсказываетъ ему близкую смерть (пѣснь XIX); конь Марка-кралевича Шарацъ (сѣрко), который сто шестьдесятъ лѣтъ возилъ своего господина и пилъ изъ одной чаши съ нимъ вино, разъ споткнулся, и проливая слезы, также предсказалъ ему близкой конецъ (Объ историч. народн. пѣсняхъ сербовъ, соч. Соколова, Казань, 1854, стр. 30; Жур. мин. нар. просв. 1840 г., ноябрь, стр. 91; Српске народ. пјесме, В. Караджича, т. II, № 74). Эпическія сказанія, уцѣлѣвшія у различныхъ народовъ, заставляютъ коней и разгова-

---

[1]) Любопытно, что по нашимъ сказкамъ обыкновенно вырываютъ богатырскихъ коней изъ-подъ земли, гдѣ они бываютъ заключены за чугунными дверями и двѣнадцатью замками; топотъ ихъ, раздающійся изъ-подъ земли, ходенемъ потрясаетъ все царство (см. № 24 настоящаго выпуска, сказки: о Караѣ-царевичѣ — въ Москвит. 1845 г., № 1, стр. 45, и лубочныя о Булатѣ-молодцѣ и объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ).

ривать и подавать мудрые совѣты (см. сказку о гуселяхъ-самогудахъ въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ»; Прибавл. къ III т. академич. Извѣст., стр. 277, и къ IV т., стр. 366; Повѣсти и преданія народовъ славянск. племени, стр. 127—9, 182; Kinder- und Hausmärch., т. II, №89 и друг.; Walach. Märchen, № 16). Богатырскіе кони русскихъ сказокъ, чуя бѣду, которая грозитъ ихъ хозяину, спотыкаются на ѣздѣ, или горько плачутъ по немъ на конюшнѣ, и стоятъ по щиколки во слезахъ, а иногда въ крови; въ то время, когда богатырь сражается пѣшій и врагъ начинаетъ одолѣвать его, вѣщій конь рвётся съ цѣпей и выбиваетъ копытами глубокую яму. Конь помогаетъ своему господину въ трудныхъ битвахъ съ зміями и въ разныхъ другихъ подвигахъ; онъ даже надѣляетъ его силою, и съ этою цѣлью пихаетъ добраго молодца задней ногою (вып. VII, №№ 3, 6, 10, 12; вып. VIII, № 2; сличи въ сборникѣ Валявца, стр. 122).

Напечатанная въ этомъ выпускѣ сказка: «Сивко, бурко, вѣщій воронко» основана на нравственномъ началѣ, требующемъ полнаго уваженія къ памяти родителей. Это чувство уваженія въ младшемъ братѣ щедро награждается: ему достаются тѣ чудесные кони, съ помощію которыхъ онъ перескакиваетъ черезъ всѣ ограды и получаетъ въ жены прекрасную царевну. Этотъ разсказъ сходенъ съ началомъ сказки, помѣщенной въ настоящемъ выпускѣ подъ № 28, въ которой доброй молодецъ успѣваетъ поцѣловать красавицу черезъ двѣнадцать стеколъ (въ другомъ спискѣ: черезъ двѣнадцать вѣнцовъ); можно еще указать варіантъ у г. Худякова, вып. 2, № 50. Подобныя сказки извѣстны у разныхъ славянскихъ племенъ, у норвежцевъ и венгровъ. Вотъ содержаніе одной норвежской сказки (ч. II, № 7): Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ было двѣнадцать сыновей. Младшій ушелъ изъ дому искать счастія, и когда воротился, то родители его ужь по-

мерли, а братья подѣлили между собой все наслѣдство. «Осталось только двѣнадцать кобылъ, которыхъ мы еще не подѣлили, сказали ему братья; хочешь взять ихъ на свою долю?» Тотъ согласился. Всѣ двѣнадцать кобылъ принесли по жеребёнку, но одинъ жеребёнокъ былъ больше и лучше всѣхъ. «Славное животное!» сказалъ мо̀лодецъ. — Да, но если ты убьешь остальныхъ жеребятъ, чтобы я одинъ могъ въ теченіи цѣлаго года сосать всѣхъ кобылъ, то я сдѣлаюсь и больше и лучше! отвѣчалъ жеребёнокъ. Такъ и сдѣлалось. На другой годъ кобылы принесли опять по жеребёнку; мо̀лодецъ убилъ всѣхъ новыхъ жеребятъ, чтобы годовалой могъ по прежнему сосать матокъ. На третій годъ случилось тоже. Когда черезъ годъ послѣ того увидѣлъ мо̀лодецъ своего коня, онъ изумился: такъ была лошадь велика и сильна! Онъ сѣлъ на нее и поѣхалъ къ королевскому за̀мку. Завистники донесли на него королю, будто онъ похваляется освободить королевну, похищенную троллемъ. Король призвалъ мо̀лодца и приказалъ избавить королевну, а коли не исполнитъ приказа, то погибнетъ смертію. Мо̀лодецъ въ горести пошелъ къ своей доброй лошади. «Что такъ печаленъ?» спросилъ конь. Мо̀лодецъ разсказалъ. «Ничего, я тебѣ помогу, отвѣчалъ конь; но прежде надо меня хорошенько подковать.» Подковали лошадь, и на подковы ей пошло двадцать фунтовъ желѣза и двѣнадцать стали. Поѣхалъ мо̀лодецъ и прибылъ къ высокой горѣ, которая круто поднималась, какъ стѣна, и была гладка, какъ зеркало. При первомъ разбѣгѣ на̀ гору конь сдѣлалъ одинъ конецъ, но поскользнулся обѣими передними ногами и съ шумомъ сползъ назадъ. Въ другой разъ онъ взбѣжалъ выше, но опять поскользнулся одной переднею ногою и съ такой силою спустился назадъ, что̀ гора задрожала. Въ третій разъ конь понесся такъ стремительно, что̀ камни полетѣли къ облакамъ, и достигъ вершины. Королевна была спасена; но король за-

далъ молодцу другую трудную задачу: уничтожить гору, которая стояла передъ замкомъ и затемняла солнечной свѣтъ. Молодецъ поѣхалъ на своемъ конѣ на гору, и съ каждымъ шагомъ, который дѣлала необыкновенная лошадь, гора погружалась все ниже и ниже въ землю, пока совершенно не сравнялась съ полемъ. — Другая норвежская сказка (ч. II, № 21) еще ближе къ содержанію нашей. Было три брата; былъ у нихъ славной сѣнокосъ, но вотъ повадился кто-то на Иванову ночь, когда трава бываетъ самая сочная, ходить на ихъ лугъ, и на другое утро травы какъ не бывало. Стали братья караулить по очереди; два старшіе ничего не устерегли. Въ свой черёдъ пошелъ сторожить младшій братъ (Aschenbrödel). «Гдѣ тебѣ усмотрѣть? смѣялись надъ нимъ старшіе братья; ты умѣешь только сидѣть на печи да въ золѣ валяться!» Aschenbrödel не отвѣчалъ ни слова и пошелъ на лугъ; пришелъ и сѣлъ сторожить. Прошло нѣсколько времени; слышитъ онъ: застучало, загремѣло такъ, что земля задрожала! Вотъ прибѣжала лошадь, да такая большая да красивая! и стала поѣдать траву. «А! такъ это ты съѣдаешь нашу траву!» сказалъ Aschenbrödel, поймавши лошадь. На другой годъ онъ поймалъ другаго коня, еще болѣе сильнаго и красиваго; а на третій годъ — третьяго коня, который былъ и лучше, и крѣпче прежнихъ. Въ это время король сдѣлалъ кличъ: кто взъѣдетъ на высокую стеклянную гору, гладкую какъ яйцо и крутую какъ стѣна (gläserne Berg), и тамъ достанетъ съ колѣнъ прекрасной королевны три золотыя яблока, за того королевна выйдетъ замужъ. Много принцевъ и рыцарей искало этой чести, но кони ихъ скользили и не могли подняться на гору и на два локтя. Счастье владѣть прекрасною королевною достается владѣтелю трехъ славныхъ, пойманныхъ имъ коней.—Въ хорутанскомъ сборникѣ Валявца есть двѣ подобныя сказки, изъ которыхъ въ одной (стр. 38—42) вила даетъ доброму молодцу три узды

мѣдную, серебреную и золотую—только потряси тѣми уздами; и тотчасъ явятся кони въ мѣдной, серебреной и золотой оправахъ; на вилиныхъ коняхъ молодецъ добываетъ себѣ невѣсту. Въ другой сказкѣ (стр. 136—141) повѣствуется, какъ одинъ король изловилъ медвѣдя, а королевичъ выпустилъ звѣря и былъ за то прогнанъ отцемъ. Пошелъ королевичъ искать службы и попалъ въ иное государство. Тамошній король заставилъ его пасти зайцевъ и смотрѣть, чтобъ ни одинъ не пропалъ. Погналъ королевичъ свое стадо въ поле—всѣ зайцы разбѣжались. Онъ сѣлъ подъ дерево и заплакалъ; пришелъ медвѣдь: «чего, сынокъ, плачешь?» и далъ ему дубинку—только ударь по кустамъ, живо зайцы соберутся. Потомъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ медвѣдь доставляетъ королевичу славнаго коня и оружіе, какъ молодой королевичъ выѣзжаетъ на этомъ конѣ, получаетъ изъ рукъ прекрасной королевны въ первой разъ перстень, въ другой — вѣнецъ, въ третій — ширинку, и женится на ней. Затѣмъ, по собственному желанію медвѣдя, онъ рубитъ ему голову, и тогда звѣрь обращается въ человѣка: это былъ заклятой (околдованной) царь. См. также въ Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славянскаго племени, изд. Боричевскимъ, венгерскую сказку: «Татошъ» (стр. 127—9).

26.

СЕМЬ СЕМІОНОВЪ.

Сказка эта, любопытная по занесеннымъ въ нее преданіямъ о хитромъ оборотничествѣ, была напечатана въ сборникѣ Сахарова подъ заглавіемъ: «О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ» (стр. 174); кромѣ того г. Сахаровъ помѣстилъ ее

и въ Отечественныхъ Запискахъ 1841 г., № 1, смѣсь, стр. 43; а Н. Полевой передѣлалъ ее на свой ладъ и въ этой передѣлкѣ напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 г., т. I, № 1, стр. 17. Варіантъ, помѣщенный у г. Худякова (вып. 1, № 24) записанъ слабо; здѣсь смѣшаны двѣ различныя сказки. Сказка о семи Семіонахъ была напечатана еще въ книгѣ: «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или 2-я часть настоящихъ русскихъ сказокъ, М., 1819 г.», откуда перешла она и на лубки. Попадается также отдѣльное ея изданіе (Москва, 1838 г.), совершенно сходное съ помѣщеннымъ въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости». Вотъ какъ переда
міонахъ въ этомъ послѣднемъ сборникѣ:

СКАЗКА О СЕМИ СЕМІОНАХЪ, РОДНЫХЪ БРАТЬЯХЪ.

Былъ-жилъ старикъ со старухой, и жили они нѣсколько лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было, и уже къ великой старости приходили, какъ начали молить Бога, чтобъ даровалъ имъ дѣтище, которое-бъ было въ старости ихъ помогою въ работѣ. И молятся они годъ, другой, молятся третій и четвертой, молятся пятой и шестой, а не вымолятъ ни единаго дѣтища; однако черезъ семь лѣтъ старуха понесла и послѣ родила вдругъ семь сыновъ, которыхъ всѣхъ назвали Семіонами. И когда старикъ со старухою умерли, то остались Семіоны сиротами, и были они тогда всѣ по десятому году и пахали свое поле уже сами, и не уступали своимъ сосѣдямъ. Въ нѣкое время случилось мимо той деревни ѣхать царю Адору, которой былъ самодержавецъ всей той области, и увидѣлъ работающихъ на полѣ семь Семіоновъ. Онъ весьма удивился, что такіе малые ребята и пашутъ и боронятъ свою пашню, чего ради и послалъ къ нимъ старшаго своего боярина, чтобъ спро-

сить, чьи они дѣти? Бояринъ, приходши къ Семіонамъ, спрашивалъ: для чего они такіе малые ребята работаютъ такую тяжелую работу? На то ему отвѣтъ держалъ старшій Семіонъ, что они сироты и что за нихъ работать некому, и притомъ сказали, что всѣхъ ихъ зовутъ Семіонами. Бояринъ пошелъ отъ нихъ, и сказалъ о томъ царю Адору, который весьма удивился, что столько ребятъ-братьевъ называются однимъ именемъ, — для чего и послалъ къ нимъ того-жъ боярина, чтобъ ихъ взять съ собою во дворецъ. Бояринъ государевъ приказъ исполнилъ и взялъ всѣхъ Семіоновъ съ собою. Когда царь пріѣхалъ во дворецъ, тогда собралъ онъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и думныхъ дьяковъ, и спрашивалъ у нихъ совѣта таковыми словесами: «господа мои бояра и думные дьяки! вы видите сихъ семь сиротъ, которые не имѣютъ у себя никакихъ родственниковъ; я хочу сдѣлать ихъ такими людьми, чтобъ послѣ они меня благодарили, для чего и требую у васъ совѣта: въ какую науку или художество мнѣ ихъ отдать должно учиться?» На сіе отвѣчали всѣ такъ: «милостивѣйшій государь! какъ теперь они уже на возрастѣ и въ разумѣ, то не разсудите ли за благо спросить ихъ каждаго особливо, кто въ какую науку или художество пожелаетъ пуститься.» Царь принялъ сей совѣтъ съ радостію, и началъ большаго Семіона спрашивать: «слушай, другъ мой, въ какую науку или художество пуститься желаешь, то въ такую я тебя и учиться отдамъ.» Семіонъ на то ему отвѣчалъ: «ваше царское величество! я ни въ какую науку, ни въ художество пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царскаго двора построить кузницу, то сковалъ бы я вамъ столбъ до самаго неба.» Царь увидѣлъ, что этого Семіона учить нѐ для чего, потому что онъ и такъ уже кузнечное ремесло довольно искусно знаетъ; однако не вѣрилъ, чтобъ онъ могъ сковать столбъ до самаго неба, и потому при-

казалъ въ скоромъ времени посреди своего царскаго двора построить кузницу. Потомъ спрашивалъ другаго Семіона: «а ты, мой другъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь, въ такую я тебя и отдамъ». На сіе Семіонъ ему сказалъ: «ваше величество! я ни въ какую науку, ни въ художество пуститься не хочу; а ежели большой мой братъ скуетъ желѣзной столбъ до неба, то я по тому столбу взлѣзу на самой верхъ и стану смотрѣть во всѣ государства, и буду тебѣ сказывать, что̀ въ которомъ государствѣ дѣлается.» Царь разсудилъ, что и того Семіона учить не надобно, потому что онъ и такъ мудрёнъ. Послѣ спрашивалъ третьяго Семіона: «ты, мой другъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?» Семіонъ на то ему сказалъ: «ваше величество! я никакой наукѣ, ни художеству учиться не хочу; а ежели бы мой большой братъ сковалъ мнѣ топоръ, я тѣмъ топоромъ тяпъ да ляпъ — тотчасъ бы сдѣлалъ корабль.» Король на то ему сказалъ: «мнѣ корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно.» Потомъ спросилъ онъ четвертаго Семіона: «ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?» — Ваше величество! сказалъ онъ на то ему, я никакой наукѣ учиться не желаю, а ежели бы мой третій братъ сдѣлалъ корабль, и когда бы тому кораблю случилось быть въ морѣ, и напалъ бы на него непріятель, то-бъ я взялъ корабль за носъ и повелъ бы его въ подземельное государство, и когда бы непріятель ушелъ прочь, то тогда-бъ я опять корабль вывелъ на̀ море. Царь удивился такимъ великимъ четвертаго Семіона чудесамъ и сказалъ ему: «и тебя учить не надобно!» Потомъ спросилъ пятаго Семіона: «а ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?» — Я ничему учиться не желаю, ваше величество! сказалъ Семіонъ; а ежели большой мой братъ скуетъ мнѣ ружье, то я тѣмъ ружьемъ, ежели увижу птицу—хотя за сто верстъ, то ее подстрѣлю. «Ну, такъ

ты исправной будешь у меня стрѣлецъ!» сказалъ ему царь. Послѣ спросилъ шестаго Семіона: «ты, Семіонъ, въ какую науку вступить желаешь?»—Ваше величество! сказалъ ему Семіонъ, я ни въ какую науку, ни въ художество вступить не желаю, а ежели мой пятой братъ подстрѣлитъ птицу на лету, то я ее до земли не допущу, и подхватя принесу къ тебѣ. «Великой искусникъ! сказалъ ему царь, ты у меня вмѣсто лягавой собаки въ полѣ можешь служить.» Послѣ спросилъ царь послѣдняго Семіона: «а ты, Семіонъ, какой наукѣ или художеству учиться желаешь?»—Ваше величество! отвѣчалъ онъ ему, я никакимъ наукамъ, ни художествамъ учиться не желаю, потому что я и такъ ремесло имѣю предорогое. «Да какое-жъ ты имѣешь ремесло? спросилъ его царь, скажи мнѣ пожалуй!»—Я хорошо умѣю воровать, сказалъ ему Семіонъ, и такъ, что никто противъ меня не своруетъ. Царь весьма осердился, услыша о такомъ дурномъ его ремеслѣ, и говорилъ потомъ къ своимъ боярамъ и думнымъ дьякамъ: «господа мои! чѣмъ присовѣтуете мнѣ наказать сего вора Семіона, и скажите, какою казнію казнить его должно?» — Ваше величество! сказали ему всѣ они, на что его казнить? можетъ быть, онъ воръ съ именемъ и такой, который въ случаѣ будетъ надобенъ. «Да почему это?» спросилъ царь.—А вотъ потому, что ваше величество уже десятой годъ, какъ достаете себѣ въ супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притомъ много силы и войска потеряли, и множество казны и прочаго издержали; а этотъ Семіонъ-воръ, можетъ быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству какъ-нибудь украдетъ. Царь на то имъ сказалъ: «друзья мои, вы правду мнѣ говорите!» Потомъ обернулся онъ къ Семіону-вору и сказалъ ему: «что, Семіонъ, можешь ли ты съѣздить за тридевять земель въ тридесятое государство, и украсть мнѣ царевну Елену Прекрасную, а я въ нее весьма крѣпко влюбленъ;

и ежели ты мнѣ ее украдешь, то я тебѣ сдѣлаю великое награжденіе.» — Это наше дѣло, ваше величество! отвѣчалъ седьмой Семіонъ, и я вамъ ее, ежели только прикажите, украду. «Не только, чтобы тебѣ приказывать, сказалъ ему царь, но я еще о томъ и прошу; и теперь не медли больше при дворѣ моемъ, и бери себѣ силы-войска и золотой казны, сколько тебѣ надобно.»—Мнѣ ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно, отвѣчалъ онъ; отпусти насъ всѣхъ братьевъ вмѣстѣ, и я тебѣ царевну Елену Прекрасную достану. Царю не хотѣлось со всѣми Семіонами разстаться; однако хотя то и жалко ему было, но принужденъ былъ отпустить ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ кузница на царскомъ дворѣ была устроена, и большой Семіонъ сковалъ желѣзной столбъ до самаго неба, а другой Семіонъ взлѣзъ по тому столбу на самой верхъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было государство отца царевны Елены Прекрасной, и послѣ закричалъ онъ съ вершины столба царю Адору: «ваше величество! вижу за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ царевна Елена Прекрасная сидитъ подъ окошечкомъ, и у ней изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается.» Тогда царь еще больше красотою ея прельстился, и потомъ вскрикнулъ къ Семіонамъ громкимъ голосомъ: «друзья мои, отправтесь въ путь какъ можно скорѣе! ибо я не могу жить безъ прекрасной царевны Елены.» Почему большой Семіонъ сковалъ третьему Семіону топоръ, а пятому сдѣлалъ ружье; и послѣ того взяли съ собою нѣсколько хлѣба на дорогу, а Семіонъ-воръ взялъ съ собою кошку, и потомъ пошли въ путь свой. Кошку ту Семіонъ-воръ такъ къ себѣ пріучилъ, что она вездѣ за нимъ бѣгала, какъ собака, и ежели онъ останавливался на дорогѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, то кошка становилась на заднія лапы, а потомъ терлась около него и мурлыкала. И такъ шли они путемъ-дорогою нѣсколько времени, и наконецъ пришли къ морю, чрезъ

которое надо было имъ переѣхать, а нѐ на чемъ. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтобъ сдѣлать себѣ судно, и послѣ нашли одинъ дубъ превеликой. Третій Семіонъ взялъ свой топоръ и срубилъ тотъ дубъ по самый корень, а потомъ по немъ-же тяпъ да ляпъ— сдѣлалъ тотчасъ корабль, который былъ оснащенъ, а въ кораблѣ очутились разные дорогіе товары. Всѣ Семіоны сѣли на тотъ корабль и поплыли въ путь, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибыли благополучно въ то мѣсто, въ которое имъ надобно было. Какъ скоро въѣхали они въ корабельную пристань, то тотчасъ бросили якорь. На другой день Семіонъ-воръ взялъ свою кошку и пошелъ въ городъ, и пришедши къ царскому двору, остановился противъ оконъ царевны Елены Прекрасной; въ то-жъ самое время кошка сѣла на заднія лапы, а потомъ начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что въ томъ государствѣ совсѣмъ не знали и не слыхали, что есть за звѣрь кошка. Царевна Елена Прекрасная въ то самое время сидѣла подъ окошечкомъ, и увидя кошку, тотчасъ послала своихъ нянюшекъ и мамушекъ, чтобъ спросить у Семіона, что то былъ за звѣрокъ? не продастъ ли онъ его, и ежели продастъ, то какую за него проситъ цѣну? Нянюшки и мамушки тотчасъ выбѣжали на улицу и спрашивали Семіона: какой это у него звѣрокъ, и не продастъ ли его? Семіонъ на то имъ отвѣчалъ: «государыни мои! извольте доложить ея высочеству Еленѣ Прекрасной, что этотъ звѣрокъ называется кошкою, и что я его не продаю, а ежели она пожелаетъ этого звѣрка имѣть у себя, то онаго дарю ей безъ всякой платы.» Нянюшки и мамушки тотчасъ побѣжали въ палаты и донесли о томъ ей, что отъ Семіона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно, и выбѣжала сама изъ палатъ и спрашивала Семіона: не продастъ ли кошки? Семіонъ ей сказалъ: «ваше высочество! я сей кошки не продаю; а если

она вамъ угодна, то вамъ ее дарую.» Царевна, взявъ кошку къ себѣ на руки, пошла въ палаты, а Семіону приказала идти за собою. Когда они пришли въ палаты, царевна пошла къ своему батюшкѣ царю Саргу и показала ему кошку, и объявила, что ей подарилъ нѣкій чужестранецъ. Царь, увидя такого чуднаго звѣрька, весьма обрадовался, и приказалъ призвать къ себѣ Семіона-вора, и когда онъ къ нему пришелъ, то царь хотѣлъ его наградить казною за кошку, но какъ Семіонъ не хотѣлъ принять отъ него, то сказалъ ему: «другъ мой! живи покуда въ моемъ домѣ, и между тѣмъ временемъ кошка при тебѣ лучше можетъ привыкнуть къ моей дочери.» На сіе Семіонъ также не согласился и сказалъ царю: «ваше величество! я бы съ радостію великою могъ жить въ вашемъ домѣ, когда бы не было у меня корабля, на которомъ я въ ваше государство пріѣхалъ, и которой препоручить мнѣ некому; а ежели прикажете мнѣ, то я буду ходить къ вашему величеству всякой день и стану кошку пріучать къ вашей любезной дочери.» Итакъ царь приказалъ Семіону, чтобъ ходилъ онъ къ нему всякой день. Семіонъ началъ ходить къ царевнѣ Еленѣ Прекрасной, и въ нѣкоторой день онъ ей сказалъ: «милостивая государыня! я уже давно къ вамъ хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мнѣ на корабль пожаловали; я бы показалъ вамъ такія дорогія парчи, которыхъ вы никогда еще не видывали.» Царевна тотчасъ пошла къ своему батюшкѣ и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустилъ и сказалъ, чтобъ она взяла съ собою нянюшекъ и мамушекъ, и пошла съ Семіономъ. Какъ скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчасъ Семіонъ просилъ царевну на свой корабль, и когда она на оной вошла, то Семіонъ-воръ и прочіе его братья начали царевнѣ показывать разныя дорогія парчи. Послѣ того Семіонъ-воръ сказалъ Еленѣ Прекрасной: «ваше высочество! теперь из-

вольте приказать своимъ нянюшкамъ и мамушкамъ сойдти съ моего корабля, потому что я хочу вамъ показать такіе дорогіе товары, которыхъ не должны онѣ видѣть.» Царевна тотчасъ приказала своимъ нянюшкамъ и мамушкамъ сойдти съ корабля, и какъ скоро онѣ сошли, то въ то-жъ самое время Семіонъ-воръ велѣлъ тихонько своимъ братьямъ отрубить якорь и пуститься въ море на всѣхъ парусахъ; а самъ между тѣмъ началъ царевнѣ показывать дорогіе товары, изъ которыхъ и подарилъ ее нѣкоторыми. Прошло уже часа съ два времени, какъ онъ показывалъ царевнѣ свои товары; наконецъ она ему сказала, что ей время уже и домой идти, потому что царь, ея отецъ, будетъ дожидаться ее обѣдать. Потомъ вышла она изъ каюты, и видитъ, что корабль на ходу и что береговъ уже не видно. Тогда она ударила себя въ грудь, и вдругъ оборотилась лебедемъ и полетѣла. Пятой Семіонъ взялъ тотчасъ свое ружье и подстрѣлилъ лебедя, а шестой Семіонъ и до воды ее не допустилъ и принёсъ ее опять на корабль, гдѣ царевна стала по прежнему дѣвицею. Нянюшки же и мамушки, которыя стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалилъ отъ берега съ царевною, тотчасъ бросились всѣ къ царю и пересказали ему о томъ Семіоновомъ обманѣ. Царь тогда-жъ нарядилъ цѣлой флотъ за ними въ погоню, и когда тотъ флотъ началъ нагонять Семіоновъ корабль гораздо близко, тогда четвертой Семіонъ взялъ свой корабль за носъ и увёлъ его въ подземельное государство. Когда-же корабля совсѣмъ стало невидимо, то начальники флота, увидя, какъ онъ ушелъ на дно, думали, что корабль потонулъ и съ царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назадъ и донесли царю Саргу, что Семіоновъ корабль и съ Еленою Прекрасною потонулъ. Семіоны же благополучно въ свое государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семіоновъ услугу отпустилъ ихъ всѣхъ на

волю и далъ имъ довольно злата и сребра и драгоцѣннаго каменья, а самъ женился на прекрасной Еленѣ, и жилъ съ нею многія лѣта благополучно и мирно.

Со сказкою о семи Семіонахъ сходны напечатанныя: въ сборникѣ Валявца, стр. 44—47; въ книгѣ Westslawischer Märchenschatz, стр. 140—3; въ Kinder- und Hausmärchen — «Die vier kunstreichen Brüder» (т. II, № 129) и въ изданіи Der Pentamerone — «Die fünf Söhne» (ч. II, № 47). Въ нѣмецкой сказкѣ выведены четыре брата. Бѣдность заставила ихъ пойдти въ науку къ разнымъ мастерамъ. Одинъ сдѣлался воромъ; другой звѣздочетомъ: онъ могъ въ свою трубку увидѣть все, что только происходило на землѣ и въ небѣ; третій необыкновенно-мѣткимъ стрѣлкомъ; а четвертой сталъ искусный швецъ: игла его могла все сшивать такъ гладко, какъ яйцо, и такъ крѣпко, какъ сталь. Когда братья воротились изъ ученья, отецъ захотѣлъ видѣть опытъ ихъ мастерства, и вотъ второй сынъ увидѣлъ вверху большаго дерева, между его тѣнистыми вѣтвями, гнѣздо, а въ гнѣздѣ пять яицъ; воръ похитилъ ихъ такъ искусно изъ-подъ сидѣвшей въ гнѣздѣ птицы, что̀ та ничего не замѣтила. Отецъ положилъ эти яйца — четыре по угламъ и одно въ срединѣ стола; стрѣлокъ разбилъ ихъ всѣ однимъ выстрѣломъ, а швецъ тотчасъ сшилъ ихъ такъ хорошо, что̀ они по прежнему стали цѣлы, и воръ снова положилъ ихъ въ гнѣздо. Въ это время разнеслась молва, что царская дочь похищена дракономъ. Братья рѣшаются избавить ее и отправляются въ путь на кораблѣ. Одинъ усматриваетъ царевну на морскихъ скалахъ, у дракона; другой похищаетъ ее оттуда; третій поражаетъ мѣткимъ выстрѣломъ чудовище; а четвертой исправляетъ своею иглою поврежденный корабль. Итальянская сказка выставляетъ пятерыхъ братьевъ: одинъ — воръ, другой — корабельщикъ, третій — стрѣлокъ, четвертому извѣстна тра-

ва, возвращающая жизнь, а пятому понятенъ языкъ птицъ. Этотъ послѣдній подслушалъ одну птичку, а изъ ея пѣнія узналъ, что королевская дочь похищена великаномъ. Корабельщикъ сдѣлалъ судно; воръ воспользовался сномъ великана и увлёкъ королевну съ собою. Но едва они пустились въ путь, какъ великанъ помчался за кораблемъ по воздуху въ видѣ чорнаго облака; стрѣлокъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлы и выбилъ ему глаза. Наконецъ послѣдній возвратилъ умершей царевнѣ жизнь своею чудесною травою.

27.

СКАЗКА О МОЛОДЦѢ-УДАЛЬЦѢ, МОЛОДИЛЬНЫХЪ ЯБЛОКАХЪ И ЖИВОЙ ВОДѢ.

Въ этой сказкѣ упоминаются молодильныя яблоки (стóитъ только покушать этихъ яблокъ—какъ тотчасъ-же сдѣлаешься и молодымъ и здоровымъ, не смотря на преклонныя лѣта) и живая вода, исцѣляющая слѣпоту и пробуждающая мéртвыхъ къ жизни (см. примѣчаніе къ № 14 въ I-мъ выпускѣ). Эти яблоки и эта вода принадлежатъ къ области древнихъ языческихъ преданій; онѣ скрыты, по свидѣтельству народной сказки, въ далекой странѣ, въ чудесномъ саду, и оберегаются злою вѣдьмою. Преданіе о «молодильныхъ» яблокахъ также обще различнымъ народностямъ, какъ и преданіе о живой водѣ. Въ зендской религіи есть ученіе о священномъ *древѣ жизни* (Ицеда-Хома), отъ котораго произошли на землѣ всѣ растенія, особенно цѣлебныя. Это дерево создано Ормуздомъ въ раю, при священномъ истокѣ Ардвизура; оно источаетъ *живую*, *цѣлительную* воду и будетъ имѣть важное значеніе въ великомъ актѣ всеобщаго воскресенія. Сокъ его даетъ

безсмертіе и здоровье. Скандинавская Эдда разсказываетъ о всемірномъ, старомъ, серединномъ деревѣ Иггдразиль, подъ которымъ боги совѣщались о созданіи сего міра и потомъ сюда-же собирались судить о дѣлахъ вселенной. Это дерево было *ясень*; корни его простирались и по землѣ и по небу, а верхушка обнимала весь міръ. При одномъ изъ корней билъ родникъ мудрости, при другомъ родникъ прошедшаго [1]). Славянскія преданія знаютъ о дубѣ, который существовалъ до сотворенія міра. Въ колядкѣ карпатскихъ русовъ поется, что еще когда не было ни земли, ни неба, среди синяго моря стояло два дуба, на которыхъ сидѣло два голубя: голуби спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, изъ которыхъ и создались земля, небо и небесныя свѣтила.* Малорусская загадка помнитъ о стародубѣ, на которомъ сидѣла птица, въ образѣ которой метафорически обозначается солнце: «стоитъ дубъ-стародубъ, на тимъ дуби птиця-вертениця; никто їи не достане—ни царь, ни цариця»; (разгадка—*солнце)* [2]). А въ памятникахъ болгарской письменности въ суе-

[1]) Славян. миѳол., Костомарова, стр. 58—59; Ж. мин. нар. просв. 1838 г., ноябрь («Религія и богослуженіе древн. персовъ»), стр. 324—6; Отечеств. Записки 1839 г., № 6, статья Грота, стр. 14. Подобное преданіе есть и у литовцевъ (Черты изъ истор. и жизни литовск. народа, стр. 75). Энеида (пѣснь VI-я) упоминаетъ объ ясеневой вѣтви съ *золотыми* листьями и плодами; никто не могъ сойдти въ подземное царство, не принеся въ даръ Прозерпинѣ плодовъ съ этой вѣтви; если будетъ сорванъ съ нея одинъ плодъ другой тотчасъ-же выростаетъ вмѣсто сорваннаго. Въ Калевалѣ Вяйнемейненъ чародѣйнымъ пѣніемъ творитъ ель, которая подымается къ облакамъ своею цвѣтущею верхушкою и золотыми вѣтвями разсѣкаетъ тучи; въ ея вѣтвяхъ блистаютъ мѣсяцъ и созвѣздіе Большой Медвѣдицы. Таже поэма упоминаетъ о высокомъ дубѣ, который своими вѣтвями заслоняетъ солнечный свѣтъ и препятствуетъ тучамъ двигаться (Главн. черты изъ древн. финской поэмы, Морица Эмана, стр. 551; Соврем. 1840 г., № 3, стр. 62—63, 93). — [2]) Сличи съ другою народною загадкою (Малорус и галицк. загадки, изд. Сементовскимъ, стр. 5): «стоитъ *дерево* середь села, а въ кождій хатци по гилячци» (*солнце*).

вѣрныхъ сказаніяхъ о созданіи вселенной упоминается о *желѣзномъ дубѣ, еже есть переоносаждень*, на которомъ держится земля, а корень его стоитъ на силѣ божіей (см. Времен., № 9, изслѣдов., стр. 7, 10; Славянск. миѳол., соч. Костомарова, стр. 59). Кунъ въ этомъ баснословномъ деревѣ видитъ символъ тучи, обнимающей небосклонъ и проливающей дождевые потоки. Эти миѳологическія представленія находятся въ тѣсной связи съ общимъ индоевропейскимъ преданіемъ о *золотыхъ яблокахъ*. Въ Овидіевыхъ «Превращеніяхъ» разсказывается о драконѣ, который стерёгъ золотые плоды у Атланта; скандинавская миѳологія говоритъ, что въ асгардѣ (жилищѣ боговъ) находилась роща съ золотыми яблоками; что, питаясь этими плодами, боги остаются вѣчно-юными, подобно тому, какъ боги Греціи оставались вѣчно-юными, питаясь амврозіей и нектаромъ (Отеч. Зап. 1839 г., № 6, статья Грота, стр. 14). Въ сказкахъ нѣмецкихъ, норвежскихъ и славянскихъ находимъ подобныя-же указанія. Въ русской сказкѣ о жаръ-птицѣ, одинаковой съ нѣмецкою: «Der goldene Vogel», упоминаются золотыя яблоки, которыя поѣдала чудесная жаръ-птица. Въ нѣмецкихъ сказкахъ древо жизни (der Baum des Lebens) представляется съ золотыми яблоками; оно ростетъ на концѣ свѣта въ чудесномъ саду, за моремъ; воронъ, который, по нашимъ преданьямъ, приноситъ живую и мертвую воды, добываетъ для сказочныхъ героевъ и золотыя яблоки; въ нѣкоторыхъ сказкахъ мѣсто его заступаетъ соколъ, который похищаетъ золотые плоды, неусыпно хранимые вѣдьмою на высокой стеклянной горѣ или въ подземномъ царствѣ; кожица этихъ плодовъ мгновенно заживляетъ раны. Норвежскія сказки говорятъ о лѣсахъ, которыми владѣютъ тролли и въ которыхъ растутъ, цвѣтутъ и приносятъ плоды деревья совершенно мѣдныя, серебреныя и золотыя (Повѣсти и предан. народ. славян. племени, изд. Бори-

чевскаго, стр. 20, 107, 111, 136—144; Kinder- und Hausmärchen, т. I, стр. 109—110, 335—345; т. II, стр. 196, 263; Norweg. Märchen, ч. I, стр. 131—5; въ Собраніи старин. рус. сказокъ — сказка о Строевой дочери; Калевала въ очеркѣ Морица Эмана, стр. 53; Извѣст. Акад. наукъ по 2 отдѣл. 1852 г., статья Микуцкаго, стр. 114: преданіе о золотыхъ яблокахъ сохранилось и у литовцевъ). Въ нашемъ простонародьи до сихъ поръ слышится такое повѣрье: кто ѣстъ яблоки до втораго Спаса, когда освѣщаются эти плоды въ церкви, умершіе родичи того не получатъ въ раю на Спасовъ день золотыхъ яблокъ. Въ одномъ старинномъ памятникѣ XIV века упомянуто о райскихъ цѣлебныхъ яблокахъ [1]). (См. примѣч. въ вып. VII, № 5.)

Молодецъ-удалецъ, по словамъ напечатанной нами сказки, отправляясь за живою водою и молодильными яблоками, пріѣхалъ на перепутье, гдѣ сходились три дороги: по одной поѣдешь — будешь самъ сытъ, а конь голоденъ, по другой — конь сытъ, а самъ голоденъ, по третьей — не быть живому. Это обычный эпическій пріемъ, который встрѣчается и въ сказкѣ о жаръ-птицѣ и во многихъ другихъ. Въ одной пѣснѣ про Илью-Муромца сказано (Прибавлен. къ академ. Извѣст., т. IV, стр. 354):

Находилъ старой (Илья) камень,
А на камени подпись была подписана:
Кому въ эту дороженьку ѣхать — богату быть,
А во другую поѣхати — женату быть,
А во третью да ѣхать—убиту быть.

Конецъ сказки о молодцѣ-удальцѣ сходенъ съ сказкою о Норкѣ-звѣрѣ; такіе-же злобные братья, тоже подземное темное царство (упоминаемое и въ нѣмецкихъ сказкахъ: Kinder-

---

[1]) Софійск. времен., ч. I, стр. 330—4 (посланіе новогородск. архіеписк. Василія къ тверскому владыкѣ Ѳеодору); Молодикъ, 1844 г., стр. 96.

und Hausmärchen, т. II, № 133 и др.; Zeitschrift Вольфа, т. I, выпуск. 3, стр. 313; вып. 4, стр. 380, и въ сказкѣ № 31 настоящаго выпуска), и также выноситъ оттуда на свѣтъ божій птица [1]). Съ нѣкоторыми особенностями сказка эта была издана подъ заглавіемъ «Сказки о трехъ королевичахъ» (М., 1847): Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ король; у него было три сына: Василій-королевичъ, Θедоръ-королевичъ и Иванъ-королевичъ. «Любезные дѣти! говорилъ имъ отецъ; вы видите, что я старъ; а слышно, что за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой ростутъ такія яблоки, чтó и старому можно отъ нихъ сдѣлаться молодымъ. Какъ-бы добыть этой воды и этихъ яблокъ?» Василій-королевичъ приказалъ осѣдлать себѣ коня и поѣхалъ въ путь; ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, и заѣхалъ въ такія горы и пропасти и лѣса непроходимые, что сталъ опасаться потерять дорогу; воротился назадъ и сказалъ отцу, что подсолнечнаго государства нигдѣ не нашелъ. Поѣхалъ Θедоръ-королевичъ, и съ нимъ случилось тоже. Тогда вздумалъ попытать счастія меньшой братъ Иванъ-королевичъ; онъ поѣхалъ по новой дорогѣ, ѣхалъ-ѣхалъ, и видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, а въ избушкѣ баба-яга. Спрашиваетъ его яга-баба: куда ѣдетъ, и волею али неволею? — Сколько неволею, отвѣчалъ Иванъ-королевичъ, а вдвое того своею охотою! и разсказалъ ей, куда и зачѣмъ путь держитъ. Яга-баба дала ему новаго коня и послала къ своей сестрѣ; эта тоже перемѣнила ему коня и послала къ третьей сестрѣ, которая, узнавши — въ чемъ дѣло, повела королевича въ конюшню и сказала: «вотъ тебѣ конь; поѣзжай

[1]) Сличи съ татарскою повмою о Синекъ ханѣ (Вѣстн. Русск. Геграф. Общ. 1855 г., ч. V, стр. 141).

на этомъ, а своего оставь у меня. А вотъ и дорога, что ведетъ въ государство, въ которомъ есть живая и мертвая вода и моложавыя яблоки. Туда нельзя проѣхать иначе, какъ ночнымъ временемъ. Тамъ увидишь ты высокую стѣну; перескочи ее и поѣзжай прямо къ садовымъ воротамъ; въ саду найдешь яблонь, на которой ростутъ моложавыя яблоки, и подлѣ два колодезя съ живою и мертвою водою. Да какъ поѣдешь назадъ, берегись, чтобы конь твой не зацѣпилъ ни за одну струну изъ тѣхъ, что проведены къ стѣнѣ.» Иванъ-королевичъ такъ все и сдѣлалъ; перескочилъ черезъ стѣну и въѣхалъ въ садъ, нарвалъ моложавыхъ яблокъ и налилъ въ склянки живой и мертвой воды, да какъ сталъ ворочаться—не уберёгся: прыгая черезъ стѣну, конь его зацѣпилъ за струны, и отъ того поднялся во всемъ городѣ колокольной звонъ, барабанной бой и пушечная пальба [1]); все встревожилось. Царь-дѣвица, которой принадлежали и моложавыя яблоки, и живая и мертвая вода, приказала осѣдлать коня, и тотчасъ-же пустилась за Иваномъ-королевичемъ въ погонь; но не догнала. Иванъ-королевичъ бралъ у каждой бабы-яги по свѣжей лошади; а царь-дѣвица какъ пріѣхала къ первой ягѣ, и стала о немъ спрашивать: не видала-ль гдѣ баба-яга такого-то человѣка?—Не видала, отвѣчала яга, а сама стала просить царь-дѣвицу, чтобъ побыла у нея и успокоилась отъ такого дальняго пути. Царь-дѣвица пробыла у яги-бабы цѣлой день и цѣлую ночь; тоже случилось и у другихъ двухъ сестеръ яги-бабы. Когда царь-дѣвица стала нагонять Ивана-королевича, онъ въѣхалъ уже въ свое государство. «Счастливъ ты, королевичъ, сказала царь-дѣвица, что не попался въ мои руки; но постой, я буду къ тебѣ въ гости!» Иванъ-королевичъ пріѣхалъ домой, вынулъ склянки съ живой и мертвой водою, положилъ

[1]) Такой-же разсказъ о струнахъ встрѣчаемъ въ сказкахъ о жаръ-птицѣ, объ Иванѣ-царевичѣ и царь-дѣвицѣ и многихъ другихъ.

на блюдо моложавыя яблоки, и все это поднесъ своему отцу. Король весьма обрадовался, съѣлъ нѣсколько яблокъ и помолодѣлъ. Стали они себѣ жить да веселиться. Разъ вздумалъ король взглянуть въ окошко, и увидѣлъ въ заповѣдномъ своемъ лугу раскинутую палатку; тотчасъ-же послалъ онъ освѣдомиться, кто таковъ осмѣлился раскинуть свою палатку въ королевскомъ заповѣдномъ лугу? А въ палаткѣ была царь-дѣвица, и говорила она: «пріѣхала де я за тѣмъ, чтобъ король выдалъ мнѣ изъ своихъ сыновей виноватаго; а не выдастъ— я весь городъ разорю.» Пошелъ къ ней Иванъ-королевичъ. «Что мнѣ съ тобой дѣлать? сказала она; коли ты былъ столько смѣлъ, что похитилъ у меня чудесную воду и моложавыя яблоки, то хочу быть твоею женою.» Королевичъ женился на царь дѣвицѣ и поѣхалъ жить въ ея государство. [1])

28.

СКАЗКА О СВИНКѢ-ЗОЛОТОЙ ЩЕТИНКѢ, ЗОЛОТОРОГОМЪ ОЛЕНѢ И ЗОЛОТОГРИВОМЪ КОНѢ.

Начало этой сказки сходно съ напечатанною въ настоящемъ выпускѣ подъ № 25. Въ ней соединены въ одно два особенные разсказа: первый о добываніи красавицы-невѣсты, при помощи чудесныхъ коней, второй о пріисканіи диковинныхъ животныхъ: свинки-золотой щетинки, коня золотогриваго и оленя золоторогаго. Варіантъ этой сказки напечатанъ подъ заглавіемъ: «О Иванушкѣ-дурачкѣ» въ изданіи «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или 2-я часть настоящихъ рус-

[1]) Сличи съ печатною сказкою объ Игнатіѣ-царевичѣ и о Суворѣ-невидимкѣ-мужичкѣ (М., 1838 г., и въ изданіи: «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы»).

скихъ сказокъ, М., 1819 г.» и отдѣльно въ Москвѣ 1838 и 1847 годовъ:

Былъ-жилъ старикъ, у него было три сына: двое умныхъ, а третій Иванушка дурачокъ. Умирая, отецъ приказалъ имъ три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать тамъ. Когда умеръ старикъ и его похоронили, большому брату не захотѣлось идти на отцовскую могилу. «Дай дураку пирогъ [1]), сказалъ онъ своей женѣ; пусть пойдетъ за меня, ночуетъ на могилѣ.» Муракъ взялъ пирогъ, положилъ на плечо дубину и пошелъ на отцовскую могилу. Въ самую полночь вдругъ свалился съ могилы камень, земля раскрылась, всталъ старикъ (онъ былъ колдунъ) [2]) и спросилъ: «кто пришелъ ночевать?» — Я, батюшка, твой сынъ дуракъ. «Ну, дуракъ, коли ты пришелъ, подарю тебѣ за то подарокъ.» Послѣ того старикъ свистнулъ-гаркнулъ богатырскимъ посвистомъ, молодецкимъ покрикомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, а изъ ноздрей пламя пышетъ; и какъ прибѣжалъ, то и сталъ передъ старикомъ какъ вкопаной. «Вотъ тебѣ конь, сказалъ отецъ, владѣй по смерть свою»; потомъ показалъ ему весь приборъ: копье, палицу боевую и мечъ кладенецъ, и какъ скоро пропѣли пѣтухи—свалился въ могилу. Поутру пошелъ дуракъ домой. «Что тебѣ привидѣлось ночью?» спрашивали его братья. — Ничего, отвѣчалъ онъ; я проспалъ до разсвѣта. На другую и на третію ночь опять ходилъ дуракъ на отцовскую могилу, и оба раза случилось тоже. Въ это время одинъ царь велѣлъ отвесть лобное мѣсто и на томъ мѣстѣ поставить двѣнадцать вѣнцовъ, и кликать кличъ: кто перескочитъ на конѣ всѣ двѣнадцать

[1]) По другому списку дуракъ получаетъ старыя онучи и лапти, беретъ краюшку хлѣба и отправляется на могилу. — [2]) Что колдуны по смерти могутъ вставать изъ могилъ—это повѣрье, общее многимъ народамъ.

вѣнцовъ, тотъ получитъ въ жены прекрасную царевну. [1]) Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные могучіе богатыри; поѣхали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня съ собою!» сказалъ Иванушка-дурачокъ. — Куда тебя дурака нелёгкая несётъ! закричали братья, оставайся дома да лежи на печи. Только они уѣхали, дуракъ слѣзъ съ печи, и говоритъ своимъ невѣсткамъ: «дайте мнѣ лукошко, я хоть въ лѣсъ пойду да грибовъ наберу.» Невѣстки дали ему лукошко; дуракъ пошелъ въ чистое поле, положилъ лукошко подъ кустикъ, а самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ покрикомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Прибѣжалъ конь и сталъ какъ вкопаной. Дуракъ въ одно ушко коню влѣзъ, напился тамъ, наѣлся, хорошенько нарядился, а въ другое вылѣзъ и сталъ такой молодѐцъ, чтò ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо къ городу; нагналъ своихъ братьевъ, поровнялся и началъ ихъ бить плетью, чтобъ посторонились и дали ему дорогу. И какъ пріѣхалъ къ лобному мѣсту, ударилъ коня по крутымъ бедрамъ. Его конь осержается, отъ земли отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и перепрыгнулъ шесть вѣнцовъ. Тутъ закричали: держи, держи! Но Иванушка поворотилъ назадъ, ускакалъ въ чистое поле, влѣзъ своему коню въ одно ушко, разрядился, вылѣзъ въ другое, и сталъ по прежнему дуракъ дуракомъ. Взялъ свое лукошко, пошелъ по лѣсу, набралъ мухоморовъ и всякихъ грибовъ, чтò никуды не годятся, и принесъ домой. Невѣстки разсердились. «Что ты, дуракъ! говорили онѣ; развѣ тебѣ одному ѣсть эти грибы!» А дуракъ

[1]) По другому списку: кто достанетъ до окна, у котораго сидитъ царевна, поцѣлуетъ ее и помѣняется съ нею перстнемъ, за того она выйдетъ замужъ; а высота покоевъ до окна была двѣнадцать вѣнцовъ.

сказалъ: «вотъ еще! поди, набери грибовъ, да и то не угодишь.» Воротились домой братья и стали разсказывать о молодцѣ, что нагналъ ихъ дорогою, да такой озорникъ—больно прибилъ за то, что они не посторонились. Дуракъ, сидя на печи, говорилъ: «полно, не я ли васъ билъ, братцы?» — Что ты врешь, дуракъ! закричали на него братья. Въ другой разъ Иванушка-дурачокъ перепрыгнулъ на своемъ конѣ десять вѣнцовъ, а въ третій разъ и всѣ двѣнадцать вѣнцовъ; царевна въ ту-жъ минуту влѣпила ему въ лобъ алмазную звѣзду, а сама закричала: держи, лови, лови его! Но дуракъ ускакалъ. Завязалъ себѣ голову тряпицею и засѣлъ на печи. Царь велѣлъ всѣмъ собираться къ себѣ на пиръ, и какъ собрались, стала царевна обносить всѣхъ напитками; подошла къ дураку и спросила: «что у тебя лобъ-то завязанъ?» — Ходилъ я, говоритъ дуракъ, въ лѣсъ за грибами, упалъ да зашибся. Царевна развязала тряпицу, и вдругъ освѣтилась вся палата. Дуракъ женился на царевнѣ. — Послѣ того услышалъ царь, что въ его заповѣдныхъ лугахъ бѣгаетъ олень золоторогой, и приказываетъ зятьямъ своимъ поймать его. Иванушка-дурачокъ взялъ вмѣсто добраго коня коростовую кобылу, сѣлъ на нее задомъ къ головѣ, а передомъ къ хвосту, взялся за хвостъ и поѣхалъ съ царскаго двора; выѣхалъ въ чистое поле, содралъ съ лошади кожу, повѣсилъ на шестъ, а самъ закричалъ: «сбѣгайтесь, сѣрые волки! слетайтесь, сороки, вороны! вотъ вамъ гостинецъ отъ царя.» Свистнулъ и призвалъ сивку-бурку; клалъ на коня сѣдельцо черкасское, двѣнадцать подпругъ шолку шемаханскаго: шолкъ не рвется, булатъ не трется, аравитское золото въ грязи не ржавѣетъ; поскакалъ, какъ птица, и добылъ оленя золоторогаго. Послѣ того добылъ дуракъ свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами, и вѣтку съ золотой сосны, что ростетъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ, а вѣтки на ней

серебреныя, и на тѣхъ вѣткахъ сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія; да подлѣ сосны стоятъ два колодца съ живою водою и мертвою. По другому списку, вмѣсто оленя добываетъ Иванушка-дурачокъ кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами, а вмѣсто вѣтки съ золотой сосны — яблонь съ золотыми и серебреными плодами и листьями, которая также ростетъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ заповѣдномъ лугу, и весь лугъ освѣщаетъ, какъ красное солнышко [1]).

О конѣ золотогривомъ, золотохвостомъ см. примѣчаніе къ № 25 настоящаго выпуска. Свинка-золотая щетинка принадлежитъ къ числу тѣхъ чудесныхъ животныхъ, которыя нѣкогда занимали видное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ, а съ распаденіемъ этихъ вѣрованій сдѣлались достояніемъ народной сказки. Въ скандинавской миѳологіи извѣстенъ златощетинистый вепрь Гуллинбурсти; у восточныхъ народовъ свинья принималась символомъ ночи и разрушенія: солнце, удаляющееся послѣ лѣтняго поворота на зиму, почиталось за побѣжденное свиноголовымъ Тифономъ (Deutsche Mythologie стр. 194—6; Edda, изд. Симрока, стр. 281; Норкъ: Andeutungen eines Systems der Mythologie etc., стр. 162, 190; моя статья въ Отеч. Запискахъ 1852 г., № 3, стр. 11. Между нашими поселянами есть повѣрье, что свинья прежде была создана не такою, что она имѣла щетины золотыя и серебреныя, но какъ-то упала въ грязь и съ той поры потеряла эту особенность.

---

[1]) Эта сказка была передѣлана г. Боданскимъ въ изданіи его «Наськы Украиньскы казкы, запорозьця Иська Матырынкы» (казка про дурня да ёго коня-срибна шерстынка, золота шерстынка). Въ сербской сказкѣ (стр. 110) упоминается о чорномъ ягнёнкѣ съ золотыми рогами.

29.

ЦАРЕВИЧЪ-КОЗЛЕНОЧЕКЪ.

См. варіантъ у г. Худякова, вып. 2, № 61. — Сказка эта основана на старинномъ вѣрованіи въ оборотничество, которому въ эпоху язычества придавалось весьма обширное значеніе. Колдунья наводитъ порчу на всѣ источники, и стóитъ только напиться изъ нихъ, какъ тотчасъ-же превратишься въ то или другое животное. Подобную сказку встрѣчаемъ у нѣмцевъ подъ заглавіемъ: «Brüderchen und Schwesterchen» (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 11). Злая мачиха-вѣдьма проклинаетъ въ лѣсу всѣ родники; братецъ напивается и оборачивается въ серну (Rehkälbchen). Сестрица заплакала, привязала его на поясокъ и пошла дальше въ лѣсъ; здѣсь она нашла маленькую пустую хижину и осталась въ ней жить вмѣстѣ съ братцемъ, питаясь ягодами, кореньями и орѣхами. Разъ охотился въ лѣсу король, онъ погнался за серною и набрёлъ на хижину, плѣнился красотою дѣвицы и женился на ней; серна жила вмѣстѣ съ ними, прыгала и рѣзвилась въ королевскомъ саду. Когда узнала о томъ мачиха, зависть и злоба растерзали ей сердце, и она задумала извести королеву. Въ то время, какъ королева заболѣла послѣ родовъ, явилась къ ней мачиха, увела ее въ баню и заперла тамъ въ сильномъ жару, чтобы она задохнулась; а вмѣсто настоящей королевы уложила въ постель свою одноглазую дочь. Въ полночь, когда все засыпало во дворцѣ, отворялась дверь въ дѣтскую и входила несчастная королева; она брала изъ колыбели своего малютку, кормила его грудью, цѣловала и укладывала въ постель; потомъ подходила къ углу, въ которомъ лежала серна, и глади-

ла ее по спинѣ! Три ночи приходила такъ въ дѣтскую королева и каждый разъ спрашивала:

Was macht mein Kind? was macht mein Reh?

Донесли о томъ королю; онъ услышалъ голосъ королевы. «Это моя милая жена!» сказалъ онъ, и въ ту-жъ минуту получила она, по милости божіей, снова жизнь. Дѣло объяснилось, и вѣдьма была сожжена, какъ и въ русской сказкѣ. Едва обратилась она въ пепелъ, какъ уничтожилось колдовство, и братецъ-серна получилъ свой человѣческой образъ. Сожженіе было обыкновенною карою вѣдьмъ; припомнимъ процессы о колдунахъ и колдуньяхъ, представляющіе любопытную, хотя и грустную страницу въ исторіи человѣчества. Сказки часто упоминаютъ о такомъ наказаніи вѣдьмъ (Kinder-und Hausmärchen, т. I, № 60 и др.). Въ другой нѣмецкой сказкѣ: «Das Lämmchen und Fischchen, (ibidem, т. II, № 141) разсказывается о томъ, какъ злая вѣдьма-мачиха превратила пасынка въ рыбку, а его сестру въ овечку. Разъ, когда у ней собрались гости, вѣдьма приказала повару зарѣзать овечку и приготовить къ столу. Поваръ начинаетъ точить ножъ, а овечка жалуется брату:

Ach, Brüderchen in tiefen See,
Wie thut mir doch mein Herz so weh!
Der Koch der wetzt das Messer,
Will mir mein Herz durchstechen.

Рыбка отвѣчаетъ:

Ach, Schwesterchen in der Höh,
Wie thut mir doch mein Herz so weh
In dieser tiefen See!

Поваръ былъ изумленъ, слыша эти жалобы; не захотѣлъ убивать овечку, и подалъ мачихѣ другое кушанье. Послѣ вѣщая жена (weise Frau) возвратила брату и сестрѣ ихъ человѣческіе образы и увела обоихъ въ лѣсъ, гдѣ они жили въ маленькомъ домикѣ въ довольствѣ и счастіи.

30.

ИВАНЪ ПÒПЯЛОВЪ.

Въ эту сказку внесены любопытныя миѳическія преданія. Здѣсь является змѣй (зооморѳическій образъ молніеносной тучи), въ головѣ котораго скрывается дневной свѣтъ (см. мою статью о зооморѳ. божествахъ у славянъ, въ Отеч. Запискахъ 1852 г., № 2 и 3); здѣсь является исполинская змѣиха, которая раззѣваетъ свою пасть отъ земли до неба; здѣсь разсказывается о разныхъ превращеніяхъ. Противъ всѣхъ этихъ чародѣйныхъ силъ выступаетъ богатырь и все побѣждаетъ крѣпостью своихъ мышцъ, смѣлостію и догадливостію. Интересенъ разсказъ о битвѣ богатыря съ двѣнадцатиголовымъ змѣемъ. Бились они, бились; змѣй потерялъ уже девять головъ и ослабѣлъ. Пролетаетъ надъ полемъ битвы воронъ и каркаетъ: «кровь! кровь!» — Лети къ моей женѣ, говоритъ ему змѣй; она заѣстъ Ивана Пòпялова. А богатырь говоритъ: «лети къ моимъ братьямъ; какъ убьемъ змѣя, тебѣ достанется его мясо!» Воронъ полетѣлъ къ братьямъ богатыря и сталъ каркать надъ ихъ головами. Братья послышали крикъ вòрона, пробудились и побѣжали на помощь Ивану Пòпялову. Воронъ—птица вѣщая, и съ карканьемъ его поселяне до сихъ поръ соединяютъ разныя примѣты (Отеч. Записки 1852 г., № 1, науки). Въ народныхъ сказкахъ воронъ играетъ видную роль; онъ приноситъ живую и мертвую воды и золотыя яблоки (см. лубочную сказку о жаръ-птицѣ; Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 17; Zeitschrift, т. I, выпускъ 3, стр. 314 и др.; Прибавл. къ Извѣст. Академ. наукъ по 2 отдѣленію, т. II, стр. 168).

31.

СКАЗКА О ЦАРЕВНѢ ВЪ ПОДЗЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Сказка начинается тѣмъ, что братъ хочетъ жениться на родной сестрѣ, и она, избѣгая такого преступнаго брака, проваливается въ подземное царство. Подобные разсказы находимъ въ изданіи: «Der Pentamerone» (ч. I, стр. 276), въ валахскихъ сказкахъ (№ 3) и въ сербскихъ приповѣткахъ (№ 28: «Царева kћи овца»); см. также вып. VI, № 18 и 28, b. Былъ мужъ и жена, разсказываетъ сербская сказка; у нихъ была дочь. Жена заболѣла и умерла; передъ самою смертію она подала мужу кольцо и просила, чтобъ онъ, если вздумаетъ вступить въ новой бракъ, женился бы на той, которой кольцо будетъ въ пору. Долго искалъ онъ невѣсты, но кольцо никому не приходилось въ пору; раздосадованный, онъ бросилъ его наземь. Дочь подняла брошенное кольцо и надѣла на палецъ. Какъ увидалъ это отецъ, тотчасъ задумалъ на ней жениться; но дочь, напуганная такимъ рѣшеніемъ, превратилась въ овцу.

Наивный разсказъ о томъ, какъ дѣвица, наряжаясь по временамъ въ великолѣпныя платья, является плѣнительною красавицею, а потомъ скрывается отъ любопытныхъ взоровъ въ простой истасканной одеждѣ, и узнается только по маленькому потерянному ею башмачку, этотъ разсказъ часто повторяется въ произведеніяхъ народной словесности. Нѣмецкая сказка «Aschenputtel» (т. I, № 21) сходна съ нашею, хотя въ началѣ ея и встрѣчаемъ нѣкоторыя особенности. Мачиха преслѣдуетъ свою падчерицу, но покойная родная ея мать и за гробомъ заботится о счастіи любимой дочери: она даритъ

ей серебреное и золотое платья. [1]) Падчерица, наряжаясь въ эти платья, нѣсколько разъ приходитъ на королевскіе праздники и плѣняетъ королевича. Влюбленный королевичъ хочетъ узнать, кто такая незнакомая красавица, которая появится на праздникъ и потомъ такъ скоро исчезнетъ? Онъ приказалъ разлить по лѣстницѣ смолу; когда незнакомка спѣшила уйдти съ праздника, одинъ башмачокъ ея прилипъ къ смолѣ и остался на лѣстницѣ; онъ былъ весь золотой и очень малъ. «Ни одна женщина не будетъ моею женою, сказалъ королевичъ, если этотъ башмачокъ не придется ей въ пору!»—и поѣхалъ искать свою суженую. Мачихины дочери обрадовались, потому что у нихъ были красивыя ноги; старшая пошла примѣривать башмачокъ, но онъ не входилъ ей на ногу. «Отрѣжь палецъ! сказала ей мать, подавая ножъ; когда сдѣлаешься королевною, не будетъ нужды ходить пѣшкомъ.» Та отрѣзала палецъ, надѣла башмакъ на ногу и вышла къ королевичу. Королевичъ взялъ ее, посадилъ на лошадь и поѣхалъ домой; но когда ѣхали мимо орѣшника, на вѣткѣ сидѣли два голубя и ворковали:

Rucke di guck, rucke di guck!
Blut ist im Schuck (Schuh),
Der Schuck ist zu klein,
Die rechte Braut sitzt noch daheim.

Королевичъ посмотрѣлъ на ногу дѣвицы и увидѣлъ, что изъ башмака капаетъ кровь; онъ поворотилъ коня назадъ, и сталъ искать настоящую невѣсту, которую наконецъ и нашелъ. Смотри также нѣмецкія сказки: «Allerleirauh», «Die wahre Braut», «Der Trommler» (въ сборн. братьевъ Гриммовъ, т. I, № 65; т. II, № 186, 193), валахскія—подъ № 3 и 4, и сербскую: «Пепелъуга» (№ 32).

---

[1]) Въ другихъ редакціяхъ упоминаются платья, блестящія какъ мѣсяцъ, солнце и свѣтлыя звѣзды.

Въ норвежской сказкѣ (ч. I, № 19) царевна, преслѣдуемая мачихою, уходитъ изъ дому, является въ одномъ королевскомъ замкѣ и нанимается въ служанки. Разъ давала она королевичу умываться; тотъ разсердился за что-то и прогналъ ее отъ себя. Царевна одѣлась въ блестящее подобно мѣди платье и пошла въ церковь; здѣсь увидѣлъ ее королевичъ, прельстился ея красотою, и не догадываясь, кто она такова, сталъ выспрашивать: откуда, изъ какой страны она пріѣхала? —Изъ Waschland'а. Въ другой разъ подавала она королевичу полотенце, а въ третій—гребенку, и по-прежнему съ оскорбленіемъ была имъ прогоняема. Послѣ того приходила она въ церковь въ платьяхъ, блистающихъ какъ чистое серебро и золото, и еще болѣе плѣнила королевича. Откуда эта незнакомка? допытывался онъ.—Изъ Handtuchland'а, отвѣчала царевна-служанка во второй разъ, а въ третій сказала: «изъ Kammland'а.» Сказавши эти слова, она вышла изъ церкви, но ступила ногою въ нарочно-разлитой дёготь и оставила въ немъ свой башмачокъ, по которому королевичъ нашелъ свою красавицу, и женился на ней. — См. примѣчаніе къ вып. VI, № 28.

ВОРОНА И РАКЪ. [1])

Летѣла ворона по-надъ моремъ, смотритъ — ракъ лѣзетъ; хапъ его! и понесла въ лѣсъ, чтобы, усѣвшись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, хорошенько закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ воронѣ: «эй, ворóно, ворóно! знавъ я

[1]) Въ дополненіе къ напечатаннымъ въ нашемъ изданіи сказкамъ, принадлежащимъ къ области животнаго эпоса, заимствуемъ эту народную басню изъ «Основы» 1861 г., октябрь, стр. 20.

твого батька и твою матирь—славни люди були!» — Угу! отвѣтила ворона, не раскрывая рта. «И братив и сестер твоих знав: що за добри люде!» — Угу! «Та вже хоч вони и гарни люде, а тоби не ривня. Мини здаетца, що-й на свити нема розумнийшого над тебе.»—Эге! крякнула ворона во весь ротъ и упустила рака въ море.